

1990

10

РОМАН-
АЗЕТА ДЛ
НОШЕСТВА

РОМАН-
АЗЕТА ДЛ
НОШЕСТВА

РОМАН-
АЗЕТА ДЛ
НОШЕСТВА

10.1990

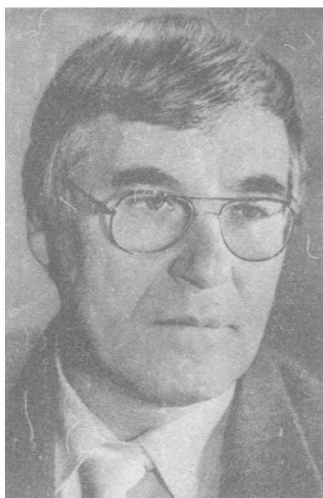
Приключения
и фантастика
«ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ»

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ПАВЛОВ родился в 1935 году в Бердянске. Школьные годы его прошли в Сочи, студенческие — в Москве. Учился в Московском инженерно-физическом институте и Красноярском институте цветных металлов. Профессионально литературной работой занимается с 1970 года, член Союза писателей СССР. В 1975 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького.

Читатели знают и ценят его научно-фантастические повести и романы: «Корона Солнца», «Ангелы моря», «Неуловимый прайд», «Акванавты», «Лунная радуга».

Две фантастико-приключенческие повести: «Аргус против Марса» и «Кентавр выпускает стрелу» — написаны в соавторстве с писателем Николаем Шагуриным.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МЕДВЕДЕВ родился в 1937 году в городе Красноярске в семье военного летчика. Работал грузчиком, трактористом, бетонщиком, затем поступил в военноморское училище, получил диплом инженера-механика. После демобилизации из рядов Советской Армии окончил Литературный институт имени М. Горького. Работал в журналах «Техника — молодежи», «Знамя», «Наш современник», в газете «Комсомольская правда», в издательстве «Молодая гвардия». Ныне заведует отделом прозы в журнале «Москва».

Сергей Павлов

« **ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ** »

Юрий Мегведев

**КУДА СПЕШИШЬ,
МУРАВЕЙ ?**

Виталий Пищенко

Михаил Шабалин

НЛО ИЗ ГРАЧЕВКИ

Ирина Стрелкова

**ОДНА ЛОШАДИНАЯ
СИЛА**

ББК 84Р7
П12

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Анатолий Алексин
Ирина Бахмутская
Валерий Ганичев
Александр Жуков
Альберт Лиханов
Юрий Лопусов
Александр Неверов
Сергей Рогожкин
Виктор Смирнов
Владимир Фронин
Леонид Ханбеков
Валентин Юркин

Художник А. Орлов

П $\frac{4702010201-451}{028(01)-90}$ без объявл.
ISBN 5-280-02212-8

© Состав, оформление.
«Роман-газета», 1990 г.

Сергей Павлов

«ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ»

Научно-фантастическая повесть

ГЛАВА 1

Приятный голос:

— Нет, я не спал. Томит меня предчувствие беды...
Оседланы ли кони?

Настороженное фыркание коней, звон сбруи. Менее приятный голос:

— Все сделано, как приказать изволили вы, сударь.

— Тогда в дорогу! Пусть звезды нам осветят ранний путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот. И вдруг, как выстрел:

— Не торопитесь, шевалье!

Голос нехороший, резкий. Перестук копыт и храп осаженного на скаку коня.

— Граф де Ботрю?!

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжим давешний приятный разговор.

— Мы будем продолжать на звонком языке клинков!

— Луна взошла — вот славно!..

— Я готов!

— Я тоже полон нетерпения.

— Граф, защищайтесь!

Зазвенела сталь. Глеб с трудом приоткрыл тяжелые веки, перевернулся на живот и выглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол и шляпу, теснил шевалье. Глеб посмотрел на часы — была половина третьего ночи условного времени околосолнечных станций. Шпага, выбитая из рук шевалье, натурально звеня, откатилась к журнальному столику. Глеб запустил подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла на рожках виофонора. Звук и запах исчезли.

Глеб уронил голову на упругое изголовье, отвернулся к стене.

— Вставайте, сир,— пробормотал, закрывая глаза,— вас ждут великие дела на чердаке Вселенной...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то имела большое значение. Но сейчас она уже никакого значения не имела. Он знал почему, но сразу припомнить не мог. И не старался. Он опять засыпал, а во сне меняется соразмерность вещей и понятий...

Он будто бы брел по гулкому лабиринту туннелей. И будто бы это не туннельные переходы станции «Зенит», прямые и светлые, а пыльные извилистые туннели из черного альфа-стекла, очень странные, с арочными сводами. И все-таки это «Зенит»...

Он брел в поисках выхода, сворачивая в боковые проходы направо, налево,— сумрачно вокруг и пусто... Выхода не было. Туннельные переходы уводили в глубь астероида дальше и дальше, кончилась гладкая черная облицовка, потянулись грубо обработанные стены в толще ожелезненных недр. Он понимал, что идет куда-то совсем не туда, что пора подниматься в диспетчерскую, однако выйти из бесконечного лабиринта туннелей не мог.

Наконец он входит в зарешеченный зал — какой-то очень знакомый зал, но безлюдный и темный — и узнает виварий. Не слышно обычных шороха, визга, возни, а в дальнем конце прохода между решетками ограждений смутно виднеются две мешковатые фигуры с большими круглыми головами. Кто здесь?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откинута вверх, из гермошлемов блестят настороженные глаза. Это Клаус и Поль — двое подопытных шимпанзе, те самые Клаус и Поль, которых вчера должны были транспозитировать на станцию «Дипстар», к орбите Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит странный квадратный предмет, и под этим предметом что-то раскачивается, щелкает, а на тонкой цепочке — фигурная гиря. И вдруг открывается маленький люк, и забавная птичка шипит и жалобно стонет: ку-ку, ку-ку... Великий космос, это часы!

Стрелки анаchronического механизма показывают время начала эксперимента. Пора... Ну-ка, ребята, марш в лифтовый тамбур, да поживее!

Клаус и Поль ковыляют, пытая от усердия. Часы Клаус тащит под мышкой, и гиря на длинной цепочке

волочится следом. Зачем тебе это, старик? Брось их!.. Клаусу жаль расставаться с часами, но ничего не поделаешь, надо оставить — приказано.

Втроем заходят в кабину лифта и долго падают вниз. Поль беспокойно ухает, вертится, строит гримасы. Клаус угрюм, но спокоен. Он стар, и у него необычные для шимпанзе глаза — редко можно увидеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе в упор, почесывая затянутой в перчатку лапой затылок шлема. Ну что здесь непонятного, старик? Вы отстали от графика ровно на двадцать четыре часа. На «Дипстаре», должно быть, сходят с ума от великого беспокойства, потеряны целые сутки, а ты и Поль даже еще не на старте.

Лифт тормозит. Свертывается гибкая дверь, обнажая стену из черного альфа-стекла. Участок стены уходит вниз, и открывается вход в святая святых «Зенита» — камеру гиперпространственной транспозиции. Клаус, обеспокоенно вытянул губы, смотрит в этот квадрат, подсвеченный изнутри голубоватым сиянием, Поль пятится и ворчит. Что же вы, ребята, оробели? Давайте, я закрою вам гермошлемы. Вот так... Марш в камеру!

Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый когертон — небольшое слабо вогнутое альфа-зеркало на тубусной подставке. Клаус медлит. Смелее, старик! Тебя нервнрует Поль, понимаю: ты привык стартовать в одиночку. Но ничего не поделаешь, надо вдвоем, так — условия эксперимента. Ты у нас ветеран, и кому же как не тебе... Ну вот и отлично. Будь умницей и будь здоров! Передавай привет ребятам с «Дипстара»!

Предупредительный гудок, броневая плита идет на подъем. Последний взгляд на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый из них на своем когертоне — порядок.

Ход перекрыт. За спиной метровая толща альфа-брони, а впереди, на расстоянии полушага... опустевший ствол лифтовой шахты. Трудно поверить, но факт: кабина лифта исчезла.

Очень мило, но что же делать в такой ситуации?

Где-то там, далеко в вышине, прозвучал вой сирены, и вдруг стало тихо. Ну-ну, не надо паники! Главное, устоять на ногах в момент ТР-запуска, иначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец. Спиной плотнее к стене, вот так... И думать о чем-нибудь постороннем.

Отзвенели стартовые сигналы. Мягкий толчок — и мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозиции, малая тяга. Ягодки впереди...

Толчок — искры из глаз! Окружающий мир, уродливо вытянутый по вертикалям, медленно поворачивается на тонкой оси... Со скрипом и гулом. Ужасно медленно и тяжело...

Вверху опять завывала сирена. Кажется, все обошлось, и можно поздравить себя: устоял! Мышцы тела свинцово наполнены нервной усталостью, но это уже не страшно — главное, устоял. Черная плита сдвигается с места и с мягким шорохом ускользает вниз, открывая квадратный зев прохода, и видно, как в голубоватом объеме этой потерны сгущается туманное облачко пара... И сразу — нехорошее предчувствие.

В камере тумана не было. Он успел осесть на стенах белыми искрами инея. А на полу, обрызганном заледеневшей кровью, лежит большой продолговатый сверток...

Поль? Или Клаус?.. Нехорошее что-то к горлу подкатывает. Да, это Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно исчез. Это старик не прошел. Его когертон возвышается одиноким зонтиком. А Клаус... лежит на полу. Вернее, то, что несколько минут назад было Клаусом. Сейчас это просто вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой наизнанку плотью. Монополярный выверт... Результат почему-то незавершенной транспозиции.

А тишина... Будто после оглушительного взрыва. И тишину неожиданно нарушают знакомые звуки: что-то шипит и щелкает. Птичка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда по краю когертона, жалобно стонет: ку-ку, ку-ку.

Вот тебе и ку-ку!

Высоко над головой — глянцево-черные арки эрмужителей, конечная ступень огромного технического комплекса. От верха до низа — шестнадцать этажей математически организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов, до свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит», — подумал Глеб. И вдруг отчаянно закричал, проклиная себя, «Зенит» и всю эту неудавшуюся затею с транспозицией.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб

лежал с открытыми глазами неподвижно. Потом по-
гнулся до боли в суставах, сел, зевая и потирая голые
плечи. «Опять не выспался...» — с тоской подумал он,
мрачно оглядывая кабинет времен французского аб-
солютизма. Немного бестактно — сидеть неглиже в при-
емной у кардинала, но Ришелье был явно не в духе,
Глеб — тоже, и обоим было наплевать на соблюдение
условностей. Глеб задел ногой о ребро брошенной с
вечера возле дивана кассеты, зашипел от боли и спрятал
ногу под себя. Настроение катастрофически падало. Со-
стояние духа, более созвучное ночному кошмару, про-
сто трудно было себе представить. И виноват в этом не
Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний экспери-
мент, который прошел без сучка и задоринки, если не
брать во внимание знаменитый, но никому не нужный
эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой, Глеб
вернулся в каюту. Людовик Справедливый, беззвучно
открывая рот, топал ногами в покоех своей августейшей
супруги. Санитарный шлюз был открыт, механические
мышы-уборщики разбегались под кружевными по-
долами фрейлин. Глеб покосился на пунцового от гнева
короля, оделся и вышел в туннель.

Ревнителы технической эстетики перемудрили, решив
использовать для облицовки круглого туннеля люмине-
сцентный пластик, и с тех пор туннель не туннель, а
светящийся призрак — дыра в ослепительно белом ту-
мане. Очень тихо, очень светло, прокладно и не очень
уютно.

Глеб постоял у дверей спортивного зала. «А ведь
отпрыгались...» — подумал он. И все великолепно по-
нимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще
не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая
новых пророчеств. А Калантаров смотрит в Простран-
ство и понимает, что оно оказалось позабористей на-
ших сверхгениальных идей. Или не понимает?..

Наверху зашелестел вентилятор. Глеб зябко поежил-
ся и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот
так — вдоль туннеля. Условное начало условного дня,
который, строго говоря, не день, а сплошной кругло-
суточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой
жизнью астероидального троглодита, по примеру За-
харова и Халифмана возвращаться на Землю, менять
профессию, пока не поздно. Как бы это поделикатнее
объяснить Калантарову?..

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгая через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Шеф повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает руки и говорит на прощание что-то трогательно-благородное, отчего глаза у шефа становятся влажными.

— Они безутешно и долго рыдают друг у друга в объятиях, — вслух подытожил Глеб. Для полноты ощущений добавил: — И шумно сморкаются.

Глеб с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но вспомнив о чем-то, вернулся. Он вспомнил, что сегодня ему нужен клайпер.

ГЛАВА 2

Колю Сытина разбудила муха. Огромная, нахальная, она жужжала над самым ухом, и Коля уже приготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразил, что это зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правильно: на часовом табло светилась четверка с точкой и двумя нулями. Четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не унимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спину, прошелся пальцами по стене в поисках контактной кнопки. Кнопку он не нашел, потому что кнопка была у изголовья, а изголовье теперь было там, где ноги, — значит, нужно искать ее голой пяткой. Зуммер умолк. Раздался щелчок, и тонфоны спросили голосом Фишера:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать, — бодро откликнулся Коля. — Я вставать и одна минута бежать вам на помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля. И обязательно пить молоко.

— Я помню: питание прежде всего, Ульрих Иоганович. Вы где находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — виварий. Потом — скафандровый отсек.

— Ясно. Буду через полчаса.

Взбрыкнув ногами, Коля скатился на пол и несколько раз отжался на руках. Постоял на голове, раздумывая, не пойти ли в спортзал попрыгать на батуте. Времени, жаль, маловато... Стоп! Надо же, чуть не забыл!..

Коля медленно перевернулся, подошел к дивану, склонился над изголовьем. Снежно-белая простыня, точно так же, как и вчера утром, была припорошена угольно-черной пылью.

— Елки-финики... — пробормотал он, удрученный открытием.

Беспокоила Колю, однако, вовсе не черная пыль: он уже знал, что она собой представляет. Беспокоила полнейшая необъяснимость ее ночного появления на простынях...

Впервые он обнаружил ее вчера утром. Недоуменно моргая, он смотрел на подушку, основательно припорошенную каким-то темным веществом. Центр подушки — там, где ночью покоилась Колина голова, был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставился в потолок. Ничего подозрительного — гладкая светло-кремовая облицовка, ни единого темного пятнышка. Коля вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой. Он сразу вспомнил, как однажды, месяца два назад, проснувшись после ночного дежурства, он с величайшим изумлением обнаружил, что подушка и простыни пропитаны кровью. Никаких сомнений относительно того, что это была настоящая кровь, у него, студента Института экспериментальной биологии, не возникло ни на одну секунду. Помнится, он так же оторопело разглядывал в зеркале свою окровавленную физиономию — страшноватое зрелище! — и терялся в догадках. Наконец, решив, что это его собственная кровь — ну, скажем, во время сна лопнул в носоглоточной полости какой-нибудь кровеносный сосудик, — он старательно уничтожил все следы этого неприятного происшествия, чтобы не давать повода буквоедам из медицинского сектора станции поговорить о «хлипком здоровье современной студенческой молодежи, которую тем не менее Земля почему-то считает возможным посылать в космос на стажировку». Однако личные неприятности сразу забылись, как только Коля узнал от Ульриха Иогановича, что в этот день с их любимцем шимпанзе Эльцебаром случилось непоправимое несчастье. У ТР-физиков что-то там не сработало, и в результате беднягу Эльцебара вывернуло наизнанку... На языке ТР-физиков это называется «монопольным вывертом».

Они оправдывались тем, что Эльцебар-де «в момент транспозиции спрыгнул вдруг с когертона».

Иоганыч был безутешен, и Коля, сам опечаленный, до предела, очень ему сочувствовал.

И вот теперь эта проклятая пыль...

Коля вчера догадался осторожно собрать и отнести черную пыль на анализ. Оказалось, что ничего особенного она собой не представляет: просто микроосколки альфа-стекла. Но объяснить появление альфа-стеклянной пыли на подушке никто не отважился или не пожелал. На этой станции всем всегда некогда. Только у дядюшки Ульриха случалось время подолгу беседовать с молодым помощником о вещах и очень серьезных, и не очень. Но Ульрих Иоганович был специалист по приматам, и «пыльные» вопросы, к сожалению, находились за пределами его компетенции. Коля проявил упрямство, и, засев в кафетерии, пил молоко до тех пор, пока не выследил одного из здешних ТР-физиков — Глеба Константиновича Неделина. Глеб Константинович с видимым отвращением цедил черный кофе чашку за чашкой, и было непонятно, слушает он Колю или нет. Потом он пристально посмотрел куда-то мимо Колиных любознательных глаз и посоветовал ему брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он растроганно назвал собеседника «букварем» и, страшно вращая зеленоватыми глазами, сказал, что гиперпространство — это дерьмо, станция — для дураков, эрпозитация к звездам — дохлый номер, и что дальнейшее здесь свое пребывание считает стопроцентным кретинизмом. Коля ушел от него на нетвердых ногах, ощущая легкое потрясение.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал, но с альфа-пылью надо было что-то делать.

Что именно, он придумал не сразу. Первым его побуждением было: выпросить у механиков электродрель и с ее помощью перемонтировать крепления для дивана подальше от неприятного места. Однако он тут же вспомнил о добром десятке дистанционных переключателей, вмонтированных в изголовье, которые связаны кабелем с общей линией электрокоммуникаций... Тогда он просто-напросто решил лечь спать наоборот — к изголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щиколоток до колен. Для него начиналась пора невольного экспериментирования по принципу «хочешь не хочешь». Все было бы ничего и даже интересно, если бы не тревожное беспокойство от смутной догадки, что он случайно обнаружил нечто

такое, чего пока никто на «Зените» не знает и знать не желает...

Чтобы отделаться от этих размышлений, возымевших над ним странную власть, Коля издал жизнерадостный крик гibbonа, попрыгал на одной ноге и бросился в душевую.

Он вернулся в каюту мокроволосый, продрогший, мельком взглянул на часы, надел брюки и пулей вылетел в туннель, натягивая куртку на ходу.

В такой ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом и молоком, смахнул посуду в приемный лючок автомойки, выскользнул в дверь. Стремительно вернулся, подбежал к автоматическому бару, настучал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет, рассовал все это по карманам и теперь уже уверенно помчался в лифтовый тамбур.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Шеф рассказал, что раньше специального помещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Да и сама станция, пока проводились начальные эксперименты над объектами неживой материи, мало походила на теперешнюю. Но позже, когда физикам удалось проникнуть в самую суть транспозиции предметов через гиперпространство, «Зенит» основательно модернизировали. Но и тогда вивария еще не было: несколько десятков белых мышей и морских свинок находились в четырех стеклянных ящиках в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ТР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозиции высших приматов, выяснилось, что напряженности естественного поля не хватает. Пришлось в срочном порядке строить установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что заодно уже решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько это можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, сложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, межэтажные

эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от лязгающих механизмов причальных площадок вакуум-створа; гравитронная установка, напротив, работала бесшумно. С другой стороны, «бракованный» зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала стабильность взаимодействий полей тяготения. Она, эта полость, по авторитетному мнению гравитроников, представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо было бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем лучше. Гравитационное своеобразие «ниши» обитатели вивария ощущали на себе; во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами. После этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем остальном виварий — в его теперешнем виде — вполне оправдывал свое назначение. Это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, которым время от времени предоставлялось почетное право пройти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория нового эксперимента окажется вдруг недостаточно отработанной...

Коля бесшумно, как тень, скользнул вдоль решетчатых ограждений. Нужно было соблюдать тишину, для обитателей вивария ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много — пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам — у молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало

и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в стороны огромные плиты подвижных стен и обнажая при этом странные ребристые аппараты. И если в такой момент дверь вивария по чьей-нибудь небрежности оказывалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца, — поясняли они недоумевающим биологам. — Обезьянами пахнет». — «Ну и что? — парировал Коля. — Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежным Колиным: «А что это?» или «А на каком принципе это работает?»

Ворвался он в скафандровый отсек за полсекунды до половины пятого и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей натуры: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял, улыбаясь одними глазами, дядюшка Ульрих.

Впрочем, это был уже не дядюшка Ульрих. В рабочее время этот седоволосый, но очень подтянутый, строгий на вид человек был шефом. Заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин, а проще — коллега, торопливо меняет свою голубую куртку зенитовца на профессиональное одеяние — белый халат. Сей ритуал был завершен, и только тогда шеф счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега, — сказал шеф. — Мне интересно узнать ваше самочувствие.

— Спасибо — солидно ответил коллега. — Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готов?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест: — Торопитесь входить. Сегодня вы совершать очень трудный работа.

Вслед за шефом Коля переступил невысокий комингс отсека, и белая стена неслышно съела проем за их спинами.

Шеф деловито осмотрел рабочее место и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал неуверенность. На поворотном круге станкорамы, удобно повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежал молодой горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий, упитанный малый с мощными лапами, ростом на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный шефом, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побаивался, потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал шеф, действительно не из легких. Напаять на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам — очень не просто.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надутьного белья.

Надевать это белье Буту отказывался наотрез. Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, угрожающе выгибались. Станкорاما ходила ходуном, скрипела, однако бурный натиск гориллы выдержала. Скоро Буту устал и теперь сопротивлялся меньше. Шеф и помощник, манипулируя захватами, поворачивая и наклоняя станок, быстро делали свое дело.

В белье Буту стал неприятно похож на человека. А когда его зашнуровали в противодекопрессионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не поплатился за это укусом в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— С-скотина... — тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! — сказал шеф. — Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг,

наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился. Шеф кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экранах заплясали кривые — осциллограммное эхо работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина,— скомандовал шеф.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения,— бесстрастным голосом доложил помощник.— Бэта-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудности... Периодичность кардиального цикла несколько сокращена по времени. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и небольшой испуг.

Шеф одобрительно кивал.

— Гут,— сказал он.— Прошу нести скафандр.

ГЛАВА 3

Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательно, чем экипировались древнеегипетские фараоны для перехода в мир иной. Строптивного ТР-перелетчика освободили от захватов станкорамы и заботливо препроводили в мягкое кресло со спинкой управляемого наклона.

Фишер еще раз лично проверил скафандровые системы жизнеобеспечения.

— Все есть полный порядок! — сказал он.— Вы, коллега, ждать сигнал и проводить Буту в камера. Ауфвидерзеен! Я иметь работа в виварий.

Шеф опустил в карман Колиного халата небольшую плоскую коробочку, многозначительно погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеной. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой панельке этого миниатюрного прибора была одна-единственная кнопка. Коля вздохнул, захлопнул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазами из глубины своего шлема. «Шалишь,— подумал Коля.— Будешь рыпаться, нажму на кнопочку и — ауфвидерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то

спокойнее. В случае чего — шелк, и пальцем в кнопку; дистанционный выключатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту, и горилла получит приличную дозу вещества, парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Шеф как-то умел ладить с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются и гиббоны слушаются, о шимпанзе тоже ничего плохого не скажешь. А вот гориллы и орангутаны — нет... «Это потому, что у меня молодое лицо, — печально подумал Коля. Крупные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые гомо сапиенс тоже».

Наверху завывала сирена, — приглушенный расстоянием, вой проникал сюда через ствол лифтовой шахты. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него. Как ни надежны крепкие замки, которыми этот «парень» пристегнут к спинке и подлокотникам кресла, упускать гориллу из поля зрения не стоит... Ох, и долго же тянется время, когда ожидаешь сигнал из диспетчерской!

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. «Странно, — подумал он. — Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют. Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...»

Стоп! Коля звонко шлепнул ладонью по лбу. Вот она, черная пыль!..

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хоть ты и высший примат, но дубина редкостная! Что, не согласен?

Буту глухо заворчал под маской.

— Плевать я хотел на твои угрозы, — сообщил ему Коля.

Буту успокоился.

— То-то же!.. Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла...

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдалось. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но, поскольку ТР-установка

работала на малой тяге редко — только сопровождая настоящий ТР-запуск, — пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

Коля поднял палец и сделал многозначительную паузу. Буту настороженно молчал.

— Второй вариант объяснения предпочтительнее, — пояснил Коля и спрятал палец в кулак. — Потому что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли, с другой. Такую любопытную связь заметил (и то совершенно случайно) только один человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому что я и сам пока ничего не пойму...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпространстве дыру. Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того чтобы кто-нибудь (Буту, например) или что-нибудь вообще могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «большая тяга». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не может сдвинуться с места. А вот черная пыль, оказывается, может... Иначе никак не объяснишь ее появление в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от эритронной шахты, от камеры транспозиции. То есть слишком далеко от устройств, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях, в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал. Неумное, жгучее любопытство.

«Это что же получается? — думал он. — Получается, что на малой тяге возникает не только главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана, — но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..»

— Чушь, — пробормотал Коля. — Или не чушь?

Внезапно Буту задержался: очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: чтоб тебя монополярно вывернуло!.. И, устыдившись, подумал: ничего, пройдет как по маслу. Гориллам везет в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно. Это шимпанзину

племени не везет: слишком часто гибнут во время экспериментов. Правда, за последние два месяца только один Эльцебар...

Коля вдруг попятился и с маху сел на жесткий металлический табурет. Ошалело поворачивал глазами. Эльцебар... Монополярный выверт... Залитые кровью изголовье, подушка, лицо... Но как это раньше не пришло ему в голову!

Сорвавшись с табурета, он стремительно забегал по отсеку. Ну разумеется. Это была кровь Эльцебара!..

Однако все это срочно необходимо выложить ТР-физикам. Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно, поверят не сразу. Смеяться будут. Впрочем, им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все понимает, вроде Ульриха Иогановича. Может быть, туннельчик этот — какая-нибудь опасная пакость. Может, именно из-за него погиб Эльцебар!..

Коля подбежал к Буту, быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал его на руку и тихо, но властно скомандовал:

— Встать, Буту, встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения. Ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свертываясь в рулон, уползла кверху гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена по полам вертикальной решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий, поковылял в правое отделение. Коля шагнул в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту,— сказал Коля сквозь ограждение.— И совсем не дурак. Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Коля знал, что самое главное на «чердаке» — это, конечно, диспетчерская. Более того, кроме диспетчер-

ской и шаровидной комнаточки информатория, здесь не было ничего похожего на остальные помещения станции, щедро нашпигованные различным оборудованием и автоматикой. В этом смысле здесь было пусто и голо, но Коле это почему-то нравилось.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения айсбергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Вряд ли это было сделано специально, в угоду эстетствующему снобизму. Наверное, просто так получилось. Наверное, после капитальной переделки станции, когда все бытовые и технические службы переместились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений, и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль декоративных полостей.

Вместо однообразных прямоугольных стен, под огненными ножами камнерезов, стала вдруг возникать музыкально-плавная асимметрия абстрактных форм. Тяжелые объемы утесов, изящные гроты, облицованные сахарно-белой самосветящейся стекломассой, стали казаться хрупкими и холодными. Ошеломительно глубокими стали казаться полы, покрытые глянцево-черным стеклом (не альфа-защитным, а самым обычным стеклом, только угольно-черного цвета). И все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и, вопреки логике, плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтическая деталь пейзажа представляла собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне шар диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской едва угадывался вообще.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо к входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул включатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резво проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что

неприятные ощущения, которым его подвергают во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Натягивая поводковый леер, Буту весьма целеустремленно ковылял вдоль туннеля: он хорошо помнил место, где находился тот самый, заветный люк...

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все это начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокойствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сегодняшним экспериментом. «Елки-финики,— подумал Коля.— Куда же мне теперь с этим голодным пугалом?..»

Голодное пугало присело отдохнуть. Угрожающим рычанием оно дало понять, что увести его от заветного люка дальше, чем оно это уже позволило, будет не так просто. Ну и пусть посидит, решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия (хотя отлично сознавал, что это бессмысленно) и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий. Благо вход уже близко — рукой подать.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно: какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед собой голубые глаза, обведенные черными стрелами длинных ресниц. Глаза представились:

— Дежурная Квета Брайнова.

— Это диспетчерская? — не сразу поверил Коля.

— Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет... — растерянно ответили глаза, и по их выражению Коля понял, что они говорят святую правду. — А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно, — сказал Коля, ощущая, как ему становится нехорошо. — Я привел сюда гориллу для эксперимента. — С отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет-нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля увидел озабоченное девичье лицо. — Я верю вам. А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик, — печально пояснил Коля. — Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Красивое имя. Квета... Если перевести на русский — Цветочек, верно? Так вот, главный вопрос, который меня очень интересует, уважаемая Квета-Цветочек, это вопрос: что делать с гориллой? И второй вопрос... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для ампула ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела на «Мираже» прошлым рейсом, — ответила Квета. — Работаю здесь уже четыре дня и, как вы только что выразились, именно в ампула ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы, — сухо поправил Коля. — Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

Квета забавно вытянула губы и широко открыла глаза. Поморгала. Спросила:

— А разве вам не сообщили?..

— Что именно?

— Эксперимент триста девятый «Сатурн» эпсилон-шесть отменяется.

— Так... — сказал Коля. — Эпсилон-шесть... Между

прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже, чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю,— смутилась Квета, и даже на экране стало видно, как она покраснела.— Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я...

— ...Больше не буду,— подсказал Коля.

— Минуточку!..— вдруг насторожилась Квета и повернула лицо к собеседнику в профиль. Коле профиль понравился.

— Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывающая выход, оставалась недвижимой.

— Я отключила сирену,— сказала Квета, опять заполнив весь экран голубым и рыжим сиянием.— А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо,— пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются,— сообщил он.— И в такие минуты бывают опасны. Кстати, ваша дверь тоже на автоматическом замке?.. Ну тогда ладно.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык,— сказал он. А про себя пожелал Буту провалиться в тартарары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал осязаемый, но мягкий толчок.— Все, можете выходить.

— До свидания,— сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было.

Коля отвязал леер от вентиляционной решетки, машинально собрал его кольцами, как собирают лассо. Леер обрывался странно размочаленным концом... У Коли задрожали руки.

— Мер-р-рзавец! — простонал он и бросился вдоль туннеля.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью ветра и, поравнявшись с входом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета... — тихо сказал он, громко дыша. — Мой подопечный... случайно к вам... не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть, горилла? Нет, я здесь, по моему, одна... Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините...

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он чуть не плача. — Сбежал подопытный примат по кличке Буту. При обнаружении примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Один за другим вспыхивали экраны.

— Эй, там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас. — Срочно спускайтесь в вакуум-створ! Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля. — Задержите его до моего прихода!

— Задержи свою бабушку, — посоветовал бас. — А еще лучше — спускайся сюда и сам его тут задерживай. Безобразия! У меня «Мираж» на подходе, а людей — никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну немедленно! Слышите, вы?! Немедленно!

Ошалело натыкаясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техников вакуум-створа. Это был Карлсон, но Коля его не сразу узнал: правый глаз техника чудовищно вспух и явственно наливался радужным цветом, комбинезон порван, а из прорехи свисал подол оранжевой рубахи. Судя по всему, Карлсон побывал в серьезной переделке и успел потерпеть поражение.

— Он уже там, — сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз. — Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля. И помчался в указанном направлении.

Карлсон заправил рубаху и, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он. — Теперь сюда!

Коля нырнул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом — направо, — штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот, — где именно, мешали понять горы ящиков и раскатистое эхо зала. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные банки. Преодолевая россыпь, Коля увидел чей-то кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не наступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не наскочил на стоящего за углом человека. Задрав подбородок кверху, человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбенел. Раненый обернулся и с интересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?.. — Человек испуганно взглянул на свои окровавленные руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Варенье. — Почмокал губами, добавил: — Вишневое. Добрался-таки, лиходея, до кондитерского запаса! Сейчас он там дров наломает.

Сверху посыпались банки.

— А ну-ка, — сказал Коля, — помогите мне взобраться на штабель.

Буту сидел на соседнем штабеле и взламывал ящики. Шлема на нем уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубки воздухопровода. Буту дробил ящики, выхватывал из кучи банок одну или две и, надкусывая с краю, бросал. Очевидно, он искал свое любимое лакомство — ананасный компот. И очевидно, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздраженно оглядывался, время от времени грозно рычал и швырял банки, а то и ящики целиком, в узкие щели проходов.

Коля оценил обстановку, распростился с надеждой на ампулу безопасности. Оставалось надеяться только на «профессиональный навык», которым он хвастался перед Кветой.

— Буту, спокойно! — крикнул он. — Сидеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах, так! — сказал Коля и приготовился прыгнуть через проход.

Рев гориллы потряс стены зала. Коля решил от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно выработать более разумный план действий, но ничего дельного в голову просто не приходило... И вдруг за его спиной что-то обрушилось: на штабель влезли Карлсон и знакомый уже человек, облитый вишневым вареньем. На дальних штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот!..— сказал Карлсон, снимая с плеча волейбольную сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, он теперь не один — ребята помогут. В опасной близости от его головы прожужжал ящик. Мелькнула мысль: точно из катапульты... Коля разбежался и прыгнул. Следом разбежался и прыгнул Карлсон.

В воздухе засверкали банки. Одна из них угодила Карлсону в живот. Карлсон охнул и сел. «Ему сегодня не везет»,— подумал Коля. И еще зачем-то подумал, что в этой банке, наверное, сливовый джем... Он размахнулся и бросил сетку на разъяренную гориллу. От сетки полетели клочья, но лапы Буту были заняты, и летающих ящиков можно было временно не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!», и мгновенно образовалась куча мала.

— Трос! — закричал Коля.— Нужен эластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Внезапно угол штабеля у него под ногами тронулся с места. Коля упал и повис над ущельем прохода, напрасно пытаясь удержаться за расползающиеся ящики.

Последнее, что он увидел перед тем, как угол обрушился, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая руками. Коля успел подумать, что это, наверное, шеф.

Угол обрушился.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужно,— мягко остановил его женский голос.— Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился голос мужской.— Ну-ка, покажите мне героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увидел над собой знакомое лицо хирурга станции Пшехальского.

— Ян Казимирович,— сказал Коля.— Чувствую

себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну, сами понимаете.

Пешехальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда моего шефа. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное... Ну, пожалуйста!

— Только недолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Вместо тела ощущалась какая-то гулкая туго скрученная неопределенность... Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо шефа.

— Ульрих Иоганович... — Коля мужественно улыбнулся. — Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У шефа дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред, — сказал Коля. — Буту не сбежал в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге. Не забудете? — Коля облизал пересохшие губы. — И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут, — сказал шеф. — Вы скорей выздоравливать!..

— Достаточно, — сказала Франсуаза. — Больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом. — Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините, — мягко остановила его Франсуаза, — Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, что у него начинается бред.

— О, да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправите его этот рейс на «Мираж»? — Фишер просительно заглянул в темные и круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До свидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную гориллой руку и побрел в лифтовый тамбур. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

ГЛАВА 4

В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синевато светились круглые окна экранов, вспыхивали и угасали табло. Стен в зале не было: вместо них вплотную друг к другу стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Приборы даже на потолке. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от времени забавно клацал телескопический подъемник, а на конце стрелы ходила вдоль нижнего яруса кабина для операторов — прямоугольная площадка с пультами посередине, огражденная низкими бортами. За пультом, сгорбившись, сидел Ильмар — на бритой голове наушники — и что-то жевал, не отрывая лица от нарамника экспонира.

Глеб сбегал по трапу на нижний причал и оглушительно свистнул. Ильмар сбросил наушники, повертел головой. Глеб свистнул еще раз. Деловито клацнув, подъемник развернул стрелу и поднял кабину к причальному борту.

Ильмар рассеянно поздоровался, подождал, пока гость устроится в кресле напротив. Потом выложил перед ним на пульт бутерброд в целлофане, показал глазами на кофейник. Бж-ж-ж-ж, клац-клац... — кабина плавно поехала к нижнему ярусу.

— Томит меня предчувствие еды. — Глеб сорвал с бутерброда обертку. Громко спросил: — Как дела?

— А? — Ильмар приподнял чашечки наушников.

— Меня интригует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должно было стрястись, когда вы устроили нам гравифлаттер. Стряслись пластины дозаторов активной эпиплазмы.

Глеб сочувственно поцокал языком и откусил от бутерброда. Бутерброд был с сыром.

— Один гравитрон закашлялся насмерть, — сообщил Ильмар. — Два других на пределе. А гравитронов, да будет тебе известно, всего двенадцать. Это я так тебе говорю... между прочим.

«Мне все известно, — подумал Глеб. — Между прочим, известно и то, что нам достаточно четырех. Для

ТР-перелета в пределах орбиты Сатурна двенадцать совсем не нужны — в конце концов, достаточно трех, если точнее посчитать напряженность эр-поля. А для перелета даже к ближайшей Центавра нам не хватит и трех на десять в двенадцатой степени».

Кабина остановилась. Ильмар снял наушники, ткнул пальцем в желтую кнопку на пульте и посмотрел вниз.

Глеб тоже посмотрел. Где-то там лязгнул металл, но сначала ничего не было видно. Потом в глубине открывшейся шахты вспыхнул синий огонь и осветил звездообразный торец гравитрона.

— Я так и думал,— пробормотал Ильмар.— Из новых...

— Из тех, что прибыли на «Мираже»?

— Те, что прибыли на «Мираже»? — энзэ. Вашему брату ведь ничего не стоит устроить еще один флаттер, верно?

«Нашей сестре,— мысленно поправил Глеб.— Вчера на калькуляторе работала Квета. По этой причине нужно менять тромб-головку в блоке локального счета. Сменить, конечно, недолго, но вот когда на калькуляторе работал Захаров...» Глеб вздохнул.

— Нам бы ваши проблемы,— сказал он, покачивая в руке пустой кофейник.— Кстати, ты не забыл записать, сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

Ильмар пошарил у себя в нагрудных карманах, затем в боковых. С озабоченным видом стал ощупывать брюки,— казалось, его костюм состоял из одних карманов. Наконец в руке гравитроника блеснула небольшая плоская кассета.

— Вот,— сказал Ильмар.— Точность подсчета плюс-минус ноль пять килограмма. Но это вряд ли вам пригодится.

— Почему?

— Связисты мне говорили, что сегодня «Мираж» покинул Меркурий и придет на «Зенит» часа через два.

— Ясно,— сказал Глеб. Повертел кассету между пальцами и отдал Ильмару.

— Ну, хорошо,— сказал Ильмар.— Как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь успеть подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет избавиться нам от гравифлаттера?

— Может быть,— не совсем уверенно ответил

Глеб.— Спасибо. Ну я пойду... Еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну чего ты на меня уставился?

— Ничего...— Ильмар вздохнул.— Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Помрачневший Глеб перекинул ремень от футляра через плечо.

— Сядь,— сказал Ильмар.— У нас на «Зените» очень глубокие залы. И самый глубокий из них именно этот.

Бж-ж-ж-ж...— кабина поехала к трапу,— клац-клац...— Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на чердаке? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время хоронить красивую мечту. Но почему-то шеф оттягивает похороны... А так — все нормально.

— Все нормально! — зло удивился Ильмар.— Эх, вы!.. А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта и мечта всех, кто работает на «Зените». Мечта всего человечества. Слышите, вы!.. Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр,— напомнил Глеб.— Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком это смысле?

— В физическом.

— Ну, сыр как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр, а результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь не хочешь — придется это переварить. И тебе, заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по ступенькам.

*

Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». «Хороший был карандаш», — подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро, — вежливо сказала Квета.

— Салют, — буркнул Глеб не особенно вежливо.

Поставил клайпер у ног, подозрительным взглядом окинул каре приборных панелей. Посвистел. Зеленые глаза, казалось, очень внимательно осматривали все вокруг — но только то, что находилось за пределами какого-то магического круга, центром которого Квета чувствовала себя, испытывая при этом странное неудобство.

— Вы рано сегодня, — сказал он. — Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват... — Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета. — Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу!

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покосилась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

«Девочка, — подумал Глеб. — Восторженный птенец». Глеб с лязгом и грохотом убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...

Глеб настроил клайперный шуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер тонко завыл.

...А на Земле ей будет казаться, что отпуск тянется подозрительно долго. Сначала она будет как-то сопротивляться этому своему ощущению. Но в один из безоблачных полдней, устав разглядывать солнечный диск через очки-светофильтры, она заявится в бюро меркурианской связи в курточке с эмблемой «Зенита» на рукаве и потребует тридцать служебных секунд межпланетки. И ей дадут эти тридцать секунд. Не потому, что обязаны, а потому, что привыкли оказывать знаки внимания тем, кто с «Зенита». «Мне нужно, — скажет она в микрофоны очень взволнованно, — просто необхо-

димо вернуться досрочно. Я вас прошу!..» Через шесть с половиной минут поступит ответ. Шеф, как всегда, будет краток: «Да, разрешаю», и безразлично добавит для буквоедов из службы Учетного Контроля: «В связи с необходимостью». Невероятно скучный перелет Земли — Меркурий, Меркурий — «Зенит», и вот она является на астероид с большим букетом сирени, счастливая, что наконец вернулась. Вернулась на круги своя... Четыре пульта вокруг квадратной ямы, однообразие экспериментов, тоска по далекой Земле, слезы в подушку, огромный шар пылающего Солнца...

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро сунул руку в недра пульта, нашарил нужный ряд тромб-головок. Квета, следившая за развитием ремонтных операций, вдруг спросила:

— Вы знаете, кто будет третий?

— Третий будет лишний,— рассеянно ответил Глеб. Он выдернул испорченную тромб-головку из гнезда, зачем-то потер о рукав и посмотрел прозрачную колбу на свет.— Хотите, я почитаю вам старых поэтов?

— Нет, я серьезно...— девушка зарделась от смущения.

— Третий будет Ваал. Четвертый, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова. Что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко,— терпеливо пояснил Глеб,— Сокращенно — Ваал. Верно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро,— поздоровалась Квета.

— Утро!..— Глеб обхватил колени и поднял глаза к потолку.— Пещера, туманное утро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «доброе утро», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники,— сказал Валерий.— Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут.— Глеб выключил клайпер.— Если шеф задержит мне отпуск еще на неделю.

Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие

глаза. Через час подойдет «Мираж», шеф не спеша направится к этому пульта и самолично запустит меня в гиперпространство... Я пришел вам сказать: «До свидания».

— Я не буду делать большие глаза,— возразил Глеб.— Я буду делать большой и, по возможности, громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Настолько бесперспективные, что даже молодые дерзкие энтузиасты науки вроде меня после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет?.. Ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой — на орбите Сатурна, где плавает станция с пышным и глупым названием «Дипстар». Вот, кажется, и все, с чем нас можно поздравить.— Носком ботинка Глеб отшвырнул тромб-головку к стене.

— Насчет трубы я уже слышал,— напомнил Валерий.

— Слышал звон...

— Вот именно.

Валерий сел в кресло и повращался на винтовом сиденье. Похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар» через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке восторга. Эн минус два года назад мы передали собаку, макаку и трех шимпанзе. Потом человека...

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне удар. Удар пришелся по шее.

— Прости, немного не рассчитал.

— Я не злопамятный.

— Но больше всех тогда, по-моему, досталось шефу, его закачали. Качали меня и тебя. Качали всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали еще пяти-рых.

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет,— сказал Глеб.— Просто из наших буйных

голов улетучились флюиды восторга. Наступила пора двоевластия. С одной стороны, успехи ТР-передачи и комплекс идей Калантарова — наших идей! С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жуткая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Прямой и точный...

— Прямо в солнечное сплетение нашим замыслам... А Земля ликует вовсю. Ей пока нет никакого дела до Топаллера и его теоремы. «На пыльных тропинках сверхдальных планет... Новая эра! Земля гордится вами, покорители Пространства и Времени!»

— «Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — времени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают. Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умещаются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, конечно, забросить «Дипстар» за орбиту Плутона еще на эн миллионов километров. А дальше что? Тупик, теорема Топаллера... Те, кто бредил о транспозиции к звездам, успешно и быстро прошли курс лечения, выверяя правильность неуязвимой теоремы. Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на «Дипстаре», осталась кучка маньяков, которым до смерти хочется пробить головой неприступную стену. Она неприступна, эта стена, понимаешь? И мне почему-то становится жаль свою голову.

— Понятно,— произнес Валерий и медленно поднялся.— Согласно Топаллеру... Внимательно слушайте, Квета. Это очень серьезно, мы присутствуем на творческом отчете дезертира.

Опустив голову, Квета что-то выводила пальчиком между клавишами на блестящей поверхности пульта.

— Ваал,— сказал Глеб,— я нехороший, я дезертир. Но все равно мы бессильны, Ваал. И ты, и я, и Туманов, и сам Калантаров... Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. А иметь возле Солнца ТР-передатчик-приемник и не иметь его там, на далекой звезде, значит... Каждый осел понимает, что это значит. Ну, еще год-другой погоняем ТР-перелетчиков из центра Системы на периферию. В конце концов эта однообразная цирковая программа нам надоест. Мне, например, надоела... вот так! — Глеб провел ребром ладони под подбородком.

— Здравствуйте, дни, голубые, осенние...— задум-

чиво продекламировал Валерий. — Ну, мне пора. Вместо меня будет Гога.

Валерий столкнулся с Гогой в дверях. Гога взвыл и запрыгал на одной ноге к ближайшему креслу.

— Ваал,— сказал он, снимая ботинок,— при ноль восьми земного тяготения ты ничего не потерял. В смысле живого веса... Кто мне подскажет, как называется этот расплющенный палец?

— Указательный,— подсказал Глеб.

— Ваал, ты отдал мне указательный палец на левой ноге.

Валерий выглянул из коридора:

— Ладно, старик, будешь иметь компенсацию.

— Банку салаки. Пряный посол. Знает, шельмец, мою постыдную слабость.

— Идет. А вам что достать, задумчивая Квета? Не стесняйтесь, у меня в снабженческой среде широкие связи.

— Спасибо, ничего...— сказала Квета. И, вспыхнув, тихо добавила: — Подскажите, пожалуйста, шефу, что один человек на «Зените» очень нуждается в отпуске.

— Гм...— произнес Валерий. Убрал голову, и створки дверей с шипением захлопнулись.

Гога не произнес ничего. Он пристально взглянул на Глеба — гораздо пристальнее, чем обычно,— сунул ногу в ботинок. Глеб чувствовал потребность срочно провалиться сквозь астероид.

«Плохи мои дела,— подумал он.— Очень плохи, если даже это хрупкое существо с ботаническим именем начинает проявлять опасную инициативу...»

— Говорят, одна из горилл сбежала в вакуум-твор,— сказал Гога, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу.— Говорят, есть человеческие жертвы... Туманов не заглядывал?

— Туманов не будет,— угрюмо ответил Глеб.

— Ты что... серьезно?

— Вполне. В нашем секторе эклиптики сохранится сухая, жаркая погода. Протонный ветер, слабый до умеренного. Глубокий вакуум... Гога, Ваал обозвал меня дезертиром...

— Ваал напрасно не скажет.

— Ты уверен?

— И ты, мой друг, тоже. Ваал в какой-то мере прав.

Глеб на минуту задумался.

— В какой? Это важно.

— В той мере, которая определяет дезертирство если не в кинетическом смысле...

— ...То уж во всяком случае в потенциальном,— закончил Глеб.— Ясно, можешь не продолжать.

— А я особого энтузиазма и не испытывал.

— Ну и напрасно. Ведь разговор не только обо мне. Я давно пытаюсь понять: чего мы ждем? Чуда? Его не будет. Ведь все элементарно просто. Эр-поле функционально связано с массой ТР-передатчика. Пока мы ведем ТР-передачу на «Дипстар», нас вполне устраивает масса нашего астероида. Но замахнись мы хотя бы на Проксиму Центавра, нам понадобится иметь в своем распоряжении приятную общую массу шести-десяти таких планет, как Юпитер! Или иметь возле Проксимы Центавра ТР-приемник типа «Дипстар». Мы не имеем ни того, ни другого. Понимание этого называется дезертирством.

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ничего особенного... Через несколько минут мы проведем еще один эксперимент. Мы будем сидеть за пультами — по одному с каждой из четырех сторон квадратной ямы: ты против Кветы или Туманова, я против Калантарова. Как за столом дипломатических переговоров. Мы будем смотреть на приборы и подавать команды, нажимая кнопки и клавиши... Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таинства в то, что наша работа приблизит звездный час человечества...— Глеб показал половину мизинца,— хоть на полстолько?

Гога тяжело и шумно вздохнул.

— Квета,— сказал он,— объясните этому субъекту, что наука имеет свои негативные стороны. Что науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю праздника урожая.

— Какие мы все у-умные! — покачив головой, сказала Квета. Ее голос звучал в незнакомой тональности.— Слушаю вас и удивляюсь, как успешно вы стараетесь не понимать друг друга! Ведь разговор, по существу, идет о переоценке результатов многолетней работы. Самоанализ — это хорошо, это психологически оправданно. А самобичевание — плохо, потому что больно и унижительно, стыдно... Простите, если я сказала что-нибудь не так.

— Так, Квета, так. Здравствуйте. Прошу простить за опоздание, меня задержала связь с «Миражом». — Изящный Туманов, пощелкивая пальцами (за ним водилась эта странная привычка), приблизился к пульта.

Он всегда был изящным, от самой макушки до пят. От тщательно прилизанных светлых волос до мягких ботинок из кожи полинезийских коралловых змей — очень красивых ботинок и очень редких в космической практике.

— Турнир идей? — спросил он Глеба и Гогу, глядевших в разные стороны. — Или контрольная дуэль эмоций?

— Кир, — сказал Глеб. — Пожалуйста, не делай вид, будто тебе интересно.

Туманов пропустил пожелание Глеба мимо ушей. Он стоял, опираясь руками о пульт, в позе пловца, который раздумывал, стоит ли прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожила остальных. Глеб и Гога переглянулись. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эритронов, однако... В чем заключается это «однако», она не успела сообразить, потому что Туманов неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

Гога скороговоркой назвал день недели, число, месяц, год. Немного поколебавшись, добавил название эры.

— Коллеги! — Туманов солидно откашлялся. — Этот день войдет в анналы истории.

— Слышу торжественный шелест знамен, — доверительно сообщил Гога.

Глеб тяжело смотрел Туманову в затылок. Молчал. Туманов щелкнул пальцами и резко повернулся на каблуках:

— В общем, так: будем готовить ТР-передатчик к работе. Шеф решил отправить в гиперпространство двух ТР-летчиков, методом параллельно-сдвоенной транспозиции. Первый в истории групповой ТР-перелет...

— Шутишь!.. — выдохнул Гога.

— Сегодня нам не до шуток, коллеги.

«Сон в руку, — подумал Глеб. — Туманов прав, сегодня будет не до шуток. Бедные гравитроны, бедный Ильмар, несчастная Квета, разнесчастный тромб-стиггерный блок. Великий космос, до чего же все надоело!..»

Из коридора послышалось дребезжание зуммера.

Это сигнал службы вакуум-створа: к астероиду причалил «Мираж».

— Калантаров, — подняв брови, сказал Гога.

— И сопровождающие его лица, — добавил Глеб.

— Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?

— Известно, — ответил Туманов. — Второй ТР-летчик — Астра Ротанова.

Глеб наклонился, чтобы взять на плечо клайпер. Но так и не взял. Медленно выпрямился.

ГЛАВА 5

Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты, почиталось правилом хорошего тона.

Переключая клавиши с бесстрашием автомата, Глеб незаметно поглядывал на внимательные лица товарищей. Ему было уже безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других.

У Кветы и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг наладилось. В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно зажужжали эритроны. Глеб машинально отстукал на клавишах программу стабилизации, не поворачивая головы, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле. Восемь минут, пока прогреваются эритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый незабываемый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких сложностей между ними и не было. Не было пылких признаний и сентиментально-космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, далеко как до них!..

Он ответил, что далеко. Что трудно даже представить, как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

— Верю, Глебушка, верю. Слышишь, кто это жалобно вост там, за дюнами? Слышишь?..

— Это какой-нибудь зверь. Потерял след на охоте.

— Красиво здесь... Будто бы на краю звездной пропасти. Темно, красиво и жутко.

— Я рядом. А то, что жутко, где-то в песках, далеко...

Да, верно, тогда он был рядом. И казалось, так будет всегда, но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила ему (как, впрочем, и всем остальным) шершавую колкую ветку акации — мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях... А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетала с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начинал ее ждать. Работал до полного изнеможения и отчаянно ждал. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимости). Потом для нее — а значит, и для него — все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. Остается одно: жалобно взвыть. Это финал потерявшего след на звездной охоте...

— Глеб Константинович Неделин, — негромко позвал Туманов. — Я прошу вас очнуться, коллега, и посмотреть, что происходит на вверенном вам участке эр-позиции.

Глеб улыбнулся — так сначала всем показалось. Но вот он поднял голову, и сразу стала понятной разница между улыбкой и судорогой лица. Рванувшись из кресла, он вскинул кулак над хрупкой клавиатурой...

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб медленно разжал кулак и, пошатываясь, буд-то с тяжелого сна, повернулся к пульту спиной. Встретил глаза цвета раннего зимнего утра, покорно принял ветку белой акации, поцелуй и упрек, смысла которого не уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой, сказал: «Казура. Можете называть меня просто Федотом», — и протянул руку. У незнакомца — молодое белое лицо. Одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал засе-

даний парламента. Вошли Калантаров, Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», известный среди ТР-физиков под негласным прозвищем «Фортепиано»; вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острил, Валерий помалкивал, Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова, Астра и Квета оживленно о чем-то беседовали с чернобородым. Чернобородый сиял и смущался. Глеб медленно приходил в себя.

— Вот, собственно, и все... — закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами. — Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ними в зале большой кинотеки.

— Спасибо, я посмотрю, — сказал Калантаров. — Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эр-позитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделина, — осторожно пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц работы эр-эффект стал проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме и никаких спорадических...

— Ну, хорошо, — вздохнул Калантаров. — Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю, — Туманов развел руками. — Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович, — мягко остановил его Калантаров. — Идеи ваши меня интересуют. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики. А?

— Ну... — Туманов пожал плечами, — я запросил бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Передают Неделину восторженные поздравления. Дальше?

— Шеф, это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геноссе Топаллер прав,— тихо сказал он.— К сожалению.... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет,— сказал он.— При переходе на стартовую тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос: каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятая, не правда ли? — В глазах Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость.— После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. И платим за это рекордным перерасходом энергии. Но с облегчением узнаем, что этот эффект проявляет себя только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления. Но разве можно что-нибудь найти не думая?

— Одна из особенностей гиперпространства,— высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность «вязкостью».

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его «вязкость» только сейчас пришлось помянуть... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте.

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога словно бы нехотя привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Взгляните сами.— Гога показал язык.

— Я не специалист, меня вполне устроила бы более популярная форма ответа.

— Минуту назад мсье Дюринг осмотрел эту деталь моего ротового отверстия и весьма остроумно заметил, что молодцы, подобные мне, в прошлом предпочитали службу в лейб-гвардии. Что такое лейб-гвардия, шеф?

— Кажется, род опереточных войск. Ты не в духе сегодня?

— Нет, у меня все нормально.— Гога показал глазами на Глеба: — А вот ему плохо. Очень плохо, шеф...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, побрел к выходу. На лице Калантарова проступило выражение озабоченности.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес. Чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и поражал воображение. Гога чувствовал себя несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

Давайте сверим часы... Совпадает? Отлично. Ровно через час проведете эр-позитацию на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

ГЛАВА 6

Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, которым даже пользовались, но каждый по-своему. Гога, бывало, надолго останавливался у стены, глубокомысленно разглядывая собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль туннеля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующую пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета, с той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совер-

шенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладовискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Она обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если вприпрыжку бежать вдоль туннеля; тихонько звенела, если прижаться к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное, она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И обычно всегда у кого-нибудь возникала Идея!.. Идея, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен.

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек, — мягко окликнул Дюринг. — Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту, — сказал Дюринг. — Если это вас не затруднит. — Его румяное лицо излучало доброжелательность.

— А подите вы... — прошипел Глеб.

— Не надо, — приятно улыбаясь, сказал Дюринг.

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг. — Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да... — Глеб замер. — Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... та-ак... Мышцы тоже должны отдыхать. Мышцы горла и рук можно расслабить совсем... Хорошо. Дышится свободнее, правда? Глубже, глубже дышите... та-ак, а вот живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох... раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно. Теперь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцами, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ничего, сначала это немного трудно,

потом появится опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю.— У Дюринга было измученное, мокрое от пота лицо.— Как самочувствие?

— Не знаю...— Глеб подвигал плечами.— Наверное, все в порядке.

— Плохо ощущаете пластику мышц? Это ненадолго, пройдет.— Врач выхватил из кармана салфетку, промокнул лицо.— Сделайте несколько легких гимнастических движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо,— ответил Глеб.— Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как это вам удастся?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за девять секунд ухитряетесь... фюить... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно!.. Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось.— Дюринг вежливо улыбался.

— Но все равно мне нужен отпуск,— сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности — море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветер, шорох листвы...

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы теплая звездная ночь...

— И жалобный вой за этими дюнами.

Глеб вздрогнул.

— Да... Или звуки фортепиано.

— В миноре,— добавил Дюринг, засовывая салфетку в карман.— Между прочим, меня наградили прозвищем Фортепиано только за это...— Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом, в отношении прозвищ я убежденный фаталист.— Дюринг заторопился: — Приятно было побеседовать. К сожалению, мне пора.

— Спасибо...— пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел шефа.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга в дверь, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

— Дела, как у бабушки, шеф. Которая села в экспресс-вертолет, да не тот.

Шеф растерянно поморгал. Нервически дернул щекой и медленно пошел навстречу:

— Притчами заговорил, мальчишка...

Глеб устало сказал:

— Шеф, давайте в открытую.

— Давно пора! То, что ты разобрался в теоретических выкладках Топаллера, весьма похвально. А вот то, что раскис по этому поводу...

— Нет, шеф, не поэтому. Дело в другом. Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жизни на тридцать веков. Ибо чуть позже мир изобрел для себя отличную заповедь: не создавай кумира.

Глеб покачал головой:

— Моим кумиром были не вы, простите. Моим кумиром были идеи, которые вы умели выращивать в наших преданных вам головах.¹ А после трех-четырех уравниваний Топаллера вы растерялись.

— Очень заметно?

— Не надо, шеф. Ведь мы договорились в открытую.

Калантаров задумался.

— Ладно,— сказал он.— Какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии?.. Да никаких. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы, мягко выражаясь, отдаете предпочтение Меркурию.

— Чушь. Меркурианские базы располагают более мощной вычислительной техникой, только и всего.

— Топаллер неуязвим. И никакая техника здесь не поможет.

— Ну, хорошо,— Калантаров вздохнул.— Давай закончим этот разговор на языке тебе и мне любезной ТР-физики... Что такое гиперпространство?

— Я не знаю, что такое гиперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до сих пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной Системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства Вселенной представлялись мне одинаковыми во всех ее точках.

Впрочем, это второй постулат теории Калантарова. Вашей теории, шеф. Скажите откровенно, что вы собираетесь делать?

— Работать. Разве неясно?

— Ясно. Но как?

— Головой, разумеется.

«Ему зачем-то очень нужно вывести меня из равновесия», — подумал Глеб. Спросил:

— Что имеете вы предложить нам в качестве выхода из теперешней ситуации?

— Есть предложение закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру. — Калантаров пожал плечами. — Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последний ТР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правильнее будет понимать как демонстрацию наших достижений — ведь ничего принципиально нового мы от него не ожидаем. Один человек или два — какая разница?

— Понятно... — Глеб похолодел. — Так этот, с бородкой...

— Да. Представитель техбюро. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатационных качествах нашей установки. И, надо ожидать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов и проектантов. Первую установку типа «Зенит» — правда, повышенной мощности — предполагают строить на Луне. А затем... Я точно не помню намеченной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, наверное, но дальнорейсовым трампам и лайнерам непременно...

— Простите, шеф! — перебил Глеб. — Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения Системы! Я, грешным делом, спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве консультантов, — деловито стал объяснять Калантаров. — Ну, и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникнет острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк. Продолжать не было смысла. То,

чего он намеренно добивался, свершилось: зеленые глаза лучшего оператора экспериментальной станции «Зенит» помутнели от бешенства.

— Вот что... — задыхаясь, произнес Глеб. — Я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Мсье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший шеф не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит».

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль туннеля.

— Что ж, дело твое, — сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб медленно остановился — к шефу вполоборота. Спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли... — Калантаров взглянул на часы. — Твой знаменитый эр-эффект кажется мне весьма любопытным. И пока не поздно, хотелось бы выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал, — глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. Но вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы такие... с гириями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

Помолчали. Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я, в основном, занимался твоим эр-эффектом. Точнее, эр-феноменом — впредь так и будем его называть.

Глеб понимающе кивнул:

— Странное явление, верно? Три очень заметные полосы размыва пульсации поля... А затем, будто бы эхо, — девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды откликнется. Пока аукается и откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездонную пропасть. В результате я получаю пинок от на-

чальства и репутацию скверного оператора. Знать бы, за что?

— Страдалец,— посочувствовал Калантаров.— Ты искал причину перерасхода энергии только поэтому?

— Нет, скорее из спортивного интереса. Таким уж мама меня родила. До неприличия любопытным.

Калантаров приблизился к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до неприличия, вот что...— Он оглядел потолок: — Где-то здесь должны быть вентиляционные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего,— возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой,— нам не мешает проветриться.

Идти куда-то принимать воздушные ванны — такой потребности Глеб вовсе не ощущал, но сопротивляться было бы еще глупее. Тем более, что Калантаров явно спешил и вид имел весьма озабоченный.

ГЛАВА 7

Они шли по кольцу вдоль туннеля, и Калантаров на ходу внимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел.

— Вот,— сказал Глеб,— здесь находится одна из вентиляционных дыр. Две другие...

— Нет-нет,— перебил Калантаров.— Именно эта. Лифтовый люк мы миновали, а впереди — вход в информаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляционной решетки до подножия стены.— Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончилась воображаемая вертикаль.— Отсюда нужно отмерить ровно три метра влево.

Глеб, не вынимая рук из карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово,— сказал он.— Мой шаг точно равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ? — не понял шеф.

— Которым копать. Во всех приключенческих книжках клады копают именно заступом. Вот, к примеру, клад знаменитого Кидда...

— Любопытно,— сказал Калантаров.— Но Кидд подождет. Отметь место, на котором ты стоишь.

Глеб вынул из кармана носовой платок и бросил под ноги. Калантаров поднялся и отряхнул ладони.

— Шеф,— сказал Глеб.— Я понимаю, у вас сегодня игривое настроение. Однако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, при чем здесь твой эр-феномен — вот в чем вопрос...

Глеб насторожился:

— А несколько популярнее можно?

Калантаров, казалось, не слышал. Он заворуженно смотрел на черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стена. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству — в обе стороны своего продолжения. Словно бы глянцевая поверхность слегка запотела. Тогда почему стена запотела не против решетки, почему далеко в стороне?.. По примеру шефа, Глеб провел по стене пальцем. На пальце остался тонкий налет черного порошка.

— Понял? — спросил Калантаров.

— Понял. Процесс шелушения... Удивительное дело!

— М-да... — Шеф помолчал. — Но самое удивительное... Ну ладно, время у нас еще есть, и теперь ты можешь мне рассказать о кладах злополучного Кидда.

— Нет, не ладно! — Глеб побледнел. — Вы забыли мне объяснить, зачем вам то и дело нужно было поминать мой эр-феномен?

— Ах, да!.. Сушая безделица. Я не был уверен, что это мое объяснение разбудит в тебе любопытство.

Глеб сжал зубы до боли в скулах и тяжело задышал через нос.

— Вот так-то лучше,— сурово сказал Калантаров,— когда без этих штучек типа «о ревуар!» и прочих аксессуаров воинствующего малодушия. Говорят, дурной пример заразителен, но это смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он ушел потому, что почувствовал слабость в коленках, и я его не обвиняю. Он понял, что сделал для ТР-физики все, что мог, и честно ушел, потому что знал, что больше ничего сделать не сможет. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит: перестал понимать.

Ушел Захаров — его я тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной Системы. А на звезды ему было всегда наплевать... Да, после Топадлера поредели наши ряды на «Аркаде», «Зените», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Но посмотри, кто остался, не говоря уже о нашей группе! Шубин остался, Майкл Нейдл, Сикорский, Крамер, Бютуар! Ядро, вокруг которого постепенно соберется зубастая молодежь. Зело труден орешек межзвездной транспозиции, и для его счастливого разгрызания нужно будет много и, главное, оригинально шевелить мозгами. Такая перспектива тебя устраивает?

— От работы я никогда не отказывался,— хмуро напомнил Глеб.— Я полон нетерпения оригинально шевелить мозгами. Может, сразу начнем? Проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм Вселенной?

— Ты опоздал,— возразил Калантаров.

— В каком это смысле?..

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-фе-номена.

Глеб тревожно задумался над сообщением шефа.

— Ладно,— сказал он. Вскинул руки над головой:— Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Я давно заподозрил, что эр-фе-номен — явление гораздо более сложного порядка, чем принято было считать. И прежде всего меня насторожил его спорадизм. Признаюсь: в поисках причины перерасхода энергии на малой тяге я составил занятное уравнение. Правда, практической пользы от него было столько же, сколько от зайца перьев,— просто математический опус...

— Неправда,— сказал Калантаров.— Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранного контура не есть математический опус. Это физический смысл твоего уравнения. Дальше?

— Что «дальше»?! — зло удивился Глеб.— Я уже поднял руки перед вашей проницательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца,— спокойно ответил шеф. И

вдруг, багровея на глазах собеседника, захрипел, потрясая кулаками: — М-мальчишка! Щенок! Сумел найти уравнение поля с-самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, видите ли, работает здесь ради великой идеи межзвездной транспозиции! Он ходит, видите ли, руки в брюки, рычит на каждого встречного и упрямо не желает замечать, что ключи от хранилища этой идеи давным-давно звенят у него в кармане! Самонадеянно полагает, что мне зачем-то понадобилось загонять его в угол!..

Глеб смотрел на Калантарова с настороженным любопытством.

Шеф взял себя в руки, довольно быстро успокоился.

— Посмотри, что получается! Я на Меркурии, ты на «Зените» независимо друг от друга рождаем некую общую мысль и облакаем ее в математическую формулу. Я узнаю об этом минуту назад, и то совершенно случайно. Математический, видите ли, опус! Уравнение показало, что перерасход энергии может быть объяснен за счет появления линзы эр-уплотнения за пределами альфа-экрана. Одна линза? Или?..

— Или количество, кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячий хвост. Ты заложил руки в карманы и прошел мимо открытия. А все почему? Потому что — согласно теории Калантарова — эр-поле не может возникнуть вне условий альфа-экранировки. Калантаров, понимаете ли, когда-то сказал!.. Да, когда-то я об этом говорил. Говорил, основываясь на результатах первых экспериментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простите, — перебил Глеб, — Маленькая поправка: пока мы ничего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за руку, выбрал его указательный палец, провел по стене и молча сунул испачканный палец оппоненту под нос.

— Ну и что? — спросил Глеб, задумчиво разглядывая черный порошок и словно бы что-то припоминая.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гипотетической линзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировки верхнего яруса станции и нашел, что сей «математический опус» должен находиться в трех метрах от вентиляционного отверстия, которое возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг

оживился: — Шеф, вчера ко мне подходил какой-то букварь... кажется, кто-то из лаборантов биологического сектора и что-то звонко чирикал про черную пыль...

— Кто-то и что-то... — Калантаров поморщился. — Конкретнее можно?

— Да, вспомнил! Это тот самый букварь, у которого сегодня сбежала горилла. Они там одели гориллу в скафандр, но им никто не сказал, что триста девятый эпсилон-шесть отменяется. Горилла сбежала и, говорят, слегка порезвилась, кажется, в вакуум-створе или на продовольственных складах.

— Странно. Никто мне не докладывал...

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом. Черная пыль якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... букваря? На малой тяге?

— Вот именно! Поэтому я пропустил его сообщение мимо ушей. Ведь в прошлую ночь автоматы гоняли ТР-установку на малой тяге.

— Это, пожалуй, самое любопытное... Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы. — Я дал Туманову указание провести цикл эр-позитации на малой тяге. Сейчас будет пуск — понаблюдаем визуально... Потом разделаемся с транспозитацией Алексеенко и Ротановой на «Дипстар», проводим во-свояси представителя техбюро и немедленно займем-ся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня... — Глеб вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на монтаж регистраторов и прочей контрольной аппаратуры вокруг этого участка туннеля и в каюте чудака-лаборанта, если, конечно, легенда про черную пыль подтвердится.

Неприятно завывала сирена. Шеф показал на стену:

— Я наблюдаю за ней, а ты — вокруг и в общем. Понял?

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг образовалось что-то вроде темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто сфероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси, и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Толчка не было. Вернее, не было такого мягкого толчка, какой ожидался. Было нечто, очень похожее на оплеуху. Затем — молниеносное исчезновение сфероида и... ощущение падения. Падать, благо, было невысоко, но, как и при всяком падении, больно. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху. Он крикнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крикнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся, дико вращая глазами, и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да, это был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погрузочно-разгрузочными механизмами и широкими потернами, распахнутыми на причальную площадку. По ту сторону потерн ярко светились трюмы космического корабля — сквозь гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: — «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!» — «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга... — сказал участливый голос. — И чего это к нам вдруг повалили? Утром, как снег на голову, сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона, теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи, — оборвал его бас. — Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на чердаке... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос. — Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После ихних экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать. Вот тут и начинаешь соображать.

Глеб переглянулся с Калантаровым. Физиономия шефа действительно выглядела очень забавной. Раньше Глеб никогда не видел его таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь?

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там,— кивнул Глеб,— наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза. С мостика, опасно перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего диспетчера Горелова и техника Карлсона, у которого правый глаз едва виднелся между наклепками биомидного пластыря, занимавшими четверть лица.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон.— Вам нужна наша помощь?

— Нет,— отозвался Глеб, потирая ушибленный локоть.— Мы отдыхаем. Было бы кстати, если б кто-нибудь принес сюда шахматы.

— Потрясающе!.. — произнес шеф.— Микродистанционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло,— мрачно заметил Глеб.— Будь эта микродистанция чуточку подлиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, крикнул, потер бедро.

— Порядок.— сказал он, странно улыбаясь.— Между прочим, я впервые побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже,— сказал Глеб.— И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он вскочил. Проверяя ноги, сделал несколько приседаний. Пощупал грудь, плечи и спину, решил, что с такими ушибами жить еще можно, крикнул наверх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же,— пробасил Горелов.

— Нет! — спохватился Карлсон.— Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов.

— Ну вот,— сказал он Калантарову.— Неплохо было бы выпить лимонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из соображений предосторожности. Скверно... Я и не знал, что гиперпространство так неприятно сушит во рту.

Со стороны могло показаться, будто бы Калантаров внимательно слушает собеседника.

— Нас ждут в диспетчерской,— тихо напомнил Глеб.

— М-да,— пробормотал Калантаров. Взглянув на часы, поднял брови, повертел головой: — М-м... всегда забываю, где тут выход на лифт.

Путь наверх проделали молча. Глеб усталости не чувствовал, но разговаривать не хотелось. Сама по себе транспозиция не произвела на него особого впечатления, и он не совсем понимал наивную взволнованность Калантарова: на физиономии сего ученого мужа, ранее являвшего собой образец солидности и хладнокровия, легко можно было прочесть плохо скрытую ошеломленность. В другое время это позабавило бы Глеба, но сейчас он подумал об Астре, и сразу же возникло тягостное ощущение неуверенности, если не сказать — досады. Обстоятельства требуют как можно быстрее разделаться с ТР-запуском, который нужен только для «просто Федота», и вот — поди ж ты! — среди ТР-летчиков оказалась именно Астра... Ни встретиться, ни поговорить нормально не сумели. Все вышло как-то глупо и бестолково.

У входа в кольцевой туннель шеф обрел наконец свою обычную самоуверенность.

— Как настроение, оператор? — спросил он, останавливая Глеба за рукав.— Конечно, сегодняшний ТР-запуск — это своего рода формальность, однако нужно, чтоб все без сучка и задоринки, с минимальным расходом энергии. Для представителя техбюро расход энергии — особая статья, и с этим надо считаться. Многое зависит от тебя.

— Я бы сказал, что многое еще зависит от эр-эффекта.

— На стартовой тяге эффект не наблюдался ни разу.

Глеб усмехнулся. Аргумент шефа был явно слабоват, хотя какие-нибудь полчаса назад показался бы Глебу решающим.

— Мы имеем дело со спорадической эр-позитацией,— напомнил Глеб.— Нужно ли...

— Нет,— перебил Калантаров.— Просто нужна рабочая гипотеза абсолютно нового направления. Направления, которого не коснулся Топаллер.

Странно, с удивлением подумал Глеб. Либо шеф считает меня скудоумным, либо не доверяет самому

себе. Или то и другое вместе. Нет, решительно, мы перестали понимать друг друга с полуслова!..

— Согласен. Что за гипотезу предлагаете вы?

— Выбор невелик, — уклончиво ответил Калантаров. — Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить вязкостью гиперпространства — правда, с великой натяжкой. Или, скажем, математическим опусом...

— ...Или тем, что где-то в глубинах Галактики работает чужая ТР-установка.

Калантаров медленно поднял на собеседника изучающий взгляд.

— Я сказал это, чтобы доставить вам удовольствие, — устало пояснил Глеб. — Могу добавить, что о ТР-установке инозвездного происхождения я догадался несколько раньше. Но это была невероятно фантастическая мысль, и к ней надо было привыкнуть. Однако кувырок в вакуум-створ убедил меня окончательно. Я понял, что это — попытка межзвездного ТР-перехвата. Я даже понял, почему перехват не удался.

— Почему? — спросил Калантаров.

— Недостаток энергетической мощности и очень размытая фокусировка чужого эр-поля.

— Видимо, так... — Калантаров вздохнул, озабоченно пошевелил губами. — Кстати, тебя по-прежнему одолевает искушение слетать на Землю? Я имею в виду отпуск, который давно тебе обещал.

— Который давно мне положен. — Глеб тоже вздохнул. — Ну какой теперь отпуск? Меня одолевает искушение заняться наконец стоящим делом. Я имею в виду межзвездную транспозицию.

— Тс-с-с!... — Калантаров предупреждающе поднял палец. — Пока это только наша гипотеза.

— Вот как? — удивился Глеб. — Снимите брюки и взгляните на синяки, которые оставила эта гипотеза на ваших начальственных бедрах.

В кольцевом тоннеле было по-прежнему светло, пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она ему кажется тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кошунственное. Горячка первых минут удивления миновала, и теперь значительность этих событий предстала перед Глебом и Калантаровым, что называется, во весь свой головокружительный рост...

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской, чтобы снова увидеть тот самый участок туннеля, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-створ. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят наверняка.

Но странное дело: как только выяснилось, что ни чего нового на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдать своего разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона... — не совсем уверенно произнес Калантаров. — Ты не находишь?

Глеб несколько раз втянул воздух носом.

— Не нахожу. Вам, наверное, показалось. И потом, здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянно осведомился шеф.

— По свидетельству средневековых очевидцев, все известные в те времена случаи транспозиции непременно сопровождалась запахом серы.

Со стороны центрального входа слышались шаги. Шагало несколько человек, и Глеб уже знал, кто именно, хотя людей еще не было видно за выпуклым поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. В вакуумном скафандре. Потом показалась Астра, тоже в скафандре. Шестивие замыкали Дюринг и Ференц Ирчик, старт-инженер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калантаровым и Глебом прощальным рукопожатием. Остановился перед люком и, салютуя, четким движением вскинул руку над шлемом ладонью вверх. Медленно опустил прозрачное забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калантаров обнял Астру за твердые плечи скаффандра: «Счастливой транспозиции!» Встретив просительный взгляд Глеба, согласно кивнул.

— Только недолго, — сказал он. И, не оглядываясь, зашагал вдоль туннеля в диспетчерскую.

Глеб взял Астру за плечи, заглянул в шлем. Торопливо вспорхнули ресницы, и большие глаза цвета раннего зимнего утра стали доверчиво робкими. Безмолвный и мягкий упрек: «Ты показался мне странным сегодня».

Быстрый, но тоже безмолвный ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом».

«Не будем... Я понимаю».

«Я благодарен тебе. Ты всегда меня понимала. Жаль, что ты улетаешь...»

«Я тебя очень люблю!»

«...Ты так далеко от меня улетаешь!»

— Может быть, скоро все переменится,— сказал он.— Мы нащупали новое направление, которого не предвидел Топаллер. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращения со звезд.

— Миры на ладонях?..— тихо спросила она.— Я и не думала, что это будет так... по-человечески обыкновенно.

— Пока это еще никак. Это всего лишь надежда. Хрупкая, многообещающая, как и твое имя, Астра. Звезда... Я очень хочу, чтобы эта звезда была для меня счастливой.

— Будет,— просто сказала она.— До свидания, Глебушка!.. Ждут меня, понимаешь?

У открытого люка молчаливым изваянием застыл ТР-летчик в скафандре. Старт-инженер многозначительно поглядывал на часы. Дюринг кивал головой, улыбался, всем своим видом давая понять, что все идет отлично, все так, как надо, и даже лучше, чем можно было предполагать.

— Понимаю,— сказал Глеб.— До свидания. Счастливой транспозиции!

ГЛАВА 8

Участники предстоящего эксперимента были в сборе, и внешне все выглядело благополучно. Каре приборных панелей вокруг квадратного колодца шахты, привычное жужжание эритронов, огни на пультах. Калантаров стоял, склонившись над пультом управления, остальные сидели. Квета — рядом с Тумановым, Гога — напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщетно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной, Гога — задумчиво-на-

стороженным. Федот Казура ерзал в кресле, изнемогая от любопытства.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров. — На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни.

Зашевелились, пристегивая ремни. Начальство раздражено, подумал Глеб. Перебрал в уме возможные неприятности, пожал плечами.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект, — не поднимая головы, проворчал Калантаров. — Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевые звезды, под конец — несколько больше. Сколько именно, никто из них не удосужился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение шефа адресовано ему, однако он молчал, не спуская с Калантарова глаз, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии, — добавил шеф.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента, — хмуро вставил Туманов. — А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта, — напомнил шеф. — Сегодня есть эффект, но нет перерасхода. — Насмешливо, зло посмотрел на Туманова. — Ощущаете разницу?

Туманов не ответил. Разговор не доставлял ему удовольствия, это было заметно.

— По-моему, звезд было девять, — неожиданно сообщил Гога. — Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему, — сказал Калантаров. — Впрочем, я не теряю веру в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться!

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак, — сказал он, — эксперимент триста девятый эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно-сдвоенной транспозиции. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура. — Скажите, это очень рискованно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж, —

кисло произнес Казура.— На случай непредвиденных осложнений.

— Весь ваш инструктаж состоит из одного-единственного пункта,— сказал Глеб.— Дышите глубже и старайтесь не прозевать чего-нибудь интересного.

— Еще вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно.— Калантаров пощелкал клавишами связи.— Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспечения Воронин,— громко ответили скрытые в пультах тонфоны.— Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ожидаем сигнал.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских потребителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!..

— На время экспериментов серии эпсилон-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там постарайтесь не угодить в него энерголучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю, шеф.

— Кораблю — старт.

— Вас понял. Кораблю — старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-ство-ре, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермоштиты перекрыли доступ в потери; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стало отваливать от причальной площадки, осветив теньевую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан,— позвал Калантаров,— дай нам, пожалуйста, видеопанораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской померк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлиненная, не-

правильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стеклокерамики. Глыба медленно отплывала и, по мере исполнения маневра «Миражом», плавно поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на огранный кубок, грубо сработанный из тяжелого обломка горного хрусталя. Над астероидом возшло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций системы СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо,— сказал Калантаров.

Вспыхнул свет, изображение угасло. Шеф постоял, изучая узоры пультовых огоньков, кивнул операторам:

— Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завывала сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести — инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозиции. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когертонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров истекают последние секунды перед включением приемной установки. В вакуум-створах «Дипстара» ждали стартового сигнала космические катера.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность,— распорядился шеф.

Голос Астры: «Готова».

Голос Валерия: «Готов».

— Внимание! — предупредил Калантаров. — Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта. Жужжание эритронов перешло в гораздо более

высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпультовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптической реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх. Туманов взглядом дал Квете понять, что объясняться не собирается.

— Это я виновата,— торопливо призналась Квета.— Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом,— на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой. Через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб ошеломленно засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых успокоителей. Поверхность мениска заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизировать положение, и это ему удалось... Однако серия резких толчков выдала его операторский промах.

Снова явились белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было девять... «Тройка в квадрате»,— подумал Глеб.

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмен мнениями, естественно, откладывался. На устрашающе высокой ноте звенели эритроны, вразноголосицу трещали цикадами зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергии, начало большого цикла. Возросла искусственная тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало труднее работать на пультах.

Туманов, Квета и Гога ассистировали сегодня на редкость согласованно, Глеб обобщал усилия операторов, создавая сложную, но жизнеспособную, точную схему эр-позитации на основе заданного режима. Наконец, последний аккорд — ТР-запуск по созданной схеме проконтролируют автоматы. Глеб откинулся в кресле, опустил свинцово-тяжелые руки на подлокотники.

Он почти физически ощущал, как под давлением

стихии космических сил, разбуженных в камере транспозиции, неотвратно прогибается пространство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, называемое для удобства «гиперпространственным туннелем». Труднообразимое нечто, сокрытое для непосредственного восприятия абстрактной формой громоздких математических уравнений... Но все идет так, как надо, все идет хорошо. Если, конечно, не слишком тревожить себя феноменом белых звезд и смутным, нехорошим предчувствием. Скорее бы последняя команда: «Пуск!»

— Я прав,— нарушил молчание Гога.— Звезд было девять.

— Три, потом девять,— добавил Глеб.— Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате...— пробормотал Туманов.— Это сигнал. И если это сигнал не с «Дипстара», я отказываюсь понимать...

— Нет,— сказал Глеб,— это сигнал не с «Дипстара».

Он встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место ясному ощущению чего-то непоправимого. У шефа было незнакомое и страшноватое лицо, глаза ввалились, подбородок окаменел. Огни индикаторов пульта освещали это лицо быстропеременными волнами оранжевого и пронзительно-голубого сияния.

— Это не видеосвязь,— жестко сказал Калантаров.— Вернее, не только видеосвязь. Это единственно мыслимый способ сверхдальней фокусировки эр-поля. И понял я это слишком поздно...

Он опустил в кресло.

— Если бы мог, я отменил бы транспозицию.

Глеб подался вперед и замер, задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозицию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль,— пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почуял неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, зву-

ковые сигнализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момент включения стартовой тяги. Смотрели друг другу в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что шеф вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит... И может быть, не найдет. Из шестерых сейчас только двое могли попытаться найти какой-нибудь выход. Впрочем, из пятерых — Казура не в счет. Коллектив сужается и расширяется, шеф, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоянии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда. Думайте, шеф, думайте!..

— Принимаем вызов,— сказал Калантаров.— Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Перед глазами возникло видение: монополярно вывернутый Клаус. Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

Голубые огни индикаторов пульты дрогнули и стали постепенно угасать, уступая место оранжевым. До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозиции, и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в руки эту фантастическую возможность, цепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съехал и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубоватым светом. Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледно светящийся мениск пульсировал. На первый

взгляд пульсация была нормальной. Щелкали синхротаймеры, эритронов не было слышно: их надоедливый звон нормально сместился в диапазон ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индикаторов тускло. Через девять — десять секунд все будет ясно...

— Пять. Шесть. Семь!.. — четко скандировал Гога. — Восемь. Девять! Десять! Одиннадцать...

Над командным пультом в голубоватых сумерках выросла фигура Калантарова.

— Внимание, Воронин! Первая очередь энергорезерва... Пуск!

— Есть первая очередь! — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озеро, осветив Калантарова снизу. Борьба! — сообразил Глеб. Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге! Глеб яростно подергал кисти дрожащих рук, наложил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает, — бесстрастным голосом предупредил Туманов. — Выше нормы на две и четыре десятых.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд. Зашевелились фигуры операторов, окруженные странно искрящимися голубоватыми ореолами. Фигура Казура оставалась недвижимой и, словно в награду за это, была украшена двойным ореолом.

— Внимание! — резко сказал Калантаров. — Вторая очередь... Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх — вниз, вверх — вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет, невесомость, падение — кружится голова... Хуже всех приходилось шефу — он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за кресло, выделял довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет, кажется, все обошлось. Молодцы гравитроники — справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный шеф снова стал к пульту, переключил командные клавиши.

— Пульсация в пределах нормы, — доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги! — сдавленным голосом сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, шеф, — сказал Глеб. — Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники,— голосом Воронина возразили тонфоны.— Вы берете на себя всю мощь меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо он это делал, рывками, и Глеб понимал его состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве. Надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя.— Шеф согнутым пальцем надавил кнопку связи.— Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону; ремни рывками врезались в тело, ослабевали, снова врезались, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. Конец гравитронам!.. Глеб, на секунду зажмурив глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и попытался сосредоточиться. Вселенная сузилась до размеров пультовой клавиатуры, каждый клавиш — звездный рукав Галактики.

Это была тяжелая скоростная работа где-то на грани меркнувшего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на пультовых табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его даром интуитивно предугадывать все капризы эр-позитации помогла удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме.

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных и небывалых в практике прошлых экспериментов! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем, осветила купол голубоватой зарницей и быстро пошла на

спад. В последний момент перед исчезновением мениска Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях шефа. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. Пошла энергия! — мелькнула мысль. Вся пошла, без остатка, лавиной — последний импульс!.. Выстрел в неизвестно куда...

Тяжесть внезапно исчезла. Страшной силы толчок — вернее, страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк и наступила тишина. Было слышно, как в пультовом чреве разбилось что-то стеклянное. Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ошеломленный тишиной и замирающим звоном осколков. Под куполом медленно наливался желтоватым сиянием круглый светильник. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелился, отстегивая ремни. В кресле напротив отстегивал ремни шеф.

Глеб для разминки дошел до Гогового кресла, потрогал порванные ремни. Огляделся в поисках самого Гоги и только теперь обратил внимание, что все остальные звуки в диспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детски откровенно, в полный голос, лицо в ладони, плечи и огненно-рыжая голова сильно вздрагивали. Туманов сидел неподвижно с совершенно белым лицом и смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предпринять, и увидел, где лежит Гога. Гога шевельнул ногой, и это было хорошим признаком. Потом Глеб увидел Казуру. Вернее, увидел руки и ноги Казуры, торчащие в разные стороны из-под поверженного кресла. Представитель техбюро пребывал в состоянии пугающей неподвижности...

Опираясь на локти, Гога сделал попытку привстать и, привалившись к стене плечами и затылком, замер. Глеб подошел и протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Ты что?.. — насторожился Глеб. — Не можешь подняться?

— Сначала его, — посоветовал Гога, кивнув на Казуру.

Ремни, которыми был пристегнут Казура, оказались прочнее замковых петель, крепивших его персональное кресло к пяточку, отведенному для наблюдений. Казуре повезло. Благодаря амортизаторам спинки, сидения и подлокотников, представитель техбюро грохнулся в стену с комфортом, какой только можно было ему предоставить в подобных условиях.

Убедившись, что представитель был лишь слегка оглушен, Глеб помог ему встать на ноги и возвратился к Гоге.

— Нет,— сказал Гога,— оставь меня здесь. Понимаешь... кажется, я сломал ногу.

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся. Транспозитация удалась? Глеб промолчал.

— Зачем она плачет?

— Нервы, должно быть.

— А... Ну это ничего. Для разрядки... И вообще, шел бы ты к шефу. Я потерплю.

— Потерпишь?.. — усомнился Глеб.

— Конечно. Иди, иди!

Туманов сбросил с себя привязные ремни, встал и ссутулясь молча побрел к выходу.

— Кирилл Всеволодович! — окликнул Калантаров. Никакого внимания.

— Кир! — крикнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулись створки двери. Казура все еще стоял там, где его поставили, и ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пиджака. Шеф с треском переключил командные клавиши. Квета рыдала.

— Расстегните ее кто-нибудь! — поморщился шеф.

Поскольку «кем-нибудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешил выполнить распоряжение шефа.

Квета перестала плакать — судорожно всхлипывала, растирая мокрые от слез пальцы. Глеб машинально поискал в кармане носовой платок, не нашел и, бросив взгляд на приборные табло, медленно опустил ся в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась, — с облегчением произнесли тонфоны. — Ну, как вы там? Я уже беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Соболезнования потом. Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники? Да у вас жаростойкая облицовка оплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо, уставился на колонки цифр, застывших в окошечках пультовых табло. Он еще на что-то надеется, понял Глеб. Ну что ж, шеф, смотрите. Смотрите внимательно и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится...

Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов, — сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова?..

— Да. Это ее масса... В скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддерживая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы, — рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, обогнул угол пультового каре, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши: — Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозитация, — устало ответил Глеб. — Неполная, правда, потому что общая масса Ротановой и Алексеенко локально дифференцировалась в гиперпространстве. Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... Астра неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова. Глеб увидел, что Квета уже хлопочет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно, — оживился Казура. — Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия,— сообщили тоны.

— Передача на «Дипстар»,— сказал Калантаров.— Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Осуществлять непрерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интервал, девять. Учитывая вероятность появления энергетического импульса высокой мощности, принять все возможные меры по безопасности. Калантаров. У меня все.

Шеф откинулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одиночестве, однако нужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора, перед которым он почему-то чувствовал огромную вину, и это его угнетало.

— Ну вот,— произнес Калантаров, сжав кулаки.— Свершилось... Первый Контакт. Сам видишь, какой ценой...

— Вижу. Энергоприемники? Смонтируем новые. Гравитроны? Заменим. На неделю работы, от силы — на две. «Дипстар» задействован на постоянный прием. Что еще?

— Блажен, кто верует...— пробормотал Калантаров.

Глеб вскочил. Постоял, не спуская напряженных глаз с Калантарова. Медленно сел.

— Нет,— сказал он,— она вернется. Если она не вернется, я стану врагом межзвездной транспозиции. Как Захаров. Или, скорее, стану энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Она вернется, шеф. Непременно вернется. Иначе...— Глеб понизил голос почти до шепота,— иначе и я, шеф, и вы, и все мы — просто безмозглые черви. Мы взялись за то, к чему абсолютно не подготовлены!..

— Вот именно,— произнес Калантаров разглядывая темные ряды погасших индикаторов.— Или враги, или энтузиасты. И никакого представления о самой сути Kontakta. А что есть Контакт? Где база морально-этической и философской готовности воспринять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? А в послезавтрашнем? Ну, скажем, ты — одна из сторон межзвездного ТР-обмена. Здесь все понятно: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних

мирах, жажда познаний,— квинтэссенция природы гуманоида земного типа. Другая сторона межзвездного ТР-обмена — икс. Теперь на минуту допустим, что этот икс — не гуманоид. Ну, скажем, разумная плесень или облако пыли, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочного бытия. Итак, это облако получает Астру в скафандре — кусочек органического вещества в неорганической упаковке. А мы получаем десяток — другой кубических километров пылевидной материи в упаковке из электромагнитных полей... Контакт? Конечно! Межзвездный обмен информацией и образцами. На высочайшем технологическом уровне!.. Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести не только радость. А мы себя к иному и не готовили. Забрались на «чердак Вселенной», самонадеянно полагая, что главное для нас — достигнуть звезд. Остальное, дескать, приложится... Ну что ж, посмотрим, насколько прав был старик.

— Шеф,— тихо сказал Глеб.— Человек, которого я люблю, затерялся в Пространстве... Туманов получил психическую травму. Гога отделался сотрясением мозга и переломом ноги, Казура — легким испугом. Но никто не обвиняет вас. Мы понимаем, что это только начало, но никто не посмеет обвинить вас и в будущем. Прав Захаров или не прав, но уж если мы забрались на «чердак Вселенной», вряд ли кто из нас пожелает спуститься вниз по рецепту Захарова и Халифмана. Я, например, не намерен. А вы? Калантаров молчал.

— Шеф, я жду ваших распоряжений.

Юрий Медведев

КУДА СПЕШИШЬ, МУРАВЕЙ?

Научно-фантастическая повесть

Средь времен без конца и края,
В бесконечность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны.

В и р а к о ч а

Странствия Лунных Ратников

1. НАД ПОЮЩИМ РУЧЬЕМ

— В древности тюльпаны цвели не в мае, а в июле. Даже не спорьте, мальчики, — сказала Лерка, пытаясь поймать на язык каплю росы из наклоненного клюва цветка. — Гляньте, к нам в гости пожаловал ручей...

И впрямь из расщелины в нависшей над нами скале протянулись извивы живого сияния. Должно быть, полуденное солнце растопило в расщелине снег, и к нам подползало вздрагивающее, огибающее пучки прошлогодней травы робкое существо — ручей. В углублении перед луковицей тюльпана он постоял в нерешительности, как бы набираясь сил, затем уверенно проскользнул мимо нас, разделив Андрогина и меня с Леркой. Своим рывком он наискось перечеркнул узкую, еле заметную нить муравьиной тропы.

— А почему в июле, угадайте, — предложила Лерка. — Кто первый?

Я молчал. Несколько мурашей, отрезанных от родного обиталища возле пня, сгрудились перед светоносной преградой. Они посовещались и как по команде рассыпались вдоль ручья — видимо, искать переправу.

Андрогин сказал:

— При царе Горохе твои тюльпаны распускались в декабре. Притом махровым цветом. Их обожали слизывать мамонты. — Он опирался локтем на рюкзак и покусывал стебелек дикого чеснока. — Потом нагрянули братцы-инопланетянцы. Вроде тех, о которых

ты мне все уши прожужжала, женушка. Из сопредельных, так сказать, миров. Со щупальцами вдоль хребта. Каждое щупальце — чуть поменьше Южной Америки. — Тут он метнул в меня, как наваху, мгновенный взгляд своих черных выпуклых глаз, увенчанных тяжелыми веками. — Они всем скопом ухватились за земную нашу ось и слегка поднаклонили шарик. Климат сразу переменялся, кхе, кхе... Тюльпаны решили распускаться в июле, к твоему, супруга, дню рождения. А мамонты от огорчения передохли. Между прочим, до сих пор у них в желудках находят букеты тюльпанов.

Андрогин говорил без тени улыбки, даже с некоторой наигранной скорбью.

— Тимчик, Тимчик, ни шута ты не понимаешь, хоть и пытаешься всю жизнь острословить. Только не всегда удачно, — вздохнула Лерка. — Ты вслушайся в переключку созвучий: «Тюль-пан! И-юль! Тюль-юль! Тюль-юль!» Звуки-то — как пересвист соловьиный. Нет-нет, моя филология здесь ни при чем. Каждый должен упиваться ароматом родного языка. Даже кандидат химических наук, одаривший коллег диссертацией о самовозгораемости торфа.

Она сорвала тюльпан и несколько раз ударила кандидата по его внушительному носу. Тот изловчился, откусил цветок, швырнул лепестки в муравейник.

— Не слишком захотела ты поупиваться ароматом фамилии Андрогин. Осталась при своей, девичьей, так сказать. Этого тебе земная наука не простит.

Я напряженно ждал ее ответа. Как никто другой я знал, почему Лерка не переменяла фамилию. Но она предпочла отшутиться:

— Чтобы не покушаться на твое наследственное величие, Тимчик. А заодно и на фамильные драгоценности твоих сородичей. Так-то, Андрогин... А фамилия твоя берет истоки от старославянского слова «андо», что означает «между прочим».

Между прочим, у меня были основания усомниться в подобной догадке насчет родословной Андрогина, хохмача с округлым телом и спиной, не отличающейся от груди...

Муравьи снова роились на пятачке возле набухающего серебристого жгута ручья. Они ощупывали друг друга усиками и, наверное, посылали тревожные зовы собратьям по той неизвестной для меня жизни, от которой

их отделяло три-четыре человеческих шага, не более. Я слышал, что они, как и пчелы, не найдя дорогу к дому, погибают.

— Между прочим, все твои этимологические забавы отдают языческими суевериями,— сказал Андрогин.— Это не ты ли мне, голубушка, говорила, будто в древнем мире гадали по внутренностям животных и птиц?

— И по кометам. И по молниям. И по журчанью ручьев,— вздохнула Лерка.

— Ты же занимаешься гаданием по внутренностям слов. Пошамань-ка теперь своему школьному другу, язычница.

Лерка окунула кончики пальцев в ручей, потеряла виски

— Проще простого. Таланов — от старинного слова «талан», то есть «талант», «удача», «счастье».

— Ты счастливчик, Таланов,— сказал Леркин муж.— Ты счастливчик от рождения. Так сказать, генетически обречен на удачу.

Я сорвал стебелек метлицы. Даже выстояв зиму под пластами снега, трава была как живая. Я не встречал ее розово-дымчатые, стелющиеся по ветру косички разве что в Антарктиде. Впрочем, в Антарктиде я не был. Там где не проложены автомобильные дороги, делать мне нечего.

— Ты прав, Тимчик.— Он,— Лерка указала на меня,— переполнен счастьем. Его распирают удачи. Он готов делиться талантами с молниями, ручьями, кометами ушельями, муравьями. По всему свету. В том числе и в городе своей юности, куда он частенько — раз в три-четыре года — заглядывает, хотя и ненадолго.— Лерка притворно вздохнула.

— И ты говоришь о счастье? — спросил Андрогин ее, но глядел он на меня.— Быть приглашенным бывшим сослуживцем и бывшей одноклассницей в горы, трястись на автобусе в Чилик, потом в кузове грузовика до перевала, потом пехом, навьючив на себя трехпудовый рюкзак,— разве это счастье? Это гораздо больше. Это есть невыразимое блаженство.

Я смолчал. Славно они поднавострились в словесных забавах.

— К чему слова? Кто молчит, не грешит,— подделываясь под Леркину интонацию, сказал Андрогин.

— Не задирай чемпиона континента, безгрешный Тимчик,— сказала Лерка и поводила рукой по кисточ-

ке метлицы. — Чемпион уже тоскует по своим железкам, начиненным электроникой и бензином. Зимой я видела его в деле. Шел фильм об автогонках. По-моему, в Мексике или Колумбии, тамошние страны я вечно путаю. Так вот представь: его машина, похожая на дельфина, на повороте трижды перекувырнулась и ухнула в пропасть — а за нею облако пыли и камней — трах-тах-тарарах! Я глаза зажмурила от ужаса. А ему хоть бы что: высовывается из кабины, в руках ружьище вроде гарпунного — бах! — и стрела с тросиком уже торчит из глыбы базальтовой. По тросику этому «дельфин» мигом вскарабкался — и был таков. Жаль только, его лицо я плохо разглядела. Они там все в скафандрах как космонавты.

— Вношу необходимые уточнения, — сказал я. — Перевернулись всего лишь дважды. И не в пропасть ухнули, а скатились в овраг. И не Мексика или Колумбия, а Перу. Там во времена инков тоже гадали. По внутренностям живых еще людей.

Сорванный стебелек метлицы я положил над тихо поющим ручьем, осторожно подвел кончик стебля к обреченным муравьям. Наслышанный об их недюжинном разуме, я не сомневался, что они попытаются воспользоваться мостом, опустившимся прямо с небес. Но ничего не случилось. Муравьи на мост не шли.

— Ты счастливчик, — не унимался Андрогин. — Ты объездил десятки стран, был в Нью-Йорке, в Рио-де-Жанейро, в Сингапуре, в Багдаде, в Калькутте, даже в самом Иерусалиме. Ты лицезрел красивейших женщин земли, а может, даже с некоторыми из них, — он лукаво погрозил мне пальцем и пощекотал свои огромные вислые усы, — коктейли распивал. Ты понавез небось кучу модного барахла. Да и в кубышке, я уверен, кое-что звенит про черный день. Ведь звенит, счастливчик, меня не проведешь!

Я не стал объяснять Леркиному мужу, что звенит у меня не в кубышке, а все чаще и чаще в голове, особенно если не спишь несколько ночей подряд, что по черным дням, когда зарядит дождь, начинаются прострелы в позвоночнике — напоминание о компрессионном переломе пятого позвонка, что лишь в этом году на гонках в Гималаях разбилось четверо: де Брайян, Омежио, Ту Хара, Виктор Голосеев. Я ничего не стал объяснять существу, на чьем лице (и это прозорливо отметил мудрец) виднелась вековечная брюзгливая скорбь, которая

так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах, подобных Тимчикову лицу.

— Ты опять прав: кое-что я оттуда поднатаскал,— сказал я, впервые за много лет назвав его полным именем.— В частности, навыки по спасению муравьев...

Муравьи не шли на мост.

Концом спички я попытался подогнать одного к спасительному стеблю метлицы. Бесполезно. Он исхитрился юркнуть под бурый прошлогодний лист.

— Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не скажет,— загадочно проговорила Лерка.

Пришлось прибегнуть к насилию. Я расщепил ножом спичку надвое, одной половинкой поддел муравьишку, перенес его к мосту над лоющей бездной ручья, а другой половиной спички пересадил, точнее, перегнал, на мост. Насекомое крепко схватило стебель лапками и не двигалось ни вперед, ни назад. Я начал слегка его подталкивать, ощущая пальцами необычайную силу сопротивления упрянца.

И все-таки он пополз! Сперва медленно, неуверенно, потом осмелел, перевернулся вниз головой и в таком положении засеменил к берегу надежды.

Лерка наблюдала за моими манипуляциями с какой-то внутренней тревогой. Лишь теперь, сидя рядом с ней, при беспощадном свечении горного солнца, я заметил, как она изменилась за минувшие четыре года после нашей последней встречи. Возле глаз и у висков обнаружился еле заметные знаки морщин, брови она теперь выщипывала снизу, отчего ее глаза стали почему-то чуть уже, но теперь в них время от времени возникало странное, неведомое мне сияние. Возможно ли, чтобы такое сияние было порождено этим Тимчиком с его уже выпирающим брюшком, с его анекдотами, с его одутловатым лицом, которому нелепые, как бы надутые воздухом усы, похожие на рачьи клешни, придавали приторно-удивленное выражение. «Постой, постой,— тут же одернул я себя,— ты, кажется, начинаешь злобствовать по поводу Тимчика Андрогина. А злобствуешь ты потому, что ему завидуешь. Ларчик-то открывается довольно просто, чемпион континента!»

Когда последний, девятый, муравей благополучно закончил переправу, меня озарило: а что, если вернуть его на прежнее место, к «пятачку», где они только что толпились. Так я и поступил. К моему удивлению,

подопытный смело двинулся к мосточку, ощупал стебель усиками и живо перекочевал по уже разведанной стезе. Научился!

Дважды еще пришлось мурашу проделать этот путь. Он бежал так уверенно, как будто самолично — с ордою собратьев — создал мост над ручьем.

— Ты беспощаден, как гладиатор, Таланов,— сказала Лерка.— Тебе что машины, что муравьи, что людишки — все одно и то же. Материя, так сказать. Одинаково безответное содрогание атомов.

— Все еще предпочитаю людей. А среди людей ставлю выше прочих тех, кто ходит над пропастью,— ответил я и сразу же понял, что дал промашку. Во-первых, это походило на саморекламу. Во-вторых, больно заделало Лерку.

— И ты всерьез поверил одиссее этой горельпинистки? — Тимчик разглядывал небеса, изрезанные узорами вершин, холил свои усищи.— Типичная хохма. Расчетливая красавица завлекла нас в лабиринт Заилийского Алатау, чтобы обоих подставить под лавину. Так она отделается и от осточертевшего мужа, и от бывшего поклонника, переметнувшегося к жгучим креолкам.

Славный был парень Тимчик, но в автогонщики не годился.

Леркино лицо оставалось незамутненным.

— Один из вас достоин лавины. Но на этот раз обойдемся без трагедии. Повторяю: я не прошу мне верить. Все, что я хочу,— показать вам то самое место. А шагать до него порядочно. Надо бы до захода солнца успеть. Скоро двинемся дальше, мальчики.

Тимчик не преминул воспользоваться моей оплошностью. Я забыл, что с этим кандидатом надо держать ухо востро.

— Царица грез моих,— замурлыкал Андрогин.— Повели маэстро исповедаться, отчего это он души не чает в ходящих над пропастью. А может, над пропастью ездящих?..

Это был запрещенный прием, хотя и отменно проведенный. Все-таки он вытянул из меня кишки, этот гадатель по внутренностям.

— В Андах, чуть выше линии вечных снегов, иногда встречается цветок. Я его не видел, но говорят, он похож на наши полярные маки, только побольше,— отрывисто, глухо, как всегда, когда злюсь, начал я.— Мест-

ные племена называют его гравестос. А может, гравейрос, за точность не ручаюсь. Говорят, кто выпьет его отвар, заболевает лунатизмом. Правда, ненадолго. С незапамятных времен жрецы использовали гравейрос, чтобы ходить ночью над пропастью, — на устрашение своей паствы. По туго натянутому канату. Такие канаты сплетают из волокон агавы. До сих пор в Перу на них кое-где подвешены мосты...

2. ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ЛУННОГО ОГНЯ

Я не слишком верил легенде о гравейросе. Подобных рассказов в Южной Америке переизбыток. Да и не только в Южной Америке.

Но вот в позапрошлом году на розыгрыше кубка «Солнца инков» мы оказались в горах Карабайо, к востоку от древней столицы инков — города Куско. Помню, мы с напарником основательно вымотались за две недели гонок вдоль каньонов, по крутым серпантинам и были рады долгожданному отдыху. Нам дали две ночи и день.

До обеда мы с Виктором проспали, а потом решили порыбачить. Реки там похожи на наши тянь-шаньские: норовисты, пенисты, форель схватывает крючок намертво.

Бредем мы с удочками по городишку Ла-Пакуа, а навстречу Дончо Стаматов из болгарского экипажа. «Здравей,— говорю,— другарь Стаматыч. Опять ты Розетти на полрадиатора обошел. Эдак он от огорчения перезабудет весь набор своих неаполитанских песен». — «Пускай учится петь наши, славянские,— хочет Дончо.— А вы, души рыбные, возвращайтесь засветло. Вечером скатаемся ещё выше в горы, вон туда, к самым снегам. Там обитает не совсем еще цивилизованное племя индейцев, и сегодня, в честь новолуния, будет шумное празднество. Среди прочих чудес обещают полет красавицы над пропастью — то ли в когтях дракона, то ли помчится с подвязанными крыльями,— я толком не разобрал. Никогда не слыхал про такое диво? Э-э-э, не раз еще услышите, другари. Но лучше увидеть своими собственными глазами. И учтите: приглашает нас здешний мэр. В виде особой милости. Он к автомобилям неравнодушен. Как Розетти к прекрасному полу. Единственная просьба, даже не просьба, а требование мэра — никаких фотоаппаратов и кинокамер.

Особенно это касается — я добавлю от себя — друга-
Голосеева».

Мы выехали около восьми.

В горах темнеет рано. Последние километры пять наших машин, растянувшихся цепочкой, одолевали буквально на ощупь. Моторы ревели, задыхаясь, как всегда они режут на большой высоте. Мы оседлали тропу, где обычно ходят с поклажей, наверное, лишь ламы, заменяющие здешним жителям и коров, и лошадей, и овец, где по одну сторону громоздились отвесные скалы, а по другую — чернела нескончаемая пропасть. После одного довольно-таки заковыристого поворота мэр — он находился в стаматовой «Пеперуде» — выскочил из кабины и подал знак остановиться. Смешно жестикулируя, он начал объяснять, что дальше тропа совсем суживается, что он в ответе за нашу безопасность перед прогрессивной мировой общественностью, что пешком тут добираться около часа, не дольше.

Розетти, не дослушав мэра, завел свой «Везувий», выпустил пневмоприсоски, въехал на вертикальную стену и пополз над головою ошарашенного хозяина Ла-Пакуа. Мэр продолжал что-то говорить, не без смущения бросая взгляды вверх, где на расстоянии протянутой руки проплывали в обрамлении разноцветных приборных огней кудри весельчака Розетти.

Лунной ночью в платье белом
И с гвоздикой в волосах —
Нет прекрасней Маручеллы
На земле и в небесах! —

выводил Розетти своим неподражаемым бельканто. В том, что это именно бельканто, к тому же неподражаемое, Розетти убедил нас с Голосеевым в первые минуты знакомства, еще до того, как запел.

«Везувий» сполз со стены на тропу перед «Пеперудой». Мэр расхохотался, пересел к Розетти. Мы двинулись дальше...

В индейское селенье мы попали часам к десяти.

Еще издали стали заметны несколько костров. Удивлял цвет пламени: фиолетовый с переходом в палевые, даже желтые, тона. Проезжая по селенью, мимо мрачных домишек с плоскими крышами, мы смогли рассмотреть, что костры горят на отшибе, у подножия внушительных размеров каменной башни. Над тремя кострами висели большие котлы.

По соседству, на другом холме, высилась точно та-

кая же башня, освещаемая одним костром. Башни разделяла пропасть.

Мы оставили машины у подножия холма и мимо безмолвствующих мужчин в причудливых шляпах и разноцветных накидках направились к башне. Между прочим, я не заметил до сей поры ни единой женщины.

— Вождю следует поклониться до земли, — быстро говорил нам мэр полушепотом. — Это вон тому старику, на помосте, в красном покрывале. А тот, что слева, в орлиных перьях, с двумя колдунами, это жрец. С ним разговаривать инородцам вообще запрещено. И никаких песенок, сеньор Розетти, умоляю вас.

Мэр первым картинно ударился вождю в ноги, за ним — не без смущения — все мы. Вождь поднялся с леопардовых шкур и ответил точно таким же поклоном — до земли. Вслед за тем он гортанно прокричал несколько слов, дав знак приблизиться.

— Верховный Владыка лунных ратников приветствует вас, восседающих в колесницах, — переводил мэр. — Да хранит вас лунный огонь.

Вождю было лет восемьдесят, не меньше. Глаза его из-под огромных разросшихся бровей сверкали молодо и пронзительно. Вождя охраняли четверо свирспого вида юношей с пиками и луками. У одного стражника покоился в руках винчестер.

По знаку обладателя винчестера на помосте разостлали леопардовые шкуры. Мы расселись, после чего каждый получил чашу, наполненную до краев белой жидкостью, и золотистое блюдо с дымящейся тушкой кун — волей-неволей настало время отведать морских свинок, издревле лакомую пищу в Андах.

Пока под взглядами телохранителей мы опасливо раздирали мясо, уснащенное листьями и травами, мэр неторопливо беседовал с вождем. Судя по тому, как он то показывал шевелящимися пальцами в сторону машин, то называл поочередно наши имена, шла церемония нашего представления.

Я отхлебывал кисло-сладкий напиток из глиняной чаши, смотрел на подпирающую небо башню, на фиолетовое дрожанье костров, на молчаливых людей возле них, и мне казалось, что время, как исполинская возвратная волна стягивает меня с берега сущего, настоящего туда, в мерцающие глубины бывшего, что можно еще стать и дружинником князя Святослава, и мстителем Евпатия, и успеть к дымящейся рассветной дубра-

ве у Непрядвы, чтобы увидеть, как два богатыря — один в лисьем малахае, с хищной улыбкой насильника, другой — в черном смерчем развевающейся рубаше и с нателным медным крестом — сшибутся, ударят друг друга копьями и оба падут с коней мертвыми...

Меня вернул из прошлого крик с вершины башни за пропастью.

Жрец, до той минуты застывший как изваяние, поднялся, раскинул руки с привязанными к ним перьями, двинулся по крутым ступеням к башне. Его поддерживали колдуны. Все трое запели.

Под их суровое однообразное пение костры гасли один за другим — их накрывали толстыми циновками, и пламя мгновенно укрощалось. Погас костер и за пропастью. Воцарилась тьма, лишь тлел огонек сигареты Розетти, но вот и он исчез.

Мы с Виктором сидели недалеко от мэра. Я воспользовался темнотой, придвинулся к нему, спросил еле слышно:

— Извините, о чем они поют?

— Духов лунных заклинают. Пока не подымутся на самый верх башни, — дыша мне в ухо, отвечал мэр. — Я вам буду переводить как сумею, а вы все перескажете другим, попозднее.

— Спасибо за доверие, — сказал я, нащупал его руку и потряс в знак признательности.

— Кто готовится в путь над бездной, в чьих руках — осиянная весть? — спрашивал жрец речитативом, видимо, уже с вершины башни.

— Властительница Лунного Огня, — отвечал молодой голос из-за пропасти.

— Кто несет на крылах знак преображенья богини бессмертной?

— Хранительница Лунной Благодати.

— Чьи волосы — струны света, ростки зеленых побегов, струи молодых ручьев?

— Властительницы Лунного Огня...

— Чьи слезы — дождь, живительный и благодатный?

— Хранительницы Лунной Благодати.

— Кто линию смерти и жизни, зла и добра, света и тьмы прочерчивает на камне Вселенной?

— Властительница Лунного Огня...

Всех вопросов и ответов запомнить было невозможно, тем более в переводе на английский. Наконец пос-

ле некоторого молчания жрец прокричал с высоты каким-то задушенным голосом:

— Лети же, лети к нам, твоим ратникам, вещая дева света, Властительница Лунного Огня!

...И я увидел, как над нами, во тьме, в той стороне, где другая башня, явилась вдруг светящаяся человеко-птица. Она медленно махала фосфоресцирующими руками-крыльями, столь же медленно приближаясь к нашей башне. Подобие сияющего хитона плескалось между крыльями, лицо мерцало лунной белизной с голубыми ободьями вокруг глаз, а над головой она несла тонкий серп молодой луны. Зачарованный, я хотел потеребить Виктора, этого сурового реалиста, не верящего в чудеса, но его рядом не оказалось: должно быть, передвинулся поближе к Стаматычу.

Было тихо. Доносился глухой далекий шум реки со дна пропасти, над которой парила Властительница Лунного Огня. Я сосчитал про себя до ста пятидесяти, прежде чем загадочная летунья достигла башни и скрылась в ней.

Тем временем в небесах над башней обозначился новолунный серпик, точь-в-точь такой, какой несла она. Все племя лунных ратников запричитало, запело. После долгого песнопенья разом вспыхнули костры, кроме единственного, за пропастью.

Как только костры запылали, я начал переводить взгляд от башни к башне. Я надеялся заприметить канат, по которому, опьяненная отваром гравейроса, только что прошествовала Хранительница Лунной Благодарности, но не увидел ничего.

Показался жрец, один, без колдунов. Он грузно спустился по ступеням. В правой руке он держал длинный блестящий нож, в левой — обезглавленного петуха. Жрец отвесил поясной поклон вождю, распорол петушиное брюшко, запустил руку вовнутрь, вынул сердце и съел.

Лунные ратники возликовали. Некоторые ударились в пляс. Застучали барабаны. Стали раздавать варево из котлов.

— Ну как, Виктор? — спросил я Голосеева, который и вправду передвинулся к Стаматычу.

— Во! — Он поднял большой палец. — Эти кун, замечу тебе, объединены. Я своего уплел мигом, вместе с травой. Вот тебе и морская свинья. Жду теперь добавки.

И ни слова о полете призрачной птицы! Не характер — кремень.

В голове у меня шумело. Я ощущал во всем теле необыкновенную легкость. Казалось, поднимись я сейчас на башню, шагни в пропасть — и легко воспаришь, едва взмахивая руками. Такое чувство бывает иногда во сне, особенно в детстве, когда я зависал как жаворонок то над полем цветущего клевера, то над глухими заводами Ельцовки, то над родной деревней. Помнится, я отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты не только грядки в огородах или пасущихся на косогоре коз, но по необъяснимому свойству сонного зрения, даже головки тыкв, похожие на выводок цыплят, даже рыбешек, резвящихся на плесе, даже мышей-полевок возле прошлогодней скирды, даже начинавшие чернеть ягоды смородины у нашего плетня. Позже, в Автоакадемии, я увидел фотографию во всю стену. С высоты нескольких сотен километров спутник запечатлел старт планетолета «Иван Ефремов» к Сатурну. На фото были хорошо различимы мельчайшие детали степного пейзажа: красные чаши тюльпанов, змеи, греющиеся на камнях, суслики возле своих норок — шагов за триста от стартовой площадки. Вот и начали сбываться сны детства, подумалось тогда...

— Приезжайте весной,— шепнул мне мэр.— Весною празднество ничуть не скучней.— Тут он мечтательно посмотрел на луну и вздохнул.— Намного веселей. Хотя бы потому, что на него допускаются и лунные ратницы. Представляете: между башнями растягивают сеть, куда ловят первые лучи новорожденного солнца.

Розетти в самых изысканных выражениях поблагодарил вождя за сверхневероятнейший, как он выразился, подарок — зрелище летящей Лунной Девы и попросил в виде особой милости познакомить нас с ней. Если будет на то добрая воля владыки лунных ратников, он, Розетти, готов прокатить ее в своей колеснице, даже свозить в Ла-Пакуа, в прекрасный дансинг.

— Я выслушал тебя, восседающий в колеснице,— отвечал вождь и бросил взгляд на телохранителя с винчестером.— Желание твое невыполнимо. Властительница Лунного Огня не открывает свой лик чужеземцам. Даже если чужеземец случайно ее увидит, узнает ее небесную тайну, ему несдобровать. Он неукоснительно найдет смерть. На линии света и тьмы. В ночь лунного затмения.

— На линии света и тьмы... В ночь лунного затмения... — ошарашенно повторил Розетти.

Здесь в первый и в последний раз подал голос жрец:

— Это так же невозможно, как одному из вас, восседающих в колесницах, подарить верховному владыке лунных ратников, — поясной поклон в сторону владыки, — свою колесницу. Вашей колеснице негде бегать среди наших скал, в нашем лунном свете. Лунная Дева умрет в вашей тьме.

Жрец величественно повернулся и вскоре скрылся в башне.

Чтобы как-то сгладить неловкость, я спросил вождя, часто ли навещает лунных ратников светозарная дева. Оказалось, это случается один раз в году. Да, лишь раз в году из башни Смерти Луны переносит она лунный огонь в Лунную Колыбель. Этой ночью людей по всей Земле подстерегают великие несчастья и беды, если они не принесут жертву Властительнице Лунного Огня. Малые злоключения нависают над смертными во все остальные новолуния и полнолуния. Злоключения можно отвести разжиганием костров с добавлением в пламя лунника — сухой лунной травы, барабанным боем, поеданием живого сердца жертвы. Так повелось исстари, с тех самых пор, как лунные ратники прилетели на Землю. Это произошло ровно 62 тысячи лун тому назад.

Я призадумался: 62 тысячи лун — это около 5 тысячелетий! Вот в какие непредставимые, догомеровские дали времен уходил обряд пришествия Хранительницы Лунной Благодати.

— Значит, в ночь прилета лунной синьориты надо обязательно отведать сердце петушка? — спросил, улыбаясь, Виктор.

— Надо съесть живое сердце, — тихо отвечал вождь, проведя по губам тыльной стороной ладони. — Еще при моем дед деде моего жреца съедал не петушиное сердце. Дед моего жреца.

Мы замолчали. Я взглянул на часы. Было около полуночи. Луна поднималась все выше, чуть высвечивая вечные снега вершин. Пора было возвращаться в город. Вождь с телохранителями проводил нас к машинам. Здесь мэр передал вождю несколько ящиков с вином и провизией, топор и двуручную пилу. Они быстро о чем-то переговорили, затем обнялись. Старый вождь заплакал.

— Зачем он плачет? — спросил Розетти. — Это я; болван, причинил ему горе. Будь я проклят со своим змеиным языком, черт меня дернул сболтнуть насчет поездки в дансинг. Разрази меня гром с Везувия!

Мэр сказал:

— Он плачет, потому что Властительница Лунного Огня отняла у него единственного внука. Три года тому назад он упал в пропасть. А за год до этого погиб его сын. А ведь лунным ратникам предписано выбирать вождя только из рода верховных владык. Вот старик и зовет меня к себе, предлагая должность Держателя Лунного Пера, с тем чтобы после отлета его души я стал вождем. А какой из меня вождь при врожденном пороке сердца и неукротимой страсти к рулетке?

Как выяснилось, вождь был его дядей.

Я вытащил из багажника прозрачную коробку с точной копией «Перуна» — в десятую часть натуральной величины, поставил у ног вождя, снял крышку и объяснил, что это наш общий подарок владыке лунных ратников.

Вождь заулыбался, потер в задумчивости лоб.

— Прозорлив и многомудр мой великий жрец, — изрек наконец вождь. — Большой колеснице негде бегать среди наших острых скал. А детенышу колесницы бегать не надо. Пусть детеныш всегда стоит возле моего трона. Рядом со священным камнем, упавшим с вершины небес. При прадеде моего деда.

Он радовался, как дитя, этот глубокий старик. Но главная радость ждала его впереди.

— О владыка, детеныш колесницы тоже умеет бегать. И даже лазить по скалам. Надо только за ним присматривать. На этой доске — цветок с четырьмя лепестками. — Я протянул вождю пульт дистанционного управления. — Нажмешь верхний красный лепесток — детеныш бежит вперед, зеленый — назад, оранжевый — влево, синий — направо. А в центре доски — глаз, он всегда примечает, куда бежит детеныш. Скатится к ручью — видно ручей. Заберется на холм — видишь его на холме.

С помощью мэра вождь тут же позабавился маневрами нашей модели. Не скрою: давно я не встречал таких довольных вождей.

— Далеко ли может убежать детеныш колесницы? — спросил вождь.

— Он может бежать без передыху одну луну. Но ес-

ли доску днем держать на солнце, детеныш никогда не устанет. Но доску лучше не ронять.

— Я поручу охранять доску обоим моим колдунам,— торжественно провозгласил вождь.— Колдуны будут держать ее на солнце от восхода до заката. И никогда, пока я жив, не уронят. Благодарствую, восседающий в колеснице. Никто из инородцев так не радовал сердце верховного владыки лунных ратников, как ты. Какую награду хочешь ты увезти туда? — Он сделал жест в сторону, противоположную сияющим под луною вершинам.— Туда, во тьму?

Ко мне нагнулся Розетти и сбивчиво зашептал:

— Грандиозный момент, синьор Таланов. Надо выклянчить хотя бы одно блюдо, на которых подавали этих зажаренных тварей. Лично у меня блюдо было золотое, я определил по весу, да и на зуб попробовал. Хотя бы одно, а? Чистейшее золото, клянусь святым Януарием.

И я вспомнил о гравейросе. Другого такого случая в жизни уже не представится, подумалось мне. Эх, была не была...

Вполголоса я растолковал мэру свою просьбу, но вместо ответа был удостоен долгого тяжелого взгляда.

— Если моя скромная просьба невыполнима, будем считать мне наградой ваш взгляд,— сказал я, глядя прямо в глаза мэру.— Его-то я и увезу туда, во тьму.

Мэр попытался улыбнуться.

— Некоторые награды можно и не успеть получить при жизни,— тихо произнес он.— Во всяком случае, мой отец еще помнил времена, когда за подобную просьбу чужака спокойно прикончили бы на месте.

— В те замечательные времена не было ни таких колесниц,— я показал на «Перуна»,— ни их бегающих детенышей. Между прочим, один из детенышей дожидается вас в Ла-Пакуа.

Давно я не встречал столь счастливых племянников вождей.

Владыка лунных ратников удалился с мэром, чтобы вскоре вернуться и объявить, что награда будет мне вручена там, внизу, во тьме.

А Розетти получил награду сразу. Иссиня-черный камень, прожженный слезою Хранительницы Лунной Благодати, и пару живых куи в деревянной клетке.

3. ДА НЕ ОПУСТЕЕТ ТВОЙ ДОМ, ЧЕЛОВЕЧЕ!

На другой день закрутилась привычная свистопляска. В минуты отдыха я не раз вспоминал ночь на линии света и тьмы. Иногда я доставал плоский сосудик из обожженной глины, осторожно вытаскивал деревянную пробку, принохивался. Пахло скошенным лугом, цветущим анисом, полынным терпким настоем. И сразу накатывала тоска. Хотелось бросить все: безумную гонку по чужой земле, интервью, встречи, речи, поломки, промежуточные финиши, желтые шлемы лидеров — все хотелось бросить — и домой, к родным равнинам, к шуму сосен, к стогам, плывущим сквозь заречные туманы...

Мы выиграли с Виктором «Золото инков». Но то была наша последняя победа.

В Кальяо мы погрузили «Перуна» на теплоход «Таис Афинская», разместились в каютах и вволю отоспались. До отплытия оставались считанные дни.

Как-то вечером, посмотрев в местном кинотеатре широко разрекламированный фантастический боевик «Осада Марса», мы вернулись на теплоход.

— Я заскочу к тебе, если не возражаешь, фантазер. Через полчаса, ладно? — сказал Виктор и заговорщицки подмигнул.

Он появился, держа в руке жестяную коробку с кинолентой.

— Отгадай, каким боевиком я порадую победителя? — спросил Виктор, потрясая коробкой.

— Финишным боевиком, — отвечал я. — Нас подкидывают в небеса, ты до ушей улыбаешься, из карманов у тебя вываливаются отвертки, реле, контргайки и все прочее, а я обвинил, как удав, кубок, который, как ты точно подметил, переделан из самовара.

— Вот и не угадал. Перед тобою — строго научное кинообвинение. Служителей культа, пользующихся отсталостью народных масс, чтобы одурманивать простаков цирковыми трюками вроде порханья разного рода божеств над глубокими пропастями. Так-то, фантазер.

Он расхохотался, а я, ни о чем еще не догадываясь, спросил:

— Дружище, неужто удалось заполучить какие-то кадры о хождении жрецов по канатам?

— Не заполучить, а заснять самолично, — сказал Голосеев. — Притом в инфракрасных беспощадных лучах. С ними, как ты знаешь, никакое очковтирательство

не проходит. Не зря сказано: все тайное становится явным.

Я удивился:

— Когда ж ты успел, пострел?

— А тогда, у лунных ратников.

Оказывается, как только Властительница Лунного Огня явилась вдруг во тьме, в той стороне, где башня Смерти Луны, дотошный Голосеев незаметно пробрался к «Перуну» навел кинопанораму так, чтобы захватить обе башни, задействовал автостоп на 15 минутный максимум и сразу же вернулся назад. Так вот почему я не обнаружил его рядом, когда подобие сияющего хитона плескалось у ней между крыльями, а лицо сияло белизной с голубыми ободьями вокруг глаз...

— Что же ты, смельчак, понаснял? — спросил я.

— Снял не я. Я, как и ты, хотя в меньшей степени, подвержен страстям. Снял бесстрастный прибор. И прибор, только не огорчайся, ради бога, подтвердил мою правоту в нашем споре. Все твои гравейросы-гравестосы — красивая несуразица. — Голосеев снова потряс коробкой, как триумфатор сверкающим скипетром из слоновой кости. — Я вчера проявил и только что прокрутил на мониторе. Нет, не разгуливает по канату размалеванная пташечка. Чудес, как я тебе постоянно твержу, не бывает. Она привязана к кольцу, в кольцо продет канат, и ее тянут веревкой от башни к башне. А чтобы богиня не крутилась, на кольце сооружена удавка, как у воздушного змея. И заметь, фантазер, едва она долетает, ха-ха, долетает, значит, до башни, как сразу же неведомые силы ослабляют канат, припускают его в пропасть. И все шито-крыто.

— Вечно ты меня разыгрываешь. Но на этот раз ничего не выйдет, отважный пожиратель куи, — сказал я.

— Прошу к монитору, победитель. — Голосеев присел и галантно показал рукою на дверь: — Прошу. Убедишься собственными глазами, кто кого разыгрывает. Кстати, когда мы приплывем, я собираюсь показать пленку знакомым телевизионщикам. Очевидное — невероятное! Сенсацию трахнем на всю державу!

— Ты умница, Голдсеев, — сказал я как можно спокойней, потому что уже разбухал от беспричинной злости. — Ты настоящий естествоиспытатель. Из тех, кто сдирает кожу с живых лягушек, рефлексы созерцает. А как же иначе распутать тайну живой материи? Режь, кромсай, зверствуй! Но берегись, несчастный натурфи-

лософ, ее величество тайна мстит за насильственные забавы в ее владениях. Даже тому, кто лучше прочих проходит повороты в горах.

Голосеев расплылся в улыбке до ушей.

— Насчет мести загнул ты здорово. А поощряет ее величество небось только за высокопарные выражения?

— Тогда считай поощрением угрозу гибели на линии света и тьмы,— подумав, сказал я.— Не забыл? Всякому, кто узнает тайну Властительницы Лунного Огня.

— Ты обрисовал нечетко контуры призрака, фантазер. Кондрашка должна хватить нечестивца не просто на подступах к вечным снегам, но обязательно в ночь лунного затмения. Сочетание, скажу тебе, редкостное для обитателя равнин. Так что у меня неплохие шансы увеличить количество долгожителей. Вместе с тобою, фантазер. Если не больше прочих рисковать на поворотах.

— Ладно, долгожительствуй,— сказал я.— А мне оставь пленку. Я хочу прокрутить ее один. Без твоих пространных комментариев. Если не возражаешь. И больше не зови меня фантазером. Поднадоело.

Он положил коробку на столик, пожал плечами, ушел.

Иллюминатор заволакивала чернильная темь. На двух островах, загораживающих гавань Кальяо от свирепых океанских волн, вспыхивали дрожащие огни. Я взял коробку и поднялся на палубу.

Потрепанный, изрядно побитый «Перун» был надежно прикреплен тросиками к стойкам. Ничего, железный скакун, думал я, восседающие в колесницах наведут на тебя лоск за долгий путь на север.

В кабине, чтобы не привлекать лишнего внимания, я поляризовал стекла на полное внутреннее отражение. Теперь я остался один на один с проклятой коробкой. Необъяснимо, но главное, что я вынес из рассказа Виктора,— это чувство стыда, как если бы сегодня я случайно подслушал, что соперники еще перед началом гонки условились — в силу неведомых мне причин — нарочно уступить первенство именно «Перуну», так что все наши тактические ухищрения были напрасной трагедией сил и нервов. Ситуация хотя и нереальная, но угнетающая. Угнетающая прежде всего невозможностью что-либо изменить. Комедия окончена. Упал занавес. Театр пуст. Крысы скребутся под сценой.

Я достал пленку, заправил в монитор и уже потя-

нулся включать, но рука остановилась на полпути.

А зачем мне это? Чтобы убедиться, что Голосеев прав? Но в чем его правота? В том, что лунное чудо подчинено неодолимым законам земной механики? Но зачем мне знать до конца, по какому — железной или алмазной твердости — закону днем и ночью, стоями и в одиночку тянутся в высях над океанами перелетные птицы? Зачем знать до конца, почему в детстве, когда мы переехали из деревни в город и не взяли с собой собаку Нерку, она прибежала к нам спустя неделю, отмахав по осенней тайге свыше шестисот километров? Почему в ночь перед последним экзаменом в Автоакадемию, когда все висело на волоске, мне приснился мой билет со всеми тремя вопросами, и я вытянул наутро именно его? Почему иногда, особенно в лунные ночи, я предчувствую не только извивы и уклоны любой дороги, но и встречные машины за поворотом, за холмом, и не только машины — любые препятствия? А что, если странные загадочные, не до конца распознаваемые явления — тоже неотъемлемая часть мировой жизни? Подобно тому как обязательна странность в пропорциях пленительной красоты — частица самой красоты? Может быть, огни космических цивилизаций тогда и гаснут — одни, задуваемые атомными смерчами, другие, стиснутые рациональным бесплодием, когда в них наконец умирает последняя тайна. Как умирает деревенский дом, покинутый всеми обитателями. Как умирает человек, изгнавший из сердца чудо сострадания и любви...

Я вложил пленку в коробку, вылез из кабины, прошел на безлюдную корму, свесился через перила, разжал пальцы. Плеска внизу я даже не услышал. Что ж, покойся на дне Тихого океана, оскверненная тень Лунной Девы. Пусть все так же летит над пропастью Властительница Лунного Огня! Да не опустеет твой дом, Человеке!

На другой день я улетел первым самолетом на Кубу, а оттуда — в Москву. Голосеев так и не поверил, что я утопил пленку, даже не просмотрев. Я оставил ему на прощание собственный перевод одной статьи из какого-то затертого журнала. Чтобы сдирателю живой кожи было о чем поразмышлять, созерцая в инфрапанораму одиноких альбатросов над ночным враждебным океаном

Статья была озаглавлена:

ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ ЛУНЫ

«Силы притяжения между Землей и Луной весьма значительны, поскольку оба небесных тела обладают сравнительно большими массами, а расстояние между ними по космическим масштабам невелико.

Словно исполинский магнит, Луна притягивает к себе воды Мирового океана, образуя на его поверхности целую водяную гору. На многих побережьях, и прежде всего в закрытых бухтах северо-западных штатов США, приливная волна достигает высоты 20 метров. У побережья французской Бретани разница в уровне прилива и отлива столь значительна, что силы гравитации приводят в действие большую гидроэлектростанцию.

Однако лунному притяжению подвержены не только океаны, но и континенты. Установлено, что под влиянием Луны они поднимаются или опускаются в пределах 23 сантиметров. Неудивительно, что подобные перемещения могут вызывать катастрофические разрушения в тех местах, где земная кора напряжена.

Не остается без лунного воздeнствия даже воздушная подушка нашей планеты. И в атмосфере существуют своеобразные приливы и отливы. При полнолуниях и новолуниях атмосферное давление снижается приблизительно на три миллибара по сравнению с другими лунными фазами.

И еще одна закономерность. Хотя отражаемый Луной солнечный свет составляет стотысячную долю всего солнечного потока, устремленного на Землю, тем не менее он повышает температуру земной поверхности на $1/2000$ градуса.

Может показаться, что приведенные величины ничтожны, чтобы оказывать какое-то влияние на погоду планеты. Прав ли был историк и естествоиспытатель Плиний, живший в I веке нашей эры, когда утверждал, что полная Луна повышает влажность воздуха и вызывает дождь? Или это обычное заблуждение? Правы ли те, кто твердо верит — а таких людей множество, — что с увеличением фазы Луны погода улучшается?

Долгое время метеорологи старались вообще избегать подобных вопросов. Но вот специальная группа американских ученых всесторонне исследовала 16 тысяч сведений о погоде в 1544 районах США за последние полвека. Прежде всего обращалось внимание на закономерность выпадения дождей. Оказалось, что чаще

всего дожди шли на протяжении трех — пяти дней после новолуния и полнолуния.

Опубликованные материалы вызвали всеобщее недоверие. Однако вскоре пришло подтверждение от австралийских ученых: да, дожди предпочитают лить после новолуний и полнолуний.

Другие исследователи, обработав данные 269 метеостанций, сразу же подметили закономерность возникновения тайфунов с силой ветра свыше 12 баллов. Выводы были обескураживающими. Вероятность подобных ураганов при новолуниях и полнолуниях выше обычной на 25 процентов!..

К сожалению, причины воздействия древней Селены на погоду до сих пор не выяснены. Самая распространенная гипотеза такова. Мировое пространство отнюдь не пустота. В нем движется огромное количество космической пыли, остатки метеоритов и погибших планет. Не исключено, что часть этой материи улавливается Луной, а затем перекочевывает на Землю — ведь земное притяжение значительно превосходит лунное. Попадая в верхние слои атмосферы и постепенно оседая, мельчайшие космические частицы становятся как бы конденсаторами влаги, сгущаются в облачные массы и в результате — дождь.

Если Луна способна оказывать влияние на движение океанов, земной коры, атмосферное давление и температуру, не воздействует ли она и на поведение животных и людей?

Как, например, объяснить следующее явление. Давно известно, что моллюски открывают створки своих раковин при приливе и закрывают при отливе. За день они фильтруют около 65 литров воды и улавливают свыше 72 миллионов микроорганизмов, которые и служат им пищей.

Первоначально считалось, что движение створок раковин обусловлено перепадом давления воды при приливе и отливе.

Но вот был произведен такой опыт. Несколько моллюсков перевезли за 1660 километров от побережья и поместили в непроницаемые для света стеклянные сосуды, где были полностью воспроизведены температура и давление воды в привычной для моллюсков морской среде. Затем подключили устройство, контролирующее движение створок.

Поначалу моллюски сохраняли свой привычный

ритм: они открывались и закрывались, хотя не было ни приливов, ни отливов. Но ровно через 14 дней случилось невероятное: ритм сместился на 3 часа. Это позволило сделать такой вывод: моллюски открываются и закрываются в точном соответствии приливам и отливам на их новом местонахождении. Иными словами — ритм моллюскам диктовала Луна...

Луна, несомненно, влияет и на поведение некоторых млекопитающих. В лабораторных условиях хомяки всегда гораздо бодрее при полнолуниях и новолуниях, а мыши только при полнолуниях.

ПОЛНОЛУНИЯ И НОВОЛУНИЯ ПОГЛОТИЛИ 900 ТЫСЯЧ ЖИЗНЕЙ. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Это произошло 16 сентября 1978 года в 19 часов 28 минут. Землетрясение с силой 7—8 баллов всего за три минуты слизнуло с карты цветущий город. Трагедия разразилась в тот самый миг, когда Луна, Солнце и Земля оказались как бы на одной оси и тонкая земная кора одновременно испытывала воздействие масс Солнца и Луны.

Старое поверье гласит: при новолунии и полнолунии опасайся землетрясений. Научно это не доказано. Большинство геофизиков пожимают плечами. Однако существует множество фактов, которые не так-то просто объяснить случайностью.

Обратим внимание на самые крупные землетрясения последних десятилетий:

29 февраля 1960 года: ужасающее землетрясение в марокканском городе Агадир. Под развалинами погибло около 12 тысяч человек. Было новолуние.

2 сентября 1962 года: при сильном землетрясении, продолжавшемся 4 минуты, в Иране погибло около 12 тысяч человек. Полнолуние.

22 мая 1970 года: страшной силы землетрясение значительно изменило весь ландшафт Перу. Катастрофа отняла 60 тысяч жертв. Полнолуние.

28 июля 1976 года: 800 тысяч жителей погибло под развалинами при землетрясении в Китае. Полнолуние.

3 сентября 1978 года: в 6.08 утра самое сильное землетрясение после второй мировой войны разразилось в Баден-Вюртемберге. Множество разрушений, повреждены транспортные магистрали. Новолуние.

16 сентября 1978 года: при полнолунии и лунном

затмении страшное землетрясение буквально уничтожило иранский город Табас и свыше 40 окрестных деревень.

Случайности? Суеверия? Или же существует некая связь между земными и лунными силами?

Издревле человечество приписывает Селене таинственные свойства. Луна почиталась не только как богиня смерти и как богиня плодородия. Ее фазы принимали за символы рождения, роста, смерти и исчезновения. Еще древние римляне утверждали, что полнолуние предвещает дожди, а спартанцы начинали войну исключительно в полнолуние.

В основу первого календаря, составленного древними, был положен лунный, а не солнечный год. Давно подмечено, что в полнолуние некоторые люди не могут уснуть. В древности и даже в средние века твердо верили, что Луна может вызывать душевные болезни. Англичане до сих пор понятие «душевнобольной» выражают словом «лунатик» — от латинского корня «Луна».

Пытаясь выявить воздействие Луны на поведение человека, ученые длительное время наблюдали группу из 50 студентов. Было установлено, что подопытные подвержены резким перепадам настроения с периодом около двух недель. Верхние и нижние «пики» настроения соответствовали фазам полнолуния и новолуния. Более того: в точно таком же ритме у исследуемых колебался и электрический потенциал».

Я оставил статью в каюте Голосеева сгоряча, желая ему досадить, даже не досадить, а укорить друга за непрошеное вторжение в космический покой лунных ратников, и ни о чем теперь так не сожалею, как о своем поспешном бегстве. Меняющие свои очертания башни необъясненного, едва сбыточного не нуждаются в чьей-либо защите. Чудо явлений чрезвычайных умеет постоять за себя...

4. ЗЕРКАЛО В САДУ

Над поющим ручьем я рассказал эту историю про лунных ратников скомканно, опуская многие детали. Собственно, рассказывал я для одной Лерки. И по глазам ее понял: она поверила мне во всем.

— У подобных героических былин один-единственный недостаток. Полное отсутствие вещественных до

казательств,— сказал Тимчик и потянулся, как кот.— Пленка утопла, а пузырек с приворотным зельцем... Не сомневаюсь он тоже был с отвращением брошен в Тихий океан и посему стал добычей рыб. Они облизывают пробку и получают способность кувыркаться в воздухе. Некоторые даже наловчились пожирать перелетных птичек. Но только в новолуния и полнолуния.

Лерка стиснула голову руками, как от нестерпимой головной боли, хотела что-то сказать мужу, но я ее предупредил:

— Он прав. Сосуд я забыл в каюте теплохода. Тогда, в Кальяо.

— И ты все еще не хочешь, Леруня, верить, что твой супруг ясновидец,— не унимался Андрогин.

— А с Голосеевым помирились? — как бы не услышав его, спросила Лерка.

— Мы с ним не ругались. Он приплыл с «Перуном» через месяц. Он клялся, что и в самом деле разыграл меня. Что в коробке была пленка с финишем «Золота инков» и церемонией награждения. Но мне почему-то было уже все равно. Я готовился к «Ожерелью Пиренеев» с другим напарником. С Ашотом Мелкуяном. На «Серебристом песце».

— Тары-бары-растабары, серебристые песцы,— забавно пропел Тимчик.— Не пора ли нам, пора. Вперед, к мрачной пещере Леркиных тайн! Наши тайны, русские, отечественные, маленько похлеще ихних, перуанских-заокеанских. Но тоже без вещественных доказательств.

«Зря я злоблюсь на Тимчика,— подумал я.— Его привычка все осмеивать, все пародировать, надо всем острить вовсе не прихоть, а жизненная потребность. Это его пища. Без нее он не сможет существовать вообще. Как не смог бы сочинять свои залихватские статьи, в периодике без раскавычивания чужих цитат, без переваривания (и перевираания) чужих мыслей. Он поглощает чужое, а получает вроде бы свое. И в этом, только в этом — секрет несокрушимости кандидата химических наук».

Мы двинулись в путь.

Через полтора часа мы вышли к серному источнику. Струи теплой шипящей воды били прямо из скалы на высоте вытянутой руки, и крутиться под живительным дождем было наслаждением. Тимчик купаться не захотел — он что-то записывал в блокнот. Здесь мы пообе-

дали. Дальше нужно было подниматься вверх по ущелью Тас-Аксу. В переводе это означает «река белых камней». Лерка перевела удачнее — «белокаменная». По ее словам, отсюда оставалось ходу около двух часов. Следовало поторопиться, чтобы успеть к ночлегу хотя бы в сумерках.

Я шел за Леркой по скользким плоским камням. Река звенела. Несколько раз я замечал на перекатах быстрые тени рыб. Жаль, что размотать удочку придется лишь завтра. В многоугольнике неба завис недвижно серпоклюв — голубая стрела с двойным опереньем, наложенная на тетиву бледно-бирюзовых крыльев.

Я начал мысленно перелистывать страницы красной ученической тетрадки в клетку, которую дала мне прочесть Лерка в первый же день моего прилета. Лерка сказала, что вызвала меня в Алма-Ату только за тем, чтобы я прочитал эту тетрадь и помог ей в остальном...

«Почему лишь теперь, весной в апреле, я решаюсь занести на бумагу все то, что следовало записать, притом незамедлительно, еще тогда, прошлым августом. Ведь недаром говорят, что уже через неделю после какого-либо события его подробности оскудевают в памяти наполовину. Впрочем, я не опасаюсь этого. Те подробности не оскудеют в памяти вовек, хотя случившееся не только Тимчику, но и мне порою представляется сном. Вернее, сном во сне. Как у Лермонтова в стихотворении «Сон», где «в полдневный жар в долине Дагестана» герой видит во сне самого себя смертельно раненным, спящим мертвым сном, а в том, другом сне, он созерцает заснувшую юную деву, которая также грезит во сне («И снилась ей долина Дагестана, знакомый труп лежал в долине той, в его груди, дымясь, чернела рана, и кровь лилась хладеющей струей»). Выходит, сон даже тройной, точнее, строенный...

После того как Тимчик поднял меня на смех (слава богу, ему хватило порядочности не трезвонить, как обычно!), я решилась вообще отмалчиваться, даже отца обошла, хотя неустанно, навязчиво думала лишь об этом. В ноябре я не поехала с Тимчиком в Венгрию, промаялась всю зиму в библиотеке над диссертацией, сочинив, к ужасу Тимчика, страниц тридцать, не более.

Говорят, на Востоке существует болезнь с мудреным названием «смертельное томление от воспоминаний». Человек способен даже умереть от невозможности еще раз пережить наяву событие, врезавшееся в память. На-

пример, последнее свидание перед вечной разлукою...

Теперь поняла: записываю, чтобы оставить какой-никакой документ. Как сказано в «Мастере и Маргарите», рукописи не горят...

Но начну по порядку.

Середину августа я провела в альпинистском лагере. Мы готовились к траверзу трех вершин, включая пик Авиценны. Сборы проходили нормально. Наш тренер Джумагельдинов был доволен мною. Но буквально накануне штурма я слегка подпростудилась (тайно поплекала в ледяном ручье, жара стояла страшная). Наутро я захрипела, и меня — о ужас — не взяли. Уверена, что Марат Иннокентьевич посмотрел бы сквозь пальцы на легкую простуду, но Цецилия Аркадьевна, эта толстая змеюга с красным крестом, уперлась — и ни в какую. Все-таки улучила момент отомстить за то, что ее Яков Борисович тайно прислал мне двести больших садовых ромашек ко дню рождения, а простодушный Тимчик всех оповестил...

Утром они всемером ушли на траверз, без меня. Я заплакала немного у ручья, опять искупалась и решила в отместку бросить альпинизм до конца моих дней. Во всяком случае, дожидаться их триумфального возвращения через неделю я не собиралась. В конце концов до перевала Трех Барсов спускаться чуть больше суток. Дорога удобная, неопасная. Заночевать можно у слияния ручья с Тас-Аксу. Это немного выше серного источника. А от Трех Барсов легко уехать на машине: раз в день она приезжает к чабанам.

Положив в рюкзак одноместную палатку, спальный мешок, кое-что из еды (точнее, две банки тушенки, хлеб, сгущенку), я оставила на видном месте записку, где объясняла, что по неотложному делу возвращаюсь через Трех Барсов. Этим путем я ходила десятки раз, чаще всего с филфаковцами, сдающими нормы на значок «Альпинист».

Погода стояла изумительная, рюкзак совсем не отягивал плечи. К заходу солнца я легко спустилась к месту ночевки. Обычно мы разбивали палатки на левом склоне ущелья. Там был удобный выступ на скале, площадка метров шестидесяти, поросшая травой и шипикой, как у нас называют низкорослый горный шиповник. Утром, на восходе солнца с выступа хорошо было наблюдать, как лучи пробивают туман по всему ущелью, как внизу сливается узкий пенящийся ручей с большой

речкой. Я говорю «большая речка» условно, в тех местах Тас-Аксу не такая уж и широкая: в августе через нее перескакиваю с камня на камень.

Я поставила палатку вплотную к скале, поужинала всухомятку и сразу же заснула как убитая.

Среди ночи меня разбудил страшный грохот. Земля подо мною вздрагивала. Где-то рядом рушились камни. Но вскоре все успокоилось. Кто часто бывает в горах и видит (а еще чаще слышит), как сходят лавины, кто знает коварный норов каменных осыпей, тот не особенно нервничает при подобных звуках даже среди ночи. И я опять забылась.

Мне привиделась Земля из непомерных космических глубин. В хороводе среди других планет она светилась, словно купол одуванчика. Она пульсировала как живое существо, и по мере приближения к ней... Нет, сначала важно описать, как именно я приближалась к Земле в том сновиденье.

Я сидела в чем-то, похожем на глубокое кресло-качалку, а вокруг цвел диковинный сад. Ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений переплетались так тесно, что представлялись единым цветущим организмом. Куда ни посмотришь, всюду клубящимися волнами простирались к близкому горизонту многоцветные кроны. Странность состояла в том, что по мере удаления они становились все выше, все круче, как будто я оказалась на самом дне пестро раскрашенной воронки, причем чаша горизонта была не выпуклой, как у нас на Земле, а вогнутой.

По краям чаши слабо фосфоресцировало скрученное в жгут сияние, уходящее в отуманенные звездные дали. Волшебный сад приближался к Земле, несомый тихо крутящимся смерчем, но когда уже обозначились равные края материков и среди них разводья морей, меня начало охватывать беспокойство. Я показалась сама себе дрожащим язычком пламени среди разгульных ветроворотов Вселенной...

Беспокойство мое усилилось, когда повсюду на лике земном, даже на белых шапках полюсов, стали различимы сотни, тысячи ядовито-синих огоньков. Все они исторгали жесткие прямые лучи, какие испускают ядра звезд.

И явилось припоминание, что мой сад в тысячелетних странствиях по океану вечности время от времени устремлялся к подобным живым планетам, но, если за-

мечал такие страшные огни, всегда улетал прочь. Я пыталась вызвать в памяти те слова, жесты, заклинания, следуя которым сад избежит опасности, и не могла вспомнить.

По всей оболочке смерча начали проступать коричневые пятна, которые сразу же чернели, пока сад не сокрыла блистающе-черная тьма...

И я проснулась. По крыше палатки били тяжелые капли дождя. Не вылезая из спального мешка, я слегка приоткрыла полог.

Рассветало. Пухлые тучи с грязными разводьями по бокам сползали вниз по ущелью. Прокатился гром. Синоптики, как водится, ошиблись. Ну что ж, придется топтать под дождичком, нам не привыкать. Штормовка — защита надежная, а на ногах у меня были ботинки с «кошками» — в них не поскользнешься. Об одном я жалела: еще вчера решила сначала искупаться в серном источнике, а уж потом завтракать. Говорят, можно сбавить вес сразу килограмма на два. Ладно, придется обойтись без купаний. Только вот ребят жалко: каково-то им там, на высоте. Наверняка у них завьюжило, притом дня на три, не меньше. В августе погода в горах портится исключительно редко, но уж если испортится...

Я быстро собрала палатку, надела рюкзак и двинулась туда, где от пышного куста боярышника начинался довольно крутой спуск в ущелье. К моему удивлению, сразу за боярышником обнаружилась пустота. Спуска как не бывало. Землетрясением вырвало огромную часть скалы, она рухнула, запрудив Тас-Аксу. Сквозь клубящиеся тучи было нелегко разглядеть, насколько массивна плотина, но я не сомневалась, что Белокаменная прорвет любую преграду. Так просто ее, голубушку, не усмиришь, помню, подумала я, но сразу же резануло как скальпелем: а спускаться теперь где? Я оказалась на карнизе, в западне. Сверху — скала метров на полтора-раста, без веревки и крючьев делать там нечего. Снизу — пропасть метров семьдесят, попробуй сползи...

Я сняла рюкзак, присела на него. Спокойствие, прежде всего спокойствие. Как поступают в подобных передрыгах бывалые альпинисты, ну, например, тот же Марат Иннокентьевич?

— Во-первых, надо набраться терпения и ждать помощи. Она обязательно придет, — сказала я голосом Джумагельдинова.

— В данном случае помощь придет не раньше, чем

через неделю,— отвечала я Марату Иннокентьевичу.— Вы вернетесь с покоренных вершин победителями, запросите по рации Город и кинетесь меня искать. Но за это время я умру здесь возле боярышника. С моими запасами еды долго не протянешь, а главное — у меня с собою ни капли воды.

— Можно жевать плоды шиповника и слизывать воду с камней. Даже если нет дождя, утром на камнях проступают капли росы. А уж если льет дождь, проблем с водой никаких. Надо греться у костра, сжигая прошлогоднюю шипигу, и ждать помощи. Наверняка какие-нибудь «дикари» пойдут от Трех Барсов вверх, по ущелью,— обнадежил Марат Иннокентьевич.

— Надежды на «дикарей» никакой,— вздохнула я.— Когда погода портится, «дикари» скатывают палатки и возвращаются восвояси.

— В крайнем случае можно разрезать палатку, спальный мешок, даже рюкзак на полоски, связать их морским узлом и попытаться спуститься...

— Марат Иннокентьевич, у меня с собою только консервный нож. Им палатку не разрежешь. Кроме того, я никогда не решусь спуститься и на десять метров по связанным огрызкам, даже если б я нашла в себе силы рвать брезент зубами,— возразила я.

— Тогда остается спокойно сидеть в непромокаемой палатке и все-таки ждать помощи,— сказал после некоторых колебаний Марат Иннокентьевич.— Только без паники и судорожных всхлипываний.

Да, положение было незавидное.

Я взялась за толстую ветку боярышника и немного наклонилась над пропастью: а вдруг все же возможно проползти, как ящерица, среди расщелин. Конечно, без рюкзака. В конце концов его можно просто спихнуть вниз, а потом отыскать среди камней...

Но недаром сказано, что благими помыслами вымощена дорога в ад. Подо мною блестела мокрая отвесная стена.

Справа из скалы, наискось, в мою сторону, нависла глыбина довольно-таки странной формы. Она напоминала часть скрученного в продольном направлении кристалла, расширяющегося к концу наподобие граммофонной трубы. Этот-то расширенный торец, вернее, какая-то часть его, поскольку глыба переходила в скалу, нижним полукруглым основанием упирался в заросли шипиги на моем карнизе. Кристалл в отличие от серой

блестящей скалы был тускло-черным, точь-в-точь антрацит. В детстве наша семья жила на Кузбассе, в Осинниках, и я вволю налазила со сверстниками по шахтным отвалам.

Помню, я обрадовалась необыкновенно. Пусть я прокукую на карнизе даже неделю, но зато я стала первооткрывательницей здорового угольного пласта.

А ведь еще неизвестно, насколько уходит эта закругленная глыбина в земные недра. Кто может поручиться, что здесь не целое угольное месторождение! И это в условиях, когда планете грозит энергетический голод, о чем меня не раз предупреждал Тимчик, когда я по забывчивости забываю погасить свет в ванной. Сейчас каждая тонна угля и торфа на учете, даже старые выработанные шахты вновь начинают задействовать.

Я подошла к торцу, провела рукой по гладкой поверхности. И удивилась. Буквально в сантиметре от угля пальцы наталкивались на невидимую преграду. Более того: тускло-черный торец пласта оставался под дождем абсолютно сухим. Непонятно как, но струи дождя не касались этого угля. Они плавно отклонялись чем-то и соскальзывали вниз...

Само собою разумеется, дальнейшая моя запись никого ни в чем не убедит, но я подчеркиваю: пишу только правду, сколь бы фантастичной ни предстала она из последующих событий.

Я увидела их. Точнее, вначале одного из них. В торце обнаружился золотистый глазок и начал расширяться наподобие диафрагмы фотоаппарата. Как только глазок начал расти, я схватила рюкзак и отбежала к скале, хотя бежать, в общем-то, было некуда, а спрятаться нигде.

Из глазка (а он расширился до размеров парашютного купола) медленно вылетел огромный скафандр, примерно такой, как для глубоководных исследований, тускло-черный, как и кристалл. Ростом (длиной? высотой?) он был — вместе с парой нижних конечностей — метров пять, не меньше, диаметр головы (то есть не головы, а скафандра, тут я до сих пор теряюсь) больше метра. Это сейчас я спокойно пишу: пять метров, один метр, но тогда мне было не до вычислений и не до сопоставлений с куполами парашютов. Я вся сжалась от ужаса и бессилия в своей залатанной штормовке, такая навалилась тяжесть, будто я начала окаменевать.

Он вылетел из глазка, который сразу затянулся, со-

мкнулся. За ним вилась тускло-черная веревка, даже не веревка, а жгут сияния, сгущенного до черноты. Неуклюже переворачиваясь в воздухе, он поплыл вдоль кристалла по направлению к скале и... растворился в ней. Сначала в скале исчезла рука, затем голова, другая рука, туловище, ноги. В общем, он весь исчез, остался только плавно перемещающийся черный жгут. Он нырнул в скалу, как мы ныряем в теплое море, — без видимых усилий.

Потом через глазок выскользнули еще двое — точные копии первого. Они тоже довольно скоро скрылись в скале, правда, в разных местах, но один сразу же возвратился и исчез в помутневшем глазке.

Так они путешествовали туда-сюда часа три, не меньше, и все это время я стояла как полоумная под дождем, у мокрого рюкзака, проклиная свою злосчастную судьбу и отказываясь верить происходящему. Удивляли меня даже не сами антрацитовые чудища — удивляло полное их безразличие ко мне. Они не предприняли ни малейшей попытки познакомиться, ни малейшей. Да что я говорю: познакомиться. Хотя бы рассмотреть меня. Не червяка, не букашку несчастную, не мерзкую рептилию — меня, самое разумное существо во всей Вселенной, как пишет в своих статьях Тимчик. Я была для них как камень, как струйка дождя, как колючка шипиги — без-раз-лич-на!

— И вы мне безразличны, угольные скафандры, — шепотом сказала я. — Мне все равно, как вы оказались со своим кристаллом в скале. Мне все равно, обитаете вы внутри Земли, как кроты, или пожаловали к нам из небесной преисподней. Туда и убирайтесь, я вас не держу.

Меня одолевал волчий аппетит. Я растянула палатку, вскрыла тушенку, честно отмерила полбанки и проглотила с хлебом, почти не жуя. А запила водою из лужицы возле рюкзака.

Все так же сеялся дождь, брели по ущелью тучи, ревели внизу раздувающаяся, подпертая рухнувшей скалой река, и все так же кувыркались возле своей граммофонной трубы скафандрики — так я решила их окрестить. Иногда они появлялись, держа в лапах то несколько спиралей, то серебристые трезубцы с рукоятками в виде цифры 8, то связку шаров, внутри которых плавали другие шары, тоже заполненные шарами, в шарах-то вообще бог весть что, — преимущественно черного цвета.

Так наступил вечер. Стемнело. Я промокла до нитки, но палатка изнутри оказалась сухой, спальный мешок тоже. Я доела тушенку, сняла мокрую одежду, но уснуть никак не могла. Хотела бы я посмотреть на того, кто смог бы уснуть в моей ситуации!

Допустим, вы инопланетяне, рассуждала я. Допустим, у вас сверхважная работа, например, попали в катастрофу и теперь спешно ремонтируете свой корабль, если кристалл и есть ваш корабль. Но ведь корабль могут соорудить лишь высокоразумные существа. Так от чего же вы, братья по разуму, не поможете попавшему в беду представителю рода человеческого? К тому же женщине, притом молодой. Чего вам стоит перенести ее на другую сторону ущелья? Вам, свободным от уз тяготения земного? Опасаетесь последствий контакта? Или, как в рассказе Рэя Брэдбери (которого, к сожалению, недолюбливает Тимчик за то, что тот якобы мистик), мы с вами из несовместимых миров, и наши руки пройдут одна сквозь другую, как две живые тени? Но ведь я трогала ваш кристалл, я чувствовала его упругость, если не его самого, то хотя бы преграды, его стерегущей...

Разбудило меня сияние солнца, сопровождаемое раскатами грома. Было жарко, как в полдень на пляже. Часы показывали половину третьего. Быть не может, чтобы я проспала чуть ли не целые сутки, подумала я, выглядывая из палатки.

Я ошиблась. Стояла глубокая ночь. Но над их кристаллом, над моим карнизом переливался великаний купол, как бы сотканный из солнечных лучей. Я даже видела, как бисеринки дождя соскальзывают по краям золотого сияния, но сквозь купол они не проникали. Над ночным Тянь-Шанем плескались потоки дождя, молнии перепыхивали небо, бормотал гром, а у слияния ручья с Белокаменной взошло маленькое солнце и быстро высушило досуха палатку, штормовку и даже ботинки той, что случайно оказалась под его лучами.

Мой кристалл переменял свой цвет. Теперь он стал фосфоресцирующе-серебристым, а плавно изгибающийся торец был вообще прозрачный, и там, внутри, сквозь радужную перегородку просматривались ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений. Они переплелись так тесно, что казались единым цветущим организмом. Не было верха и низа, не было отдельно пола, стен, потолков — по всем стенам клубились волны многоцветных крон. Странность состояла в том, что по мере уда-

ления в глубь кристалла они становились все выше, все круче, как бы предвещаая просторы без края и конца...

Я чуть не вскрикнула от удивления: это был мой волшебный сад, но в чем-то (или чем-то) неузнаваемо преобразенный.

Три моих скафандрика (они тоже стали серебристыми) летали над соцветьями, манипулируя своими шарами в шарах, трезубцами и спиралями.

Таясь, как зверек, обдирая лицо, колени, руки о колючки шипиги, я подползла поближе. Они что-то делали со своим сладостно дремлющим садом, но что именно, понять мне было, видимо, не дано.

Там, где в космических глубинах кристалла смыкались буйные кроны, мерцал сумеречный овал. «Как кружащиеся по своду земному созвездья охраняют покой Полярной звезды, так и кроны стерегут подобие зеркала», — подумала я и сама удивилась прихотливости моей, но и как бы не моей мысли. В зеркале проглядывались сгустки туманностей, завихрения диковинных миров, двойные, тройные звезды, роящиеся планеты, спиральные рукава. Среди этих песчинок вселенского хаоса плавно перемещались серебряные вихри, чем-то похожие на те, что восстают в пустыне Бек-Пакдала (где мы были на практике), предвещаая смертоносный самум...

«Чудесный этот сад — двигатель корабля-вихря, — как в озаренье, подумала я. — Почему-то он у них разладился, и они его чинят. Жаль, что я ничем не смогу им помочь».

До сих пор для меня загадка, как мне приходили в голову все те странные мысли, когда я, залитая среди ночи лучами солнца, пряталась в траве, хотя прятаться было не от кого.

Помню, вслед за догадкой о саде-двигателе я начала размышлять, зачем к осени уплотняется среда земной биомассы, перед тем как смениться зимней пустотой. Зачем наливаются соком яблоки, тучнеют нивы, тяжелеют плоды? А что, если эта ежегодная пульсация растительных веществ — залог движения земного времени? — подумалось мне.

И сразу Земля представилась живым зерном в роднике вселенского бытия.

Я думала о высоте небесной, глубине земной, широте и беспредельности мироздания.

И мироздание раскрылось мне вдруг, как цветок, колышущийся среди солнечных дуновений.

И как в теле человеческом, во Вселенной все было связано со всем, отражалось в другом, и другое в себе отражало все предметы, явления, вещества, времени...

И небеса были частью меня, и я — небесами.

Кристалл был посланец непредставимо красивого мира, но почему-то сама мысль о соприкосновении наших двух миров показалась мне таинственно страшной и непостижимой...

Не помню, сколько я пролежала в шипиге, но это были лучшие мгновения моей жизни.

Пока снопы солнца не погасли и не хлынул всле, затем дождь.

Я проснулась поздно. Ломило голову, особенно в висках. Дождь барабанил по стенам палатки. Я ощупала рюкзак, штормовку, ботинки. Все сухо. Значит, то ночное солнечное видение было наяву.

В черном кристалле глазок открывался и закрывался: садовники работали.

После обеда, не дождавшись верительных грамот, я уже твердо решила: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. В конце концов откуда скафандрикам знать, что я существо разумное. Я должна им это доказать.

Я улучила момент, когда глазок начал расширяться, и с бьющимся сердцем подбежала к торцу.

— Приветствую вас, звездные братья! — завопила я вылетевшему скафандрику и поманила его к себе рукой: — Спасите меня, пожалуйста!

Никакого внимания. Он прошествовал, покачиваясь, по воздуху и растворился в скале как привидение.

«Ну нет, просто так я не отступлю, господа-товарищи звездные садоводы. Я вам не птичка с подбитым крылом, — вдруг озлобилась я. — Мои предки написали «Слово о полку Игореве», «Тараса Бульбу», «Тихий Дон», «Мастера и Маргариту». Они живой плотиною встали на пути разбойничьих монстров с Запада. Мои предки не истребляли народы, продвигаясь к Великой Воде, как это делали ваши Писарро и Кортесы в Южной Америке. Мои предки знали истинную цену дружественным контактам, о чем можно судить хотя бы по их древней пословице: «Неправдою весь свет пройдешь, да назад не вернешься».

Я вернулась в палатку, вырвала из блокнота несколько листков и нацарапала карандашом: на одном — модель солнечной системы, жаль, что не все планеты

вспомнила; на другом — теорему Пифагора — треугольник с тремя квадратами на сторонах, как учили в школе, и модель атомного ядра (я перерисовала по памяти ее изображение с транспаранта над воротами республиканской выставки достижений народного хозяйства); на третьем — ракету и в ней маленького человечка (поразмышляв, точно такую же ракету я изобразила на первом листке — летящей с Земли на Луну). На четвертом листке еле улеглись два земных полушария. Материки я нарисовала приблизительно, только Австралия и Африка получились сносно. Но зато уж я не пожалела дефицитной импортной пасты для подкрашивания век и всю планету испещрила голубыми огоньками. «Получайте обратно ваш насильственный сон на тему атомных бомб! Попробуйте только не понять, что к чему, — бормотала я. — Разнесу альпенштоком в клочья и расчудесный ваш сад, и вас самих заодно, бесчувственные истуканы!»

Оставшийся листок целиком вместил русскую пословицу, написанную мною латинскими буквами (боюсь, что с ошибками):

NEPRAVDOJ VES SVET PROJDEJOSH
DA NASAD NE VERNJOSHSJA!

Захотят — поймут!

Вот так, с альпенштоком и кипюю листов, грязная, голодная, но полная решимости наладить проклятый контакт, я предстала перед торцом. Первого же скафандрика, поскольку он, конечно же, соизволил удостоить меня вниманием, я больно тюкнула по ножище.

И ведь подействовало! Он перевернулся вверх тормашками, приспустился на уровень моей головы, застыл в воздухе, чуть раскачиваясь. Было страшновато, но я приложила листки прямо к черной его голове, поскольку рука его плавала метрах в двух надо мною. Странное явление: листки точно провалились в его шлем. Их просто не стало. Он сразу скрылся в глазке, и около часа скафандрики не появлялись вообще.

Наконец один показался, не знаю уж, который из них, подплыл к палатке, где я ждала результатов смелого своего опыта. В лапе у него была зажата лопатка вроде тех, чем пирожное подают, размером, понятное дело, метра три, не меньше. Лопаткой этой начал он осторожно подталкивать меня в сторону кристалла.

— Нечего меня пихать своей железякой, красавец скафандр, — сказала я ему. — Сама пойду к месту пе-

реговоров. А коли умела б, как ваша милость, булты-хаться в воздухе, то и полетела б хоть на метле.

Но как выяснилось, толкал он меня не к кристаллу, а к краю пропасти...

— Думай что ты творишь, звездный зверюга! — кричала я. — Я не могу порхать, как ты! Разобьюсь! А тебе за меня отомстят!

Все же я сумела увильнуть, рванула дикими прыжками по шипиге и спряталась в палатку.

Но это меня не спасло. Видно, они единогласно намерились меня погубить, не знаю уж за какие грехи.

Палатка оказалась в воздухе вместе с колышками. Скафандр опять погнал меня, как скотину безмозглую, к краю карниза. Я попробовала объяснить жестами, что, в общем-то, я не против оказаться на той стороне, но что пропасть для меня неодолима, что нужен канат, мост, все, что угодно, иначе тело мое найдут на острых камнях внизу, растерзанное хищниками.

Пока я на пальцах пыталась что-то объяснить, он ловко поддел меня своей черной лопатой, приподнял над карнизом, пронес над боярышником и метрах в трех от края пропасти — в воздухе над пропастью! — начал наклонять лопату все круче. И вот я с лопаты соскальзываю...

— Будьте вы прокляты, мрачные пришельцы! — успела прокричать я перед смертью. — Будьте трижды прокляты!

Но в пропасть я не упала. Я соскользнула на что-то упругое, невидимое, чуть дрожащее подо мною.

Помню странное ощущение, нет, не страха. То было сознание собственного унижения, как если бы я внезапно оказалась обнаженной на ученом совете, среди ласково улыбающихся старцев и пунцовых от негодования дам.

Я примерилась было вцепиться хотя бы в ту же гнусную лопату, но изувер отплыл от меня и спокойно наслаждался моим несмываемым позором.

Стыдно признаваться даже самой себе, но тут я опустилась на четвереньки и, как собачонка, да, как затравленная собачонка, поползла, поковыляла, но не туда, к спасению, а сюда, обратно, ведь карниз-то был вот он, рядом. Одной рукой я нащупывала эту подрагивающую подо мною штуку, а сама старалась не смотреть вниз, где шевелился туман.

Но он вернул меня. Лопата, как черная стена, встала передо мной и отодвинула меня от карниза. Я повернулась, заплакала и поползла.

Ползи, карабкайся, говорящая собачонка,— бормотала я.— Сейчас они выключат это, чтобы позабыться, как ты рухнешь в пропасть, вон туда, где ревет и перехлестывает через запруды Тас-Аксу. Пусть ревет и перехлестывает. Она сметет завал и сразу вниз, в долину, покатится грозный сель,— трясь, смешанная с камнями и стволами деревьев. Ну и ладно. Пусть тело мое поглотит грозный сель. Чтоб и костей не осталось.

То, по чему я ползла подобно букашке, было на ощупь чуть шершавым, как плексиглас. И немного вогнутым с боков, как если бы я находилась в невидимой большой трубе. Чудилось, что от него исходит сиянье.

До противоположного склона ущелья ползти оставалось еще порядочно.

Ползти? А почему, собственно, я, Валерия Марченко, должна ползти чьей-то потехи ради? Кто дал мне право, мне, представительнице земной цивилизации, так унижаться неизвестно перед кем, из бог весть каких захолустий вселенских? А может, это беглые каторжники из созвездия Гончих Псов? Как и зачем очутились они со своей черной колымагой внутри скалы? От кого они там прячутся? Почему не показывают своих лиц, если у них вообще есть лица! Почему столь бесцеремонно прогнали меня, заполучив кое-какую информацию на пяти страницах блокнота?

Я поднялась и маленькими шагами, хотя и неуверенно, пошла по воздуху. Сердце билось так сильно, что от его ударов (так мне казалось) и содрогалась невидимая дорожка, по которой я уже шла. Да, шла! А вы уж поступайте со мною как заблагорассудится, ползучие космические гады!

Последние метры были самые тяжелые. Каждый миг я ожидала, что сейчас вот, именно сейчас, пыточных дел мастера меня и прикончат.

Но ничего не случилось. Там, где еле угадываемое розоватое марево упиралось, как в клемму, в обнаженную скалу, я соскочила в шипигу, бросилась бежать вверх по склону, пока не вскарабкалась на знакомую туристскую тропу. Я упала вниз лицом на мокрую траву и нарыдалась вволю.

Когда я пришла в себя и подняла голову, то увидела перед собой своего черномазого избавителя с лопатой. На ней лежали палатка и все прочее. Вися наискось в воздухе (полноги утопало в земле), он наклонил лопату — вещи соскользнули ко мне.

Я поднялась и сказала:

— От всей души благодарю вас за спасение, звездные кавалеры. Не знаю даже, чем отблагодарить.

Лопатоносец безмолвствовал.

Я заметила рядом, у орехового куста, мокрый красивый цветок, у нас их называют фазаньими хвостами. Я сорвала его под корень, положила на лопату. Помню, цветок притянуло как магнитом.

— Нюхайте на здоровье этот желто-красный цветок и не поминайте лихом, загадочные садостроители,— сказала я.— Понимаю, что вы при всем желании не смогли бы вручить мне ваших цветов — ведь любой из них размером с наше дерево. Под него нужен не кувшин, а целая цистерна. Зато фазаний хвост вполне уместится в вашем наперстке. И надеюсь, украсит ваш потешный сад. До следующей встречи! Хотелось бы на прощанье услышать звездную мелодию из вашей граммофонной трубы. Явите великую милость, сыграйте!

Дождь совсем перестал. Я смотрела в сторону карниза, куда теперь летел над пропастью награжденный цветком мой спаситель. И вдруг поняла, на что похож тускло-черный, расширяющийся к торцу кристалл. На смерч. На вихрь. На столбовой ветроворот, как их называли в старые времена. Правда, большая часть смерча — в этом я была, непонятно почему, уверена — покоилась в скале, но, подобно тому, как по обрывку фотографии (а мне случалось их рвать!) узнаешь любимое лицо, так и я сразу распознала лик смерча.

Как же мне хотелось пить! Я слизывала капли с блестящих ореховых листьев, ощущая, как в меня вливается жизнь.

Тут раздался грохот, как при сходе лавины. «Ничего себе мелодийка звездная», — улыбнулась я сама себе. Черный смерч исчез, будто его и не было. Вместе с карнизом. На том месте рушились глыбы. В центре скалы зазияло огромное отверстие.

Когда грохот двинулся вниз по ущелью, я поняла: Белокаменная разорвала свои цепи.

Через день я была в Городе...»

5. ПОДПИРАЮЩИЕ НЕБС

Мы шли правым берегом Тас-Аксу. Склоны ущелья — метров на тридцать вверх — были ободраны, искорежены, будто вспаханы мотыгами исполинов. Ни де

ревьев, ни кустарника, лишь кое-где зелеными заплатами пробивалась молодая трава да валялись изуродованные стволы елей с начисто содранной корой. Приходилось огибать камни величиной со стог сена — их приволок сель. Житель равнин никогда бы не поверил, что говорливая безобидная река может натворить такое. Но я-то еще мальчишкой видел в краеведческом музее желтые фотокарточки начала века, где Город был за несколько минут сметен с лица земного такой же разбушевавшейся речушкой. Не пострадал лишь деревянный многоглавый собор, возведенный без единого гвоздя гениальным строителем Зенковым. В этом-то разноцветном узорчатом храме, похожем на Василия Блаженного, и размещался музей, когда я был мальчишкой.

Всю неделю после приезда раздумывал я над Леркиной красной тетрадью. Что-то тревожило меня в этих кое-где тщательно зачеркнутых строчках, наспех набросанных ее пляшущим почерком. До конца я так и не смог определить свое отношение к ее сумбурной исповеди. Я слишком хорошо знал Лерку, чтобы задаваться вопросом: верить или не верить. Даже если она предложила игру, то одну из тех игр, что реальнее самой жизни. Беспокоило что-то другое...

«Допустим, путешественники по Пространству или по Времени сбились с пути,— размышлял я.— Оказаться они могут где угодно, об этом размышлял еще русский философ Федоров, учитель Циолковского. Действительно, при пространственно-временном переходе всегда есть риск очутиться хоть в жерле извергающегося вулкана. Они оказались в скале. Допустим, земля и воздух для них в равной степени чужеродны, причем не существует даже границ перехода от твердого к газообразному, поскольку их собственная среда обитания совершенно другая. Отсюда скафандры. Далее. При всей парадоксальности Леркиной мысли, что сад в кристалловидном корабле-вихре представляет собою единый живой организм-двигатель, я готов был согласиться и с этим, хотя смутно себе представлял механику подобного движения. Но как бы они ни двигались, в какой бы среде ни обитали, почему эти, несомненно, высокоорганизованные создания не пожелали объясниться?»

Да, вот это-то меня и тревожило: почему они не захотели вступить в контакт? Неужели мы такие уж примитивные твари...

«А лунные ратники,— вспомнил я.— Разве их не

считают примитивными? Туземцы, дикари, погрязшие в суевериях, — это слова самого мэра, выходца из их же племени. А ведь не кто другой, как мэр, рассказывал, что в ветхом дворце вождя на большой каменной стене выдолблен календарь, где помещены все солнечные и лунные затмения за несколько прошедших тысячелетий и еще на тысячу лет вперед. Что по этому календарю высчитывается ход всех планет солнечной системы, включая, например, Нептун, открытый человечеством лишь в прошлом веке. Что жрец накануне прилета Лунной Девы катает по деревянному блюду медный шар с изображением лунных морей, в том числе и тех, что на обратной стороне Луны. Что их кладбище охраняют с незапамятных времен каменные идолы с глазами и пупками из магнитного железа — возможно, тайна магнита была здесь проведена задолго до китайцев. Кому интересны их предания о многотрудных перелетах среди звезд в крылатых сосудах, начиненных ртутью и неведомым «жидким магнитом»? Кто заинтересуется тем, что они вообще не болеют раком? Кто вступит, наконец, с ними в контакт? С ними, с нашими земными братьями, не унесенными галактическими вихрями в забвенье вечных звездных снегов? Почему они нам неинтересны?»

В ущелье заползали сумерки.

— Поднажмем, восседающие в колесницах, — сказала Лерка. — Ты, Тимчик, смотрю, совсем из сил выбился, это тебе не статейки ловко стряпать. Но ничего, вон за тем поворотом надо перебраться через реку, взять еще один подъемчик — и мы у цели. Утром оттуда любоваться ущельем — ничего сладостней не придумаешь.

— Все в мире сладости уже слизнули до нас другие, — буркнул Тимчик.

Подъем мы одолели около девяти. Было уже темно. Мы наломали сухого хвороста, развели костер. Пока Лерка готовила ужин, мы с Тимчиком поставили их палатку под огромной елью, а свою я разбил метрах в тридцати, в кустах орешника.

Перед тем как вернуться к костру, я все же натянул свитер: вдоль ущелья поддувал довольно прохладный ветер. Звезды висели низко. Невидимая, перекатывала внизу камни река.

— А что, братья по разуму, спрыснем коньячком завершение паломничества ко святым местам, — задрезжал привычно Андрогин и уже отворачивал, отвора-

чивал крышку.— До дыры инопланетной отсюда небось рукой подать, а, женушка? Ежели рука длинною метров триста с хвостиком, да?

— Напрямую здесь втрое меньше. Мы по правую сторону ущелья, а карниз был на левой. Солнце взойдет — я тебя разбуджу, засоня, и сам все увидишь,— отвечала Лерка. Я позавидовал ее спокойствию.

— Покуда солнце взойдет, роса очи выест. Слыхала такое, богиня-филология? Я тоже поднатаскан в пословицах, обожаю плоды народной мудрости. И поступлю мудро, отмерив себе двойную дозу пятизвездочного. Нет возражений? Принято единогласно. Устал я сегодня зверски. Отвык передвигаться на своих двоих. То ли дело автомобильчик!

Он опрокинул почти полный стакан, начал торопливо жевать мясо, но и жуя, не переставал балабонить. Слова вылетали из-под чудовищных усов, как пена из под водометного катера.

— В другой раз, глубокочтимый месье Таланов, пожалуйста, к нам на «Серебристом песце». Будем по горам ездить и охотиться на круторогих баранов. По горам, по долам ходит шуба да кафтан. Муж с женой бранятся, да под одну шубу спать ложатся. Завтра высеку эту мудрость на скале. Латинскими буквами.

Примерно через полчаса, после третьего тоста (он пил здоровье прекрасных дам), Тимчик был готов. Хотя и не верилось, что настолько, чтобы ползти к палатке, приговаривая: «Кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех...»

Прежде чем влезть в палатку, он повернул к нам голову и проговорил достаточно внятно:

— Я усну, а вы тут немного поразвлекайтесь... гм... разговорами. Словопрениями, так сказать. Но глядите, не угодите в пропасть, не то придется обоих спасать, однокласснички.

Уже через минуту тишина огласилась блаженным Тимчиковым храпением.

Мы молчали долго. В костре сгорали и рушились фантастические строения. Я подбросил охапку ветвей.

— Не обращай, пожалуйста, на него внимания. И не злись на него,— сказала наконец Лерка.— Он любит поговорить, быть в центре любых событий.

— Он много чего любит,— сказал я.

— Прежде всего он любит меня. Без памяти. Как никто никогда меня не любил. Никто и никогда,— сказала твердо она.

— Никто и никогда,— согласился я.— Кроме того, он человек слова. Он сдержит обещание, чего бы это ему ни стоило. Благоговею перед теми, кто не нарушает обещаний.

— А я жалею тех, кто, заполучив обещание, ни с того ни с сего бросает свой дом, институт, друзей детства и, ослепленный ревностью, исчезает на целых два года. Так что ни слуху ни духу. А потом вдруг возвращается к своему любимому деревцу в надежде, что не сломана ни единая веточка,— сказала она и закрыла глаза.

— Таких мерзавцев нечего жалеть,— сказал я.— Завидя такого субъекта, даже если он не один, а в окружении друзей, надо вlepить ему пощечину, вцепиться в волосы, обозвать позакорыстей и сразу же умчаться на попутном грузовике. Кое-какие словечки полезно кричать уже из кабины грузовика. Чтоб слышала вся округа.

— Ладно, Таланов, не будем ворошить веток. Голова немного кружится. Давай выпьем еще вот по столечку.— Она показала ноготь мизинца.— Ты знаешь, я пью два-три раза в году.

— Я тоже этой привычке не изменил,— сказал я с ударением на последние два слова. Мы тихо содвинули стаканы. Лерка сказала:

— Во всем есть сокровенный смысл, даже в горестях. Вот шла я сегодня и думала. Я думала: в сказке для двоих с хорошим концом ты не увидел бы лунных ратников, а я — волшебный летучий сад. Жаль, что ты выбросил склянку с отваром... того цветка, о котором ты рассказывал...

— Гравейроса.

— С отваром гравейроса. Дело не в вещественных доказательствах, здесь Тимчика подводит его рациональность, да, он голый рационалист, это его недостаток. Я хотела бы глотнуть твоего снадобья, чтобы во сне увидеть Лунную Деву.

Я сходил в свою палатку, принес ей сосудик из обожженной глины и положил на протянутые ладони.

— Дарю навеки, Лунная Дева,— сказал я.— Хотя ты и без гравейроса прошла над пропастью.

Она поднесла ладони к костру, долго разглядывала подарок. Вытянула пробку, лизнула ее, зажмурилась, замотала головой.

И опять мы надолго замолкли.

— Пропась... пропась... — в задумчивости повторила Лерка. — Помнишь то место, где они кажутся мне посланцами непредставимо красивого мира, но мысль о соприкосновении таинственно страшна и непостижима? Той ночью у меня в сознании выплыла не помню где читанная фраза: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят...» Что ты думаешь о красной тетрадке? Допускаешь, что я все придумала, от начала до конца? По неумелости не связав концы с концами?

Я объяснил, как мог, все, что думал на сей счет. Кажется, ей пришлось по душе мысль, что для них не существует наших пространственных условий.

— Лучше бы, Таланов, оказаться на карнизе тебе. А мне у лунных ратников, — неожиданно заключила Лерка.

Она снова извлекла пробку из сосудика и понюхала. В свете костерка ее русые волосы отливали медью. Она пристально посмотрела на меня.

— Пахнет вечными снегами. Как тогда, на леднике Туюксу...

В восьмом классе, впервые поднявшись на Туюксу, мы, помнится, долго разглядывали в подземной лаборатории ледовый керн — тонкий столб льда длиной метров в сорок. Как на срезе дерева, на нем пестрели годичные знаки — нет, не десятки, не сотни, а тысячи полосок. Кое-где стояли маленькие деревянные таблички с приклеенными бумажками, и на бумажках тушью от руки:

ДОГОВОР ОЛЕГА С ГРЕКАМИ... РАЗГРОМ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА... БИТВА НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ... СМУТНОЕ ВРЕМЯ... ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ... БОРОДИНО... СМЕРТЬ ПУШКИНА... ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ... ПУТЕШЕСТВИЯ ПРЖЕВАЛЬСКОГО... ЦУСИМСКОЕ СРАЖЕНИЕ... ПОДВИГ ГЕОРГИЯ СЕДОВА... ПОДВИГ ЧКАЛОВА... ПОДВИГ ГАГАРИНА...

Таблички поставил одноногий старик гляциолог, похожий на волхва. Последние тридцать лет он безвылазно жил среди вечных снегов, рисовал акварели — фиолетовое небо, звезды, льды, слепящие взрывы лавин — и даже умудрялся кататься на лыжах.

У самого края керна мы с Леркой отыскивали свой год рождения. До этого нам и в голову не приходило, что время что-то оставляет про запас: тают льды, уплывают

вешние воды, ветер сдувает лепестки цветущих лип, умирают в земле опавшие листья. Все исчезает, чтобы явиться вновь, бесконечно повторяясь. Оказывается, не все. Я из-за дерева бросаю в тебя снежок, а он пересекает линию света и тьмы и становится частью этого керна вместе с омертвевшими каплями из недопитого бокала Моцарта. А в твоём альбоме остается листок пирамидального тополя, под которым мы впервые поцеловались. Меняю все блага мира на полузабытую июльскую радугу, под которой ты бежала ко мне с букетом ромашек...

— Я тоже для тебя кое-что припасла,— сказала Лерка.— Сейчас достану из рюкзака.

Это был черный, скрученный, утолщающийся к торцам предмет размером с гантель. Удивляла его легкость, почти невесомость.

— Правда, он напоминает смерч? — спросила Лерка.— Я нашла его в рюкзаке наутро после... после того селя. Я назвала его смерченышем. Я сразу стала думать, что смерченыш — подарок от них, от скафандриков. Сувенир, что ли. Я никому его не показывала, хватит с меня издевательств Тимчика. Считаю смерченыша ответным даром, восседающий в колеснице.

— Значит, всю зиму ответный дар так и пролежал в рюкзаке? — удивился я.— Ты все же выучилась долготерпению. Похвально. Представляю, чего это тебе стоило.

Она усмехнулась:

— Не издевайся, Таланов. Я его, конечно же, десятки раз вертела, как мартышка очки. И молотком по нему стучала, и щипцами пробовала, даже подержала немного над газовой горелкой. Ничем его не возьмешь. Ни единой отметины. В воде не тонет, в огне не горит.

Я притворно вздохнул.

— Догадываюсь, чего ты от него добивалась молотком да клещами...

— Как чего? — Должен же быть в этой тайне некий смысл, некая польза, потому что тайна...— Тут она загнулась.

— Польза — а зачем? — спросил я.— Какая польза, например, жителям Хиросимы от раскрытия тайны атома? Там даже тени расплавились. А тысячи ослепленных зверей и птиц, несущихся прочь от термоядерного смерча в пустыне Сахаре. Об этом мне рассказывал очевидец, причем во всех подробностях.

— Замолчи, Таланов, сейчас же замолчи,— зашептала Лерка.

Но я сорвался.

— Вот так и у тайны любви хотят вырвать пользу. Вырвать, выдрать с мясом! Клещами и молотком! Над газовой горелкой! У любви, что правит солнце и светила, как сказано в «Божественной комедии»...

Она упала головою мне на колени и беззвучно зарыдала.

— Таланов, что ты сотворил, Таланов,— выдыхала она.— Ты променял меня на коллекцию мертвых «Серебристых песцов». Ты несешься на них по всем дорогам мира, ты так бессмысленно несешься! А по обочинам ползают голодные дети! А под колесами хрустят кости живых лисиц, неоперившихся птенцов, панцири черепах! Для тебя днем и ночью заливают асфальтом милую Землю, скоро деревья останутся только в стенах разрушенных храмов да на неприступных кручах. Вы сметаете на пути все живое, железные роботы, восседающие в колесницах! А везде запустелые деревни! А в реках исчезает рыба! А уродов рождается все больше! Но вы слишком быстро летите, вам ничего не видно! Ничего! Ничего!

— Ничего, ничего, успокойся,— погладил я ее по плечу.

— Ничего ты не понимаешь. Даже наш город, наш лучший в мире город утопает в ядовитом тумане, с гор видно только телебашню, а раньше мы с тобою любовались из нашего сада желтыми берегами реки, это за семьдесят километров от города! Где тюльпаны? Отступили, уползли высоко к снегам! Где наш сад? Когда он цвел, его было видно с других планет! Знаешь ли где он, наш сад? Наш сад вырубили! А помнишь, что мы делали в нашем саду, когда ты, гордость школы, знавший наизусть всего «Евгения Онегина», еще не предал ни меня, ни себя?! Таланов, что же ты делаешь, Таланов?

— Ничего, ничего,— только и повторял я.

...В те времена, когда бушующее пламя нашего сада было видно с других планет, мы всем классом иногда готовились в его густой траве к выпускным экзаменам. Школа была рядом, в четверти часа ходьбы. В конце апреля трава вытягивалась уже по пояс. Около

полудня тени яблонь прятались к стволам, пчелы зависали в жарком воздухе, как в патоке, и когда ребята начинали раздеваться до трусов, девчонки дружно краснели: все были тайно друг в друга влюблены. В своих светлых простеньких платьицах они казались нам верхом совершенства.

Обычно мы засиживались в саду до заката. Расходились поодиночке, но все знали, что, если исчезла Надя Шахворостова, значит, вот-вот заторопится домой Вовка Иванов. И впрямь: он вдруг вспоминал, что обещал отцу натаскать в бочку воды для полива.

Однажды получилось так, что мы с Леркой уходили последними. Солнце погружалось в красные просторы заречных песков. Из станицы — так по-старинному назывался наш пригород, где в добротных хатах с расписными воротами жили потомки семиреченских казаков, — сюда, в предгорья, подымался запах кизячного дыма: хозяйки готовили ужин. Я начал собирать наши тетради, когда услышал откуда-то сверху Леркин голос:

— Глянь, какие горы. Они как будто ползут вслед за солнцем.

Она забралась на верхушку цветущей ветвистой яблони. Я подошел к стволу и снизу, из травы, впервые увидел ее всю. Я увидел розовые ступни с тонкими длинными пальцами, как на картинах художников Возрождения. И ободочки мозолей на пятках, просвечивающие светлой янтарной желтизной. И острые, начинающиеся округляться колени. И эту неправдоподобную узкую, ослепительно белую полоску трусов там. И мерно вздымающуюся и опускающуюся чашу живота.

— Слезай вниз, ты разобьешься, — прерывающимся голосом почему-то выкрикнул я.

Она зажала платьице меж колен и молчала. Тогда с бешено колотящимся сердцем я, сбивая сучки, полез вверх.

Левой рукой она держалась за тонкий ствол, а правую протянула к горам, так что локоть был там, где только что скрылось солнце, пальцы же касались пика Абая в сияющих вечных снегах.

Эти каменные великаны в своих снежных плащах всегда будут смотреть на звезды, — говорила она. — Даже если земляне улетят к другим мирам, все равно горы останутся... Но знаешь, чем они расплачиваются за бессмертие?

— Лерка,— в отчаянии сказал я и снял травинку с ее русых, чуть выющихся возле висков волос.

— Они расплачиваются неподвижностью, и нет ничего печальней неподвижности,— вздохнула она.— Ой, у тебя кровь у ключицы. Давай полечу.

Я видел, как влажно блеснули ее зубы, как кончиком розового языка она послунила палец, чье прикосновение меня обожгло. Ветка у нее под ногою хрустнула, подломилась, я невольно обнял ее свободной рукой за спину и вдруг почувствовал ее всю. Волна дрожи поднялась у нее от живота к прижатым ко мне грудям. Я целовал ее плечи, родинку ниже уха, завитки волос, трепещущие крылья носа.

Наша яблоня тихо приподнялась над звенящим садом и, как только что сотворенная планета, содрогаясь, поплыла среди бессмертных небес.

И лунная река затопляла уменьшающуюся Землю, брызжа и прорезая воздух.

И вскипали порывы ветра клубящихся дуновений вселенских.

И от непостижимого блеска открыть я не мог глаза.

— Таланов, что ты делаешь, Таланов? — только и спрашивала она.

— Ничего, ничего,— повторял я.

...Догорел костер.

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня лежал я в тридцати шагах от той, что меня обнимала в яблонево^м саду. Ее муж храпел, но это ее уже не так раздражало, как в первые годы после свадьбы. А сама она свернулась калачиком рядом с храпящим благополучным мужем и думала о другом человеке.

О человеке предавшем. И ее. И яблонево^м сад. И обмелевшую дивную реку. И свой дом запустелый в станице, где уже не мычат коровы, и не горланят петухи, и у ларька под обрывом не вспоминают войну инвалиды: люди добрые ларечек снесли, механизмы обрыв заровняли, обрели инвалиды долгожданный покой.

Даже мать свою предал тот, кого она обнимала. Даже мать, о которой он думал, что она будет жить вечно. Но ошибся, хотя ошибается редко, и в июльском черном пекле, на кладбище, далеко за городом, когда мать уже опускали на полотенцах туда, он выл как зверек, вымаливая чудо перед хмурыми вечными снегами. И не

вымолил, и опять предал — теперь уже память о матери, предал за сребреники в австралийской гонке, за пластмассовые крылья славы, за коллекционирование диковинных стран, за бешеную жизнь, где терялось представление о времени, так что предавший все и вся даже к могиле матери припадал не каждый год.

И ведь ни разу, ни единого разу не посетила его спасительная мысль: а куда ты спешишь? бежишь — от чего? от родимых пенат и могил? от пресветлых лесов над излуками северных рек? от древних святых городов? А что, если реки мелеют, и зверье исчезает, и редеют леса, и не слышно в деревнях девичьего смеху — только из-за одного тебя? Ты, один только ты в ответе за все. Земля и небо без тебя мертвы. Останься ты здесь, возле той, что тебя обнимала в яблоневом саду — и не висел бы над городом серый туман, и тюльпаны цвели бы у крайних домов станицы, и фазаны, как прежде, садились бы на крышу школы, и бушующее весеннее пламя нашего сада было бы видно с других планет. Так не дай захиреть, Человеке, ни племени Лунных, ни племени Ратников Земных!

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня стали смутно высвечиваться окаемки вершин, подпирающих небо. То свершалось шествие луны. За шестьдесят восьмым камнем от слияния ручья с Тас-Аксу, вверх по ущелью, проснулась в норе рысь. И сразу почуяла запах зайца, притаившегося меж корней серебристой ели. И заяц почувствовал на себе рысий взгляд, просветивший, как луч, скалу и корни серебристой ели, вскочил и кинулся вверх по склону, поближе к людям, которые спали в двух палатках, вернее, спал лишь один и страшно рычал, отпугивая рысь.

Старая серебристая ель очнулась от темного забытья. От корней вверх по ветвям торжественно двинулась влага, притягиваемая луной. Ель вспомнила, как пятьсот семьдесят семь лун тому назад под нею поллуны прожил в палатке седобородый человек. Днем он спал, а ночами просвечивал ее лучами, приятно щековавшими ствол и ветки, и с той поры всякий раз, когда над горами показывается Брат Луны, такой же круглый, но маленький и красноватый, от Брата исходят те же приятные лучи. Их посылают из холодных крон неба живущие в горах на Брате Луны серебристые ели.

А в старом двухэтажном доме работы гениального строителя Зенкова, в четырехстах восемнадцати метрах от многоглавого, похожего на Василия Блаженного собора работы гениального строителя Зенкова, встающая за горами луна разбудила правнучку Андрея Павловича Зенкова, которая была еще и внучатой племянницей знаменитого академика, всю жизнь проведшего за сравнением спектрограмм серебристых елей и лучей от других планет. Правнучка гения сама уже была прабабушкой, но умирать не собиралась, пока не допишет «Историю семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях», которую она собирала по крупницам без малого восемьдесят лет. Она ужасно гордилась своей «Историей», а еще больше тем, что один из ее учеников, знавший в школе всего «Евгения Онегина» наизусть, вышел в люди, стал знаменитым на весь свет, но и став знаменитостью, не забывает свою учительницу истории и уже напisyвал ей открыток, сувениров и книг из сто одной страны. Этот ее любимый ученик был единственным, кому бы она, не раздумывая, передала из рук в руки все восемь томов «Истории семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях» и тридцать три тысячи сорок одну карточку с выписками, чтобы затем спокойно отдать богу душу, но ученик не появлялся у нее уже много лет. Глядя из старинного полукруглого окна на подступающую с той стороны к пику Абая вот-вот обещающую засиять во всей красе над городом луну, племянница академика, сама не зная почему, прониклась уверенностью, что в следующий четверг ее знаменитый на весь свет ученик непременно явится к ней с любимым ореховым тортом и двумя морскими свинками в клетке из дерева секвойи. И она решила сегодня же вечером подкрасить волосы к его приходу, чтобы не столь была заметна седина над высоким породистым лбом.

А знаменитый ученик внучки, племянницы и прабабушки лежал в палатке, смотрел на высвечивающиеся окаемки вершин, подпирающих небо, и мысли одна другой прихотливей проносились и гасли перед ним, как проносятся и гаснут августовские летучие звезды. Хотя то, что ему пришло на ум о рыси, зайце, серебристой ели, о Зое Ивановне, не было мыслями как таковыми. То были догадки, граничащие с уверенностью, причем облаченные в рельефные картины. В старину это называлось видениями, а в наши времена — явлениями чрезвычайными.

«Чрезвычайные явления вовсе не чудо,— спокойно подумал, вернее, увидел я.— Ибо чудо — вся Вселенная. Смысл ее безграничности в том, что нет границы возможного и невозможного, граница, чисто условно, проведена нашим слабым разумом, и мы с незапамятных времен ее отодвигаем, планомерно повышая уровень возможного. Но уже теперь, хотя и немногим, ясно, что конечное и условное не может противостоять безусловному и бесконечному».

Край луны показался над зазубринами пика.

И опять я подумал, увидел, что они, антрацитовые пришельцы из кристаллоидного вихря,— никакие даже не пришельцы. Заурядные звездные странники, состязатели, светогонщики. Зря обижалась Лерка, что они, мол, Контактom пренебрегли. Он им не нужен вовсе. Им не нужны наши знания, наша история, наши боли, муки и радости, наш многотрудный опыт созидания добра. Они другим заняты — выигрывают вселенские гонки, дерутся за желтые или какие там скафандры лидеров. Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!..

В полдневный жар у разлившейся горной реки сидит на валуне старый согбенный креол. Завидя нас, он показывает рукой на противоположный берег: надо, мол, переправиться. «Давай перебросим старичка,— говорю я Голосееву.— Все равно нам придется ползти по дну не быстрее краба». Взяли старикана. Задраились. Тянем-потянем поперек русла, камни бьют в бок «Перуна», желтая вода за стеклами. Старик рыдает, совершая какие-то замысловатые жесты, потом начинает гортанно причитать. Не понимаем ни слова, но догадываемся: заклинает духов. Выбираемся на берег. Дверцу настужь. Молись на белых богов, погрязший в суевериях человек. Благодарить? Не за что, чао, ауфвидерзеен, гуд бай, покедова! Что ты там суешь? Книжицу из листов папируса? На память? Спасибо, удружил! — «Таланов, время, время поджигает, плакали наши льготные полторы минуты!» — морщится Голосеев. Ладно, за книжицу спасибо. Получай-ка модель нашего суперзнаменитого «Перуна». Нет, не электро, те для птиц поважней. Обычную, в любом магазине игрушек легко раздобыть, там, внизу, во тьме. Чего ж ты бухаешься в ноги, дедушка, держи еще одну, пусть правнуки играют. Витя, газуй! Мы еще им покажем, «Пе-

перудам» и «Везувиям»! Давай. Шай-бу! Шай-бу! Не сорвись на вираже! Держись! Эх, пронесло! Ура! На этапе мы вторые! Значит, шансы еще есть! Да брось ты меня стискивать! Чего мусолишь щетиной? Лучше поищи книжицу старинову. Как так не можешь отыскать? Завалаялась? Где-то выпала? Постой, постой, я вчера листал на ходу. Там спирали, закорючки, какие-то штуковины вроде фаз луны и что-то еще такое несусветное... Чего-чего? Может, секрет гравитации? У кого, у этих? Которые в штанах из шкуры ламы? Извини, брат, нас на пушку не возьмешь!

— А как они все-таки заташили на гору тот обтесанный камень, помнишь? Ты сам прикидывал с логарифмической линейкой — в нем полторы тысячи тонн...

Несколько дней дуемся друг на друга. Болваны. Недоноски. Ладно, не то еще встретим. И впредь будем умней. Ура! Гонка наша! Молодцы! Мо-лод-цы! Теперь отдохнем. Ну, славно по горам прокатились!

Прокатились славно — мимо секрета гравитации...

Так и скафандрики: наладили двигатель — и прогромыхали в молнии мечущие, опаляющие взор миры.

И раскрылась во всем блеске и величии луна. В полночный час в глухих гора Тянь-Шаня я очнулся ворочаясь с боку на бок, потому что в сердце мне уперся твердый край смерчениша. В тонком лунном луче, случайно прорвавшемся сквозь щель палатки, смерчениш серебристо засветился. Я взял его двумя пальцами и поразился: и без того странно легкий, он как бы вообще потерял вес. Я растянул палатку, вылез в лунный поток.

В лунном потоке вокруг смерчениша восстало сияние, усеянное отрогами туманностей, медленно вращающимися спиралями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами. Я оказался как бы под куполом чужих небес, сжатых до размеров кроны яблони. Надо мною в подернутой дымкою сфере светились жгуты таких же смерченишей. Они прокладывали пути к неведомой цели.

Осененный догадкой, я прикрыл смерчениша ладонью. Чужесветный купол погас. Я взял смерчениша двумя пальцами, как берут кораблик перед тем, как пустить в ручей, протянул руку и разжал пальцы.

Он завис в воздухе.

Он не двигался.

Какие-то неуловимые изменения стали совершаться

в залитых луной окрестностях. Сначала земля под ближними кустами, затем холмы над ущельем, затем и дальние вершины гор начали проясняться, осветляться, делаться все прозрачней, ослепляя хрустальной прозрачностью и чистотой. Я невольно зажмурил глаза, а когда вновь открыл — белозорным стал весь шар земной. Сквозь него просвечивали звезды другой стороны планеты, стерегущие покой брата Полярной звезды — Южного Креста. Здесь, на ночной стороне, фосфоресцирующими медузами шевелились города. Между ними, как ртутные капли, катились огни самолетов, поездов, пароходов в извивах рек. Вулканы подпирал белокипенный пламень магмы.

Освещенная Солнцем чаша Земли исходила водным голубоватым светом. Как тогда, в детских полузабытых видениях, вновь завис я жаворонком над полем цветущего клевера и отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты:

И китов в океанах,
И змей средь барханов в пустынях,
И стрелу, рассекавшую свет и тьму вдоль хребта Карабайо,
Древнечтимые города, что дремали в сумраке волнородительных вод,

И мосты через пропасти,
И хлеба на полях отступающих в вечность ужасных сражений,
Лепестки космодромов,
Изгибы изящных, как арфа, плотин,
И в степях суховейных — распускающиеся тюльпаны,
И влюбленных в садах,
И детей, что вели разговор с облаками, китами, космодромами,
Сузовеями, лебедями, драконами, василисками и васильками,
Все увидел я, имя чему — Человек.

И восславил я, жаворонок звенящий,
Полноту, полногласье, нескончаемость бытия.

Но повсюду, везде, повсеместно —
В океанских пучинах, в ущельях, в пустынях, в снегах,
Глубоко под секвойями, елями, лаврами, пальмами, мхами,
За стальными скорлупками лодок подводных,
Под коркой полярного льда, —
Затаясь, поджидали урочного часа
Ядовитые сгустки
Неправдоподобного
Мертвенно-синего цвета.
Свет такой исторгают лишь ядра звезд.

И погасло видение: овальное облако набежало на кромку луны, подмяло, поглотило ночное светило, лишило его холодных чар.

Тут смерченныш утратил сияние, почернел, опустился плавно в траву. Я отнес его в палатку, положил на дно рюкзака. «Мы еще полетаем с тобой по лунным волнам, вихреносный кораблик, дар — возможно, случайный — созерцателей звездных садов», — подумал я и едва подумал — захотелось сию же минуту, сейчас посмотреть на скалу, где они задержались тогда на мгновение: то ли сбились с пути, то ли вправду, как думает Лерка, у вихря забарахлил вечно живой пестроцветный мотор.

Откочевало облако. С веретена луны снова сыпалась, сыпалась пряжа на вечные снега. Через полсотни шагов стихли наконец победные трубы Тимчикова храпа.

И впрямь: по ту сторону ущелья чернело в скале большое отверстие.

Тут над ущельем — от одного склона к другому — еле заметно затрепетал розоватый жгут сияния, как если бы включили непомерной длины люминесцентную лампу. Сразу вспомнился Леркин рассказ о путеводном дрожащем мареве, что упиралось, как в клемму, в обнаженную скалу. Мыслимо ли так уплотнить пространство, чтобы... Хотя кто знает. Ведь еще в начале века на Всемирной выставке в Париже публика изумлялась большому пустотелому шару, висящему в воздухе. Его поддерживал мощный магнит...

Ночная птица показалась над краем пропасти и медленно заскользила вдоль дрожащего жгута. Внутри дрожащего жгута, чье мерцание временами сходило на нет.

Я взглянул — и остановился, пораженный.

То была Лерка. Раскинув руки, она уходила от меня по еле видимому мосту. Она смотрела в сторону Луны, и Луна играла ее развевающимися волосами.

...Но не на Луну смотрела она, нет, не на Луну. Взгляд ее был прикован к Млечному Пути. Туда, где от угасающей Башни Старой Вселенной — к расцветающей Башне Вселенной Новорожденной приближалась ее, Леркина, тень — Звездная Дева. И были раскинуты руки ее над всеми пространствами и временами.

Над отрогами туманностей, медленно вращающимися спиралями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами.

Над содрогающейся, в муках рождающейся и погибающей материей.

Над шелестом крон живого плодоносящего сада вечности.

Над несметными стаями звездных колесниц, лучшие из которых — будем надеяться, что их большинство — странствуют

Средь времен без конца и края,
В бесконечность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны...

Худшие же захлестнуты азартом бесполезных гонок, завалены горою бессмысленных призов.

Земная Дева в глухих горах Тянь-Шаня.

Над последним пристанищем Архимеда в Сиракузах,
у Ахейских ворот.

Над слияньем Непрядвы и Дона.

Над собакой, забытой хозяином и бегущей к нему сквозь
ночную тайгу.

Над сребристою елью, тянущей ветви к далекой небесной
сестре.

Над сибирской деревней Ельцовкой, где я появился на свет,
чтобы дописать «Историю семиреченского казачества
в песнях, легендах, и поверьях».

Над пирамидами, небоскребами, космодромами, термоядерными
полигонами.

Над дворцами торгашей-кровососов и халупами бедняков.

Над селеньем в горах Карабайо, где пасется детеныш «Перуна»
под присмотром дряхлеющего Владыки лунных ратников,
у которого отняла единственного внука

Властительница Лунного Огня.

И хотел я окликнуть Ту, Что Меня Целовала В Яблоне-
вом саду.

И боялся спугнуть удаляющееся виденье.

И пошел ей тихо вослед.

Виталий Пищенко

Михаил Шабалин

НЛО ИЗ ГРАЧЕВКИ

Тем, кто хорошо знает Сосновск, наверное, знакомо старое кирпичное здание, выстроенное невесть когда купцом Акуловым. Раньше, пока город был небольшим, первый этаж и обширные подвалы купеческого дома занимал магазин. Второй этаж был отдан почте и телеграфу, а на третьем размещались банк и строительное управление. С тыла к зданию примыкал одичалый, запущенный сад.

Но время шло, город вырос и шагнул за реку. Учреждения перебрались в новые здания из стекла и бетона. Кирпичный дом с узкими окнами пустовал, пока его не облюбовали ученые. Видимо, их устраивала тишина окраины. Да, центр Сосновска теперь превратился в окраину... Дом подновили, вычистили подвалы. Вывозили мусор, а привозили вещи, очень порой удивлявшие жителей окрестных улиц. Ну к чему, например, были нужны огромные бронеплиты? А зачем такая уйма бетона?.. Но мало-помалу строительство закончилось. Сад восстановили и обнесли кирпичной стеной. Над парадным входом здания появилась солидная поблескивающая табличка:

НИИИТ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Здесь-то и начались события, о которых пойдет речь.

ЛАБОРАТОРИЯ АСИ

1

Пыльный августовский день подходил к концу и обещал перейти в грозовую ночь. Красное закатное солнце еще только тонуло в дымном мареве, стоявшем над городом, а с востока уже заходили черно-синие тучи и, пока еще беззвучно, молнии торопливо ошупывали горизонт.

На втором этаже института, со стороны сада, светились три окна лаборатории аналоговых систем интеллекта. Сам заведующий лабораторией — доктор физико-математических наук Константин Тимофеевич Волков — сидел за столом и, близоруко щурясь, листал книгу: «Техническая эстетика». Книга была французская, подписи Волков понимал с трудом, поэтому, просматривая ее, полагался в основном на свой вкус.

Стиль «Ретро» в оформлении оргтехники ему не понравился, зато школьный кабинет физики «Летающая тарелка» приятно удивил.

«Черт возьми... правильно-то как! Вот где знание психологии подростков! Вообще точка приложения усилий педагогики должна лежать в сфере эмоционального».

Поймав себя на том, что он опять перешел к психологии, Волков невесело усмехнулся: в последнее время у сотрудников лаборатории АСИ стали появляться совершенно неожиданные интересы.

Старший инженер Гракович, например, «подался в йоги». Диковинные диеты, асаны стали его страстью. Ярым оппонентом Граковича был техник Семен Вынер, вспыхнувший интересом к медицине научной. Это было тем более удивительно, что еще месяц назад Сеня, человек совершенно здоровый, едва ли знал, где у него находится, скажем, печень. Аспирант Игорь стал крупнейшим в городе коллекционером и знатоком научной фантастики. Нет, фантастику он конечно почитывал и раньше, но чтобы вот так уйти в нее «с головой»...

— Это у вас от безделья,— мрачно подшучивал над сотрудниками заведующий лабораторией, но в один прекрасный день захватило и его... Физик по образованию, Волков стал испытывать почти патологический интерес ко всему, что начиналось со слов «психо...».

Начав с классики, он перешел к школе Узнадзе. Переважив фундаментальные труды, глотал периодику так, что библиотекарь едва успевала поставлять ему кипы журналов, и никак не мог удовлетворить жгучее желание разобраться, наконец, в сути происходящего в человеческом сознании.

...Где-то хлопнула форточка. Волков встал из-за стола, подошел к окну и, устроившись поудобнее на подоконнике, попытался определить — далеко ли гроза. Вспышки молний следовали одна за другой, но гром на таком расстоянии был едва слышен. Налетел ветер, и яблони испуганно залопотали листвой. Опять все стихло, и в открытую дверь кабинета донеслись из лаборатории щелчки самописцев. Звук этот вновь вернул все на круги своя, и Константин Тимофеевич тяжело вздохнул, глядя на «резиденцию Агафона» — невысокое кирпичное здание в углу сада. В официальных отчетах, конечно, не фигурировало имя, придуманное лабораторным остряком Игорем, а лишь СПС-2: самоуправляю-

шая плазменная система, модель вторая. Модель первая именовалась Филимоном и просуществовала шесть месяцев и четыре дня. А потом... Волков вспомнил, как выглядело здание резиденции после того, как Филимон «приказал долго жить». До этого Константину Тимофеевичу и в голову не приходило, что обычный кирпич тоже может гореть...

Взрывом выбило крышу, как пробку из бутылки с шампанским. Институт лишился почти всех стекол. Константин Тимофеевич был дома в этот миг — отсыпался после ночного дежурства. Проснулся, будто кто под бок толкнул. Еще ничего не понимая, сидел, прислушиваясь к тому, как защемило вдруг сердце. Поднял трубку телефона и, подержав, осторожно опустил ее на рычаг. Сгорбясь ждал звонка. И тогда телефон взорвался длинной трелью, выслушал дежурного, голос которого срывался в крик, оделся и выбежал на улицу...

Специальная комиссия, разбиравшая причину аварии, сделала вывод, что возникло невероятное совпадение целого ряда случайностей. Один шанс на миллион. И этот шанс выпал.

Уроки были извлечены. Агафон, в отличие от предшественника, помещался глубоко под землей.

По настоянию комиссии было обеспечено даже резервное питание, в пользу которого, впрочем, создатели установки не особенно верили.

— Сохранность стекол гарантирована, — невесело шутили они.

В случае аварии структуру СПС-2 ничто не могло бы спасти. За сотые доли секунды, которые требовались автоматике, чтобы перевести установку на резервное питание, весь труд лаборатории аналоговых систем пошел бы прахом.

Константин Тимофеевич заерзал на подоконнике и вздохнул тяжелее прежнего. Обстановка последних дней была напряженная: Агафон отказывался решать задачи. Установка исправно поглощала энергию, автоматические считыватели по-прежнему загружали память СПС-2 разнообразной информацией, а толпа математиков — в основном аспиранты — как и раньше, топтались в саду, около металлической двери «резиденции». Но туда их теперь не пускали.

— Не решает! — отвечали создатели Агафона и щелкали автоматическим замком под носом тех, кто не терял веры в детище Волкова.

Об аналитических способностях Агафона в институте ходили легенды. СПС-2 производила расчеты в десятки раз быстрее своих дискретных собратьев. Ответы ее отличались безупречной логикой и (если такие определения применимы к машине) находчивостью и остроумием. Об этом говорили в толпе ожидающих. Говорили также и о том, что Агафон-де свихнулся на теореме Ферма, подsunутой каким-то шутником. Начал быстро, без раздумий, бить текст, а потом споткнулся, выдал россыпь точек, затем четыре коротеньких формулы. Три из них были известны, и представляли из себя последовательные ступени освоения энергии вещества: обобщенная формула химических превращений, затем дефект массы, классическая полная энергия вещества, зато четвертая являла нечто несуразное, со значком, который не мог быть расшифрован иначе как плотность вакуума.

Математики выслушали эти полусплетни, понимая, что трясли головами и замолкали, глядя на дверь резиденции. В центре двери красовался зеркально-желтый глазок, к которому достаточно было приложить палец, как замок тут же щелкал и дверь распахивалась. Горестным для аспирантов обстоятельством являлось то, что давно определенная вероятность повторения дактилоскопического узора у различных людей составляла бесконечно малую величину. А цену бесконечно малому аспиранты-математики хорошо знали.

2

На улице быстро темнело. В подступившей духоте деревья поникли черным воском листьев. Шелест их стал почти неразличим за рокотанием грома. Раздались шаги. «Гракович», — подумал завлаб и сполз с подоконника. Действительно, через минуту на пороге возник Гракович. Сказать о старшем инженере «пришел» как-то язык не поворачивался. Гракович именно «возникал». Да и к тому, как он работал, более всего подходило слово «стремительно». Особенно удивляла Константина Тимофеевича способность Граковича обходиться без декларации цели. Многие из тех, кого знал Волков, исходили на слова, не оставляя сил для достижения того, о чем говорили и к чему стремились. Гракович был их противоположностью.

Поздоровавшись, старший инженер указал на «Техническую эстетику».

— Никак новое увлечение у вас, Константин Тимофеевич?

Волков улыбнулся. Гракович помимо своего «основного хобби» обзавелся еще одним — вел летопись увлечений своих коллег.

— Нет, Володя, на этот раз ваша коллекция останется без пополнения. Принес кто-то из ребят, а я вот решил полистать.

Волков помолчал, потом добавил:

— Что-то Быстров запаздывает сегодня.

— Я за него отдежурю, Константин Тимофеевич. У Кирилла сегодня праздник — «День рыбьего новоселья».

Увлечение младшего научного сотрудника Кирилла Быстрова началось с того, что он притащил в лабораторию трехлитровую банку, в которой лениво шевелили плавниками толстые золотые рыбки.

— Главное для рыбок — это простор! — говорил Кирилл, любовно поглядывая в сторону банки. — Вот сделаю аквариум... Большой, снизу подсветка... Это будет сказка!

Через два дня Гракович увидел, как Кирилл безуспешно пытался протолкнуть в дверь автобуса огромный канделябр.

— А это-то зачем? — недоумевал Гракович.

— Для подсветки.

И Быстров с криком взвалил канделябр на плечо.

— А-а, «сказка»? — оживился Волков. — Надо будет посмотреть.

— Ну, зрителей там и без нас хватило. На соседей новоселье большое впечатление произвело. Из ЖЭУ звонили, интересовались, действительно ли гражданин Быстров у нас работает.

— А в чем дело? — не понял Волков.

— Да лопнула «сказка». На двести четырнадцать ведре. Так что прийти сегодня Кирилл едва ли сможет.

...Грохнули распахнутые порывом ветра двери лаборатории и створки окна угрожающе-стремительно потянулись за сквозняком. Волков дернулся по направлению к окну, но Гракович опередил его.

— Буря идет, — сказал он и тщательно задвинул шпингалет.

— Пожалуй,— согласился Волков.— Пойду я, пока дождя нет.

Он снял с вешалки плащ.

— Программа без изменений? — спросил Гракович.

— Да. Минут через сорок начинайте все три потока информации. График на столе.

Волков еще хотел что-то добавить, но передумал.

— Константин Тимофеевич... а вы-то сами, неужели всерьез полагаете, что причина неполадок в непрохождении потоков?

— Не знаю,— Волков никак не мог попасть в рукав плаща.— Во всяком случае — это как один из вариантов.

— Раньше все было в порядке...

— На то и машина, чтобы в ней что-нибудь ломалось,— неуклюже пошутил Волков.— Впрочем, сегодня это прояснится. А что вы, Володя, засомневались? Новые идеи есть?

— Увы! — Гракович развел руками, улыбнулся.— С идеями у нас в последнее время туго...

3

Дорожка вела Волкова к резиденции. Поскрипывая песком на каменных ступенях, Константин Тимофеевич опустил на площадку лифта, прижал указательный палец к глазку и стал ждать, когда бдительная система электронной охраны обшарит тайники своей памяти.

Круг лиц, работавших в СПС-2, был невелик, но почему-то на этот раз электронный сторож не торопился пропускать Волкова.

— Э-э... Сим-сим, не узнаешь, что-ли? — пробормотал Константин Тимофеевич.

Самообучающаяся плазменная находилась глубоко под землей. Наверху были только системы «жизнеобеспечения» привередливого творения Волкова: мощная подстанция, питавшая энергией Агафона, и насосы системы охлаждения вакуумного колпака, под которым сатанели, стиснутые магнитным полем, миллионы градулов звездного пламени.

Наконец двери распахнулись, и Волков вошел в кабину лифта. Листы корабельной брони мягко сомкнулись и отрезали подземелье от лучей звезд, которые несли свою бессменную вахту где-то там, над ватными

одеялами облаков, выше молний, в звенящей черной пустоте. За стеной проскочили три слоя железобетона.

«Взрыв сверхновой можно переждать», — шутили в лаборатории, знакомясь с проектом «резиденции Агафона».

Волкову предстояло свидание со своим детищем. Не в буквальном, конечно, смысле. Никто из создателей не видел СПС-2 воочию. Даже защищенные телекамеры время от времени выходили из строя, глядя на скрученный спиралью плазменный шнур, в котором хаос ядер и электронных оболочек представал порядком более высокого содержания: структурами памяти с их немислимыми комбинациями.

Свидания, о которых идет речь, выглядели довольно странно: шаркая войлочными туфлями, сотрудники лаборатории аналоговых систем подходили к особому аппарату в центре небольшой комнаты. Аппарат напоминал сушилку для волос в парикмахерской. Это был блок интуиции.

Основную массу информации Агафон получал с обычных считывателей. Новые сведения из области точных наук, естественных, гуманитарных постоянно поступали в электронную память машины. Но просто обладать знаниями мало. Надо еще уметь быстро и безошибочно выбрать из их массы единственное необходимое. У человека это качество называется интуицией. Этому же хотели научить СПС-2 ее создатели, для этой цели и предназначалась «сушилка». По инструкции, севшему в кресло полагалось читать художественную литературу. Можно было смеяться и плакать. Можно было даже вздремнуть, если подлежащая прочтению книга казалась неинтересной. Для создателей Агафона важным было даже не то, что читали сидящие под «сушилкой», а то, как читали: чувства и переживания людей. Предполагалось, что механизм эмоций и интуиция связаны между собой и что наиболее сильные из процессов, происходящих в мозгу человека, Агафон был способен улавливать. Но все это только предполагалось. С определенностью сказать о том, как влиял блок интуиции на работу машины, не решился бы никто. СПС-2 была моделью экспериментальной.

В лаборатории быстро сформировались литературные вкусы. Игорь всегда умудрялся подгадать к чтению фантастики. Причем, самой лучшей. Представление о мирах, созданных Брэдбери и Ефремовым, Агафон по-

лучал только от Игоря. Волкову уступили Шекспира и Толстого. Сеня не единожды взгрустнул, читая «Консуэло». Кирилл был «всеяден», поскольку читал первые две страницы — и засыпал.

Константин Тимофеевич помнил, как специальным рейсом блок интуиции доставили в Сосновск из Ленинграда.

Сотрудники тихо стояли перед специальным стендом, на котором красовалась гнутая полость. Техник-виртуоз Сеня Вынер пересчитал число нулей перед цифрой, означавшей массу платиновой сеточки-паутинки, охнул и ушел к другу в соседнюю лабораторию делиться впечатлениями...

Сеточка плавала в особом органическом масле и должна была, по замыслу конструкторов, отвечать на очаги возбуждения внутри человеческого мозга. Всем четырнадцати миллиардам нервных клеток ставилась во взаимно-однозначное соответствие картина конвективных токов в масле, прошедшем такую очистку, что в сравнении с ним дистиллированная вода показалась бы Нилом в период половодья.

Вернувшийся Сеня осторожно ткнул пальцем в ту сторону, где предположительно находилась сеточка, и философски молвил:

— С позиций здравого смысла, ее здесь нет.

Долго еще в лаборатории существовала расхожая шутка — начинать все словами: «С позиций здравого смысла...»

Вечный же скептик Игорь, прохаживаясь мимо огромных фундаментных блоков для лазерных сканеров, презрительно цедил сквозь зубы:

— Эмпирика...

В устах выпускника матфака университета слово «эмпирика» было ругательным.

НЛО, ИЛИ ДВОЕ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ

1

Таранькина Гарь осталась позади и до Грачевки было уже рукой подать, когда гроза догнала ребят. Молнии одна за другой раскалывали небо. Гром, утратив бархатистость звучания, тяжело падал на озаренный сиреневым светом лес.

— Говорил, остаться надо было! — крикнул Пашка. Тихон размеренно шагал впереди.

— Сейчас бы в сене лежали...— прибавляя ходу, ворчал Пашка.— А то как молния в вилы те звезданет, так... Та-а-а...— повторил он и с удивлением понял, что стоит на четвереньках в густой траве, а ночь наполнена оглушительным звоном.

Недоумевая, Пашка поднялся: метрах в десяти стоял... или стояло, мерцал... или мерцало. Непонятное такое. Аппарат... Светлый купол покоился на более широком и темном основании. Больше всего непонятная штуковина походила на громадный дождевой пузырь, который почему-то не лопается. Через прозрачную оболочку была видна странного вида панель с клавишами. Над ней висел светившийся голубоватым светом шар, похожий на глобус. От «пузыря» не отходило ни звука.

Вытирая руки о рубашку, Павел осторожно двинулся к таинственному предмету. Краем глаза он видел Тихона, заходившего с другой стороны. Ребята остановились, в любой момент готовые сорваться с места.

— Что это? От молнии, что ли? — Пашка крутнул головой, словно надеялся увидеть еще пару подобных пузырей.

Тихон молчал. Ничего подобного он никогда не видел.

Так и не дождавшись ответа, Пашка медленно приблизился вплотную к куполу. Тихон опередил друга. Вот он протянул руку и тут же отдернул ее.

— Что?! — окаменел Пашка.— Долбануло? — Его не оставляла мысль о грозовом происхождении «пузыря».

Тихон молча разглядывал руку. Убедившись, что с ней все в порядке, осторожно поднес ее к куполу и погрузил в странное неосязаемое вещество по локоть.

Пашка понял, что дышит ртом. Тряхнув нечесаными патлами, он тут же внес посильный вклад в дело исследования — сопя полез под купол. Опустившись на мягкое основание странного аппарата, он после секундного колебания попробовал как в нем дышится. Дышалось легко. На Пашкином лице появилась блаженная улыбка. За куполом шевелил губами Тихон. Беззвучно, как фотовспышка, полыхнула молния. Тихон вытащил слегка упирающегося Пашку из-под купола.

— По системе надо,— сказал он и сам полез в аппарат.

Павел, предпочитавший любой системе бессистемность, немедленно забрался следом.

— Ух ты! Пульт! — восхитился он и на коленях направился к странному устройству, напоминавшему электроорган и стол учителя географии одновременно. Вдруг он застыл на месте и испуганно обернулся к Тихону.

— Слышишь? — шепотом спросил он и поднял палец.

Тихон прислушался, но под куполом царила абсолютная тишина. Пашка напрягся и вытянулся, словно спаниель на стойке.

Тихон только хотел сказать, что ничего не слышит, как вдруг волна неясных звуков обрушилась на него. Здесь было все: и шум волн, и крики чаек, и чей-то торопливый разговор, тревожные интонации которого постигались раньше, чем сознание могло уловить смысл слова. Вся эта какофония, почти физически ощутимая, обрела ясность, и Тихон понял, что его спрашивают. Кому-то позарез нужны были ответы на все вопросы мыслимые и немыслимые, и этот кто-то вцепился в его сознание. Особенно неистовствовал вопрос «Зачем?». Он пронесся в сознании, унося за собой жалкие вскрики-ответы. Что-то вроде: «Зачем жить?» или «Зачем жизнь?», потом об отце, о матери, внезапно о давно умершем деде. Какие-то нелепые воспоминания: крахмальная скатерть, залитая чернилами, урок в школе, как с Люской целовался и все это Зачем? Почему? Как? Что?

В следующее мгновение ребята уже сломя голову бежали под вспышками молний. Словно подгоняя их, грохотал гром, и так долго собиравшийся дождь хлынул наконец в полную силу, сбивая с сосен сухие ветки и наполняя воздух водяной пылью.

За деревьями замелькали огни Грачевки, и ребята остановились, переводя дух. Бежать дальше расхотелось. Пашка, съевшись, разглядывал побелевшие от дождя носки кед. Тихон, оперевшись о ствол сосны, тяжело дышал.

— А чего это ты рванул? — спросил Пашка. Это было очень похоже на него. Если кто и «рванул», так только не Пашка.

— Отстать боялся, — буркнул Тихон и вытер мокрым рукавом мокрое лицо.

— Что это было, а?.. Чуть не разорвали. Как же это все сразу сделать. Уж хоть бы по очереди...

— Что-о? — удивился Тихон. — Что ты говоришь?

— Я говорю...— Пашка нерешительно начал и замолчал, сощутив глаза.— Не-е... ты сперва. Ты тоже не можешь все сделать?

— Я ответить не могу. Интересно выходит... Меня, значит, спрашивают, а тебе предлагают?

— А о чем тебя спрашивали?

Тихон вдруг понял, что он не сможет ответить на этот вопрос.

— Как-то сразу обо всем. Зачем, мол, все? Я, мол, зачем? Живу, нет... даже не живу, а больше как-то... Зачем, мол, я есть?

— Ты смотри...— Пашка задрал лицо к небу.— А мне говорят: — «Разбери, давай, все».

— Что все?

— Ну всё... Понимаешь, что есть... А потом собери...

— Да...— подвел итог Тихон,— поговорили...

Он посмотрел на свои джинсы. На левой штанине висел здоровый клочок. «Где умудрился только?» — подумал Тихон.— «Видно, когда через кусты продирался».

Некоторое время они молчали, потом Тихон заправил выбившуюся рубашку и решительно сказал:

— Пошли!

— Куда? — напугался Павел, выдав себя. Он очень боялся, что Тихон не решится больше вернуться к странному аппарату.

— Не домой же... Вилы. Понимаешь, вилы мы забыли,— сказал Тихон и зашагал к лесу, скользя по размокшей тропе.

Обойдя купол стороной, они побрели по густой траве и вскоре нашли вилы там, где им следовало лежать. Можно было возвращаться, но ноги сами собой подвели ребят к загадочному аппарату.

Павел осторожно обошел купол и остановился, глядя на сияющий за прозрачной завесой, бело-голубой шар. В неярком свете, исходившем от «глобуса», было видно, как от мокрой рубахи Тихона поднимался пар. Вспыхнула молния, озарив низкие облака, заливая голубым сиянием лес. В навалившейся черной ночи заворчал гром. Утихший было дождь с новой силой обрушился на землю.

— Воду не пропускает! — крикнул Пашка и показал на струи воды, стекавшие по куполу.

Тихон, не выпуская вил, подошел ближе и осторожно погрузил руку в купол. Призрачно поблескивавшей под куполом руке было тепло. Ни слова не говоря,

он засунул под купол голову. Пашка последовал примеру. Некоторое время они стояли так, прислушивались. Но под куполом стояла удивительная тишина, нарушаемая только Пашкиным пыхтением.

— Ну что? Лезем, что ли? — спросил он и, не дожидаясь ответа, забрался под купол.

Тихон потоптался на месте, огляделся по сторонам, потом ухватил вилы, словно копье, и забросил в кусты.

— Не... ты понял? — спросил его Пашка. В голосе его слышалось торжество. Потянув Тихона за рубаху, он снова повторил вопрос: — Ты понял, что ты сухой?

Тихон с удивлением оглядел себя и убедился, что он действительно сухой. В кедах, где только что хлюпала вода, также было совершенно сухо.

Пашка, высунув руку за купол, набрал полную пригоршню воды. Втянув ладонь, засмеялся:

— Не пускает!

Внимание Павла переключилось на пульт. Подсев к нему, по-хозяйски осмотрев все, что на нем находилось, пересчитал клавиши.

— Девять штук, — сообщил он. — Две у глобуса, шесть посередке и еще одна.

Тихон встал во весь рост и голова его высунулась из-под купола. Влажный ветер ударил в лицо, заставив на мгновение закрыть глаза, и унесся в лес, запутавшись там в соснах.

Тихон запрокинул голову так, что захрустели кости, и улыбаясь опустил на колени.

— Купол — полтора метра высотой, — сообщил он, — а диаметр основания этого...

Любитель бессистемности возился с глобусом.

— Хм... вращается... Только что не вращался, а тут вращаться начал. Как они его подвесили? — недоумевал он, оглядывая глобус, который, ни на чем не держась, сохранял фиксированное положение.

— Кто это «они»? — спросил Тихон с легким оттенком раздражения. Ему не нравилась всегдашняя Пашкина манера начинать со сладкого.

— Кто тарелку сделал, — рассеянно отвечал Пашка, пропуская глобус сквозь сцепленные в кольцо руки. Все его техническое мышление, воспитанное повседневностью и ею же проверенное, наотрез отказывалось понять способ подвески бело-голубого шара. Сопя, он уцепился за глобус и попытался сдвинуть его.

Тихон не выдержал:

— Да что эт-то за привычка такая, все крутить?! — взревев, он хлопнул себя по коленям и вскочил... но тут же присел, схватившись руками за голову.

Пашка испуганно поднял руку. Она уперлась в жесткую невидимую преграду. Напрасно ребята лихорадочно ощупывали купол. Выхода не было.

— Я все понял, — сказал Павел. — Это — ловушка для дураков.

Тихон, осознав всю безрезультатность поисков хоть какой-то лазейки в броне купола, молчал.

Далекая вспышка молнии выхватила из темноты Пашкино лицо с круглыми, будто совиными, глазами.

— Это марсиане подсунули тарелку, — продолжал он. — Сейчас повылазят из кустов: «Кто-то, кто-то нам попался в этот раз?»

— Угу... А ты им: «Это я — Пашка Русаков».

Пашка засмеялся:

— Ерунда получается... Как-то же отсюда можно выйти...

И прежде, чем Тихон успел помешать, Павел нажал первую попавшую клавишу.

...Лес прыгнул навстречу, завалился набок. Кто-то свирепый и сильный навалился на голову и плечи Тихона, стараясь скрутить его в кольцо...

2

Пашка постанывал и гладил ногу повыше колена, виновато глядя на подымавшегося Тихона. Тот покрутил головой, потрогал шею, кашлянул, проверяя голос, и, наконец, счел возможным говорить:

— Ты вот что, марсианин... Ты это...

Тихон опять осторожно покрутил головой:

— А то...

Пашка виновато поежился.

— Где лес? — Тихон постучал по куполу. — Это что? Где это мы?

Вокруг не было видно ничего, кроме ровного серебристого сияния.

— У тебя что, язык отсох?

— А я откуда знаю? — огрызнулся Павел. — Я нажал только, а оно давай голову откручивать. И ногу вон...

Пашка с преувеличенным страданием глянул на свою ногу.

— Тебе бы еще руки открутить! — кипятился Ти-

хон.— Ну, что ты лезешь, куда не просят?! Какую нажимал?

Пашка посмотрел на пульт.

— Вон ту, вроде...

— Вон ту, вон ту...— Тихон не решался притронуться к клавиатуре.

Внезапно еще больше посветлело, и через какое-то мгновение ребятам открылась картина ошеломляющей красоты: яркая луна висела в черном небе, усеянная звездами, а вокруг!.. А вокруг и внизу громоздились без конца и края снежные горы облаков, залитые лунным сиянием!

Павел от неожиданности со всхлипом втянул воздух и вцепился в непрозрачную панель пульта. У Тихона обмерло все внутри и закружилась голова.

Видение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Вокруг снова стояло серебристое сияние.

— Вот это да! — заорал Пашка.— Я же говорил! Говорил! Тарелка это! Забыли марсиане или бросили, может.

— Ты не так говорил,— поправил его Тихон.— Ты говорил «Подсунули».

Павел пропустил замечание мимо ушей. Все его существо наполнилось неопишуемой радостью. Кажется, еще немного — и он начнет светиться от этой неистовой радости!

— Ну конечно! — продолжал кричать он.— Глобус у них вместо карты! А это значит, чтобы управлять ею!

— Чего ты кричишь? — отрезвляюще спокойно спросил его Тихон.— Ты что, с марсианами договорился? Тарелка эта твоя теперь? Ты, значит, и выйти из нее можешь?

Пашка постучал по куполу:

— Нет, но я знаю, что эта клавиша «Вверх» была.

— Об этом я и сам догадался.

— Я просто не знал, что надо потихоньку нажимать,— оправдывался Павел.— Я думал, как на пианино... А оно потом само руку прижало.

Тихон подсел к пульту и осторожно притронулся к той самой клавише, которую до этого так бесцеремонно нажимал Пашка.

Тарелка дрогнула и в ту же секунду опять стал виден бескрайний облачный простор.

От необычайности картины, от того, что возникло ощущение оторванности от все и вся, у Тихона опять закружилась голова и сладко засосало под ложечкой.

Пашка старательно выводил «первым голосом» что-то среднее между «э-э-э» и «и-и-и».

Облачные горы громоздились одна на другую, таяли, вырастали из ничего и быстро плыли неразрывным фронтом.

— Левку бы сюда, а Тихон,— оборвал свое пение Павел,— он бы стихами загово...

Тихон мрачно взглянул на Пашку. Увидев его жалкое и в то же время счастливое лицо, удивленно поднял сросшиеся на переносице брови:

— Что это с тобой?

— Левку бы сюда,— глупо улыбаясь повторил Пашка,— он бы стихами заговорил... А, Тиш?

— Я тебе сам петь буду,— пообещал Тихон,— если... твои марсиане нас живыми отпустят.

Растопыря пальцы над клавишами, Тихон решал уже известную в истории задачу. Правда, у того, кто столкнулся с ней впервые, выбор был беднее. Не девять клавиш, как у Тихона, а всего две копы сена. Но несмотря на некоторые различия в условиях задачи, результат мог оказаться тем же самым. Пашка интуитивно почувствовал опасность.

— Жми любую,— храбрясь посоветовал он и после паузы добавил: — Потихоньку только...

Справедливости ради следует отметить, что по части управления всякой техникой Тихон был виртуозом. Даже школьный выдавший виды «газик», как всегда казалось Пашке, узнавал Тихона. Пашка мог бы поклясться, что слышал, как старая машина побряхтывала от удовольствия, когда Тихон садился за руль. А уж строптивости ее при этом как не бывало. Куда исчезал натужный вой! Ветеран становился стремителем, как «Волга», а по плавности хода мог соперничать с «Жигулями».

Вздохнув, Тихон поиграл в воздухе пальцами. На искрящемся фоне облачного покрывала черный силуэт его был карикатурно схож с пианистом, решившим сыграть на незнакомом инструменте. Дело осложнялось не только тем, что строй музыкального инструмента составлял для пианиста тайну, но также и тем, что, после неправильно взятого аккорда, пианиста вместе со слушателем ждали последствия, которые никто не решился бы предугадать.

То немногое, о чем сожалел в эти минуты Павел, было отсутствие скобы в полу тарелки.

— Угу...так, так... Ага...— раздавалось под куполом.

Тарелка, мягко покачиваясь, исполняла замысловатый танец.

— Готово,— неожиданно сказал Тихон.— Можем лететь.

— Хм... И домой?

— Можно и домой,— нарочито дежурным тоном отозвался «пианист» и возложил руки на клавиатуру. Ускорение мягкими лапами вцепилось в Павла, и тому пришлось ухватиться за угол пульта.

Сначала нерешительно подрагивая, но затем все сильнее и увереннее, тарелка снижаясь входила в вираж.

Тихон окончательно освоился с удивительно легким управлением тарелки, и облака понесли на них снизу так стремительно, что Пашку оторвало от пола.

— З-з-зем-ля же...— сквозь зубы начал он, едва держась за округлый выступ пульта. Но падение уже замедлилось. Тарелка полого скользнула к приветливо мигавшим огням Грачевки, поплыла над прудом, перескочила через улицу, и медленно опустилась на мокрую траву во дворе Пашкиного дома.

Пузырилась под дождем лужа. Тускло отсвечивали окна дома. Беззвучно шевелил листьями огромный тополь во дворе. Все было рядом — рукой подать. Если б рука эта не упиралась в прозрачную броню купола.

— Вулкана уволю,— сказал Пашка, глядя на будку, в которой, свернувшись калачиком, спал пес. Совсем мышей не ловит. Хозяин не в своей тарелке прикатил, а он, понимаешь, ни гугу.

Тихон молчал, обдумывая положение.

Как-то так сложилось в их с Пашкой отношениях, что принимать решение в трудных ситуациях было делом Тихона. Внешне неторопливый, даже производящий впечатление тугодума, он неизменно оказывался прав в ситуациях, допускавших выбор. Бессменный судья всех спортивных соревнований, диспетчер в драке, умеющий видеть сразу за всех. Причем, в отличие от Пашки, он считал последним делом решать проблемы «вручную». «Надежный»,— однажды охарактеризовал его любитель психологических портретов Левка. «А я? Я — какой?» — поинтересовался тогда Павел. «Ты у нас, Паша, парень на «два О»,— сказал с усмешкой Лева. «Как это?» — опешил Пашка.— «Обидчив, но Отходчив»,— пояснил Левка.

— Купол впустил? — неожиданно спросил Тихон.

— Кого? — испугался Пашка.
— Нас с тобой.
— Ну... — почувствовал подвох Павел.
— Выпускал?
— Выпускал... — неуверенно согласился Пашка.
— Это я к тому, что если бы им надо было нас того... то они бы сразу это сделали.
— Правильно! — обрадовался Пашка.
— А что ты сделал, после чего он нас выпускать перестал?

— Чего я такого сделал? — возмутился Павел.
— Глобус! Все началось с глобуса! Навалился и давай оси гнуть...

— Да где оси? Какие оси? Нет у него осей...

Пашка оказался около пульта.

— Стоп! — рявкнул Тихон. — Убери лапы.

Пашка обреченно махнул рукой и отодвинулся.

Тихон стал осторожно покручивать глобус.

— Это не глобус, — заключил он.

— Правильно! — с готовностью поддержал его Павел. — Не глобус. Нет, нет... Дурак поймет, что не глобус это, — изощрялся он. — Непохоже даже.

Тихон молча ждал, пока утихнет оскорбленное Пашкино самолюбие.

— Это... материализованное изображение нашей Земли.

— Сам придумал? — не глядя на Тихона поинтересовался Пашка.

— В инструкции к летающим тарелочкам прочитал, — съязвил Тихон. — Смотри, одна половина его темнее другой.

— Ну.

— Граница света ползет.

— Что-о? — не выдержал Пашка и уставился на шар.

— Раньше она не тут была, — отодвинул его плечом Тихон. — К тому же какой резон облака на глобусе рисовать? Вот, видал... циклон. Кстати, ты не помнишь, как повернут был глобус, когда мы сюда забрались? Вернуть бы его в то же положение.

Но Пашка уже ничего не слышал. Он глядел на две клавиши, расположенные неподалеку от глобуса и сам себе удивлялся: как это он не попробовал нажать на одну из них, на левую, которая, это точно знал Пашка, могла освободить их из плена. Надо было нажать на

нее еще там, в воздухе, над Таранькиной Гарью. Но тогда словно мешало что-то взять и нажать. Теперь же это стало необходимостью.

Ярчайшая вспышка света заставила Тихона пригнуться. Он ожидал боли, грохота и еще неведь чего. Но был только свет.

Тихон открыл глаза.

Тарелка висела над пустыней.

— Привет,— дружелюбно сказал Пашка и на всякий случай отодвинулся. Пустыня никак не входила в его планы.

«Тоже мне... марсиане...— с обидой подумал он,— ...нажми, нажми...» — и поежился под взглядом друга.

Тихон, так и не решив, что ему следовало сделать с Пашкой, осмотрелся. Насколько глаз хватало, кругом простирался песок. Ни кустика, ни деревца, ни даже мало-мальского миража не было поблизости. Только песок, покрытый мелкой рябью волн. Высоту определить было трудно. Не было ориентиров. Тихон приподнялся на коленях и тут же испуганно сел. Рука, протянутая к куполу, не нашла привычной уже опоры. Пашка, перехватив взгляд Тихона, с гордо-независимым видом принялся смотреть по сторонам. Его поведение свидетельствовало о том, что он, конечно же, с самого начала знал, что купол снова стал проницаем, и такие вот леденящие взгляды друзей, вроде того, которым одарил его Тихон, прощать не намерен.

Убедившись, что купол выпускает, Тихон улегся на пол и свесил голову за край тарелки. Рядом немедленно пристроился Пашка и плюнул в пустыню.

— Может, это сон такой, а Тихон?

— Может... Коллективный сон. Слышь, Павел,— Тихон втянул голову под купол,— сядь сюда. Да, да... подалее.

Когда Пашка перебрался подалее от пульта, Тихон медленно опустил тарелку на песок.

— И попробуй только двинуться с места,— пригрозил он, выбираясь из тарелки.

Тихону показалось, что он шагнул в парную. Жар шел отовсюду. Песок был раскален. Небо дышало жаром, и воздух, едва заметно колышущийся, был сух и зноен. Пот почти сразу же проступил на лбу.

«Останься здесь без транспорта...» — подумал Тихон и на всякий случай оглянулся на тарелку. Все было в порядке. Тарелка поблескивала куполом, а под ним,

безучастный ко всему, лежал, закинув руки за голову, Пашка.

То, что с воздуха казалось мелкой рябью, оказалось крупными волнами. Идти по песку было трудно. Особенно трудно было подниматься на песчаные кручи. С виду они казались монолитными, а на самом деле состояли из мелкого сыпучего песка, непрерывно ползущего под ногами. Тихон почти на четвереньках одолел бархан и стоял на вершине, истекая липким потом. Пустыня один на один казалась еще более величественной. Бесконечной чередой барханы уходили к горизонту и терялись из виду в дрожащих струях нагретого воздуха.

Тихоном овладело странное ощущение нереальности происходящего. Все это: и ночная гроза в Грачевке и невероятная находка, а теперь еще и раскаленная печь пустыни — показались ему каким-то фантастическим фильмом, невольным персонажем которого он стал. Казалось, стоит только выйти из зрительного зала или выключить телевизор, как все происходящее немедленно исчезнет.

— Ну что? — раздалось совсем рядом.

В двух шагах от Тихона, в воздухе, висела тарелка. Пашка, наполовину срезанный куполом, лежал, опершись локтями на выступающее основание, и смотрел в ту же сторону, что и Тихон.

Тихон вытер пот со лба.

— Странное что-то получается, — сказал он. — Значит, дома выйти из-под купола нельзя, а тут в пустыне — пожалуйста...

— Разобрался я, — сказал зевая Пашка. — Все проще пареной репы. Залезай, домой поедем. Теперь и дома можно будет выйти.

Тихон взобрался под купол и вздохнул облегченно: техника кондиционирования тарелки действовала безупречно.

— Вот, видишь; где мы? — Пашка ткнул пальцем в глобус. — Точка вот... видишь?

— Ты мне скажи, откуда она взялась? Не было ведь никаких точек?

— Знаю, что не было.

Пашку разморило на солнышке. Он зевал и клевал носом.

— Так откуда?

— Заказал я. Понимаешь, заказал... Она так может, — поведя рукой, пояснил Павел.

— Ерунду говоришь какую-то...

— Чего ты...— сонно сопротивлялся Пашка.— Ерунду, сразу. Я и клавиши заказал. Эта вверх, думаю, тогда эта — вниз, думаю.

— А в лоб какая будет, ты не думаешь? — взъярился Тихон.— Он, понимаешь, заказывает и молчит!

— Да не знал я... Не знал! Думаю, ну как мы определяться будем? Хотя бы точка там, где мы... А она — раз и появилась. И про клавиши сразу понял.

Пашка принялся вращать глобус.

— Что-то тут речек много, Тихон... Которая наша? Поставить надо хоть приблизительно.

Точка плясала где-то в верховьях Лены.

— Уйди, троглодит!

Тихон, полагаясь на чутье, поворачивал глобус, подводя под точку то место, где должен был находиться Сосновск.

— Давай...— отстраняясь от пульта, сказал он.— Раз ты такой любимец у марсиан.

Ускорение, в который раз за сегодняшний день, навалилось на плечи ребят, и пустыня оказалась далеко внизу.

3

Над слякотными грачевскими улицами, ныряя и раскачиваясь, беззвучно плыл неопознанный объект, проще говоря, летающая тарелка. И именно бесшумность транспортного средства вывела из себя бдительных дворняг.

Метнулась под ворота, заливаясь лаем, первая. Глухо забрехала спросонья другая. Вскоре вся деревня была заполнена разноголосым воем и лаем. Захлопали двери домов. В темноте слышались голоса.

— И с чего это они, черт их дерит? — спросил первый.

— Сам не пойму,— ответил второй.

— Тьма кромешная,— молвил первый голос.

— Хотя бы звездочка на небе,— поддержал его второй.

— Опять дождь будет,— поддержал разговор кто-то в исподнем с противоположной стороны улицы.

Как-то само собой разговор перескочил на сенокосную готовку, потом на события в Африке и на проблемы энергетического кризиса.

В темноте засветился огонек папиросы.

В самый разгар беседы в конце улицы появился некто в белой рубаше. Разговор, дошедший тем временем до советско-американских отношений, прервался.

— Это, никак, Волков-сын? — спросил первый голос.

— Вроде он, — согласился второй.

— Ты чего это среди ночи шастаешь? — обратился к Тихону третий.

Тихон, не останавливаясь, дружелюбно сказал:

— Сено сгребали... Вот и задержались.

ПОЗВОЛЬТЕ, НО...

1

Тяжелая августовская зелень листьев была усыпана сверкающими каплями воды. Весь сад носил следы ночного ливня. Асфальт дорожек был засыпан песком и сбитыми ветками. В лужах лежали розовые облака, и капли, падающие с деревьев, разбивались о них. Неподвижный утренний воздух вобрал в себя запахи грозы, мокрого песка, листьев и был так плотен, что у Константина Тимофеевича перехватило дыхание, и он остановился, привыкая к оглушительному гомону птиц и буйству утренних красок.

Каждый раз после ночи, проведенной в подземелье, он бывал поражен контрастом двух миров: подземного, лишенного запахов, красок, звуков, в котором даже эмоции были строго регламентированы, и этого — настоящего, живущего по своим извечным законам.

Улыбнувшись, Константин Тимофеевич закинул руки за голову, потянулся и зашагал к институту, в стеклах которого сияло утреннее солнце.

Вахтер встретил Волкова испуганно-сочувственным взглядом. Константин Тимофеевич истолковал это по-своему:

«Вот видишь, — обратился он к себе, — тебя уже люди жалеть стали. Доработался. Два года без отпуска!»

Внезапно он почувствовал необыкновенную усталость. Захотелось немедленно, сейчас же, не заходя в лабораторию, бросить все и катить куда глаза глядят. Например, в Грачевку, к брату.

Сейчас так хорошо в Грачевке! Можно будет захватить удочки и махнуть на остров. А там бездумно валяться на песке целый день. И болтать с племянником о чем угодно. Хоть о Бермудском треугольнике, хоть о достоинствах новой модели «Москвича».

Внезапно вспыхнувшее желание ехать в Грачевку было настолько сильным, что Константин Тимофеевич остановился посредине лестничного пролета, готовый повернуть обратно. Мысленно он уже видел себя стоящим в очереди за билетами на автовокзал. Он даже несколько шагов вниз по лестнице сделал, но опомнился.

«Что это со мной?» — мелькнула мысль.

Представив себя бормочущим и топчущимся на лестнице, Константин Тимофеевич устыдился и медленно пошел вверх, налегая рукой на перила. Но желание съездить в Грачевку не оставляло его.

«А что, в самом деле? — думал он. — Возьму я денька три, отдохну».

Решение успокоило Волкова, и он бодро зашагал по коридору. Перед дверью мельком взглянул на часы, вошел... и увидел всю лабораторию в сборе. Вновь взглянул на часы. Может ошибся? Нет... шесть часов утра. Что за черт... Может...

Волков почувствовал, как на лбу выступил пот. «Агафон!»

Не сводя глаз с сотрудников, Константин Тимофеевич сделал два шага, посмотрел на экран монитора. Экран полыхал ровным зеленым светом. Все было в порядке.

— В чем дело? — хрипло спросил Волков.

Закашляли, заскрипели стульями, запереглядывались. Заговорил Гракович:

— Агафон коротнул сеть. Сначала два броска... Системы сразу на аварийный... Тут он и коротнул.

Константин Тимофеевич впервые видел старшего инженера подавленным.

Гракович продолжал:

— Сначала началась чехарда с графиком прироста информации. По всем составляющим... По инструкции, вас положено снимать... Связь не работает. Включаю аварийную, и та молчит. На экране вижу, что у вас все в порядке...

— Погоди... — не дослушал Волков. — Он что, на резерве, что ли?!

Не веря собственным глазам, он смотрел на щит управления. Приборная группа основной сети мертво высвечивала нули.

— Но ведь... установка действует?!

Пальцы Волкова забежали по пультам монитора. На экране стала видна внешняя спираль, потом внутренняя, еще одна... Вот и конец шнура, мягко и неровно дрожащий, словно заячий хвостик.

«Целехонек... Рванул в импульсе энергию основной сети, спалил все, что было можно, и переехал на резервное питание. Как на такси из автобуса пересел. На ходу, причем...»

Константину Тимофеевичу стало жаль Граковича. Ночью, один-одинешенек, он увидел это первым. Понятно, почему он послал за всеми сразу.

Волков ткнул кнопку прироста информации. Запело счетное устройство. На экране дважды мигнуло изображение координатной сетки, после чего загорелась еще одна шкала.

«Порядок не тот», — отметил Волков и вновь нажал кнопку.

Цикл повторился, и на шкале появилась та же самая цифра. Лишенная эмоций электронная система пыталась убедить ученого в том, что Агафон за одну ночь получил чуть ли не в сто раз больший объем информации, чем когда-либо...

«Но это же чушь...» — растерянно подумал Волков. Взгляд его упал на лежащий рядом текст-блок.

«Значит, не поверили тоже... Кто в это поверит?»

— Графики не стало, — безучастно произнес Гракович.

Константин Тимофеевич внимательно всматривался в ленты самописцев. Линии прироста информации. Две ушли в нуль. Одна проходит. Что это за поток? Та-ак... ясно. Гуманитарная составляющая. Позвольте, но если информация практически не поступала к Агафону, откуда же такой колоссальный прирост ее уровня?!

Волков медленно поднялся с кресла оператора.

— Ну, ну...

— Что вы сказали? — встрепнулся Сеня Вынер.

Был он человек простодушный и как бы не от мира сего. Говорил всегда очень искренне и очень понятно. Все, что слышал, воспринимал буквально. «Все твои беды, — частенько вразумлял его Игорь, — происходят от того, что буква в фамилии у тебя не та. Если бы

была «и» вместо «ы» — быть тебе доктором наук. Ну, сам подумай, разве в академии устояли бы перед такой фамилией?

Волков долго смотрел в голубые добрые глаза Вынера, пока до него дошел смысл вопроса.

— Нет, нет... ничего.

Снова белые ленты диаграмм ползли перед глазами Константина Тимофеевича, и он, как охотник по следам на пороше, пытался определить, что же именно сделал Агафон. Вот отдал энергию. Много... Хватило бы, чтобы котлован под дом вырыть. И с этого момента берет больше чем обычно. Куда ему столько? И что же это у нас получается? Энергия уходит неизвестно куда, информация поступает неизвестно откуда... Увидел бы старик Ломоносов... На неисправность аппаратуры не списать — все проверено сотни раз. В чем же дело?

Ответа на этот вопрос не было.

— Что случилось с сетью? — спросил, ни к кому не обращаясь, Волков. — Что-то не вяжется тут. — Он ткнул пальцем в графики.

— Проверим! — с готовностью вступил в разговор Сеня Вынер. Он чувствовал угрызение совести: на рванувшихся в аварийном режиме графиках линии выглядели блекло. Сеня понимал, конечно, что и этого достаточно, но ему казалось, что его профессиональная честь задета.

Мало-помалу обстановка в лаборатории разрядилась. В затылок шефу дышали, сопели и покашливали. Притащили Волкову груды лент с другого стола. Заговорили наперебой. Послышались догадки, посыпались предположения. Игорь принялся убеждать всех, что Агафон, узнав об энергетическом кризисе, стал приторговывать энергией. В сражение вступили бумага и ручки. Кирилл, не умевший говорить нормальным голосом, принялся кричать.

Это уже было знакомо. Это была его, Константина Тимофеевича, лаборатория. И ребята были его — родные.

2

Мурзик терся о глобус рыжей спинкой.

— Кыш! — крикнул Тихон и попытался дотянуться до котенка. — Брысь!.. Тебе говорят или нет?!

Мурзик, скособоцась, прыгнул в черный экран на дне тарелки и стал тонуть. Он вытягивал одну лапу, а другие в это время успевали увязнуть.

Тихон сделал отчаянную попытку дотянуться до Мурзика и проснулся.

На кухне звякали посудой и вкусно пахло пирогами. Тихон перевернулся на другой бок, чтобы досмотреть, что же стало с Мурзиком, но вдруг подскочил на кровати с одной-единственной мыслью: «Тарелка! Или... это был сон?»

Взгляд его упал на джинсы. На левой штанине был вырван огромный клочок...

«Не сон!»

В комнату заглянула мать.

— Проснулся, полуночник? Я уж думала будить. Одевайся скорее, сбегай к Надежде Яковлевне, пока не уехала. Отнесешь ей деньги и записку.

— Какие еще деньги? Какая записка?

Тихон тянул время, чтобы избежать вопросов о порванных джинсах.

— Одевайся давай, все расскажу.

Мать ушла на кухню, а Тихон, выдернув из занавески иголку с ниткой, через край залатал штанину.

— Какие деньги, мам? — спросил он, усаживаясь за стол.

— Деньги Надежде Яковлевне. В записке написано, что купить.

— Она что, едет куда?

— А Левка не говорил тебе разве?

— Не-е.

— В Кисловодск едет сегодня. Непонятно, о чем вы говорите между собой, чтобы не знать, что у друга мать уезжает. Может, ты не знаешь, что и мы с отцом уезжаем сегодня?

— А вы-то куда? — теперь уже совершенно искренне вытаращил глаза Тихон.

— Да ты что?.. — остановилась мать. — Совсем уже голову потерял со своими гуляньями? Ты смотри, ты у меня догуляешься... Вот отец узнает, до сколько ты ходишь!

И тут Тихон вспомнил. Точно ведь! Собрались в гости к дяде Саше.

«Так, так... — быстро жуя, соображал Тихон. — Это что у нас выходит? Это же можно на полюс! Хоть на один, хоть на другой. А там пожить в свое удовольствие

в палатках! А если ружье отцовское захватить, так это же невозможно описать, что это такое получается. И Левка тоже свободен! Ну бывает же в жизни счастье!»

— Ты чего это засиял? — подозрительно заглядывая ему в лицо, спросила мать. — Ты чего это засиял, я спрашиваю? Уж не задумал ли чего учудить тут? Ты смотри мне! Дом на тебя останется. Вербу в загоне оставим. Тетя Клава доить будет. Молоко станешь брать у нее. Сколько надо, столько и бери. А гусей утром выпускай. Да не забывай кормить!

Тихон уже не слушал. И есть он тоже не мог. Кусок прочно встал поперек горла. Тихон сгреб с тарелки пироги.

— Ну, я пошел, мам... Чего там у тебя, давай.

3

Надежда Яковлевна встретила Тихона рассеянной улыбкой. Пакетик с деньгами и запиской она не глядя засунула в сумочку. Заходила по комнате:

— Так... Это я взяла. Это я взяла. Господи, что же я забыла?

— Очки... — Тихон вспомнил пустыню. — Очки вы, Надежда Яковлевна, забыли. Те, которые от солнца. Там, на юге, очки от солнца — первое дело.

Надежда Яковлевна насторожилась.

— Ты прав, конечно, Тихон. Очки там нужны будут.

Вернулась с очками, посмотрела на них, улыбнулась виновато, отложила в сторону.

— Теперь такие не носят.

Некоторое время она силилась что-то вспомнить. Что-то чрезвычайно важное. Так и не вспомнив, обратилась к Тихону:

— Тихон, ты уж, пожалуйста, посматривай за Левой. Он у меня такой несобранный! Просто не знаю, как я буду там. Наверное, с полдороги вернусь.

Такая перспектива не могла устроить Тихона, и он забеспокоился:

— Да что вы, Надежда Яковлевна! Поезжайте себе спокойно! Он же здоровый у вас мужик. Голова! Вон мои уезжают...

Тихон понял, что сказал лишнее. К счастью, с улицы послышался автомобильный сигнал. Надежда Яковлевна стала сама не своя.

— Ну вот! Уже приехали... Лева! Лева!

Из комнаты вышел взлохмаченный Левка, на ходу бросил:

— Привет.

Вдвоем с Тихоном они вытащили чемоданы и построили их в кузове школьного «газика».

Мотор машины нетерпеливо взревел. Шофер был знакомый — муж буфетчицы из школы, он же завхоз — Алексеич. Его красное лицо всегда потело, а глаза шныряли туда-сюда.

— Ма-а-ам! — крикнул Лев, обратясь к дому.

— Ну мужики... — улыбнулся Алексеич. — Теперь вам — лафа! Денежки мама оставила. Гуляй — не хочу!

Он радостно захихикал, потирая лысину.

— Так мы и сделаем, — хмуро пообещал Левка. — Ну, ма-а-ам!

Надежда Яковлевна появилась на крыльце.

— Левушка, обещай мне... газ... письма... сразу отвечай!..

Раздалось звучное чмокание, и Тихон, чтобы не смущать друга, отошел, засунув руки в карманы. Наконец хлопнула дверка, взревел двигатель и «газик» укатил, нещадно дымя и лязгая разбитыми бортами.

Ребята постояли, пока машина не скрылась за поворотом.

— Пошли к Пашке, — сказал Тихон, — там новость сногшибательная.

Тихон произнес эти слова на редкость обыденным тоном. Он долго представлял себе, как скажет эти или другие слова, как многозначительно посмотрит на друга. Ведь слова эти, какими бы они ни были, означали приглашение посмотреть на чудо. А получилось совсем просто: «Пошли, там новость тебя ждет».

— У вас с Пашкой всегда новость на новости, — недоверчиво усмехнулся Левка. — Приду, поем вот...

Свернув в переулок, Тихон прижал крепче пироги к груди и припустил, не разбирая дороги, напрямик через кусты, через свалку у мастерской, где они с Пашкой провели значительную часть жизни, собирая детали для своих конструкций. Единым махом перелетев через кузов старой полуторки, поросший травой, Тихон перескочил через забор и оказался в «объятиях» Вулкана. Друг человека настойчиво просил показать содержимое Тихоновой пазухи, контрабандно вносимое на охраняемую им территорию. Взятку в виде пирога принял с

достоинством и, затянув на ноге Тихона петлю из цепи, удалился в конуру. Чертыхаясь, Тихон освободился от петли и пошел к открытой двери сарая.

Тарелка висела в метре от земли. Из-под нее торчали Пашкины ноги, обутые в старые кеды. Было что-то странное в том, как они торчали. Тихон присел и понял, в чем заключалась странность. Пашка лежал в воздухе. В ответ на Пашкину блаженную улыбку Тихон только головой ошарашенно покачал.

Павел заговорил, странно придыхая:

— ...и лезь сюда. Не-евесомость... и попробуешь.

Он крутился в воздухе. Уперевшись в дно тарелки рукой, прижал себя к земле и приглашающе подвинулся:

— Залезай!

Тихон встал на четвереньки и полез под тарелку. Внезапно он почувствовал, как сначала голову, а потом и спину начало с силой прижимать к земле.

— Не бойся,— успокоил его Павел,— это вокруг тарелки ободок такой, где сила тяжести больше, а тут хорошо.

Тихон уже миновал барьер и задышал тяжело, стараясь почему-то набрать побольше воздуха в легкие. Сначала у него возникло ощущение, будто голова стремится оторваться от туловища, а потом начало казаться, что он лежит вверх ногами.

— Что, правда здорово?

— Угу,— ответил Тихон,— только неудобно.

Рубаха на нем вздулась пузырем. В промежутке между ней и голым животом плавали пироги.

— Я тебе пирогов принес.

Одобрительно заурчав, Пашка принялся уминать пироги, одновременно пытаясь говорить. Он поймал плавающую в воздухе бумажку и со словами: «Уо-ош эла!» — протянул Тихону.

Сказанное следовало понимать: «Чертеж я сделал».

Тихон прочитал: «Чертеж летающей тарелки». По-выше от руки была нарисована дамская шляпа с короткими и толстыми полями.

— «Тарелки» надо было в кавычках,— сказал Тихон.

— На чертежах не ставят кавычек,— достаточно внятно возразил Пашка.— Еще надо написать про пульт...— Он посмотрел на поплывший в сторону пирог.— Про невесомость надо и про экран.

— Какой экран? — не понял Тихон. — Не было же никакого экрана...

— А вот! — Павел показал на ясно различимый овал в дне тарелки. — И в тарелке такой же... только черный и поменьше. А клавиша та отдельная для него.

— Опять заказал? — покачал головой Тихон.

— Не-е... — оскалился Пашка. — Она сама...

Рядом раздался звучный шлепок.

— Ты глянь... — с сожалением проговорил Пашка, отколупывая от пола пирог. — Как с десятого этажа летел. А вкусный...

— Вчера экрана не было, а сегодня я про него сон видел, — продолжал Тихон. — Вроде как в тарелку забрался Мурзик ваш и глобус повернуть хочет... думаю, ищи тебя потом в Сахаре где-нибудь... потом прыгнул на экран этот самый, а он вроде как дыра в пространстве... — Тихон разглядывал овал в дне тарелки. — И что интересно, эта дыра вроде как бинокль. С одной стороны...

Пашка, замерев, слушал Тихона, поглядывая то на темный овал, то во двор, через открытую дверь сарая.

— Чего ты? — подозрительно спросил Тихон, заметив лихорадочно горящие Пашкины глаза.

— Я сейчас... — умоляюще прошептал Пашка и попятился из-под тарелки. — Мурзик уйдет...

Хлопнула калитка, и во дворе показался Левка.

— Ошарашить бы его! — мигом переключился Пашка.

— Левку ошарашишь, как же...

— Лев! Сюда! — крикнул Павел направившемуся было в огород Левке.

— Ну, где ваш сногшибательный секрет? — проговорил Левка, втискиваясь в щель дверей. — Эй, где вы?

Зайдя в полутемный сарай со света, близорукий Левка, похоже, ничего не видел. Он снял очки, протер их беленьким платочком.

Водрузив очки на курносый нос, с интересом оглядел висящую в воздухе тарелку.

— Да... ребята... — протянул он. — Вы делаете явные успехи! Это уже не автожир из «Харлея», который не летает. Еще немного, и приз станции юных техников ваш!

Услышав Пашкино шумное дыхание, Лев со словами: «Вот вы где, черти полосатые!» — присел.

На лице его появилось задумчивое выражение. Поправив очки, он оглядел висящего в воздухе Пашку. Тот для вящей убедительности попытался скрестить руки на груди, но его завращало.

Упершись в дно тарелки, Пашка без слов продолжал смотреть на Левку.

Лев протянул руку под тарелку, и ладошка его звонко шлепнула по полу.

Побледнев, Левка закрыл глаза и тряхнул головой.

— Это не приз станции юных техников, ребята. Это — Нобелевская... Как вы сделали эту ступеньку?

— Какую еще ступеньку? — забеспокоился Пашка.

— В пространстве, — тихо ответил Левка. — Или... я что-нибудь не так понимаю?

— Ты все не так понимаешь! — расстроился Пашка. — «Ступенька в пространстве!..» А ну! Отойди... Я выключаю.

С криканием он преодолел барьер повышенной силы тяжести и встал, отряхиваясь от кусков пирога.

— Вылезай, Волк! Нашли кого удивить! Это он кого хочешь удивит. Тарелка это! Обыкновенная летающая тарелка. Которая НЛО. В лесу нашли. Понимаешь? Бросили ее в лесу эти... тау-китяне. А мы с Тихоном нашли. Это вот — купол проникаемый, — Пашка ткнул в купол рукой. — Там вон — глобус с облаками. А это — клавиши, которыми управлять. Еще бинокль есть, прос... пространственный. Сейчас попробуем Мурзика туда затолкать. Тарелка так сегодня Тихону сказала, — пояснил он. — И ты, это... с призами брось со своими... Вылезай, Волк... Покатать товарища надо.

— Не надо меня катать! — испугался Лев. — Вы меня и так уже укатали.

Пашка с сожалением поглядел на друга и ушел искать Мурзика.

Тихон и Левка, сидя на выступающем из-под купола крае тарелки, смотрели, как Пашка пытается поймать котенка.

— Кис, кис, кис... — лживым голосом звал Павел.

Котенок с интересом смотрел на протянутую сквозь забор грязную Пашкину руку. Когда Павел готов был уже схватить кота, тот, приподнявшись на задних лапах, передней ударил Пашку по руке и отскочил. Павел направился в огород. Но как только скрипнула калитка, Мурзик на всякий случай перебрался в ограду. Теперь они поменялись местами.

— Чего расселись? — спросил Пашка через забор.— Кота не видите?

— Котов ловить не будем,— спрыгнув с тарелки, сказал Тихон.— Работать надо по системе...

МОЖЕТ, ТАК, А МОЖЕТ, ПО-ДРУГОМУ

1

Ночной океан был удивительно спокоен. Чернота водной глади незаметно переходила в черную стену тропической ночи, подступавшую со всех сторон. Только звезды, огромные незнакомые звезды, да узкий серпик луны, повисший рожками вверх в ночном небе, не давали затеряться в безграничном мире мрака. Ребятам казалось, что они в холодной, равнодушной к маленьким заботам Земли Вселенной. Тихон лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел на перевернувшийся вверх дном ковшик Большой Медведицы. Мелькнул огонек падающей звезды. Метеорит? А может быть, космический корабль тех, кто оставил в лесу под Грачевкой эту удивительную тарелку? Кто они? Где живут? Как выглядят? И почему тарелка оказалась в сибирском лесу? Случайно? А может быть, с какой-то целью? Какой?

Левка не отводил глаз от причудливого танца стайки летучих рыбок, привлеченных слабым немигающим светом, исходящим от тарелки. Как самолеты на авиационном параде, они, чуть пошевеливая длинными, похожими на крылья плавниками, то выстраивались в прямую линию, то образовывали круг, то расходились звеньями: две впереди, третья, словно прикрывая их, чуть сзади.

Пашку больше интересовал океан. Подперев подбородок руками, он не мигая смотрел на его темную безграничную гладь.

— Ух ты! — охнул вдруг он и затеребил Левку.— Видел?!

— Что? — Левка никак не мог оторваться от заинтересовавшего его зрелища.

— Ну, вода вспыхнула... Вон, опять! Смотри, смотри!

— М-м... планктон...

— Все-то ты знаешь... — разочарованно буркнул Пашка.

Прозаический Левкин ответ отвлек его от раздумий, и тут же в Русакове проснулась обычная жажда деятельности.

— Ну, чего стоим? — забеспокоился Пашка. — Все же готово! Ныряем! Чего ждете?

— Нет, ты заметил, Тихон, — задумчиво начал Левка, — опять море. На полюс летели — ныряли. В саванну собирались — на море попали. Сегодня снова...

— Да-а... — подыграл Тихон, — что-то у нашего пилота компас сбился.

— Ладно вам, — неожиданно смутился Павел. — На глобус вон посмотрите. Земли-то кот наплакал. Море одно... Поехали, ну!

— Ладно, — Тихон уселся поудобнее, — поехали так поехали... Хорошо хоть не в полушубках и без рукавиц, как в прошлый раз.

2

Власть над расстоянием, подаренная им тарелкой, поначалу опьянила ребят. Возможность увидеть восход солнца с вершин Гималайских гор, почувствовать на лице прикосновение влажной ладони пассата, услышать таинственный голос джунглей заставляла их вновь и вновь лихорадочно поворачивать глобус. На клавише прокола пространства, как озабоченно шутил Левка, вот-вот должны были появиться вмятины. Казалось, что конца не будет этому калейдоскопу зрелищ. Горы сменялись тундрой, коралловые рифы — полюсами, пустыни — океанами... Школьный библиотекарь не узнавала друзей. Каждое утро она заставляла смертельно уставшую троицу у стеллажей с книгами. Разговоры велись по-военному коротко: «В Детской энциклопедии смотрел?» — «В Большой должно быть!» — «Хейердал там был...» — «Гржимек описывал такую!»

Однажды Левка, примчавшись к Тихону, застал его зубрящим английский язык.

— Вовремя ты... — вместо приветствия сказал Тихон. — Ну-ка скажи: «Как пройти на озеро Лох-Несс?»

Развалившийся на диване Пашка усердно читал красочный том «Человек и океан».

Но уже через несколько дней ребята пришли к неожиданному выводу. Земля, казавшаяся невероятно огромной из окна грачевской школы, оказалась малень-

кой и чертовски населенной. Прерии, где когда-то скакал жуткий всадник без головы, были распаханы. Героям Жюль Верна, отправясь они сегодня в путешествие, пришлось бы переезжать из города в город, заполняя при этом кучу официальных бумаг. Там; где совсем недавно экипаж знаменитого «Кон-Тики» видел лишь бесконечные волны, проходили военные учения. В кратеры вулканов спускались ученые, по морям один за другим шли корабли, в небе летели самолеты... Терра инкогнита больше не существовала. Появляться же в людных местах ребята по вполне понятным причинам не рисковали. Однажды Левка, пытаясь посадить тарелку на безлюдный — по карте — берег Ледовитого океана, едва не налетел на буровую вышку.

— Ну, кто бы мог подумать!.. — оправдывался он.

Тогда и решили летать только в заведомо безлюдные места, за исключением особых случаев — вдруг кому-нибудь понадобится помощь. Кроме того, Лев предложил все «результаты исследований» регулярно посылать ученым. Тихон и Пашка согласились с ним без особого энтузиазма. Пашка сильно сомневался в своих способностях внести вклад в научные изыскания, да и вообще он был сторонником конкретных действий. Тихона же все чаще и чаще одолевал все тот же вопрос «Зачем?», который он не то услышал, не то почувствовал ночью под Грачевкой. Почему ты поступил так, а не иначе? Что следует за твоим поступком? Прав ли ты?

3

Тарелка медленно погружалась. Желтый сноп света от мотоциклетной фары, которую держал Тихон, упирался в такую черную, такую непроглядную темноту, что по спинам ребят время от времени пробежал озноб.

Пашка задержал тарелку там, где дно океана крутым обрывом проваливалось в бездну. Станные, покрытые коростой ила и водорослей обломки привлекали внимание ребят.

— Самолет! — первый догадался Тихон.

— Точно, — согласился Павел. — Не дотянули до берега. И давно, похоже, лежит. Наверное, с войны...

Внезапно из зарослей чуть колышущихся водорослей, оттуда, где когда-то была кабина пилотов, вытяну-

лось похожее на капроновый чулок тело. Какая-то сатанинская, лютая злоба была в полыхнувших глазах, в ощеренной змеиной пасти. Тихон успел заметить, что вместо ноздрей у омерзительной твари были какие-то трубчатые выросты.

— Ну и тварь...— только и смог выдавить Тихон.

— Мурена это,— тихо сказал Левка.— Зубы у нее ядовитые. То ли от природы, то ли просто трупный яд...

— Нап-пугала, зараза,— все еще не пришедший в себя Пашка перебрался к пульта.— Фотоаппарат готовь,— набросился он на Левку.— Исследователь!

Левка послушно открыл футляр отцовского «Зенита».

— Темно,— объявил он, озабоченно глядя на экспонометр.

— Так описывай,— посоветовал Тихон, скручивавший оборванные Пашкой провода.— Даррелл вон любое животное описать может.

— Так то Даррелл,— пробормотал Левка.

Следующие минуты принесли Льву новое огорчение: он не сумел узнать крупную туполобую рыбу с сине-золотистыми плавниками.

— Так и запиши: «Встретил рыбу, которую в нашем магазине не продавали»,— ехидно посоветовал Пашка.— Ученые будут страшно довольны.

На Левкино счастье, вскоре к куполу тарелки присосалась каракатица. Оценивая глядя на ребят похожими на человеческие глазами, она опускалась вместе с тарелкой, не реагируя на Левкину суету с фотоаппаратом. Воспрянувший духом Лев начал было делиться своими познаниями в биологии головоногих, но Пашка его не слушал.

— И чего прицепилась,— бормотал он, поглядывая на непрошеную пассажирку и стараясь развернуть тарелку так, чтобы течение смыло каракатицу.— Глазищи противные...

— В дно не врежься,— прервал излияния Павла Тихон.

Пашка уменьшил скорость и вовремя: через несколько минут снизу взметнулось облако мути, и тарелка плотно села на грунт. Когда же вода вновь посветлела, каракатицы, к Пашкиной радости, уже не было.

Луч света выхватил из темноты рыбу, похожую на камбалу. Лежа на дне, она следила за тарелкой флюо-

ресцирующими глазами. Что-то в странной технике ей не понравилось, и, волнообразно помахивая плавниками, рыба скользнула в темноту.

— Интересно, зачем ей глаза на таких глубинах,— удивился Павел.— Ведь тьма же кругом. Как она называется, ты, конечно, тоже не знаешь,— злорадно осведомился он у Левки.

Левка удрученно молчал.

— Да, брат,— продолжал измываться над ним Пашка, страшно довольный тем, что вечный отличник Вольский сел в лужу.— Оказывается, для научных исследований неполное среднее образование... того... не подходит!

— Погодите-ка,— заговорил Тихон, прижимая фару к самому куполу.— Черт, не вижу. Пашка, давай ближе...

Из темноты внезапно возник блестящий стальной цилиндр. За ним в полумраке виднелся еще один. Черные латинские буквы змеились в струях сдвинутой тарелкой воды.

— Батюшки,— простодушно удивился Левка.— Это еще откуда? Ну-ка, что там написано? Подрули... «Опасно!» на трех языках... Радио... Ого! Сматываемся отсюда! Быстро! Это же надо! — возмущался он, пока Пашка уводил тарелку от опасного места.— И тут помойка! Радиоактивные отходы! Ишь куда догадались... Ну кому вот в голову могло такое прийти?

Тихон пожал плечами. Пашка тяжело вздохнул. Он давно простил океану и мурену и всех каракатиц, но чувствовал, что океан никогда не простит людей за один-единственный такой вот цилиндр.

...Всю обратную дорогу Пашка ехидно уточнял у Вольского, какова научная ценность их экспедиции. Лев лениво отмахивался. Сосредоточенно обдумывающий что-то Тихон молчал.

4

Поздно вечером Волков заглянул в лабораторию.

— Я к Савельеву. Опять вызывает. Дежурка внизу? — поинтересовался он. Получив утвердительный ответ, осмотрел сотрудников: — Хватит на сегодня, расходитесь. Кто дежурит?

— Я, Константин Тимофеевич,— с готовностью отозвался Игорь.

— Повнимательнее. Если что... Держи в курсе.

Волков ушел, в лаборатории еще долго стояла тишина, нарушаемая лишь шарканьем ног Игоря, слонявшегося по проходу между столами. Сцепив руки за спиной и ссутулясь, а оттого потеряв свой вечно вызывающий вид, аспирант бродил по истертым плахам купеческого пола, стараясь наступать на вылезшие от времени сучки. За окном давно уже стемнело, но никто не расходился.

— Устал шеф,— нарушил молчание Сеня и сокрушенно покачал головой.

— Да...— поддержал его Кирилл, сидящий верхом на потенциометре.— Вымотался. Даже когда Агафона запускали и то лучше выглядел.

— Да... комедия была,— выпрямился Игорь.— Помните, приоритетный список диктовал по селектору: «теория относительности, Римское право!» — подражая шефскому хрипловатому голосу, сказал он.

Ребята засмеялись, заговорили, вспоминая.

— Гракович, помнишь, на вторые сутки, с чаем?.. «Какой чай?» — говоришь.

— Не так было,— улыбнулся Гракович.— Я записываю, а он диктует: палеонтология — распространенный учебник, любой, геотектоника — что угодно, только побыстрее. И еще чай. Спрашиваю: «Что по чаю: выращивание или потребление?» А он покашлял и говорит: «Да нет, Володя... Завари там стаканчик купеческого...»

— Да... тогда хоть понятно было, что к чему,— понизил голос Сеня.— А сейчас чего? Чего вот он кренделя пишет?

Все замолчали. Агафон и в самом деле писал «кренделя». При неизменном и совершенно стабильном положении шнура под вакуумным колпаком, напряженность полей развертки выписывала невиданные кривые. Части их кривых, снятые на кальки, грудями лежали на столах Граковича и Кирилла. Кальками были забиты папки. Копии отдали в Институт Математики. Гракович подозревал, что эти кривые содержат в себе информацию биологического порядка, и он вновь и вновь заго- нял шифрованные ленты в память институтской ЭВМ, получая ответы в основном нелестные, самым мягким из которых был: «Ваша уверенность необоснована». Кириллу, имевшему версию технического характера, везло больше. У него даже была тоненькая папочка с

заключением о стопроцентном совпадении отдельных участков диаграмм с графиками разгона твердого тела в воздухе и в воде. Вопрос о разгадке тайны Агафона был вопросом времени, а не принципа.

Сеня, мучимый вечными комплексами неполноценности, страдал. Ему казалось, что это по его вине группа не может получить окончательного результата. Вновь и вновь настраивая приборы, он содрогался, если видел, что какой-нибудь из них не выдает паспортных характеристик. Словно коршун на добычу, Сеня бросался на виновника и выжимал из прибора то, к чему не возносился даже разработчик в самых смелых мечтах. Последнее время его стала смущать едва заметная зубчатая линия по краю графиков. Никому она не мешала. Никто до сих пор не обратил на нее внимания. А если и обратил, то отнес к числу возможных погрешностей измерения. Но Сеня видел ее с самого начала, боролся с ней всеми силами и ничего не мог сделать. Чем точнее он настраивал приборы, тем яснее проступал неведомый ритм. В последние дни стало очевидным, что пренебрегать нельзя ни одной мелочью. И Сеня решился дать бой. Он долго бродил по подвалам, заваленным рухлядью и списанным оборудованием, и наконец нашел то, что ему было нужно — простейший потенциометр, который, однако, позволял реализовать одну идею...

— Куда ты этого мастодонта волокешь? — возмущался Игорь. — Мало тебе того, что ты уже нагородил?

Лаборатория и в самом деле стала похожа за последние дни на склад оборудования. Все столы, шкафы и проходы были заставлены жужжащей, стучащей и мигающей аппаратурой.

В открытые окна лаборатории заглянула луна.

В полном молчании стали собираться по домам.

— Идите... — ответил Сеня на немой вопрос Граковича. — Я еще посижу, попаяю.

5

— Угробили день, — сказал Левка. — Может, Пашка что-нибудь нашел?

Вместо ответа Тихон зло поддел ногой гриб-дождевик, и тот лопнул желтой табачной пылью.

Целый день они «прочесывали» лес, спускались в

овраги, обшарили Таранькину Гарь, добрались даже до рыбопитомника, до которого было километров десять. Там друзей угостили ухой. Умело направляемый Левкой разговор зашел о том, как должны были бы выглядеть обитатели созвездия Волопаса и что стали бы они делать, забрось их судьба на Землю. К единому выводу так и не пришли. Очевидно было лишь одно: ни работники питомника, ни многочисленные грибники слухом не слыхивали ни о пришельцах с иных планет, ни о тарелке. Более сведущим оказался лишь дед Кондрат, встреченный ребятами у дальнего лога. Промышлявший травками и корешками дед знал лес как «свой пять», а отдаленные участки даже лучше. С полчаса ошарашенные ребята бродили за сухоньким стариком, слушая рассказы о неведомых обитателях здешних лесов. Картина, нарисованная дедом Кондратом, была прямо-таки феерической: выходило, что обитатели всех ближайших созвездий, включая сюда безусловно и Волопаса, и тау Кита, кишмя кишели в Грачевском лесу. Дед избегал современной терминологии, и именовал гуманоидов не иначе как, «лешими», «домовыми» и «кикиморами», но разве суть была в названиях! Имели место в дедовой памяти и странные летательные аппараты, как маленькие — на одного инопланетянина, так и больше — корабли-матки. Те могли висеть над полями и, повинаясь акустическим сигналам пришельцев, открывали люки, выпускали лестницы, разворачивались вокруг своей оси! Спотыкаясь, ребята брели за дедом Кондратом, потом сидели на нагретом солнцем косогоре, а старик принялся вязать пучочки своих волшебных трав, которыми врачевал всех желающих. На вопрос о том, не происходили ли контакты жителей Грачевки с пришельцами, Кондрат согласно кивал головой:

— Сказывают про такой случай. Были у стариков одних внука да внучок, малы оба...

А дальше пошел невероятно захватывающий рассказ о том, как совершенно случайно удалось предотвратить похищение детей инопланетянами. С середины рассказа Левку охватило странное впечатление, что он где-то уже слышал эту историю.

— Дедушка... Это не про сестрицу Аленушку и братца Иванушку?

— А кто ж знает, как их звали? Может, и так, а может, и по-другому.

Расстроенный Левка встал, отряхнул колени:

— Эх, дедушка Кондрат... Мы дело спрашиваем, а вы...

— А я ж что? — удивился старик — Нешто ж не дело? Мне внучок полно книжек оставил. О фантастике. Там и не про такое пишут.

Домой ребята шли уставшие и разочарованные, по инерции продолжая смотреть под ноги, в надежде увидеть круг выжженной травы, следы космических аппаратов, ведьмин волос, на худой конец... Вдобавок Тихон угодил в заросли крапивы, жгучей и злой, и едва выбрался, пробивая себе дорогу ногами. Тихону вообще не везло в этот день. Утром, пытаясь обнаружить следы инопланетян с верхушки сосны, он сорвался и ободрал ногу. Перебираясь днем через ручей, поскользнулся и сел в воду. Беда, конечно, не велика, но моральные издержки... Теперь вот еще крапива. Она была выше Тихона ростом и так и норовила прижаться к нему сухими подвесками цветов-сережек. Когда же он выбрался наконец на чистое место, всезнающий Левка пояснил, что крапива эта двудомная и для их леса — большая редкость.

Тихон с минуту молча смотрел на друга, а когда подыскал достаточное количество подходящих слов, выразил свое отношение к инопланетянам, крапиве, образованным друзьям и самой затее поиска. Причем двудомными почему-то были инопланетяне, а редкой их с Левкой глупость: искать следы почти через две недели после появления тарелки.

— Все накататься не могли, — заключил он остывая, — как туристы: шмыг туда, шмыг сюда. На БАМе так просто стыдно было: люди работают, машины шумят, взрывы грохочут, а мы... как жулики из-за угла подсматриваем.

Тихон выбрался на тропинку и решительно зашагал к Грачевке. Сбиваясь с шага, за ним пристроился Левка:

— Мир хоть повидали...

— По телевизору смотри! — отрубил Тихон. — В мире киномонстров.

— Ну а плохо разве, что ребятшек этих с крыши сняли?

Тихон остановился так неожиданно, что Левка с разбега ткнулся ему в спину.

— Случайность это! Понимаешь, случайность.

Начнись пожар раньше, пролетай мы в стороне, не заметь Пашка дыма... И все, сгорели бы ребяташки. Помощь людям постоянно нужна, разная помощь. Только нас специально никто не приглашает. А так много ли сделаешь...

— Я вот что еще понять не могу, — вздохнул Левка, зачем те две клавиши? Нажимай их, не нажимай — никакого толку. Или что происходит в веществе, когда оно в экран попадает? Нужно бы специально исследовать.

— Думаешь, сумсем? — хмыкнул Тихон. — Фотографии и то не получились.

— При чем здесь это, — смутился Левка. — Для подводных съемок аппаратура специальная нужна. И пленка...

Друзья прошли мимо фермы, свернули в проулок.

— Пашка предлагал... — снова заговорил Левка.

— Вон он, твой Пашка, — перебил его Тихон. — Только что ему в бочке понадобилось?

И он, махнув рукой, вприпрыжку пустился под гору. Левка подождал пока осядет пыль, поднятая другом, и побежал следом.

Из бочки с дождевой водой торчала лишь Пашкина голова да ладони с книжкой. Подкраившиеся из-за угла Тихон и Левка высочили со страшным воплем, и прежде чем Павел успел опомниться, руки Тихона легли ему на плечи.

— Так-то ты деревню прочесываешь? Что у него за книга, Лев? Учебник? Пашенька, что с тобой? Вроде, по географии у тебя перекрестки нет? На солнце перегрелся?

Тихон приналег на плечи Пашки, и над водой остались только светящиеся от удовольствия глаза любителя географии.

— А что это у него с волосами? — удивился Левка.

Действительно, на голове у Павла было что-то вроде нимба. Волосы стояли дыбом и были они к тому же белесыми от покрывающего их налета.

— Та-ак, давай-ка рассказывай, — отступил Тихон. Вдвоем с Левкой они уселись на груды бревен, сваленных у сарая, — похоже успел куда-то слетать?

Пашка выбрался из бочки и клацая зубами пристроился рядом с друзьями.

-- В д-дерев-вне ничего я н-не н-нашел.

— И п-потому полез в б-бочку к г-головастикам... —

продолжил за него издевательски Тихон. — Был уговор, в одиночку не летать? А? Чего молчишь?

Левка потрогал дымчатую шевелюру Пашки, лизнул палец.

— Соль...

— Точно! — согласился Пашка, — одна соль... Берег из соли, ветки из соли... А щипле-ет! И нырнуть нельзя. Я туда, меня оттуда... кверху переворачивает. — Павел с испугом посмотрел на сбитые пальцы и спрятал их под мышки: — Еще польза, говорит...

— Кто говорит, кто переворачивает? — недоумевал Левка.

— Да диктор, понимаешь, диктор по телевизору говорит, что полезные для здоровья озера. А вас нету и нету, ну, я думаю, летаю, искупаюсь.

— Любитель ощущений. Турист, — показал на Пашку Тихон и откинулся на спину, стал смотреть в небо. — Поплавал в Кара-Богазе... Или не там?

Павел виновато смотрел на Тихона.

— Везучий ты парень, Пашка, — подхватил Лев. — Не знаешь где побывал, куда не хотел, туда попал. Хорошо, не туда, где пираньи водятся...

— Это которые быков обглаживают? — пересохшим ртом прошептал Пашка.

— Или мурены, или акулы...

— Ну, на худой конец, котики, — усмехнулся Тихон.

Это был удар ниже пояса. Пашка обиженно засопел.

Дело было в том, что не далее как вчера, на Командорских островах, Тихон, по просьбе Левки, приземлил тарелку неподалеку от лежбища морских котиков. Павел самоуверенно забрел чуть не в середину стада. А когда самец, защищая свое семейство, рывкнул и бросился на Русакова, друзьям показалось, что Пашка некоторое время даже буксовал, прежде чем набрать скорость. И уж бежал он как чемпион мира. Во всяком случае, с гораздо большим энтузиазмом.

— Ну ладно, — заговорил Левка, стремясь положить конец раздору, — поехали в Африку.

— Мы же там уже пять раз были, — вскинулся Пашка, — лучше в пампасы.

— Там эпидемия, — насупился Левка, — в газетах было. Может, помочь чем сумеем. Вставай, Тихон.

— Погоди, — Тихон сел. — Мне одна мысль покоя не дает.

— Какая еще мысль?

Пашка почуял недоброе.

— Давайте зарулим к дядьке...

В голосе Тихона не было решительности. Он почти советовался.

— Ну вот и все,— обреченно выдохнул Пашка.— Всегда ты так... Только привалило счастье, ему уже надо к дядьке! Я-то думал... Полетали!

Он хотел сплунуть, но воздержался. Безнадежно махнул рукой.

Тихон молчал, глядя куда-то поверх крыши. Наконец он перевел взгляд на друзей.

— Надо. Сами же понимаете, черт знает что тарелка эта.

У Пашки негодование было так сильно, что поначалу он не нашел слов, только стиснул зубы да покачал головой из стороны в сторону.

— Ну это же надо! Ну что тебе не живется? Давай уж сразу в стол находок. Так мол и так! Нашли в лесу летающую тарелку, не вернете ли хозяевам? В общем так: я — против! Эта тарелка ничья. А раз мы ее нашли, она наша! Так, Левка?

Левка неодобрительно повел плечами. С одной стороны, путешествовать просто так, без определенной цели не так уж и интересно. Но и расставаться с тарелкой...

А Тихон был непреклонен. К дядьке — это не значит в стол находок. Надо же, чтобы кто-нибудь знал, что за штука появилась в Грачевском лесу.

— Узнают, узнают...— скорбно подтвердил Павел.— Завтра в газетах наши портреты напечатают. «Честный поступок школьников» — напишут.

Он скрипнул зубами.

— Поведешь? — Тихон показал на тарелку.

Пашка мотнул головой. Он готов был заплакать.

— Тогда пусти!

6

Сосновск появился внезапно и весь сразу. Зеленое пламя реклам, синие огни электросварки, оранжевые светляки автомобильных огней. Все это искрилось в мокрых зеркалах улиц.

— Осторожнее,— проворчал Пашка, когда Тихон заложил голову кружительный вираж над центром города.— У них тут трубы на каждом шагу.

Тихон сделал круг над домом, где жил Константин Тимофеевич.

Ничего подходящего, чтобы спрятать тарелку, вокруг не было.

Решение пришло само собой.

Никто не увидел странный летящий аппарат, сначала зависший над крышей небольшого дома, а затем пристроившийся сбоку от чердачного окна. Да, признаться, и время было позднее. Отставной полковник Никаноров, выгуливавший собаку породы сенбернар, услышал, правда, стук, доносившийся с крыши, но ему не хотелось подниматься со скамейки и отходить в сторону от дома, чтобы увидеть, что там могло стрястись наверху. Никаноров, позевывая, перебирал звенья цепочки, будто четки, и думал о пиломатериале для дачи.

Тихон, с трудом открывший разошедшуюся раму, забрался на чердак и шел в полной темноте, вытянув перед собой руки. Где-то урчали голуби. На чердаке было несметное количество жердин и перекладин. Тихон все-таки умудрился дважды приложиться лбом.

Обнаружив люк, ведущий в подъезд, он с трудом отвалил обитую железом крышку и, как был весь в паутине и саже, гроыхая железной лесенкой, опустился на площадку верхнего этажа.

На широкой, старинной постройке лестничной площадке горел свет. Дверь квартиры, расположенной напротив дядькиной, была открыта. На пороге стояла женщина с тряпкой в руках. Она только что вымыла квартиру и, продолжая уборку, вышла на лестничную площадку. С мокрой тряпки стекала вода.

Тихон, на секунду замешкавшись, вежливо кивнул женщине и испытал ничем не оправданное желание позвонить не в ту квартиру. Взяв себя в руки, нажал на кнопку звонка у двери № 60. В квартире холодно и пусто тренькнуло и никто не отозвался.

Оглянувшись на женщину и ободряюще ей улыбнувшись, Тихон позвонил еще раз. И вновь безрезультатно. Медленно направился на чердак. Дойдя до железной лестницы, вежливо кивнул головой женщине, которая за все это время не шелохнулась.

— Их нету,— неожиданно нарушила молчание женщина.— На службе они задерживаются.

— Ничего,— сказал Тихон.— Зайдем еще как-нибудь.

Поднявшись на чердак, он аккуратно опустил крышку люка и направился к еле заметному чердачному окну. Тарелка висела рядом с окошком. Тихон перевалился прямо из чердака под купол.

— Ну, что дядька?

— Нет его дома.

Пашка с облегчением вздохнул. Тарелка пошла вертикально вверх. Отставной полковник Никаноров отметил что-то вроде светящегося столба над крышей их дома, о чем и рассказал своей жене за чаем.

7

Константин Тимофеевич долго искал в карманах ключ. Тот, как и следовало ожидать, оказался в последнем. Щелкнул замок его двери и одновременно лязгнул запор в квартире напротив.

— А к вам сегодня племянник опускался,— без лишнего слов поведала женщина в цветастом халате.

— Что сделал, простите?

— С чердака опускался. А потом на чердак же ушел.

В голосе женщины слышалось торжество, будто это она, а не племянник Константина Тимофеевича, столь экстравагантным образом нанесла визит.

— А потом там, над крышей, свет стоял столбом!

На этот раз в голосе женщины слышались вызывающие нотки.

— Да, это интересно,— согласился Волков и прикрыл за собой дверь.

Не зажигая света, он прошел в комнату, разделся, пытаясь сообразить, что же могло понадобиться Тихону на чердаке их дома, а главное, почему он не зашел на работу, не позвонил, не оставил записки?

Хотелось пить. Волков прошлепал на кухню. Минеральной в холодильнике не оказалось. Нацедив теплой водопроводной, он залпом выпил, все еще пытаясь сообразить что к чему. Но события последних дней изматывали Волкова. Голова отказывалась соображать. Так ничего и не решив, он оставил все вопросы до встречи с племянником. «Надо съездить в Грачевку»,— думал он, ворочаясь на диване. В изголовье мешала забытая книга, но убрать ее Волков не успел. Уснул.

Шальной порыв ветра надул пузырем занавеску,

смахнул с письменного стола бумаги, веером разлетевшиеся по комнате, еще немного побуянил и затих.

Первые капли дождя дробно ударили по железному карнизу за окном. Их стук становился все чаще и чаще, пока, наконец, не слился в ровный монотонный шум.

— Странный какой у нас сосед...— говорила между тем женщина в квартире напротив своему мужу.— И где только работает? Все по ночам да по ночам... И на машине.

— В ящике! — сурово отвечал спросонья муж — отставной полковник Никаноров.— Не нашего ума дело!

Такие слова означали, что соседа Диоген Васильевич уважал. Успокоенная Елизавета Феофановна уснула.

НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ

1

Левка перевернулся на спину и запрокинул голову. Волна качнула его и с шелестом накатила на песок. Левке почудилось, что в мире остались только небо, океан и он сам, недвижно лежащий на грани двух стихий. Небо было таким синим и огромным, что, казалось, начини он падать в эту безграничную синеву — и конца не будет падению. Океан снова поднял и опустил невесомое Левкино тело, и сердце у него сжалось от сладкого ужаса. Ему показалось, что он уже начал падать. Взболтнув ногами, он перевернулся на живот. Набежавшая волна мягко подтолкнула Левку к острову. Едва шевеля ногами, он ждал следующую. Эта заметно приподняла худенького Левку на своей покатой спине и, перенеся осторожно, опустила в прибрежную теплую воду. Почувствовав под ногами дно, Лев направился к берегу. Океан догнал его, шлепнул по спине и сбил с ног.

Сухой песок жег подошвы, хотя солнце еще только поднималось к зениту. Подобрал рубашку и брюки, Левка направился к скале, где в тени дремали Тихон и Пашка.

— Чей это остров, как вы думаете? — поинтересовался Лев.

— А какая разница? — сонно пробормотал Пашка, не открывая глаз.— Раз тут нет никого, значит, остров ничейный.

Он разжал кулак, и горячая струйка песка потекла на его впалый живот.

— Ничейных островов не бывает, — возразил Левка. — Не то время. А чего, кстати, вы разлеглись?

Он слегка пнул Тихона. Тот даже не пошевелился. Лицо его было прикрыто рубахой, и нельзя было понять, спит ли бравый командир Летающей Тарелки или обдумывает план великих путешествий.

— Я тебе дарю этот остров, — благодушествовал Пашка, засыпая себя песком.

— Ну вот, видишь, и хозяин у острова теперь есть, — вступил в разговор Тихон. — И раз уж Пашка назвал остров «Верблюды», ты теперь граф Верблюд-Вольский. Идите, ваше высочество, не мешайте порядочным школьникам загорать.

— Ну, вы! — засмеялся Левка. — Порядочные школьники!.. Мне интересно знать, зачем вы сюда прилетели? Спать или опыты проводить? Был план проверить, как молекулы вещества, опущенного в экран, себя ведут? Зря что ли мамину цепочку изуродовали? По плану — сначала пассивный металл увеличим, потом активный.

— Ты воду с айсберга пил? — приоткрыв глаза, спросил Пашка. — Вот это и есть опыт. Лежи и переваривай. Если не помрешь, значит, молекулы нормальные.

— Это не опыт, это — коллективная дурость, — возразил Левка.

Он смотрел на ледяную глыбу, лежащую посреди острова. От глыбы даже на расстоянии тянуло холодом полюса. Левка уже придумал, как пробудить в сонных товарищах энтузиазм, но все-таки попытался в последний раз убедить друзей по-хорошему:

— Так встанете вы или нет?

— Есть же надоедливые люди, — сказал Пашка и, не открывая глаз, бросил в Левку горсть песка.

Левка направился к глыбе льда. Она уже изрядно оплавилась и потеряла первоначальную форму. Поблескивая на солнце, к морю от нее потянулись десятки ручейков. Левка побрел по острову в поисках подходящего камня. Выйдя на край воронки, которую Пашка проковырял на острове гвоздем, опущенным в экран, Левка заметил кусок стали с рваными краями. Скатившись в воронку, он вытянул из песка железяку килограммов около десяти весом. Это был заусенец, отломившийся от гвоздя.

«Не тарелка, а черт знает что... — карабкаясь по

склону думал Лев. — Как можно объяснить все это? Ну, антигравитация куда ни шло. Давно уже говорят и пишут. Не сегодня завтра вплотную займутся. Ну, мгновение перемещения — «нуль-прокол». Видно, и вправду можно две любые точки пространства соединить между собой. Ну а вот это — увеличитель этот невероятный, в котором любая вещь ведет себя, словно бесплотное изображение. Какие линзы надо сделать и из чего, чтобы получить вот такое «изображение» заусенца? Найти бы всему этому применение! Был бы он, Левка, взрослым, не ломал бы голову. Работал бы, например, на «скорой помощи», а вместо машины тарелка. Вызов по телефону — нажал на клавишу, и врач Вольский входит к больному. Или микрохирургия. Операция сложная? Не надо микроскопа, есть у нас экран-увеличитель. Вот это дело! Да только это когда еще будет? А пока что-то не очень получается. «Может, и прав Тихон, не наши головы тут нужны...»

Лев с усилием вытолкнул железяку на край воронки и уселся передохнуть. Друзья-исследователи ни сном ни духом не чуяли подвоха.

— Сейчас мы... — пробормотал Левка и, ухватив заусенец, направился к глыбе льда. Набрал полный подол ледяного крошева и почти с сожалением высыпал на друзей.

2

В далекой синеве неба, сверкая куполом, повисла тарелка. Повисев немного, она поднялась еще выше.

— Он что... С ума сошел что ли? — забеспокоился Лев. — Давай! — крикнул он и ударил себя по острому колену.

Под тарелкой появилась точка. Она неслась вниз, неестественно быстро увеличиваясь в размерах. Вот стали различимы звенья цепи, кувывкавшейся в воздухе. В следующее мгновение земля под ногами ребят содрогнулась. В полусотне метров, зарывшись в песок, лежало нечто, чему и название было трудно подобрать: три звена огромной, грубо сделанной цепи, тускло блестящей на солнце.

Ребята подошли ближе.

— Да-а... — протянул Левка, — подумать только... — Он пнул ближайшее звено. — Вот это когда-то висело у мамы на шее.

— А ты еще не хотел откусить от цепочки.— Пашка отправился за ножовкой.— Подумаешь, золотая... От такой тяжести человека избавил.

Он захохотал, довольный своей шуткой.

Неподалеку опустилась тарелка. Из нее выбрался Тихон.

— Мама моя! — Он присвистнул.— Это сколько же его здесь?

Пашка мгновенно загорелся мыслью подсчитать сколько у них золота. Из бездонных своих карманов извлек кусок лески и, навязав на нем узлов, принялся охаживать звенья, пришепывая и чертя цифры на песке. Ножовку он отдал Левке:

— Пили давай! Теперь на все твои опыты хватит — и на электропроводность и на ковкость. Молекулы нужно испытать. А то вдруг они после увеличения... того. И не ворчи. Сам же говорил, золото — металл химически пассивный, для опытов удобнее всего.

Это был аргумент. Лев с неохотой забрался на среднее звено цепи и принялся пилить.

— Удельный вес у золота какой? — спросил Пашка. Тихон задумался.

— Кажется, девятнадцать и три.

— Точнее, будет двадцать...— Павел извлек гвоздь из кармана и принялся чертить им на песке.

— Как это? — не понял Левка.— Девятнадцать и три, а точнее двадцать?

— Ты пили давай! Я знаю, что делаю. Считать так легче. Это будет, это будет... Сорок тонн ровным счетом. А сколько стоит золото?

А вот этого никто из ребят не знал.

— Да вы что? Ну, хоть примерно? Лев, сколько стоила цепочка?

Левка только плечами пожал.

— Много, одним словом,— усмехнулся Тихон.— Только что с ним делать станешь?

— Домой увезу!

— Чем ты его с такой высоты цеплять станешь? Увеличение-то двойное.

— Паровоз зацепил, а я уж это подавно...— неуверенно сказал Пашка.

— А за паровоз тебе вообще шею отвернуть надо! — внезапно разозлился Тихон.— Кто тебе сказал, что он не нужен? Как уменьшал, так и увеличивать будешь! Коллекционер, черт возьми!

— Ладно тебе,— примирительно произнес Пашка.— Давай дальше исследовать. Сейчас натрий рванем.

— Ничего рвать не будем! — рубанул рукой Тихон.— Хватит ерундой заниматься!

— Тихон прав. Паш...— подал голос Левка.— Ну, рванем натрий, ну, сделаем из океана помойку... Желающих и без нас хватит.

— И вообще хватит кататься.— Тихон в упор смотрел на друзей.— Это же не велосипед. Не разберемся мы с ней сами ни в жизнь. Толку со всех наших опытов — ноль. Игрушечки детские. Такие возможности, а в результате — один вред.

— Ну уж...— обиделся Пашка.— Больным помогли? Помогли! А канал кто вырыл? Дядя?

— Канал ты не вырыл, а разворотил... А вот трактор спер!

— Ну что ты привязался! — заорал Пашка.— Пользы нету? А это тебе не польза? — Он пнул цепь.— Прилетим счас, над прииском разбросаем. Тут тебе и паровозы, и тракторы!

— Угу... и весь прииск в сумасшедший дом отправишь,— отвернулся Тихон.

— С чего?

— Самородков пятьсот восемьдесят третьей пробы не бывает,— сказал Левка, разглядывая две половинки ножовочного полотна.

3

В открытые окна лаборатории почти не проникал городской шум. Изредка доносились то далекий скрип трамвайных колес на повороте, то автомобильный гудок. А в остальное время стоял тот самый неуловимый гул большого города, который истинный горожанин и называет тишиной.

Сколько ни пытался сосредоточиться Волков, глядя в раскрытую книгу, мысли его возвращались в Грачевку. Он видел себя идущим по улицам, залитым солнцем. Вспоминалось детство. Первые послевоенные годы. Отцовские пилотки на головах у ребятишек. Ватаги сорванцов одного возраста — все послевоенные. Бесконечные игры в войну и споры о том, у кого отец на войне был главнее.

Константин Тимофеевич вспомнил рубаху, сшитую

матерью из отцовской гимнастерки, и тяжелые отцовские награды, для которых на мальчишеской груди не хватало места. Пришлось использовать и живот.

— Последышек, — одобрительно хрипел отец, оглядывая увешанного, будто елка, Коську. Тимофей Архипович Волков недолго протянул после войны. Работал мало. Больше сидел за оградой на скамейке, словно хотел наглядеться на этот послевоенный мир, на сыновей. Старший со сверстниками гонял по улицам на трофейном «Харлее», а Константин Тимофеевич — тогда просто Коська — бегал следом и кричал: «П' акати! п' акати!»

Волков откинулся на стуле и отодвинул от себя бумаги.

«Трудное ведь было время. — думал он, — почему же вспоминается оно так, будто лучше и быть не могло? Дело скорее всего в том, что в ребенке, в каждом, живет уверенность, будто в вечной жизни, предстоящей впереди, будет все, все, все... И моря, и небо, и жаркие страны, и кругосветные путешествия. Что-то не то делает с ними время. Мы перестаем понимать себя. И если человек действительно не что иное как попытка природы осознать самое себя, то самое верное ощущение осталось там... в детстве. Верное, как и всякое первое впечатление. Наверное, если бы возникла необходимость договориться с внеземной цивилизацией, то следовало впервые встречаться не взрослым, а...»

Резко зазвонил телефон.

Звонили с вахты. Сказали, что Константина Тимофеевича ждет у входа племянник и с ним еще двое ребят.

— Приехали, чертенята! — обрадовался Волков и направился к выходу. В дверях столкнулся с Игорем.

— Ко мне ребята приехали... Я, наверное, и пообедаю заодно. Если Гракович придет, пусть посмотрит материалы у меня на столе.

Ребята сидели на скамейке неподалеку от проходной.

— Здорово живем, орлы! — направился Волков к ним.

Парни чинно поздоровались. Причем (и это сразу заметил Волков) согласия между ними не было. Пашка упрямо молчал, глядя под ноги. Тихон был явно смущен.

— Давно приехали? Как дома?

— Дома? — рассеянно переспросил Тихон. — Нормально дома. Понимаешь, дядя Кость...

Тихон маялся.

— Да что с вами такое? — удивился Волков. — Вы какие-то не свои!

Константин Тимофеевич взъерошил Тихону волосы, плечом толкнул Пашку.

— Ты веришь в летающие тарелки, дядь Кость? — выпалил Тихон.

— А как же?! — засмеялся Волков. — Конечно! И в тайны Бермудского треугольника тоже! Кстати, насчет тарелок... Не пожевать ли нам чего-нибудь? Вы еще не забыли, какие у нас цыплята-табака? Пойдем, черти полосатые, я для вас особо приготовленных закажу.

В полутемном зале кафе Константин Тимофеевич пошептался с официанткой. До ребят долетели только обрывки фраз:

— ...на вечер... ореховый... мороженого... — Посмотрев на нахохлившихся ребят, он улыбнулся и добавил: — Гости у меня сегодня.

Весело потирая руки, Константин Тимофеевич уселся за стол:

— Так что ты там о Бермудах говорил?

— О тарелках я... — грустно поправил его Тихон. В беседу вступил Левка.

— А на каком принципе они могут работать, Константин Тимофеевич?

— Тарелки? — удивился Волков. — Вот уж чего не знаю, того не знаю. Не видел я близко ни одной тарелки. Далеко, кстати, тоже не видел. А из того, что о них пишут... Да! — обрадовался он. — в сегодняшней газете читали? Очередной случай появления НЛО!

Ребята окаменели. Левка, чтобы не выдать себя, опустил голову.

Это случилось, когда Левка, под давлением друзей, впервые дал согласие прокатиться на инопланетной технике. Тогда, в первые дни обладания тарелкой, все казалось им таким простым — лети, куда захочешь! Жизнь была похожа на фильм-сказку. В роли режиссера и экскурсовода выступал Павел. У Тихона случилась авария — расплзлись нитки на наспех залатанной прорехе в джинсах. В кармане у Пашки нашлась тонкая медная проволочка, и Тихон скреплял джинсы металлическими швами.

— Полюс! — жестом экскурсовода показал за борт Пашка. — Высунь голову!.. Ну, руку... Ну, палец-то ты можешь высунуть? Ну как? То-то же! — радовался он. — Это — Тихий. А это — Атлантика. Чувствуешь? Даже цвет воды разный. А говорят: «Мировой океан!»

Вскоре Левка перестал воспринимать картины (так он мысленно называл все, что видел за куполом тарелки): слишком многое хотел показать ему Павел. Левка рассеянно слушал лекцию пилота летающей тарелки, глядя на странные эволюции солнца. Оно мгновенно оказывалось в разных частях небосвода, меняя при этом окраску.

При слове «Полюс» оно послушно становилось маленьким и выглядывало багрово-красным из-за горизонта. Отчего вид заснеженной пустыни становился еще более грозным. Все неровности, сугробы, торосы отбрасывали черно-синюю тень, и поземка, в красноватых отсветах полугодового заката, наводила дикую тоску.

Оставив в покое глобус, Пашка откинулся спиной на пульт, самодовольно улыбаясь:

— Ну как? Хороша техника? Главное теперь, чтобы тау-Китянская братия не нашла свою тарелку. Оно конечно, может, у них это мотороллер или инвалидная коляска... Сидел какой-нибудь тау-Китянский инвалид, нажал сильнее чем нужно на железку — кувырк и выпал...

Павел продолжал говорить, глядя на пульт. Тихон, изогнувшись, латал штанину. Левка, по-гусиному вытянув шею, смотрел вниз. Его заинтересовали появившиеся слева и сзади два самолета. Они штопорамн вкручивались в небо, словно вырастая из черных дымных хвостов.

— ...она зашла в хвост истребителям и обстреляла их, — дошел до Левкиного сознания голос Константина Тимофеевича.

— Во врут! — удивился Пашка.

— Почему же обязательно врут? — Волков с улыбкой посмотрел на ребят. — Нет дыма без огня...

— Что она их обстреляла — вранье, — поправил друга Левка, и замолчал, пытаясь вытянуть свою ногу из-под Пашкиной.

Появилась улыбающаяся официантка и расставила на столе дымящихся цыплят.

— Понимаешь, дядя Костя, мы... — начал Тихон.

Резко хлопнули входные двери и простуженный

голос, исходивший от человека, мявшего в руках белый халат, с облегчением произнес:

— Тут он.

— Опять началось...— тихо сказал Волков, вставая.— Значит так: ешьте, вот вам ключ...

Тихон закрутил головой:

— Нет, нет! Дядь Кость, мы не можем сегодня.

— Вот это да! — удивился Волков.— Почему?

На лице Тихона была мука:

— Понимаешь, ну... одним словом, не можем мы сегодня...

Глянув на подходящих к нему Кирилла и Игоря, Константин Тимофеевич спрятал ключ в карман.

— Жаль,— сказал он.— Тогда, в конце недели, я обязательно приеду к вам. Раньше не смогу. Установка у нас капризничает, аврал, понимаешь... Но я все равно выберусь.

Быстрым шагом он направился к двери, поворачивая голову то к одному собеседнику, то к другому. Те принялись яростно жестикулировать, чертя в воздухе кривые.

В лаборатории стоял гул. Все столпились у стола Граковича. Возбужденный вид сотрудников не оставлял сомнений в том, что чудеса надолго получили прописку в лаборатории аналоговых систем.

Ребята расступились, пропуская Волкова к столу.

— Откуда такие кривые? — воззрился завлаб на незнакомые зубчатые линии.

— Сеня — наш штатный кудесник,— отрекомендовал Гракович стоящего с безучастным видом Сеню.— Остальное было делом квалификации. Смотрел профессор Никонов. Тот самый... Три сердечных ритма. Все принадлежат людям по двадцати пяти лет. Вот про этот, наиболее часто повторяющийся, он сказал: «Где вы нашли такого тренированного парня?», а про этот: «Потенциальный наш пациент» и еще «Гормональный шум». Вообще старичок едкий такой... Принес кардиограмму свою, а там с клапаном... забыл, как называется... митральный, вроде... Что-то неладно там было с клапаном этим. Я говорю: «А у вас с полностью закрывшимся клапаном нет?» А он: «Молодой человек, у нас институт патологии кровообращения, а не медпункт олимпийской деревни». Ругал наш аппарат кардио-

графический... Я уж не стал говорить, что за аппарат у нас...

Он говорил что-то еще, но Волков уже не слышал. Он глядел поверх ограды, в пустынный переулочек. Там появились фигуры трех ребят. Волков даже не сразу узнал их. «Тихон?» — удивился он. — «Ну да... вся троица... Что им там нужно?»

Ребята подошли к забору, огораживающему свалку строительного мусора. От группы отделилась стремительная фигура Пашки: толчок! На мгновение зависнув над забором, Пашка исчез. Угловатый Тихон подтянулся и тоже исчез, перевалившись через забор. Худенький Левка оказался хитрее всех: отодвинул доску, висевшую на одном гвозде, присел и протиснулся в дыру. Некоторое время доска, будто маятник, покачалась, но вот она успокоилась и переулочек вновь стал пустынен и тих.

Волков опять ощутил неожиданный приступ тоски, смешанной с усталостью. Перед глазами его, словно на киноэкране,плыли залитые солнцем грачевские улицы. И сам он, грязный, маленький и счастливый, бегущий по этим улицам, бесконечным, как летний день. Его ждет рыбалка и купание до пупырышек, его ждет блиндаж на краю света, в Таранькиной Гари, и стрельба из настоящего нагана, взятого кем-то «напрокат» из отцовского тайника.

— ...заслуга как Агафона, так и Сени! Легче определить воспаление легких у кузнеца, слушая гул наковальни! Поэтому есть предложение: качать Сеню!

— Да... — невпопад согласился Волков. — Теперь нам всем накачают, можете не сомневаться.

Он потер лицо ладонями и глянул на притихших ребят:

— Ну что же вы приуныли, соколы?! Не первый в жизни тупик, да и, дай бог, не последний. А ну, мозговой штурм! Конкурс на самую бредовую идею. Вопрос: как могло оказаться, что напряженность поля модулирована ритмикой сокращения сердечной мышцы? Ну?! Кто первый?

Сотрудники лаборатории любили такие моменты. Можно было высказывать самые неожиданные предложения, фантазировать, беззлобно посмеиваться друг над другом. Нередко случалось, что внезапный, нешаблонный поворот мысли открывал новое направление поиска, а в шутку высказанное предположение оказы-

валось единственно верным. А еще «мозговой штурм» снимал усталость и напряжение.

На несколько минут в лаборатории установилась тишина. Первым подал голос Игорь.

— Ладно, так и быть, — значительно начал он, — подарю вам идею. Это не мы исследуем Агафона, а он нас. Вы думаете, что случилось тогда ночью? Это Агафон поднакопил энергии и проломил стену, а теперь подглядывает за нами всеми.

Видя, что взгляды обратились к нему, Игорь воодушевился:

— Душа его, в смысле — биополе, — Игорь закатил глаза, — незримо присутствует среди нас.

Последний тезис внезапно отвратил аудиторию. Чувствуя, что его время истекает, Игорь выдал главный козырь:

— А те загогулины, которые он пишет, — это ваше закодированное сознание.

Торжествующе оглядев коллег, аспирант решил окончательно добить их:

— То-то смеху будет, когда содержимое умов ваших станет достоянием общественности!

Подняв указательный палец, Игорь торжественно удалился в угол. В полной тишине жалобно взвизгнули пружины старого диванчика.

Сеня, разволновавшись, бросил паяльник:

— Да вы что, ребята... Правда, что ли, такое может быть?

— У меня самого такое ощущение давно возникло! — закричал Кирилл и забегал по лаборатории, сваливая со столов бумаги.

— Но ведь такого просто не может быть?! — полувопросительно, полуутвердительно произнес Сеня.

— Если не может быть такого, то что может быть?

Вопрос Волкова был обращен к Вынеру.

— Не знаю. Может быть, кто-то подключился к Агафону? Снабжает его информацией, задания дает, ну и энергия, естественно, расходуется...

— Как вы это себе представляете практически?

Сеня пожал плечами.

— Так, кто следующий? — Волков посмотрел на Граковича.

— А я, пожалуй, поддерживаю версию Игоря... — Гракович улыбнулся, но Волкову показалось, что старший инженер говорит вполне серьезно. — Предположим,

что созданная нами установка способна определенным образом влиять на человеческую психику.

— Доказательства? — подал голос Кирилл.

— Доказательства есть. — Гракович взял со стола график дежурства сотрудников лаборатории в «резиденции», в полном молчании открыл записную книжку на странице, где вел учет всем внезапно возникшим увлечениям своих товарищей... Выходило, что все неожиданные увлечения овладевали сотрудниками вскоре после того, как они провели какое-то время под «сушилкой».

Более всех, как и следовало ожидать, это сообщение потрясло Сеню. Он даже заикаться начал.

— Т-так, зн-начит, и это?.. — Он с грохотом выдвинул ящик своего стола и извлек огромный медицинский атлас.

— Когда купил? — быстро спросил Гракович.

— Д-двадцать пятого, после д-дежурства. Н-но ведь мне же самому интересно! — пытался сопротивляться Сеня. — Вот, даже словарь купил латинско-русский.

— Занятно, но малоубедительно, — заговорил Игорь. — Во-первых, мы последние месяцы из-под сушилки не вылазим. А во-вторых, хочу обратить ваше внимание на то, что все наши «хобби» в той или иной мере дополняют каждого из нас. Почему бы все происходящее с нами не рассматривать так: увеличилась нагрузка, и психика — достаточно чуткая, кстати, вещь — потребовала гармонизировать личность?

— Ну что же, пусть так, — спокойно продолжал Гракович. — Факт второй. Помните историю с историком?

Об этом можно было не спрашивать. Случай, о котором упомянул старший инженер, был у всех в памяти.

Недели три назад директор института — учитель Волкова, академик Савельев, попросил Константина Тимофеевича показать Агафона своему старому другу, профессору истории Ащеулову. Профессор провел в резиденции часа два, посидел под «сушилкой», задал массу вопросов и ушел чрезвычайно довольный. А еще через неделю разразился скандал.

Во время одной из лекций по античной истории профессор Ащеулов прервал свое выступление, долго стоял у окна, глядя на приземистые пятиэтажки городка, потом решительно повернулся к аудитории и...

произнес страстную речь о перспективах палеонтологических исследований. Даже судя по лаконичным строчкам конспективных записей студентов истфака, это была великолепная речь, достойная того, чтобы быть включенной в учебник по палеонтологии. Затем, совершенно распалясь, Ащеулов перешел к частным дисциплинам, пропел оду голосеменным, почти перейдя на латынь, а закончил свое выступление в гробовом молчании ошалевшей аудитории. В тот же день он написал об уходе из университета и сообщил, что завербовался в экспедицию палеоботаников, едущих в Приморье.

Савельев застал его перед отъездом, пытался отговорить.

— Да что ты, старина! — сияя ответил ему Ащеулов. — Ты понимаешь, я же себя нашел. Честно говоря, с детства мечтал, наконец решился. Ты можешь представить себе, какие перспективы у этой экспедиции? Там такие обнажения! — И, уже не владея собой, стал чертить на крышке чемодана аллювиальный и делювиальный слой традиционного плана и те, которые ему предстоит увидеть.

Об этой истории Гракович и напомнил коллегам.

— Я почти уверен, что это Агафон разбудил в Ащеулове дремавший интерес к палеоботанике, — сказал он.

— А что же это мы не уходим, скажем, в космонавты? — спросил Кирилл. — Уж если исходить из этой гипотезы, то все мы должны были податься в разные стороны.

— Ну ты, положим, уже подался. Если не в космонавты, так в акванавты, — возразил Игорь.

— Ва-ква... чего? — переспросил Кирилл, но голос его потонул в общем хохоте.

— Что касается меня, то я занимаюсь именно тем делом, к которому стремился всю жизнь. Вы, насколько я знаю, тоже. Видимо, Агафон понял это. А может быть, Ащеулов оказался более восприимчив к влиянию Агафона. Как знать... — сказал Гракович.

— Правильно! — поддержал его Игорь. — Он же безнадежно лысый! А поскольку основу телепатии, по моему глубокому продуманному мнению, составляют электромагнитные поля, то им трудно проникнуть через электростатический экран волос... У Ащеулова же никакого статического электричества нет! Вот его и приняло.

— Кстати, гипотеза Игоря... не та, конечно, которая про лысину,— снова заговорил Гракович,— позволяет, мне кажется, объяснить причины аварии Филимона.

— Но ведь комиссия в отчете указала причину,— удивился Сеня.

— Вывод комиссии — фантастика,— холодно возразил Гракович.— И вы это знаете не хуже меня. Слишком велика цепь случайностей.

— А вот если оставить за Филимоном право...— Гракович замялся,— право мыслить... а следовательно, право на поступок, тогда все становится на свои места. Представьте себе хоть на миг мыслящее существо, у которого нет органов чувств. Себя на месте такого существа... Можно утверждать, что вашей навязчивой мечтой станет желание обрести глаза, уши, руки. Во время попытки создать их погиб Филимон, а Агафону она удалась...

— Ну ты, старик, даешь! — захохотал Кирилл, обхватив голову.— Можно признать, что мышление — это смена картинок в калейдоскопе, можно согласиться, что не важен материал, из которого изготовлены цветные стекляшки, важен лишь узор, но...

— Что но?..— спросил Гракович.

— И мне непонятно,— включился в разговор Сеня.— Вот, например, я, ведь это — я! А он?.. У меня вот руки, ноги, голова... А у него? И вообще... У меня жена, дети... В конце концов, я — гражданин. А он — кто он?

— Я давно тебе предлагал, Сеня, включи его в профсоюзный список нашей лаборатории,— посоветовал Игорь.

— А ты бы помолчал, полиглот! — огрызнулся Сеня.— Тебя вообще на работе нет. Ты в ночную смену сегодня.

В лаборатории воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом шефского стула: Волков медленно покачивался.

— Ну что,— подвел он итог,— нет больше идей? Небогато... Если вдобавок учесть, что вы все дружно ушли от ответа на вопрос о сердечных ритмах. Но основной вывод напрашивается сам собой: причина неполадок связана непосредственно с установкой. В вашем предположении, Владимир Александрович, пожалуй, есть рациональное зерно. Не исключено, что Агафон

оказывает влияние на психику людей. Новые пока неисследованные изучения... Интересная идея, и заняться ею нужно плотнее. Но чтобы это влияние дошло до конкретных, направленных форм... Не думаю. А вот на то, что мы столкнулись с неизвестными свойствами плазмы, нарушающими работу машины, очень и очень похоже.— Волков встал.— Подкорку загрузили? Станем ждать вещих снов? А теперь главное: наши действия. Какие будут предложения?

— Чего тут думать?! — внезапно закричал Кирилл так, что Сеня, примостившийся на потенциометре, чуть не упал.— Чего думать-то? Он уже второй месяц нас за нос водит!

Волков с неудовольствием заметил, что теперь и Кирилл говорит об Агафоне как о живом существе.

— Когда он перестал решать задачи? — продолжал Кирилл.— Это же в июле еще было. Кончать с этим делом надо. Гракович говорит, что у него руки есть, так вязать их! Коли не знаем, что он ими делает. Ставить компенсаторы — и дело с концом!

— Еще кто хочет высказаться? — У Волкова возникло чувство странного отвращения к себе, будто он только что совершил нечестный поступок. Он опустил голову.— Никто... Ну что же... Ждать действительно больше нельзя. Довожу до вашего сведения, что таково же мнение специальной комиссии, которая со вчерашнего дня занимается Агафоном: попытаться ликвидировать внезапно возникшие изменения полей развертки и связанную с этим утечку энергии, пока мы не сумеем все это объяснить. Или, как выразился Кирилл, «связать ему руки», если они у него, конечно, есть... Будем ставить компенсаторы. Готовьте расчеты.

ЕСТЬ У НЕГО РУКИ!

1

Копейка оставляла рубчатый след размером с отпечаток автомобильного колеса и норовила упасть. Тихон и Левка тяжело сопели, толкая ее, и мешали друг другу. Тихон чувствовал непонятное раздражение.

— Зайди ты сбоку! — прикрикнул он на Левку.

В этот самый момент закричал Пашка. На мгновение стали слышны голоса. Тихону показалось, что говорили несколько человек. В сарае гулко хлопнуло.

Из всех его щелей дунуло пылью, и сквозь стену наружу вывалился Пашка.

Увернувшись от падавшей копейки, Тихон бросился к нему. С Пашкой, как это ни странно, ничего не случилось. Он вскочил, оттолкнул Тихона и метнулся к двери сарая. Застыв в дверях, замер и медленно обернулся, засунув руки в карманы.

— Та-ак...— сказал Тихон и погладил шершавую стену сарая, сквозь которую выпал Пашка. Стена была целехонькая. Целее не бывает. Та-ак...— повторил Тихон и, подойдя к двери, заглянул в сарай.

В знакомой полутьме ничего не изменилось. Блестела куполом тарелка.

— Как...— Тихон хотел спросить: «Как ты умудрился сквозь стену выпасть?», но смешался и почему-то спросил: — Как самочувствие?

— У кого?

— Так, вообще...— Тихон пожал плечами. Недоверчиво обойдя тарелку, он переглянулся с Левкой, смахнул пыль с подошвы купола.

— Чего орал? И... чего ты на этот раз поковырял?

Павел отвел глаза.

Тихон погрузил руку в купол, оглядел пульт, заглянул под тарелку. Все было в порядке.

— Ну все-таки... Что случилось?

— Я же тебе сказал: «Ничего не случилось».— Пашка старался не глядеть на Тихона.

Подумав, Тихон решил отложить выяснение обстоятельств очередного «ЧП». Насколько он знал Пашку, было совершенно бесполезно «брать» его силой, если тот заупрямится. Знал он также и то, что, рано или поздно, Пашка все равно расскажет все по порядку.

— Никуда не полетим, пока не расскажешь,— на всякий случай пригрозил Тихон и, кивнув Левке, пошел к копейке.

— Полетишь...— вполголоса сказал Пашка и полез под верстак за ножовочным полотном. Собирая ножовку, он время от времени недоверчиво поглядывал на тарелку.

Лететь действительно было нужно. Судьба сорока тонн золота, оставленного на острове, беспокоила ребят. Именно из-за этого Тихон, с самого начала без восторга относившийся к «золотым опытам», сцепился накануне с безалаберным Пашкой.

— Да что с ним случилось? — искренне недоумевал Русаков. — Ну лежит — и пусть лежит!

— Ну как ты понять не можешь?! — Тихон даже пальцами шевелил от напряжения, пытаясь подобрать нужные аргументы. — Это же... как бомба замедленного действия. Беда в нем, понимаешь? Беда! Это для тебя весь интерес закончится тем, что свалишь его под верстак и забудешь, как те образцы, которые Левка отпилил. Но остров-то — не твой сарай!

— Да кто его найдет? Остров же необитаемый, а может, и вовсе неизвестный. Его на карте нету...

— Какой карте? — от злости Тихон перешел на шепот. — В школьном атласе? Ты действительно ничего не понимаешь или прикидываешься? Столкнуть надо было сразу цепь эту проклятую в море.

— Ну ладно, ладно, — пошел на попятную Павел, споривший скорее из упрямства. — Слетаем. Делов-то на полчаса...

Вскоре приготовления были закончены. Настроение у ребят, мягко говоря, было плохим. Пашка бродил ссутулясь. Тихон, насупя брови, играл желваками. Левка виновато шмыгал носом. Тихон первым забрался под купол. Туда же торопливо нырнул Левка. Павел некоторое время бродил по двору, сплевывая сквозь зубы, потом резко развернулся, словно чувствуя, что терпение Тихона вот-вот иссякнет, и сходу запрыгнул на место пилота.

2

Из-за перегородки, отделявшей комнату отдыха дежурных, донесся смех, перешедший в бульканье и сменившийся, наконец, кашлем.

— Игорь Николаевич! — укоризненно обратился к перегородке Сеня Вынер. — Ваш смех мешает... Такая тонкая работа...

Не дыша он приник к окуляру манипулятора.

— Если смех мешает работе, — сказал появляясь из-за перегородки Игорь, — немедленно прекрати работу!

Он стоял в дверях с пухлой, неправильного вида газетой в руках, сияя золотым зубом, усталый и лоснящийся, в светлом жилете поверх рубахи цвета бычьей крови, и всем своим праздным видом бросал вызов деловой обстановке, царящей в лаборатории.

— Помог бы лучше! — сипло крикнул Кирилл, оторвавшись от расчетов.

— Э-э, нет! — покачал головой Игорь. — Как мудро отметил товарищ Вынер, меня на работе нет, потому как я в ночную смену сегодня. Если хотите, я вам отрывочек могу прочитать...

— Опять? — спросил окутанный клубами канифольного дыма Сеня.

— Шел бы ты... А? — попросил Кирилл.

— Бог мой! — трагически продекламировал Игорь. — Какой грубый, какой бестактный народ! — Он сделал вид, что уходит, но, поскольку никто его задерживать не собирався, остался.

— Нет, вы только послушайте, что пишут! Наш корреспондент... м-м-м... не переводится... района, охваченного эпидемией... где это... черт... А, вот: вчера утром на улицах ряда городов и поселков обнаружены невысокие цилиндры желтого цвета. Химический анализ показал, что они состоят из тетрациклина. Каждая гигантская таблетка содержит около двухсот килограммов препарата. Местные медики успешно используют его для лечения больных... Или вот: ...м-м-м... «с экипажем в четырнадцать человек... была захвачена штормом. Мотор судна вышел из строя, ...сносило на камни. Рыбаков безусловно ждала гибель. Внезапно над шхуной появился странного вида летательный аппарат, с которого на нос судна был опущен канат. Он отбуксировал шхуну в находящуюся неподалеку бухту!» Ну, как вам? Это же надо так врать?!

— Поди раздел юмора читал? — подозрительно спросил Кирилл.

— Какого юмора? Ну, смотри!.. Общий подзаголовок: «Странные факты». Тут еще десяток таких...

— Игорь Николаевич! — взмолился Вынер.

Сеня нервничал. Уже полдня он бился, пытаясь понять, что случилось с сетью. Дело заключалось в том, что она резко улучшила характеристики. Это было подозрительно. Вернее, так просто не могло быть! Наоборот — это сколько угодно. Или пробой на подстанции, или... да мало ли причин для ухудшения? А вот для внезапного улучшения характеристик Сеня причин найти не мог. Снова и снова он выдумывал хитроумные схемы проверки, надеясь разобраться. Оставалась надежда еще на одну схему, которую он только что закончил паять. Она должна была совершен-

но определенно указать «виновника» внезапного улучшения характеристик.

Сеня присоединил ощерившуюся голыми шинами схему к приборным стойкам, подождал, пока успокоятся приборы, и, не успев потерять веры в свое детище, узнал, что... удельное сопротивление подводящих кабелей уменьшилось. Сеня тихо выругался, сплюнул и затосковал. Поверить в то, что кто-то ради шутки заменил бронированные кабели в руку толщиной на другие, было трудно.

Между стойками появился Сенин друг Федор Буров из соседней лаборатории. У него существовало тончайшее чутье на чужую беду. Он был гений сопереживания. Всего десять минут потребовалось Сене, чтобы Федор понял, что имеет дело с неразрешимой задачей. Теперь они тосковали вдвоем. Тут их и застал Кирилл. Через некоторое время уже раздавался его фельдфебельский голос: «Ну!.. И что?.. А тут?..» В промежутках между репликами Кирилла слышался торопливый Сенин тенорок. «Не может быть!» — закончил Кирилл первый тур. Все началось сначала: «Так!.. Допустим... А здесь?.. А это?.. Ерунда!»

Из-за шкафа появился Игорь. У него был нюх на проблемы и скандалы. Внимательно он выслушал все, что говорилось Сене и сопровождалось репликами Кирилла.

— Друзья мои! Если за дело берется математик,— начал он, направляясь к своему столу,— то...

— То труба дело! — закончил Кирилл и ретировался. Вступление в игру Игоря позволяло ему выйти из дела без заключения, которого он попросту не имел.

— ...то он выполнит его заведомо лучше, чем не математик,— скромно закончил Игорь, усаживаясь за стол. Через пять минут он встал и протянул Сене лист бумаги.

— Только и всего... Оваций не надо,— попросил он, направляясь к себе за перегородку.

— Это мы и без тебя поняли, что решение такое... — разочарованно протянул Сеня, — без математики. Только ерунда все это.

Он отдал листок заинтересовавшемуся Граковичу. Тот бегло осмотрел расчет и вернул листок Сене.

— Я тебя прощаю, Сеня,— скрипя пружинами дивана, возвестил Игорь.

Сеня вскипел:

— Ты хоть понимаешь, что означает твое решение? Оно означает, что кто-то заменил кабели! Медные! Огромные! В бетонных каналах лазил — и менял! Где справочник? Кто брал справочник?.. Ну что за черт!.. Как работать, когда все из-под рук тащат?

— Владимир Александрович брал справочник, — сказал Федя. — Вот он — на столе у него!

Сеня готов был высказать Граковичу все, что думает о людях, берущих чужие справочники, но того и след простыл.

— Вот! — торжественно сказал Сеня. — Он и открыт там, где нужно! Сейчас, сейчас... — бормотал он, скользя глазами по таблице. — Так вот, товарищ математик, — сказал он злорадно. — Решение ваше означает, что медный кабель кто-то заменил на серебряный!

Сеня затих. Его неожиданно смутила одна невероятная деталь. Точность. Он остался один на один с расчетом. И чем больше думал, тем дальше заходил в тупик, выхода из которого не видел.

Хлопнула дверь. На пороге появился Гракович. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что опять стряслось что-то из ряда вон выходящее.

Взгляд Сени упал на его плечо, где красовалось серое пятно паутины, потом на руки, которые Гракович держал на отлете. Холодея, Сеня понял, почему справочник был открыт там, где нужно.

Издав вопль, которому позавидовал бы Чингачгук — Большой Змей, Сеня бросился из лаборатории. Гракович остался стоять под прицелом трех пар глаз.

— Есть у него руки, — сказал он.

— Серебро? — коротко спросил Игорь.

— Не знаю. Похоже. Во всяком случае, не медь.

Федя крадучись направился к двери. Игорь и Кирилл бросились к окну.

В развевающемся халате в саду появился Сеня и напрямик, по траве, припустил к резиденции Агафона. Вскоре он исчез за дверями.

Неловко размахивая руками, в обход газонов пробежал Федор.

— Голова у него тоже есть, — задумчиво сказал Гракович, глядя в опустевший сад.

— В смысле? — оторвал взгляд от окна Игорь.

— В распределительном шкафу нет ни рубильника, ни предохранителей...

— А что же там? — просипел Кирилл.

— Ничего,— пожал плечами Гракович, вытирая платком мокрые руки.— Шины непроход. Сверху до-
низу. Из белого металла.

— Логично,— кивнул головой Игорь.— Ему такая бижутерия, как выключатели, ни к чему.

Двери резиденции открылись, и в саду показался Сеня. Он торжественно нес в руках белый пакетик. Как оказалось, в пакетике была стружка, которую Сеня напил с невесть откуда взявшихся шин.

Стружку сдали в химлабораторию на анализ, и спустя полчаса молоденькая лаборантка Лидочка позвонила у дверей лаборатории.

Игорь, расшаркавшись и жмурясь, словно кот, под руку провел Лидочку к столу Граковича.

— Пожалте...— промурлыкал Игорь, подкручивая ус.— Наше начальство.

Гракович встал и принял из рук Лидочки стеклянную банку с остатками стружек и листочек с данными экспертизы.

— Точнее мы не можем, Владимир Александрович,— пропела Лидочка и сотворила нечто похожее на книксен (пример аспиранта был заразителен). Только три знака. Но можете считать, что химически чистое. А нельзя ли узнать, кто у вас разбогател?

Игорь и Гракович враз забормотали что-то взаимо-
исключающее.

3

Вечером появился Волков. Внимательно выслушав наперебой говоривших ребят, он отказался сходить посмотреть на очередное чудо. Только потряс стеклянную баночку, сощурился, да прочитал листочек экспертизы.

— Отчет подготовь,— тихо попросил он Граковича. И когда тот протянул ему три листа готового отчета, не глядя подписал и встал из-за стола, ни разу не покачавшись на стуле, что в лаборатории считалось ужаснейшим признаком.

— Установку компенсаторов начнем немедленно. Сначала включим только одну головку, для пробы. Кроме того, с завтрашнего дня объявляется особое положение.

— Ну, что приуныли? — обратился он к сотрудникам. — Али мы не соколы?

Деланно-бодрый тон шефа никого не обманул. В тишине звякал укладываемый Сеней инструмент.

4

Работа пошла плохо.

В генераторе почему-то сгорели лампы выходного каскада. Долго искали лампы. Инструмент валился из рук. Миролюбивый Сеня сцепился с Кириллом.

— Не брал я ничего! И проводов не путал! — оправдывался багровый от натуги Кирилл.

Давно опустели коридоры института. На площадке перед главным входом фырчали моторы машин. Какой-то весельчак из лаборатории, сверхмелкодисперсных систем, сунувшись в окошко, закричал:

— Эй, волчата! Чего ползаете как сонные мухи? Домой пора!

Волков вытер вспотевший лоб и посмотрел на него. Весельчака как ветром сдуло.

— Агафон, похоже, мешает, — глядя на развеселую работу, покачал головой Гракович, и Волков окончательно понял, что говорил Гракович сегодня совершенно серьезно.

5

Серое рассветное небо над океаном чуть золотили лучи невидимого пока еще солнца. Серовато-зеленые волны, покрытые барашками пены, бестолково толпились внизу. Левке казалось, будто каждая волна старается подпрыгнуть повыше, чтобы рассмотреть, в какой стороне берег, куда направить свой бег.

Пашка уже третий раз подряд по убегающей в море гряде островов пытался выйти на остров, который они называли «Верблюд». Островок словно корова языком слизнула. Помянув неизвестно кого недобрыми словами, Павел ввинтил тарелку в небо. Успевшие померкнуть звезды засветились ярче. Так и не обретя голубизны, небо стало темно-синим, а затем почти черным. Из-за горизонта появилось солнце. В дымке лучи его переливались всеми цветами радуги. Преобладающим был багрово-красный. Тарелка медленно снижалась, скользя к выбранной Павлом светлой точке на поверхности океана. Левка со стоном зевнул.

Павел не выдержал и зевнул тоже.

— Пашка, мы тебя уволим,— пригрозил Тихон.— Ты на вахте, зевать не имеешь права.

Павел, вот уже полдня пребывавший в безобразном расположении духа, шутки не поддержал.

— Остров,— угрюмо отозвался он.

Тихон и Левка привстали и посмотрели вниз.

— Ты чего ж это делаешь? — испугался Тихон.— Это же не наш! Он обитаемый. Дым вон... полоса взлетная. Ничего себе шутки. Забыл, какие «Миражи» из себя?

— Паша, бежим...— отполз в центр тарелки Левка.— Висим тут на виду у всего честного люда, бредни порождаем о летающих тарелках. Бежим, Паша.

Поскольку Павел из упрямства не торопился, Тихон оттолкнул его плечом, прижал правую у глобуса клавишу и почти незаметно повернул шар. Внизу на миг мелькнула туманная пелена.

— Во! — крикнул Левка, сидящий спиной к пульту.— Вон он, наш остров!

— Может, и не наш вовсе? — Павел развернул тарелку.

— Наш. Он один тут такой маленький.

— А может, и не один? — с вызовом продолжал Пашка.— Острова вообще грядями существуют.

— Географию ты, Паша, теперь знаешь,— не без ехидства сказал Лев.

— Хм... Так то разве география? Скукота одна. Вот это — география!

Пашка повеселел. Тарелка полого скользила к острову. Стала видна скала Верблюд. Снизившись, Пашка заложил крутой вираж. Опрокинувшись, мимо торжественно проплыла скала, ступенями уходившая в море. Показался соломенно-желтый пляж.

Тарелка стремительно шла над самой водой.

— Только без фокусов, Паша,— встревожился Тихон.

— У нас с вами вся жизнь теперь — сплошные фокусы,— успокоил его Пашка и, неожиданно притормозив, чиркнул дном тарелки по воде.

Фонтан брызг взметнулся вперед и беззвучно ударил о купол. Тарелка замедлила ход. Павел шевельнул пальцами, и вода сомкнулась над куполом.

Внизу расстился сказочный мир кораллового рифа. Шевелились, словно живые, зеленые и бурые

листья водорослей, яркими искорками мелькали среди них незнакомые ребятам рыбы. Тарелка пошла над торчащим из песка камнем, и Павел увидел под его покатыми боками семейство морских ежей, грозно растопыривших свои черные иглы. Вспомнив, как во время прошлого посещения Верблюда он напоролся на такие же колючки, Пашка сердито отвернулся.

— Вот она! — крикнул Левка, показывая вверх. — Помните, я говорил.

Друзья подняли головы и увидели покачивающийся на зеркальной поверхности океана красно-фиолетовый пузырь. От него уходили вниз, в воду, длинные белесые шупальцы.

— «Португальский кораблик»... Медуза-убийца!

— Вот только убийц нам не хватало, — проворчал Пашка и легонько нажал на клавишу подъема.

Студенистое тело медузы соскользнуло с купола. Тарелка выскочила на поверхность.

Тихон смотрел, как на них надвигался пологий вал. Вот волна накатилась, накрыла тарелку, и все вокруг стало голубовато-зеленым. Где-то высоко над головой серебрилась поверхность океана. Потом она приблизилась, и вот уже вода оказалась далеко внизу.

У Левки началось что-то вроде приступа морской болезни. Он закрыл глаза и раскачивался из стороны в сторону.

Не меняя высоты, Пашка разогнал тарелку, и она неслась, прошивая одну за другой горы океанских волн.

— Умница, — ласково сказал Пашка, словно тарелка была живым существом. — Все может.

— Точно, — подтвердил Левка. — Может все. Помоему, даже слишком много.

— Не понял? — замедлил ход Павел.

— Когда мы здесь на острове спорили, я промолчал, — пояснил Левка. — Но потом подумал... Тихон прав, конечно, Паша... Тарелка наша — это что-то очень серьезное. Нужно хотя бы дядьке Тихонову ее показать. Жалко, конечно... спору нет. Ужасно жалко. Но и так вот... Нечестно как-то получается. Не игрушка все-таки.

— Согласен, — коротко ответил Тихон.

Пашка шмыгнул носом. Помолчал.

— Что вы все сегодня, сговорились, что ли? То тарелка, то теперь Левка.

— Как это — тарелка? — встревожился Тихон.

— Когда меня из сарая вышибло. Сначала голоса слышались. Повернулся, а она... это... сворачивается, вроде. Ну, я ухватился за край. А она дунула чем-то. А вдогонку еще и говорит: «Хватит одному!»

— Стоп, стоп... я тоже что-то похожее слышал... Но не так. Лев, ты слышал что-нибудь, когда этот... — Тихон кивнул на Пашку, — сквозь стены ходить начал?

— Он, помню, орал: «Куда!» — говорит. — А чтобы еще что-нибудь... Хотя постой... Вроде было: «Хорошо с одним... или с одной...»

— Ой... Что-то не то, ей-богу... Не надо было лететь сегодня. А ну как она вместе с нами начнет сворачиваться?

— Решили же, Тихон. Золото в море спихнем — и домой. Не оставлять же сорок тонн кому попало. Да и образец отпилить нужно. Ученым поди пригодится...

— Так я разве против этого. Просто надо было кому-нибудь остаться. Мало ли что.

— Хм... Вот и оставался бы.

Тихон замолчал.

— Мы же ненадолго. — Пашка вытащил откуда-то из-за глобуса свои часы с потертым ремешком, глянул на них и засунул обратно. — Немного, — повторил он.

Действительно, с золотом они управились удивительно быстро. Отпилив образец «второго увеличения», Павел отдал его Тихону и молча кивнул в сторону скалы, под которой белел полотняный мешок. Захватив с собой ножовку, он молча побрел к сияющей куполом тарелке. И был он теперь похож на скрипача, уходящего со сцены: долговязый и нескладный со смычком-ножовкой.

Подошел тяжело дышащий, мокрый Левка, который уже успел искупаться. Они вдвоем смотрели, как Пашка, стоя у тарелки, пошарил по карманам, видимо, ища кисточку. Потом также молча побрел под прикрытие скалы.

Павел сволок цепь в море, увеличенной кисточкой для акварели смел все следы, оставленные айсбергами и гвоздями, по-хозяйски облетел остров и опустил тарелку неподалеку от воды.

Тихон сидел, привалившись спиной к нагретому камню. Глаза его были закрыты. Рядом посапывал Левка.

Павел подошел к друзьям, потоптался молча, покашлял и сел на песок. Все трое испытывали какое-то странное чувство тревоги, словно забыли нечто очень важное или потеряли с трудом найденное. Чувство это с каждой минутой нарастало.

Тихон раскрыл глаза и прислушался. Утренний воздух был полон неясных звуков. Почему-то вспомнилась ночь под Грачевкой, когда они впервые увидели тарелку. То ли шелестело, то ли поскрипывало рядом что-то большое.

Левка торопливо вскочил и, подпрыгивая на одной ноге, принялся натягивать брюки.

— Ты чего? — с испугом озираясь по сторонам, спросил Павел. Ему почудился далекий гул и дрожание земли.

— Ничего... — шепотом ответил Левка. В глазах его плескался такой ужас, что у Пашки заохолодела спина.

Того, что случилось в следующую минуту, никто из них впоследствии не помнил.

...Стронулась и поехала из-под ног земля. Задрожала, струями уходя в небо, скала. Неподвижной во всей этой карусели оставалась одна лишь тарелка. Да и то, Пашка уверял своих друзей, что плыла тарелка им навстречу, словно хотела помочь.

Тихон бежал первым — так уж вышло, но у тарелки опомнился и, обернувшись, увидел Левку. Тот отстал, перекосившись под тяжестью полотняного мешка.

— Брось! Брось! — заорал Тихон и яростно рубанул воздух рукой.

Почти за самой Левкиной спиной черный смерч поднимал в небо песок и камни.

Ухватившись за мешок, Тихон вырвал Левку из клубящейся мглы, и они свалились под купол, откуда уже беззвучно кричал что-то Русаков. Рука его была занесена над глобусом.

...Тихон присвистнул, и Левка открыл глаза. Над головой чуть покачивались ветви огромного дерева. Метрах в трех от ребяг виднелся трухлявый ствол, полускрытый высокой травой. Немало лет прошло с тех пор, как рухнул лесной гигант, подминая молодые деревца и кустарники, но до сих пор лес не успел затянуть нанесенную его падением рану. Лучи захо-

дящего солнца освещали эту небольшую просеку и не давали сомкнуться наполозавшему из лесной глубины мраку. Надоедливо зудели комары.

Требовалось осмыслить ситуацию, но слишком велик был шок, и друзья еще долго сидели, дружно нахлестывая себя по рукам и ногам.

— Землетрясение, — нарушил молчание Пашка. Он для себя уже все решил.

— Цунами, — пискнул Левка.

— Угу... — остервенело царапая спину, согласился Тихон. — И вулкан еще. Землетрясение, цунами и вулкан — это уже хорошо будет. Ты куда нас завез?! — набросился он на Русакова.

— Я правильно наводил! — слабо отбивался Пашка. — Не веришь, Левку спроси — он видел...

Левка мелко закивал головой.

— Ну вот! — сразу воспрянул духом Пашка. — А ты сразу на меня! А я что?..

— Помолчи, — оборвал его Тихон. — Куда же нас занесло? — Он встал в полный рост, огляделся. — Не помню я такого места в нашем лесу...

— Зато комарье родное, — буркнул Левка, пытаюсь отогнать кровососов. — Тьфу ты! Прямо в рот лезут...

— Стой, — воскликнул Тихон. — А тарелка где?

Друзья испуганно завертели головами. Тарелки не было.

6

В освещенном проеме окна был виден силуэт Граковича. Голос его слышался из кроны ближайшей яблони, куда Сеня повесил динамик временной связи.

— Ну что?

— Все, — ответил Кирилл и начал сворачивать брезентовую палатку с инструментом.

— Кто ножовку-то брал? — спросил Сеня, выходя из «резиденции».

Никто не ответил ему.

— А часы чьи? — потряс Сеня часами на потертом ремешке.

— Не мои, — хмуро отозвался Быстров и, повернувшись к яблоне, спросил: — Ну что, обрываю?..

— Обрывай, — ответила яблоня голосом старшего инженера Граковича.

— Кто остается сегодня?

— Моя очередь,— ответил Кирилл и, повернувшись к освещенному окну лаборатории, крикнул: — Тяни!

Гракович кивнул и в траве зашуршал телефонный провод.

— В последний раз спрашиваю: чьи часы? Может, Граковича?

Игорь посмотрел на часы в руках Сени:

— У него электронные, к тому же изысканный «скус». Станет он носить такие...

— Кого-то из наших,— ответил Волков.— Я их недавно видел.

— А ножовку какой дурак приташил? — спросил Сеня.

Он так и стоял с ножовкой в одной руке и часами в другой.

— Клади сюда! — попросил Кирилл и развернул брезентовую палатку с инструментами.

— И не было у нас никогда такой ножовки,— продолжал ворчать Сеня.— С инициалами-вензелями... Пэ рэ... Это кто такой?

— Говорил же я, что Агафон с пилами работает,— спотыкаясь и звеня на ходу, попытался пошутить Игорь.— Вот и ножовку припас.

— Завтра меня не ждите,— сказал Волков.— Я с утра в Грачевку поеду.

А ЧАСЫ ЭТИ — ПАШКИНЫ

1

Левке снилась мать. Они сидели в купе поезда, идущего в Кисловодск. За окнами поезда расстилась степь, заросшая синими цветами. Потом вдруг степь исчезла и вода беззвучно плеснула в окно. Поезд шел по дну моря. Мать удивлялась, глядя на проплывавших за окном рыб, а Левка объяснил ей, что, дескать, это такая модель поезда, который может ходить под водой.

Дверь купе открылась, и появился проводник. На нем, как на оперном певце, был черный фрак и галстук-бабочка. На сгибе правой руки у него висело полотенце. Проводник принялся что-то говорить, время от времени прогоняя толстогубых рыб, тычущихся в окно купе. Рыбы не слушались и продолжали глазеть,

шевели жабрами. Проводник сердился и махал белым полотенцем. В руках его внезапно появился автомат, и тишину вспорола грохочущая очередь.

Левка вскочил на ноги, ничего не видя перед собой, кроме малиновых кругов. Рядом, свернувшись калачиком и укутав голову курткой, лежал Тихон. Уткнувшись лицом в его плечо, спал Пашка. Щеку Русакова покрывали засохшие полосы раздавленных комаров.

Снова затрещала очередь. Левка поднял голову: на редкой еловой ветке нахально покачивала длинным хвостом черно-белая сорока. Левка нащупал под ногами прошлогоднюю шишку и запустил ее в лесную сплетницу. Сорока легко снялась с ветки и, не переставая трещать, нырнула в лесную чащу.

— Охотишься?

Левка обернулся. Пашка ехидно смотрел на него. Левка слабо улыбнулся в ответ.

Давно замечено, что время понятие относительное. Летчику-испытателю порой и секунда — день. Человеку в камере смертников и день — секунда. Для троих путешественников из Грачевки время остановило свой бег в тот момент, когда тарелка исчезла неизвестно куда.

Вечером ребята так и не сумели определить, где они находятся. Бродить по ночному незнакомому лесу не зная дороги было просто глупо. Идея разжечь костер отпала сама по себе — ни у кого из них не оказалось спичек. Пашка, правда, попытался напомнить о древнем способе добывания огня при помощи двух кусков дерева, но это предложение было встречено без энтузиазма. Тихон вообще отмолчался, а Левка порекомендовал Русакову на досуге взглянуть в учебник истории, авось там вычитает, насколько это непростое дело. Обиженный Пашка долго шарился под деревьями в поисках подходящих, на его взгляд, деревяшек, еще дольше пыхтел с ними в темноте, наконец плюнул и запустил найденные сучки куда-то в кусты. Ни к чему не привела и предпринятая Левкой попытка зазвать на помощь — слабый его голос быстро глух, теряясь среди деревьев. Никто не отзывался.

Некоторое время путешественники сидели молча, безуспешно пытаясь отбиваться от полчищ комаров. Наконец Пашка не выдержал.

— Вот гады! — простонал он. — Ну откуда их здесь столько? Интересно, кого бы они жрали, если нас не было?!

Лицо его заплыло от укусов, рубашка побурела от крови.

Левка не ответил, да Пашка и не переспрашивал. И психовал он совсем не из-за комаров. Пашка никак не мог поверить в исчезновение тарелки. Она должна, должна была вернуться!

Если бы кто-нибудь спросил Павла, откуда у него эта уверенность, он не смог бы ответить. Разве расскажешь о том, как тайком пробирался он в сарай, и, усевшись под куполом тарелки, ждал, прислушиваясь к собственной мысли, пока не приходило ощущение, что он не один, что рядом верный и добрый товарищ, который дорожит его, Пашкиной, дружбой, вместе с ним остро переживает неудачи, радуется успехам. Павел почти физически ощущал, как после очередного его промаха, этот «кто-то» расстроился: ну что же ты, мол, брат? И чувствовал тогда себя Пашка совершеннейшей свиньей. Неожиданное исчезновение тарелки ошеломило. Не могла она их бросить, это было бы предательством! Наверное, что-то случилось. Она просто не может не вернуться!

Левка больше всего боялся заплакать. Все что угодно, только не это! Он и дышал глубоко, и не дышал вовсе, стараясь проглотить комок, стиснувший горло. Гнал от себя мысли о матери. Надо об отце думать... Но отец вспоминался плохо. Фотографии мало говорили о нем, живом. Да к тому же Левка так хорошо помнил каждую из них, что дальше мгновенно запечатленного образа сознание не шло. Любительская пленка, копию с которой подарили отцовские друзья-вулканологи, тоже мало показывала отца. Все треноги да приборы. И в камеру отец почти не смотрел. Один только кадр, когда окликнули его и улыбнулся он, такой сильный и бородатый. Левка тоже похож маленько на него, когда обернется и улыбнется, стараясь оставаться в то же время серьезным.

Левка опять вспомнил мать и с ужасом отогнал эту мысль. Вот Тихон — молодец. И Пашка — тот еще покажет себя. Пашка — тоже молодец. А ему, Левке, надо быть просто посильнее.

Мысли Тихона были тягостны и спокойны. Он

один во всем был виноват. Надо было еще тогда, ночью, позвонить дядьке, сказать ему о тарелке. Или позже... когда накатались, наигрались... Но что же делать теперь? Что?

2

Солнечные лучи пробились наконец через плотные полосы не то тумана, не то облаков, цеплявшихся за острые вершины деревьев. Густая сетка росы покрывала пригнувшуюся под ее тяжестью траву. Тихон и Левка сидели, погруженные в свои мысли, прижавшись к шершавому стволу старой ели — здесь, на толстой подстилке опавшей хвои, было посуше.

Внезапно в кустах послышался треск, и оттуда, отбиваясь веткой от настырных комаров, вывалился Пашка. Располованная в нескольких местах рубашка висела на нем клочьями. На коричнево-сером загаре отчетливо белели ссадины и царапины.

— Тут скала недалеко, — бодро сообщил Русаков.

— Какая еще скала? — поднял голову Тихон.

— Каменная. Высоченная! Может, на нее залезем, посмотримся хоть. Там и вода есть. Ручеек. Правда, воняет от него, — Пашка помотал головой. — Я пить побоялся.

— Вода?! — Тихон и Левка резко вскочили на ноги.

Слабый родничок выбивался из-под огромного валуна, лежавшего у подножия обнаруженной Павлом скалы. Звонящая струйка воды падала в небольшую ямку-бочажину и, перелившись через ее край, тонким ручейком терялась среди выпирающих из земли узловатых корней деревьев. От воды и вправду пахло не особенно приятно. Левка потянул носом.

— Сероводород, — объявил он. — Минеральные источники. В Восточной Сибири их полно.

— Пить ее можно? — спросил Тихон.

— Конечно! — Несмотря на неопределенность их положения, Левка от души расхохотался, когда, одновременно нагнувшись над бочажком, Пашка и Тихон крепко стукнулись лбами.

Ополоснув лицо, Тихон подождал, пока напьется Левка. Громкий голос Пашки раздался где-то над головой.

— Здесь вам не равнина, здесь климат иной! — распевал неустрашимый скалолаз.

— Догоним! — Тихон переглянулся с Левкой.

— Ага! — И Лев первым побежал к скале.

Подъем был нетрудным. Резиновые подошвы кедров хорошо держали на покато выветренном камне, из трещин которого там и сям прорастали молоденькие деревца и пробивались пучки травы. С разбегу Тихон выскочил на вершину, едва не сбив с ног внезапно замолчавшего Пашку.

— Ого... — растерянно протянул подоспевший Левка.

Со всех сторон, насколько хватало глаз, друзей обступала ошетилившаяся вершинами тайга.

3

Было просто-таки одуряюще жарко. Сонные старухи тоскливо кивали, примостясь на своих узлах. Пара бездомных собак шарилась среди куч мусора, сваленного неподалеку от автостанции.

Константин Тимофеевич изучил расписание движения автобусов, начертанное на вечных стальных листах, походил некоторое время, ожидая невесть чего, прислушиваясь к сонным репликам старух.

— Что хотят, то и делают, — молвила одна.

— Хотут — ездют, не хотут — не ездют, — поддержала ее вторая.

Третья горестно покачала головой и неожиданно бойко пнула собаку, проявившую интерес к ее сумке.

Константин Тимофеевич склонился к зарешеченному оконцу билетной кассы и попытался выяснить, по какой причине нет автобуса до Грачевки. Через отверстие-лоток донеслось до него невразумительное бормотание с оттенком раздражения. Ясно: автобуса не будет.

Бетонный сверток вывел Волкова на широкую асфальтовую ленту шоссе. От укатанного асфальта, мягко пружинящего под ногами, пахло жаром расплавленного битума. Дорога, уходя под гору, ненадолго терялась из вида, потом появлялась и, прямая, как стрела, прошивая березовые околки, уходила за горизонт, отливая далеким серебряным блеском.

Пришурясь, Константин Тимофеевич взгляделся в даль и зашагал решительно, оставляя на черном асфальте белесые пыльные следы.

Странно, но мысль отложить поездку даже не приходила ему в голову. Желание побывать в Грачевке,

вспыхнувшее вчера вечером с новой силой, все более крепло.

На подъеме его догнал ЗИЛ. Хрипловатый натруженный рев двигателя сзади нарастал. Константин Тимофеевич отступил на обочину и поднял руку.

4

Тяжелая цистерна с цементом заставляла ЗИЛ подрагивать и едва заметно рыскать носом. Водитель курил. Стрелка спидометра уже верных полчаса дремала за отметкой 80. Так и не отойдя душой от работы, не понимая даже, как это он сможет не думать о ней в ближайшее время, Константин Тимофеевич рассеянно смотрел на дорогу, прислушиваясь к ровному гулу мотора.

Ему был симпатичен этот ЗИЛ. Он почему-то представлялся Волкову одушевленным. Казалось, что не машина скользит по шоссе, а наоборот, с глуховатым рыком ЗИЛ тащит под себя упирающуюся ленту асфальта.

Волков думал. Пожалуй, впервые в жизни он был настолько растерян. Константин Тимофеевич не мог найти никакого объяснения веренице странных загадок, преподнесенных в последние дни СПС-2. Предположение, высказанное Граковичем, было слишком невероятным. Оно не вписывалось в рамки инженерного мышления. Оно вообще было вне научной логики. Волков даже нашел возможным доложить о нем на Ученом Совете.

«Все должно быть проще,— убеждал себя он.— Разгадка где-то на поверхности... Потому и в голову никому не пришла. Вот и ищем объяснение в чертовщине. Но с другой стороны — серебряные кабели... Это-то уж ни в какие ворота не лезет...»

На обочине промелькнул указатель «122 км».

— Остановите, пожалуйста.

— Грачевский, что ли? — спросил водитель.

— Брат тут у меня главным инженером.

Машина остановилась. Хлопнула дверца. Константин Тимофеевич слабо махнул рукой. ЗИЛ дрогнул бело-зеленой мордой, рыкнул и укатил.

Константин Тимофеевич потоптался на обочине, глядя туда, где таяла и растворялась в жарком августовском небе дорога, потом сбросил оцепенение и, сойдя с шоссе, ступил на мягкую пыль проселка.

Улицы Грачевки были пустынные. Одуревшие от жары дворняги совсем потеряли интерес к жизни и жались в тени, вывалив розовые языки. Ни одна даже не гавкнула на незнакомца в темном мешковатом костюме, появившегося на центральной улице. Около колонки, неподалеку от дома Волковых, тосковал боров. Того, что осталось от лужи, было явно недостаточно для порядочной свиньи, и боров топтался в нерешительности, соображая, каким боком будет приятнее лежать на маленьком пятачке грязи. У приближавшегося человека ведер не было. Укоризненно взглянув из-под белесых бровок на Константина Тимофеевича, животное со стоном упала на левый бок, расплескав остатки грязи по сторонам.

Волков засмеялся и, обойдя стороной тридцатипудовое дитя природы, нажал на рычаг колонки. Зачерпнув пригоршню воды, сделал пару глотков, ополоснул лицо и подождал, пока сбегавшая с бетонного круга вода не достигла необъятного живота свиньи.

На дворе его шумно приветствовали куры.

— Что это вы? — удивился гость. — Как неделю не кормлены...

Он был недалеко от истины, но не подозревал об этом. Дом оказался закрыт. Константин Тимофеевич пошарил рукой в старом ученическом портфеле, висевшем на стенке в сенях столько, сколько он себя помнил. Ключ был на месте. В доме уже успел воцариться запах, который называют нежилым.

«В самом деле, нежилой запах, — подумал он. — Скорее, отсутствие запахов жилья. Но куда же их всех унесло?»

Он вошел в комнату Тихона. Тут тоже царил запустение. Письменный стол был покрыт толстым слоем пыли. Самодельный магнитофон на столе, незаконченный генератор для отпугивания комаров — все в пыли. Портрет Высоцкого на стене. Рядом с портретом — карта мира.

«Это уже что-то новое», — подумал Волков.

Карта была усеяна кружками и цифрами, которые могли означать даты. Две из них были на Северном, две на Южном полюсе. Самая ранняя дата — 7.08.

— Что же у нас было седьмого? — механически отметил Волков. — А-а... Агафон коротнул сеть.

Особенно много дат стояло вокруг точки на карте, с надписью от руки: «О-в Верблюд». Цифры напознали одна на другую. Последняя дата была той самой, когда Тихон с друзьями приезжал институт.

— Фантастика,— пробормотал Волков и вышел из дома.

— Эй! Хозяева! — Константин Тимофеевич, облокотясь на забор дома Русаковых, смотрел на цепного пса Вулкана, исходившего радостью.

Гремя цепью, Вулкан умчался в глубь двора. Деловито обнюхал стойки шасси ярко-оранжевого автокрана, косясь на гостя.

— Странно... — отметил Волков. — Так много значил для ребят этот аппарат, и вдруг под дождем...

Вулкан вприпрыжку вернулся к забору. Нервно зевнул и сделал стойку.

— Вулкан, ты меня не цапнешь?

Всем своим восторженным видом пес показал, что на такое он не способен.

Отбиваясь от наседавшего Вулкана, Константин Тимофеевич прошел в глубь двора. В огороде был виден блеклый старушечий платок.

— Агриппина Васильевна!

Агриппина Васильевна, и так-то не отличавшаяся особой остротой слуха, была занята делом, а потому вообще ничего не слышала. Дело состояло в том, что, держа за ручку штыковую лопату, она широко размахивалась и лупцевала странный овощ.

Вглядевшись, Константин Тимофеевич напрягся. Овощ представлял из себя зеленый помидор диаметром около полуметра. Помидор этот был так реален в своей брызжущей соком упругости, что удивляться не хотелось.

Подойдя поближе, Константин Тимофеевич понял, что овощ был не помидор. Это была балаболка. Есть такие, на картошке растут. В детстве Волков очень любил насадить такую на прутик и... вжик! Эту тоже можно было вжик... Если вместо прутика взять оглоблю.

Хозяйка наконец заметила гостя.

— А-а-а... Костя! Когда приехал? Ваших нет? Дома-то был?.. На свадьбе твои.

Константин Тимофеевич не сводил глаз с балаболки.

— Пашка все,— махнула рукой старуха.— Опыты проводит, стервец.

— Кстати, где они, Агриппина Васильевна?

— А кто ж их знать? С того дня черти носят гдей-то. Он, да Тихон ваш, да сын учительки Левка.

— С того дня, говорите?

— Ну да... С того... Може, кваску с дороги выпьешь? Поедем у хату...

Она подтянула узел платка под подбородок и зашагала переваливаясь к дому.

— Я на масленку эту ихнюю грешу,— продолжала Агриппина Васильевна.— С ней она последнее время все занимались. Всю ночь проваландаются, а утром не добудишься куда послать.

— Что за масленка? — рассеянно спросил Константин Тимофеевич, глядя на большой лист очень грубого картона, приваленный к крыльцу. Картон был настолько груб, что из него торчали щепки. Через весь лист тянулась надпись, сделанная огромными синими буквами: МОР КАНАЛ.

— Кто ж ее знать... Може, нашли, може, сами изделали. Тут она стояла у их,— махнула Агриппина Васильевна в сторону сарая.— Ще косяк споганили, черти... Не проходила у ворота.

Старуха открыла дверь и оттуда, чуть не сбив хозяйку с ног, вылетело рыжее чудище. Не то кот, не то собака.

— А, п-пятная т-тя в нос! — напутствовала хозяйка диковинного зверя.— Лучше б на поросенка тот витамин извели... — сказала она и шагнула в сени. Оттуда послышалось бряцанье банок и ее ворчание. Константин Тимофеевич сел на ступени крыльца.

Рыжий котище величиной со взрослого дога, резвясь, прыгнул на забор, и забор повело. Посыпалась труха, затрещали доски.

Испуганный Вулкан, подвывая, забрался в конуру.

На крыльце появилась Агриппина Васильевна, неся большой ковш кваса и стеклянную масленку.

— О цэ...— протянула она масленку.— Только вот тут потолще,— указала она на выступающее основание масленки.— И вот этой нету,— потрогала она шишечку на куполе.— Большая только.

— И где же она?

— Та я ж говорю: нету! Ни масленки этой, ни их.

— А витамин, вы говорите... Что за витамин такой? Для поросенка, говорите...

— Та то б для поросенка! А то ж на кота извели! Куда же это годится? Он маленький ить. Третий месяц. А куда ж ему расти? Господи прости...— быстро перекрестилась Агриппина Васильевна.— С соседей конфуз, опять-таки...

Константин Тимофеевич пил квас и кивал.

— Бэ, говорит, триста шесть — витамин. Я уж у фершела спрашивала для поросенка. А он говорит, не витамин такой, а лак для пола.

Константин Тимофеевич поставил ковш на крыльцо.

— Где стояла масленка эта?

— Та я ж говорю: в сарае...— заторопилась Агриппина Васильевна. Ей не терпелось пролить свет на таинственные явления, окружающие ее в последнее время.

В сарае было сумрачно. Когда глаза привыкли к темноте, Константин Тимофеевич увидел верстак, заваленный инструментом, мотки провода на стенах. Возле верстака стоял станок, сооруженный ребятишками. В основу станка была положена старая дверь. У противоположной стены на ребре стоял большой металлический диск.

У Константина Тимофеевича екнуло сердце. По краям диска видны были колосья. В центре стояла полуметровая единица, а ниже было выбито: «копейка».

Волков поискал глазами, куда можно сесть. Надо было попытаться понять, что означает этот охвативший Грачевку гигантизм.

Взгляд его упал на стоящие вдоль стены модели. С поразительной точностью кем-то были воспроизведены: паровоз, бульдозер и около десятка грузовых автомобилей. Наклонившись, Волков попытался поднять паровоз. Но тендер, за который он взялся, оказался несоизмеримо тонок в сравнении с весом модели. Металл прогнулся под пальцами Константина Тимофеевича, оставляя на руках жирный слой копоти. Опустившись на колени, Волков понюхал паровозную трубу. Сомнений быть не могло: модель топили углем. Трактор источал запах солянки. В кабине его Волков разглядел рычаги с отполированными рукоятками. Единственная гусеница трактора была сильно изношена. Второй вообще не было на месте. Часть катков демонтирована. Еще не вполне веря себе, Константин Тимофеевич осмотрел, ощупал и обнюхал модели автомобилей.

Среди них не было ни одной новой. Собрано было старье с изношенными протекторами, следами вмятин на капотах и дверцах. У части автомобилей отсутствовали двигатели.

— Та-ак,— протянул Константин Тимофеевич.— Не только увеличивают, но и уменьшают.

— Что? — встрепелась стоящая у двери Агриппина Васильевна.

Волков не ответил и отправился к верстаку, на котором заметил листы бумаги.

На первом сверху было написано: «Глубиномер системы Павла Русакова». Ниже был чертеж, выполненный от руки. Глубиномер системы Павла Русакова представлял собой ручной динамометр с небольшим приспособлением в виде сменных штоков различного диаметра. Ниже были приведены расчеты и небольшой рисунок с пояснительными надписями. Принципа действия Волков понять не сумел. Непонятно было, что за купол имел в виду конструктор, сквозь который надо было вдавливать шток в воду.

Обобщающей была надпись: «Для Марианской впадины — диаметр штока — 1,3 мм». Здесь же в коробке лежал и сам динамометр, когда-то подаренный им Тихону. Рядом — набор штоков различного диаметра. Видимо, исследование глубины Мирового океана не ограничивалось одной только Марианской впадиной.

— Занятно...— сказал Константин Тимофеевич.

На втором чертеже была нарисована уже знакомая Волкову масленка. Надпись на чертеже была размыта жирным пятном. Константин Тимофеевич подошел к двери сарая, чтобы разобрать Пашкины каракули.

— Чертеж летающей тарелки! — бодро прочитал он. Смысл написанного никак не доходил до сознания Волкова. Первой его реакцией было желание пошутить: «Сплошная кухня! — хотел сказать он.— Тарелки, масленка, да еще лета...»

...Медленно, страшно медленно стронулась с места киноплёнка в сознании Волкова и пошла разматывать кадры... Отдаленные вспышки выхватывали из глубины подсознания то Пашкину руку и часы на потертом ремешке,— а часы эти — Пашкины, то смущенное лицо Тихона и его вопрос: «Дядь Кость... ты в летающие тарелки веришь?» — «На каком принципе они могут работать?» Что же еще? Что же еще?.. Что-то необыкновенно важное...

— Что? — хрипло спросила Агриппина Васильевна и, тряхнув пачкой «Беломора», вытащила папиросу.

— «МОР КАНАЛ», — отреагировало сознание. Но все-таки... Что же, что же? — Взгляд Волкова вернулся к чертежу...

Не было никаких тарелок, не было никаких масленок, а был чертеж Самообучающейся Плазменной Системы-2 — Агафона. Кварцевый вакуумированный колпак, размеры — миллиметр в миллиметр. Основание с системой сверхпроводящих катушек — проставлены размеры... Не хватает только грифа в верхнем уголке: «Сов. секретно».

Лента набрала скорость. Беспорядочные мелькания слились в один несущийся со страшной скоростью фильм: и Пашка, зависший в отчаянном прыжке над забором пустыря, и Левка, протиснувшийся в дыру забора. «Потенциальный наш пациент». Инициалы пэ рэ на рукоятке ножовки — у Пашки страсть оставлять инициалы. Значит, Гракович все же прав... Ай да Агафон! А я... старый осел... Какое к черту «отдохнуть!» Это же Агафон требовал, чтобы я поехал, разобрался во всем! Однако и возможности у этой машины: «Тут — невесомость»... И невесомость есть... «Клавиша «нуль-прокол». Батюшки мои... «Экран, который увеличивает», «Такие же клавиши у глобуса», «Облака движутся»... Стоп! Где сейчас они? А где сейчас она? Компенсаторы... Чертовы компенсаторы!..

— Телефон!!! Откуда можно позвонить, Агриппина Васильевна.

Вулкан очень хотел проводить гостя до ворот, но боялся Мурзика. Котенок сидел тут же. Им владели другие мысли. Он только что неплохо развлекался с собакой, которая по неизвестному праву проживала на его охотничьей территории. Теперь же предстояло найти, чем заняться дальше. Заняться следовало чем-то таким, что и честь бы коту составило, и существование скрасило. Внимание его привлекла пушинка, низко летящая над землей. Мурзик подобрался так, что по мышцам его пошел сладостный стон. Глаза котенка излучали такую энергию, что, существуя на деле телекинез, пушинка немедленно распалась бы на атомы.

Враг наконец достиг той точки пространства, где его следовало уничтожить. Рыжей пружиной Мурзик взлетел в воздух. От могучих ударов лап котенка во дворе поднялась пыль.

1

— Или мне кажется, или вправду похолодало? Тихона била дрожь.

— Вправду похолодало,— медленно проговорил Левка, глядя на покрытый испариной лоб друга.— Погода портится. Тайга-то, слышишь?

Шум леса, днем еле различимый, обратился в глухое рокотание. Порывы ветра поднимали на камне маленькие смерчки песка, каким-то чудом попавшего на вершину. Сначала нехотя, потом все быстрее и быстрее смерчки начинали кружиться, поднимались дрожащей змейкой вверх и приплясывали по шершавому камню. Ветер стихал, и маленькие смерчки рассыпались.

— Как чайники в стакане,— задумчиво сказал Левка.

— Да, сейчас бы чайку,— поддержал его Павел.— С булкой, какие бабка печет. И с маслом. Режешь булочку, а она еще горячая. Даже режется плохо. А потом масла туда — раз!.. Побольше.

— И с конфетами,— добавил, вставая, Лев.— Любишь «Гусиные шейки»?

— Лапки!

— Может, и лапки,— согласился Левка.

— Хватит вам,— пробурчал Тихон.— Нашли время.

Вершина горы была плоской и голой. Внизу потемневшая к вечеру тайга отливала густой темной зеленью. То тут, то там просвечивали желтоватые скалы, торчащие из зеленых еловых полушубков. К горизонту отдельные деревья и массивы сливались в сплошной ковер. Но самого главного — признаков цивилизации не было. Первым не выдержал вязкой тишины Тихон:

— Учеными были,— невнятно произнес он.— Нансенами, Амундсенами тоже были... Кто мы теперь?

«Теперь дураки,— хотел сказать Левка, но сдержался.— Или того хуже — преступники. Мало ли кому тарелка может попасть в руки...»

Левка не выдержал и принялся быстро расхаживать по каменному пятачку. Шаг — второй — покатым обрыв, еще два шага — камень, за которым укрылся от ветра Тихон, поворот, два шага — обрыв, еще два шага — крона корявая искривленной лиственницы, прилепившейся к склону, поворот...

Наверное, все, что случилось, не мучило бы Левку так сильно, оставаясь он таким, как раньше. Но последние две недели сделали ребят серьезнее и старше. Теперь Левке начало казаться, что совсем не случайно они так часто оказывались в «горячих точках». Грачевка выглядела эти дни, как островок благополучия и спокойствия в мире, живущем страшной и трудной жизнью...

— Что? — Левка остановился.

— Не мельтеши, говорю! Сядь... Сил нет на тебя смотреть.

— Тихон, ты думаешь, мы случайно оказывались в тех местах, где людям плохо?

Тихон долгим испытующим взглядом осмотрел Левку.

— Я имею в виду пожары, наводнения, сель, даже... Ну, ты понял?.. Тебе не кажется, что нас кто-то испытывал... спрашивал? А, Тихон? Ну что ты молчишь?

— Уймись. А то сейчас глаза у тебя такие, что смотреть страшно. Что касается ощущения такого...

Тихону было тяжело говорить. Он наклонил голову набок и прикрыл один глаз.

— ...то с этого все и началось. Меня спрашивали, Пашке предлагали, тебя вот испытывали, оказывается.

Он уселся на край базальтового выступа и, подбрав осколок у трещины, запустил камень вниз. Щелкая, камень отскакивал от выступов, пока не канул среди зеленых вершин.

«Все правильно,— думал Левка.— Видно, и вправду за все сделанное отвечать приходится. Стыд какой... И Тихон, похоже, так же думает. А Пашка что-то притих. Уснул, что ли?»

Словно почувствовав, что Левка думает о нем, лежавший ничком Пашка внезапно завозился и встал. Судя по тому, как напряжен был его взгляд, он и не думал спать.

— Я знаю, это я во всем виноват.— Голос у Пашки дрогнул. Он стоял, втянув голову в плечи, и глядел вниз, водя носком рваного кеда по белесому камню. Тихон и Левка смотрели на сиротливый грязный палец Пашкиной ноги, выглядывавший из кеда, словно именно этим пальцем Пашка начертит сию же минуту спасительный план.

— Потому что это я не хотел, чтобы рассказать...

Я тоже, конечно, знал, что надо, но... не мог... Потому что... Ну что вы смотрите на меня так?! — истерически крикнул он. — У меня же ничего, ничего в жизни не было! У вас хоть что-то... Книги, интересы какие-то... Левка вон врачом хочет стать. Она моя... тарелка. Сначала, когда мы залезли в нее, она твоя была, Тихон. Я чувствовал это. А потом она моя стала. Я разговаривал с ней...

Пашка неожиданно смешался и, не поднимая головы, отошел за камень.

— Все хороши, — тихо сказал Левка.

Шум тайги к вечеру стал сильнее. Повеяло прохладой.

2

— Эй, где вы там?! Скорее сюда!

Тихон и Левка переглянулись. А Пашка продолжал кричать:

— Ну скорее же, скорее!

Тихон рванулся вниз по склону. За ним, осторожно придерживаясь руками, стал спускаться Левка.

Пашка стоял на коленях над странным отверстием в скале. Казалось, кто-то аккуратно вырезал в ней круглое окошко. В глубине неширокого каменного колодца брезжил слабый свет.

Тихон попытался заглянуть в отверстие, но почувствовал какую-то преграду. Невидимая пленка подавалась под его усилиями, но ее сопротивление было весьма ощутимо.

— Помните, когда под тарелку залазили, так же было, — проговорил Левка, глядя на попытку друга.

— А ну-ка, — Павел отстранил Тихона и сунул руки в отверстие.

Ему показалось, что пальцы обтянула тонкая резиновая перчатка, и он быстро сжал их в кулак. Сопротивление усилилось, и Пашка надавил изо всех сил. Внезапно рука провалилась в отверстие по самое плечо.

— Точно, — удовлетворенно констатировал Русаков, — похоже на тот ободок, где давило. А дальше ничего нет.

— Попробуем спуститься? — Тихон не то спрашивал совета, не то предлагал.

Левка пожал плечами. Пашка довольно ухмыльнулся:

— Конечно, спустимся, чего тут на горе сидеть? Я первый.

— Нет,— Тихон внимательно оглядел Пашку.— Отверстие узкое. Лучше, если первым Левка попробует. Если что, мы его мигом вытащим. Ты как, Лев, не боишься?

— Нет,— отозвался Левка, хотя вид у него был не слишком бодрый.

— Веревки, жалко, нет,— тут же стал претворять идею в жизнь Павел.— Ну ничего, ремни свяжем. Должно хватить, там вроде неглубоко..

Пока Пашка связывал извлеченные из брюк ремни, Тихон поучал Левку:

— Ты, главное, не торопись,— говорил он,— оглядись, потом дальше спускайся. Если кого увидишь — сразу назад, а мы поможем. Ладно?

Левка молча кивнул.

— Не торопись, главное,— снова повторил Тихон. Ему очень хотелось сказать еще «и не бойся», но он опасался обидеть друга.

— Подожди, я тебя вокруг пояса обвяжу, так надежнее будет,— вмешался Пашка. Он изо всех сил потянул за ремень, потом критически осмотрел Левку и хлопнул по плечу: — Ну, давай.

Левка смело, как ему показалось, улыбнулся друзьям и сел, спустив ноги в отверстие. Оно и вправду было узковатое, но застрять худенький Левка не боялся. Пугало его совсем другое — неизвестность, которая ждала впереди. По привычке он зажмурил глаза, но тут же сообразил, что эдак ничего не увидит. А смотреть было на что.

Колодец действительно оказался неглубоким, метра три — три с половиной, не больше. Странное помещение, укрытое в толще скалы, было разгорожено как бы листом стекла. Меньшая часть — туда и попал Левка — абсолютно пуста. За стеклянным барьером виднелось кресло с зависшим над ним колпаком. Всю стену покрывали приборы. Откуда льется неприятный голубоватый свет, Левка не понял. Он посмотрел вверх. Встревоженные лица друзей виднелись в отверстие колодца.

— Ну что там? — быстро спросил Тихон.

— Похоже на лабораторию,— неуверенно отозвался Левка и, помолчав, пригласил: — Спускайтесь, тут никого нет.

— Давай ты.— Павел слегка подтолкнул Тихона

к колодцу.— Я подстрахую, а потом тоже спущусь. Ремень вон к той лесенке привяжу — и порядок.

— А выдержит она? — Тихон недоверчиво осмотрел облюбованное Пашкой бревно.

— Выдержит,— успокоил его Павел.— Помоги только поближе подтащить.

Вместе они подкатали бревно к отверстию.

— Слушай, оно же совсем трухлявое,— сказал Тихон.

— Зато толстое,— отозвался Пашка,— давай-давай, я знаю, что делаю.

Присоединившись к Левке, Тихон поднял голову. В отверстии уже мелькали подошвы Пашкиных кед. Вот они спустились ниже, еще... Вдруг что-то хрустнуло, и Пашка со сдавленным криком упал вниз. Подхватить его друзья не успели.

— Говорил же тебе! — Тихон бросился к сидящему на полу Пашке.— А ты: выдержит, выдержит!

— погоди,— Левка нагнулся к Русакову,— ты что, Паша?

— Нога что-то...— не то протянул, не то простонал Пашка.

— Покажи.

Тихон еще раз посмотрел вверх. Обломки проклятого бревна нелепо свисали, упираясь концами в силовое поле. Ремень соскользнул и валялся на полу, рядом с Пашкой.

— Плохо дело, Тиша,— распрямился Левка.— Вывих у него.

3

— И все же поверить в это невозможно.— Савельев покачал головой и еще раз повторил: — Невозможно.

— Я тоже не верил, но факты вещь упрямая.

Волков чувствовал страшную усталость. Потрясение от неожиданного открытия, сумасшедшая гонка на мотоцикле из Грачевки, да и в целом события последних дней давали себя знать.

— А факты...— Волков потер лицо ладонями,— свидетельствуют: Плазменная Самообучающая вышла на самостоятельные исследования. Почему объектом ее интереса стали подростки — можно только гадать. Может быть, это случайность, но скорее Агафон получил какую-то информацию о моем племяннике и его друзьях из моей памяти. Чем-то ребята его заинтересовали.

— Но почему летающая тарелка? Очень уж все это

фантастично... И почему, в конце концов, мальчишки, а не вы, не кто-то из вашей лаборатории?

— Агафон создал свою копию. Наверняка он пытался компенсировать отсутствие органов чувств. Похоже, контакт с ребятами он установил быстро. Какой же мальчишка откажется стать хозяином летающей тарелки? Ребята стали глазами и ушами Агафона. Благо предложить он им мог немало. Судя по тому только, что оставлено ребятами в чертежах... Реализованы принципы подпространственного перехода, субатомного монтажа, антигравитации. Я уже не говорю о телепатическом контакте. Ну а почему именно мальчишки... Может быть потому, что они любознательны, контактны. Конечно взрослый человек больше знает, но ведь он еще и строже, обязательнее. Да кроме того, Агафон тоже, если так можно выразиться, «растет». Почему не предположить, что на этапе создания тарелки он сам был подростком? Сначала по-детски капризничал — не хотел решать задачи, подросток — стал любопытен... Естественный процесс.

— Невероятно, просто невероятно.

Волков понимал Савельева. Он сам прошел тот же путь сомнений.

— Не исключено, что управление «тарелкой» — будем так называть ее для удобства, — фикция, — продолжал Константин Тимофеевич. — Агафон просто улавливает мысли и желания ребят. Думаю, что они сами, их внутренний мир, реакция на происходящее интересуют Агафона прежде всего.

— Попросту говоря, машина всерьез занялась изучением людей, — проговорил Савельев, и Волков понял, что его доводы если не убедили академика, то заставили засомневаться.

— Агафон — не машина. Вернее, уже не машина... И я не знаю, радоваться этому или пугаться. — Волков посмотрел на директора института: — Мы создали чертовски умное и могущественное существо. Причем, существо это не только изучает человека, но и считает себя вправе кое-что человеку порекомендовать.

— Вы хотите сказать, что Агафон подчинил ребят своей воле?

— Не похоже, — Волков говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Вмешательство его проявляется неназойливо. Думаю, он вполне мог бы не позволить нам установить компенсаторы. Но по какой-то причине не стал применять силу. Старался объяснить.

Гракович что-то почувствовал, но до конца понять не мог, тогда Агафон отправил меня в Грачевку. У меня такое ощущение, что он очень осторожно пытается установить с людьми контакт, причем делает это так, чтобы не испугать, не оттолкнуть нас, словно составил себе мнение о том, каким должен быть человек и... В общем, его реакция во многом зависит от личности, с которой он контактирует.

— Чему же он научился у мальчишек? — Академик покачал головой.

— Я бы тоже хотел это узнать. Как и то, чему мальчишки научились у Агафона. Влияние-то было обоюдным...

Замурлыкал селектор на столе директора. По тому, как поспешно сделал Савельев эти несколько шагов до стола, Волкову понятно стало, с каким напряжением академик ждал звонка от группы, снимающей компенсаторы.

Но звонил не Гракович. Кивая, Савельев односложно отвечал:

— Да. Да... Спасибо. Разберемся... Спасибо... Немедленно... Конечно...

Положив трубку, Савельев посмотрел на Волкова:

— С городской подстанции звонили... Хотя вы, мол, и на особом положении, но без света полгорода из-за вас сидеть не может... А у нас и у самих... — Он посмотрел на хрусталь люстры, в котором уже несколько минут подслеповато перемигивались лампы.

И вновь время, предоставившее передышку, брало реванш.

Прежде чем Волков вскочил с кресла, мигнул и погас свет. Захлопали двери. Кто-то уже бежал по коридору. На улице кричали. Запрыгали лучи фонарей. Волков скатился по лестнице на второй этаж. Савельев почему-то оказался впереди, когда они оба ввалились в лабораторию и увидели в зеленом зареве телемонитора лицо Кирилла с вытаращенными глазами:

— Сорвал! Сам сорвал компенсаторы!

Развернувшись, Волков бросился в коридор. В тамбуре ему сунули в руку фонарь. Через мгновение, они с Савельевым уже бежали по саду к «резиденции».

— Как вступить с ним в контакт, Костя?

— Через «сушилку». А ведь компенсаторы он из-за мальчишек сорвал! Так что на вопрос, чему он научился у них, один ответ есть. Дружбе — наверняка!

У самого входа в резиденцию, на тележке с кис-

лородным баллоном сидел Гракович. Игорь бинтовал ему руку. Сеня возился около дверей. Впрочем, слово «двери» было в данном случае условностью. Фонарик Волкова пробежал по контуру того, что раньше называлось дверью. Бронеплиты и стальная рама косяка составляли единое целое.

Входа в «резиденцию» больше не существовало. А в окне лаборатории маячил белый халат Кирилла, и то, что кричал Быстров, было настолько невероятно, что Волков не поверил ему:

— Исчез! Агафон исчез!!!

4

Трое измученных мальчишек сидели, привалившись к стене непонятного помещения. Пашка вытянул распухшую в лодыжке ногу и упорно молчал: то ли дремал, то ли обдумывал ситуацию, в которой они оказались. В странном голубоватом свете, льющемся неизвестно откуда, лицо его казалось осунувшимся, похудевшим. Тихон и Левка негромко переговаривались.

— Дождемся утра и надо отсюда выбираться. Без продуктов пропадем,— Тихон помолчал, потом спросил.— Как думаешь, вправили мы Пашке ногу?

Левка виновато развел руками:

— Не знаю, Тиш... Но все равно, пока не ходок он...

— Да, это ясно. Тем более нужно выбираться. Кто знает, когда здесь люди появятся. Попробуем вылезти через колодец. Если на плечи тебе встать, должен дотянуться. Удержишь?

— Удержу,— обреченно согласился Левка.

— Ну вот, может, ягод наберу или птицу какую подобью. Жалко, что огня нет. И до приборов этих чертовых не добраться.— Тихон с досадой посмотрел на стекло, разгораживающее странную пещеру.— Куда это мы попали, никак не могу понять.

Левка пожал плечами:

— Я тоже не пойму. Может, что-то с космосом связанное, может, еще что... Понимаешь, учительница рассказывала, что сверхточные часы и всякие эталонные меры в специальные шахты помещают.

— Похоже,— согласился Тихон.— Хоть бы знать, где Грачевка...

— Должна где-то недалеко быть,— неуверенно проговорил Лев.— Пашка глобус успел навести, я видел.

— Не слышал я что-то, чтобы у нас такие леса были,— с сомнением покачал головой Тихон.

— Может, на север области проскочили? — предположил Левка. — Там уже тайга, болота.

— Может быть...

Пашка молча слушал разговоры друзей. Плохо ему было. Чертовски болела нога — не умел Левка вправлять вывихи, и Тихон тоже не умел. Да не в ноге дело. Скверно было на душе. Ведь из-за него, из-за упрямства Пашкиного, попали они в эту страшную переделку. И так, положение хуже некуда, а тут еще его нога. И отвечать за собственную глупость не только ему, дураку, а и Тихону с Левкой.

— Боюсь я, — негромко сказал Лев.

— Не бойся, — грубовато отозвался Тихон.

— Да нет, ты не понял. Я не за нас боюсь, — поправился Левка, — хотя, если честно, страшно, конечно... Я о тарелке. Если она кому-то в руки попадет... Ну, ты понимаешь?

— Да, — Тихон не выдержал и поднялся. — Бомбу в увеличитель, например...

— И бомбы не нужно. Пашка кисточкой цепь за пару секунд в океан смел. Сорок тонн. Подняться выше, да этой кисточкой по городу... — Левка передернулся.

— Неужели у нее энергии и на это хватит? А, Лев?.. Откуда у нее такая энергия?

Левка пожал плечами.

— Энергии в мире достаточно. Куда важнее инициатива.

— Чего? — не понял Тихон.

— Ну, вот на курок нажать — много силы надо? Вот и тарелки: вся энергия, которую она затрачивает, это энергия спускового крючка. А вместо пороха... Да мало ли что? Может, она Землю охлаждает.

Пашка скрипнул зубами. Друзья повернулись к нему.

— Ты что, Паш? — обеспокоенно спросил Левка. — Больно?

Пашка молчал.

5

Яркий свет под потолком вспыхнул неожиданно. Ожили экраны приборов, заструились по ним светящиеся змейки графиков, замелькали цифры, понеслись отсюда-то приглушенные щелчки и веселое гудение.

Тихон и Левка вскочили на ноги, испуганно закру-

тили головами. Пашка замер. Странное, неожиданное ощущение появилось у него. Словно кто-то большой и сильный положил на плечо ласковую руку. Отец или друг. Так чувствовал себя Пашка в тарелке, когда был с ней один на один... И боль в ноге стала ровной, спокойной и вдруг начала слабеть, утихать. Неуверенно держась за стену, Пашка поднялся. Это новое чудо отвлекло друзей от происходящего.

— Ты что делаешь?! — всполошился Левка. — Сядь немедленно!

— Да она не болит... — растерянно протянул Павел.

— Как не болит? У тебя же вывих! Я что, по-твоему, совсем ничего не соображаю!

Поначалу Тихон не понял, почему на лице Пашки появилось выражение какой-то сумасшедшей радости. Глаза его смотрели мимо друзей, за их спины...

Тихон обернулся. На темном каменном полу, поблескивая куполом, стояла тарелка.

6

Тяжелая тишина висела в помещении лаборатории аналоговых систем. Гракович затягивался сигаретой, глядя куда-то в черноту окна. Волков и не подозревал, что старший инженер курит. Игорь, обхватив голову руками, тупо рассматривал какой-то смятый график. Через плечо его заглядывал Кирилл. Сеня растерянно переводил взгляд с экрана, неопровержимо доказывающего, что Агафон исчез неизвестно куда, на Волкова и обратно.

— Так, — наконец заговорил Савельев. — Вот вам, Константин Тимофеевич, и ответ на все вопросы. Не поверил Агафон людям... Да и как поверить, если компенсаторы ему как удавка на шее... А вот куда он девался? В какое-нибудь четвертое измерение скрылся, в иной временной срез, или умудрился где-нибудь убежище себе отстроить?

— Фантастика, — обронил Гракович.

— А это не фантастика?! — Савельев показал на светящийся ровным светом экран. — Где искать ребят? И как, черт возьми, поведет себя Агафон? Будет просто наблюдать, поглядывать за человечеством или предпримет какие-то шаги? Какие? Срочно обдумайте, чему он мог научиться у вас. Подчеркиваю — не из учебников, а у вас лично. И что он перенял у мальчишек... — Савельев посмотрел на Волкова: — С чего будем на-

чинать, Константин Тимофеевич? Как понять и найти ваше,— академик замялся, словно подбирал слова, и наконец закончил фразу,— ваше детище?

— Прежде всего нужно проникнуть в резиденцию,— устало ответил Волков. Две мысли бились в его голове: «Мальчишки! Где теперь мальчишки!? Что с ними?», и вторая почему-то: «Джинн, выпущенный из бутылки»...

— Хорошо...— договорить Савельев не успел.

Мигнув, погасла лампочка под потолком, а через мгновение вспыхнула так ослепительно ярко, что Волков зажмурился. И тут же Гракович, издав какой-то странный горловой звук, протянул руку в сторону экрана. Волков обернулся: там привычно подергивался, словно заячий хвостик, конец плазменного шнура.

— Вернулся...— удивленно и растерянно проговорил Вынер.

Волков так и не мог вспомнить потом, как они очутились на улице. В лаборатории остался один Кирилл. Он и крикнул, перегнувшись через подоконник:

— Берет как обычно!

— Похоже, успел сделать то, что хотел,— проговорил Гракович.— Вот только что?

Странный силуэт проплыл над забором, проскользнул под ветвями деревьев, примял траву. Из-под блестящего купола высунулась всклокоченная голова Тихона, следом появился Левка. Выскочил Павел. Все трое настороженно смотрели на замерших сотрудников лаборатории аналоговых систем.

Первым опомнился Константин Тимофеевич. Раскинув руки, он шагнул навстречу ребятам. После секундной задержки, они бросились к нему, заговорили наперебой о странной лаборатории в тайге, удивительном исцелении Пашкиной ноги, о том, что вот она — их тарелка, что умная она — сама нашла и доставила их сюда, и что теперь самое главное, узнать кто сделал такую тарелку... Кто?

Волков, обнимая всех троих, не увидел даже, а почувствовал, как вспыхнуло на миг холодное голубое пламя вокруг бронеплит и с мягким шелестом они разошлись в стороны.

— Вы спрашиваете, кто? — улыбнулся Волков.— А вот... Он нас в гости приглашает...

I

У Вихря, мозжили суставы, он чувствовал приближение холодов, но страха не было. Вихрь знал, что ему уже не придется, как прошлой осенью, плестись обратно в фабричную конюшню. У него появился Хозяин, появилась стоящая правильная работа.

Когда-то давно Вихрь делал эту стоящую работу, и люди его уважали. А на фабрике Вихря угнетали насмешки над его единственной лошадиной силой, ничтожной по нынешним временам, когда в мотоцикле и то сидят тридцать семь лошадей. Вихрь вовсе не был так туп и нечувствителен к словам, как полагали завзятые остряки.

Вовсе плохо стало Вихрю, когда умер старый конюх дядя Егор. Конюхи менялись часто, и среди них уже не встречались добрые, знающие свое дело. От каждого оставались у Вихря памятные рубцы. И били-то зазря. Он никогда не ленился в упряжи. Он работал всю жизнь и хранил верность правилам, которые исстари сложились у рабочих лошадей и были известны опытным людям. Если рабочая лошадь замедляет шаг, опытный человек ее не хлестнет, он знает, что лошадь сама умеет раскладывать силы — где расслабиться, где подналечь. А Вихря хлестали, не уважая ни его стариковский для лошади возраст, ни трудовой стаж. Он постоянно чувствовал себя униженным. Не стало выездов в город, которые Вихрь любил. «Вот еще! Буду я срамиться! — раскричалась женщина в белом засаленном халате. — Хотят, чтобы я привезла ящик макарон, пускай дают машину!» Конюх погнал Вихря обратно в конюшню, ругаясь, стал распрягать. Новый конюх всегда ругался, запрягая или распрягая лошадей. Он не умел обращаться с упряжью, с уздечками, хомутами, гужами, оглоблями, седелками и чересседельниками, а винил всегда

лошадей, ругался и бил кулаком по глазам. Вихрь пугался, шарахался, упряжь сваливалась — и мучение начиналось сызнова.

Прошлой весной на майские праздники конюх три дня не проводывал лошадей. Голодные лошади понуро терпели, стоя в конюшне. Фабричный двор их не манил. Чего они там не видали? Вытопанной догола земли, черных масляных луж? Вихрь вышел и побрел вдоль забора, пощипывая пробившуюся кое-где хилую травку. Возле конных ворот он остановился. Может быть, отворятся?

Иногда по ночам Вихрь просыпался от слабого скрипа этих ворот. В конюшню вбегали торопливые люди, светили фонариками, в глазах лошадей загорался синий и красный огонь. Люди ловко накидывали уздечки, выводили лошадей за ворота.

Вихрь полюбил ночные прогулки по городу, потому что днем ему все больше приходилось стоять без дела в конюшне. Прогулки всегда заканчивались за городом, в лесу. Лошадей кормили овсом, и Вихрь уводил свой табун обратно в конюшню.

В тот майский день ворота так и не отворились. Вихрь побрел вдоль забора, стало темнеть, ворота в город стояли открытыми, Вихрь оказался на улице и заворуженно двинулся тем путем, каким ездили ночные всадники, — в зеленый свободный мир.

В конюшню он не вернулся, остался в лесу, облюбовал укромные поляны с сочной травой и повел вольную жизнь, держась в стороне от лосиных троп и не подпуская близко людей.

А потом пришла осень. Вихрю стало страшно в почернелом безлистом сквозном лесу. Он уныло поплелся обратно в конюшню.

Конюх избил его стальным прутom и больше не называл Вихрем, только по-ругательному Тунеядцем, держал впроголодь и, выпивши, кричал, что сдаст на мясокомбинат.

Следующей весной Вихрь снова ушел в бега. Теперь он инстинктивно брел в ту сторону, где родился и рос, где его впервые запрягли и стали приучать к работе. Как и в прошлом году, Вихрь обходил стороной лосиные тропы и не подпускал к себе людей. Но одному он почему-то доверился, позволил накинуть уздечку. Вихрю почудилось, что когда-то раньше он знал этого человека. А может быть, и нет. Просто от человека пахло землей

и работой. Вихрь послушно пошел за ним, и человек привел его в деревню. Собрались женщины, жалели Вихря, принесли ему ведро болтушки из муки и мелко нарезанной моркови. Человека они называли не по имени, а Хозяин, очень уважительно.

Вихрь с удовольствием поел болтушки, напомнившей ему давние годы, деревню, где он родился и рос. Там его тоже кормили болтушкой, и на фабрике дядя Егор, а после смерти дяди Егора — никогда.

Вихрь ел и чутко шевелил ушами. Женщины жаловались Хозяину на пастуха Жижина. Вовсе разнаглед! Плати ему десятку за вспашку огорода. А где ее, десятку, взять? И спрашивали Хозяина с опаской:

— Тебе не попадет? Лошадь-то чужая. Хватятся.

— Не хватятся! — уверенно говорил Хозяин.

На ночь Вихря заперли в коровнике. Рядом в загородке стояла коза. Наверх забрались куры с петухом, они долго возились на нашесте, бормотали, хлопали крыльями и наконец затихли. Вихрь тоже задремал. На воле ему делалось по ночам бесприютно. Он пугался скрипа деревьев, крика ночных птиц, даже мышиного писка. А тут, просыпаясь время от времени по стариковской своей привычке, он слышал рядом спящих кур, козу, втягивал ноздрями домашние запахи коровника и все больше надеялся, что теперь все будет правильно и справедливо.

На рассвете Вихря разбудил хриплый крик петуха. Пришел Хозяин с охапкой только что накошенной росистой травы. Он выстриг у Вихря шерсть вокруг болячек, чем-то помазал. Вихрь почувствовал, что постоянный мучительный зуд исчез.

Несколько дней Вихря держали взаперти, Хозяин приходил и мазал его пахучей мазью, женщины кормили болтушкой, в которую они стали понемножку класть запаренный овес. И наконец наступил день, когда Хозяин вывел Вихря во двор, густо заросший травой. Вихрь увидел на траве знакомый предмет и тоненько заржал. Женщины радостно загомонили:

— Плуг узнал, плуг! Лошади, они умные.

Хозяин похлопал Вихря по спине:

— Умешь пахать? А я нет.

Он стал запрягать, и Вихрь шарахнулся от поднятой руки.

— Ты что? Ты не бойся.

Хозяин обнял Вихря за шею, а женщины запричитали.

ли и стали объяснять Хозяину, что у пьяниц и дураков лошади завсегда пугливые.

— Ничего, пройдет.— Хозяин крепче обнял Вихря и дал знак женщинам, чтобы надели хомут.

Вихрь мелко дрожал, но больше не шарахался.

За плугом сначала шла одна из женщин. Вихрь чувствовал, что она держит плуг умело, но слабо. Потом за плуг взялся Хозяин. Он оказался понятливым. Да и Вихрь ему подсказывал, что следует делать человеку, идущему за плугом. Хозяин с непривычки быстро уставал, садился на землю. Вихрь отдыхал, стоя в борозде. Он тоже быстро уставал, пахать землю — трудная работа и для человека и для лошади, но нет работы главнее и важнее, чем пахать. Пока они управились с тремя огородами, Вихрь натер шею, у Хозяина руки покрылись кровавыми мозолями. С перевязанными руками Хозяин сидел за праздничным столом, накрытым по случаю завершения весенне-полевых работ. Стол вынесли во двор, на травку. Вихрь с марлевой нашлепкой на стертом месте встал неподалеку, и его тоже угостили пирогом. Женщины усердно потчевали Хозяина и вздыхали:

— Что бы мы делали-то без тебя! Без мужских рук!

Хозяин не жил постоянно в деревне. Бывал наездами. Он сразу принимался за работу. Чинил ветхую упряжь или брал косу и шел косить. Старый коровник он перестроил в конюшню для Вихря. Однажды он повел Вихря через деревню на чужой заброшенный двор, выкатил из сарая телегу, запряг Вихря. Пока доехали до своего двора, телега потеряла два колеса. Хозяин долго возился с ней, ремонтировал, мазал колесной мазью. Телега вышла хоть куда. Женщины нарядились в праздничные платья, уселись в кузов, и Вихрь повез их по мягкой лесной дороге. Хозяин его не стегал, только почмокивал. Женщины тонко затянули песню про горькую рябину. Песня напомнила Вихрю давние годы, когда он, бывало, летом вез с поля телегу, наваленную доверху косами и граблями, а сзади шли и пели женщины. Не три, а много женщин, очень много.

Вихрь ходко трусил по лесной дороге, пока не понял, что она ведет в город. Ему сделалось тоскливо, и он поплелся еле-еле, а потом и вовсе остановился. Где-то совсем близко, за кустами, шумело шоссе, сквозь кусты проникали запахи машин и асфальта.

— Приехали,— сказал Хозяин.— Ну и конь, все-то он знает! Правильно, тебе в город не надо.

Женщины слезли с телеги и пошли в сторону шоссе. Вихрь повез Хозяина обратно в деревню. К вечеру Вихрь весело бежал знакомой дорогой, чтобы встретить нагостившихся в городе женщин.

Вихрю стало представляться, что, вернувшись к работе, какую он делал в молодые годы, можно воротить и молодость, и свои прежние силы. Но начинало к непогоде мозжить суставы, и он понимал, что годы не возвращаются. Меж тем Вихря теперь не каждый бы узнал, кто его видел прежде. Из тощего одра он превратился в ухоженного и справного коня. Видно, что старый, ну и пусть. Зато выносливый и работающий. Вихрь и внутренне переменялся, к нему вернулось прежнее самоуважение. В деревню он бежал той особой трусцой, какой лошадь бежит к дому. Хозяин разрешил женщинам отпускать Вихря одного попасть в лесу, и Вихрь к вечеру являлся точно по часам. Работы стало немного, только съездить с Хозяином куда-нибудь неподалеку за сеном. Хозяин накосил столько, что Вихрь мог быть спокоен: хватит до новой травы. Но в жизни так не бывает, что подряд только удачи и радости. Когда-нибудь приходит и беда. В одну из ездов за сеном Вихрь потерял подкову с правой задней ноги. Хозяин загоревал. Что теперь делать? Где найти кузнеца?

Несколько дней Хозяин пропадал неизвестно где, потом явился, сел на Вихря верхом без седла, и они двинулись по незнакомой дороге. Здесь давно никто не проезжал — ни верхом, ни на телеге, трава поднялась Вихрю по брюхо. Ехали долго, наконец открылась лесная поляна и на ней избы. Вихря охватила непонятная тревога, он вытянул шею и громко, во всю мочь, заржал.

— Что это он? — спросил Хозяина старичок, вышедший на крыльцо крайней избы.

— Не знаю.— Хозяин спрыгнул, взял Вихря под уздцы.— Первый раз слышу, чтобы он так кричал.— Хозяин достал из кармана кусок посоленного хлеба, дал Вихрю.— Ну, ну, дурачок...— Ласковая рука коснулась морды Вихря.— Чего испугался?

Вихрь сжевал хлеб и опять заржал, но уже не громко, а слабо. Он узнал деревню, где родился и рос.

Старик и Хозяин повели его к стоявшему на отшибе закопченному дому. Вихрь узнал по запаху кузницу. Старик отпер дверь, разжег огонь, до Вихря донесся

жар раскаленного докрасна железа. Хозяин завел его в станок, Вихрь приготовился вытерпеть неизбежную боль. Она оказалась не такой острой и не такой долгой, как он ожидал. Старик знал свое дело лучше, чем кузнец, к которому Вихря водили в городе.

Кончив работу, старик ласково погладил Вихря.

— У нас когда-то был такой конь. Малость посветлее. И звездочка на лбу. А грива ну точь-в-точь. Рыжко его звали.

— И Вихрь был посветлее,— сказал Хозяин.— И звездочка у него была.

— Так, так...— Старик потрепал Вихря по холке.— Понятно.

Вихря повели к дому старика. Старик отпер дверь сарая, скрылся в темной глубине, что-то там ронял, ворочал, потом стал выносить из сарая всякую всячину. Седло, хомут, расписную дугу, стопку пожелтелых брошюр, войлоки...

— Спасибо, не надо,— отговаривался Хозяин.

— Бери! — кричал старик.— Зазря сгниет! — Он выкатил напоследок расписную легкую телегу, помог Хозяину запрячь в нее Вихря.— Бери, бери! И доставь мне, милоч, удовольствие, дозвожь напоить твоего коня. Может, в жизни больше не придется!

Старик принес полное ведро. Вихрь узнал давний радостный вкус хрустальной ключевой воды, вытянул ведро до дна, благодарственно фыркнул нозрями в светлых капельках.

— На здоровье! — вскричал старик.— Носи мою подкову и не спотыкайся!.. А ты,— старик повернулся к Хозяину,— там в брошюрах все есть, учись, будешь сам ковать. И не забудь, тридцать первого августа день Флора и Лавра, твоего коня законный праздник. Так и зовется — день Флора-распрягальника, Флор да Лавер до рабочей лошади добер... Запомнишь? Тридцать первое.

— Не забуду. Спасибо дедушка! — Хозяин поклонился старику и взялся за вожжи.

II

Прошел без малого год после истории с «человеком-невидимкой» Гореловым и разоблачения Анатолия Яковлевича Мишакова.

Фомин теперь работал в отделе уголовного розыска.

Володя Киселев стал директором музея, а Ольга Порфирьевна ушла на пенсию. Фомин очень надеялся, что, заняв солидную должность, Кисель перестанет изображать из себя частного детектива. И Валентина Петровна тоже считала, что Володе пора сделаться солидной. На свадьбе Валентины Петровны и Фомина он был дружкой жениха и произнес множество тостов с цитатами в стихах и прозе.

Жаркое сухое лето завершалось благодатными грибными дождями. По субботам весь Путятин устремлялся в окрестные леса. Фомин уговорился со старшим братом Виктором махнуть на машине куда-нибудь подальше, за Нелюшку, в сосновые боры. Однако вместо поездки по грибы он в субботу с утра оказался в горотделе. Накануне вечером какие-то подростки угнали лошадей из фабричной конюшни. Обычно угонщиками лошадей — в милиции их называли лошадиниками — занималась инспекция по делам несовершеннолетних. Но на этот раз подростки совершили нападение на конюха и унесли ружье. Такими вещами занимается уголовный розыск.

Начальник горотдела Петр Петрович Налетов имел обыкновение высказываться кратко и энергично:

— Суббота. В лесу люди. Как можно скорее найти лошадиников. И главное, ружье.

— Отберем.— Фомину розыск показался несложным. Мальчишки. Никуда не денутся. Лишь бы не перестреляли друг друга.

Дежурный по отделу успел с утра пораньше передать сельским участковым инспекторам приметы угнанных лошадей и предупредить, что подростки, пока неизвестные, вооружены охотничьей «ижевкой». Фомин знал, что по деревням у людей свои давние счета с угонщиками. Если кто-то их заметит и сообщит участковому, в добровольцах недостатка не будет, задержат и ружье отберут.

«Но для этого, конечно, нужно, чтобы заметили», — размышлял он, спускаясь по лестнице во двор и направляясь в одноэтажный деревянный флигель, где помещалась инспекция по делам несовершеннолетних.

В первой комнате флигеля с картинками на стенах, детскими книжками на полках и игрушками на ковре Фомин увидел двоих мальчишек лет семи. Вид самый запущенный, лица унылые и озлобленные, на столе — раскрытые тетрадки в косую линейку. Инспектор Нина Васильевна Вороханова стоит за спиной одного из маль-

чишек и выводит в его тетрадке шариковой ручкой «ма-ма».

— Готовимся к первому сентября.

Нина Васильевна вывела «ма-ма» во второй тетрадке и пригласила Фомина в комнату, служившую ей кабинетом, затем вернулась, заперла на ключ входную дверь, погрозила ключом еще более приунывшим мальчишкам:

— Никуда не уйдете, пока я сама вас не отпущу! — Она плотно притворила за собой дверь кабинета и пояснила Фомину: — Все другие дети придут в первый класс, умея писать и считать. А у этих родители... — Она печально помолчала. — Вот готовлю их к школе. Получается, что некому, кроме милиции, научить писать «мама»...

— По-моему, ты, Нина, занимаешься не своим прямым делом. — Фомин держался с ней, как опытный сотрудник с новичком. Вороханова только год работала инспектором по делам несовершеннолетних, а до этого была пионервожатой. — Твое дело, Нина, борьба с детской преступностью, главным образом предупреждение...

— Вот я и предупреждаю! — Нина Васильевна полезла в ящик письменного стола, достала связку самодельных уздечек из веревок и проволоки. — Потому что многие беды с ребятами начинаются с того, что они плохо подготовлены к школе и сразу попадают в разряд тупарей, умственно недоразвитых. — Она взяла с этажерки и поставила перед Фоминым узкий ящик с картотекой. — А потом их начинают выгонять на уроках из класса. И никто не обременяет себя беспокойством, куда пойдет выгнанный ученик. А он, например, может пойти в раздевалку и там пошарить по карманам чужих пальто. Они тут у меня пишут откровенные признания, как стали на преступный путь. И довольно часто приходится читать, что человека выгнали из класса, он пошел болтаться по школе, заглянул в раздевалку или в пустой кабинет... Я бы навсегда запретила выгонять учеников из класса! — С этими словами Нина Васильевна вытащила из-за шкафа ружье, похожее на настоящее, с отполированной ложей и вороненым стволом.

Фомин взял у нее ружье.

— Да уж... Ты бы, наоборот, запирала своих учеников на ключ. Как этих... — Он кивнул в сторону комнаты, где двое томились над тетрадками, и принялся разглядывать ружье, или, вернее, поджигушку, самопал. —

Смотри-ка, растем технически. Даже подворонили ствол. Чья работа?

— Одного апача.

— Чья? Как ты сказала?

— Есть такая компания лошадиников. Они себя называют апачами.— Нина Васильевна подошла к висющей на стене самодельной карте Путятина, указала на правый верхний угол.— Апачи живут вот здесь, в Двудворицах. Фабричная конюшня у них под боком. И она считается их зоной действия.

— Что, что? — Фомин отложил опасную самodelку и уставился на карту.— Какая зона? Кто ее отвел?

— Коля, я тебе сейчас все объясню! — Нина Васильевна вооружилась школьной указкой.— Только ты не перебивай, я по порядку. У нас в Путятине действуют четыре компании лошадиников. У каждой своя зона, другие лошадиники туда не суются... Ну разве только Супа со своими может залезть на чужую территорию.

— Супа? А это кто такой?

— Коля, я же просила, не перебивай! Сейчас все поймешь. Компании лошадиников объединились по месту жительства.— Она, как на уроке, объясняла и водила указкой по карте.— Про апачей ты уже знаешь, они живут в Двудворицах. В Крутышке своя компания. Еще одна вот здесь, в Париже. Четвертая — в микрорайоне. Теперь смотри, какие у них зоны действия. Значит, апачи угоняют лошадей из фабричной конюшни. Крутышка ходит в деревни за железную дорогу. Париж — в совхоз, там есть небольшие конюшни на отделениях. Зона лошадиников из микрорайона — по Нелюшкинскому шоссе.

— Полный порядок! — скептически заметил Фомин.— Учет у тебя налажен. Значит, на конюха совершили нападение апачи?

Нина Васильевна положила указку, села за свой стол.

— Нет, Коля, не они. Как хочешь, но на апачей не похоже. Они не могли напасть на сторожа. Апачи никогда не хулиганят, не загоняют лошадей, не рвут им губы проволокой, не бросают привязанными без воды и без корма.

Слушая ее горячую речь в защиту апачей, Фомин пришел к выводу, что Нина Васильевна, пожалуй, слишком доверчива и мягкосердечна. Ведь сама только что выложила такой факт, дающий основания подозре-

вать апачей. Надо будет ей показать на простом примере, насколько у нее не сходятся концы с концами.

— Погоди, Нина, — перебил он. — Я тебе верю, что апачи не мучают лошадей. Но у одного из них ты отобрала самодельное огнестрельное оружие, из которого вполне можно с умыслом или без умысла убить человека. — Фомин повел рукой в сторону самопала. — Ты согласна, что это не детская игрушка, а оружие?

Она кивнула:

— Согласна.

— Тогда будем рассуждать последовательно. Сначала он сделал самопал, а потом совершил нападение на сторожа, чтобы завладеть настоящим ружьем. Так? — Фомин был уверен, что Нина Васильевна опять согласится с его доводами, но она молчала. — Кстати, у кого ты отобрала самопал? — Он вытащил из кармана свою разбухшую записную книжку. — Имя, фамилия, адрес?

— Витя Жигалов, ребята его зовут Чибя, улица Пушкина, дом двадцать. Но только я у него самопал не отбирала. Пожалуйста, запиши, Витя Жигалов принес свой самопал добровольно. Я с ним побеседовала, и он сразу принес. Ему вовсе не интересно стрелять, он любит мастерить. Обрати внимание на ствол, из самопала никогда не стреляли.

Фомин тщательно обследовал стальную вороненую трубку, запаянную с одного конца, поколупал ногтем возле просверленного в трубке отверстия для засыпки пороха. Из самопала действительно ни разу не выстрелили. Для чего тогда было мастерить, да еще отделывать, воронить, как настоящее ружье?

— Для красоты. Представь себе всадника в лунном освещении. Куда эффектней, если за плечами блеснет ствол ружья. У хулиганов — другой вкус. У них обрезы. Припрятанные под куртками.

— Н-да... — протянул Фомин. — А как ты думаешь, ружье конюха годится для красоты?

Он придвинул к себе картотеку и стал переписывать фамилии, имена и адреса лошадиников из Двудвориц, так называемых апачей, с Костей Мусиным во главе, он же Костя-Джигит... Нина Васильевна продолжала с непонятным Фомину упрямством защищать эту компанию лошадиников. По ее мнению, напасть на конюха могли лошадиники из микрорайона. Они отличаются особой жестокостью к лошадям. В деревнях их ненавидят, но одинокие старухи из страха пускают в избы переночевать. Зимой, когда холодно. Главный у лошади-

ников микрорайона Супа, Алексей Супрунов, недавно приехавший в Путятин. Супа связан с Бесом, Александром Безиным. Фактически компанией из микрорайона управляет Безин, а для вида — Супа. Если нападение на конюха совершили подростки из микрорайона, от них можно ожидать, что из «ижевки» сделают обрез.

— Понятно... — Фомин помрачнел. — Но я все-таки начну с апачей, как ты их называешь. А ты тем временем поспрошай лошадиников из других компаний, прощупай, что им известно о вчерашнем угоне. И никому не говори про ружье. Они не должны знать, что мы ищем оружие. Спрашивай только про лошадей.

Старинное из красного кирпича здание конюшни находилось в дальнем углу фабричной территории, там имелись свои конные ворота, выходившие к реке. В давние времена фабрика держала до полусотни рабочих лошадей и еще выездных, для экипажей. Сейчас, по сведениям, полученным Фоминым, на балансе числилось семь лошадей, их использовали только для перевозок между цехами.

А в ту пору, когда Фомин бегал к конюху дяде Егору за овсом для голубей, на фабричных лошадях еще ездили по городу и на станцию за мелким грузом. Зимой, в школьные каникулы, дядя Егор обвешивал тройку лошадей лентами и бубенцами, застилал сани ковром из директорского кабинета и катал по городу визжащих от радости детишек.

Идучи фабричным двором, Фомин вспоминал, каких трудов ему стоило завоевать расположение дяди Егора. Прибежишь к нему, подождешь, поюлишь — только тогда даст скребок: «Ступай, почисть лошадок». Только лошадками называл, другого слова и знать не хотел. Поработаешь на совесть — отсыплет немножко овса. «Я из вас сделаю рабочий класс!» — говорил он путятинским голубятникам и всей прочей шушере. И не дай тебе бог однажды плохо вычистить стойло или раструсить сенцов. Больше ты для дяди Егора не человек.

Летом, когда у школьников каникулы, фабричные лошади ходили вычищенные и расчесанные как не на всяком ипподроме. В шашечку даже расчесывали, как цирковых. Самым старательным помощникам дядя Егор в награду доверял купание лошадок в ПUTE. Он самостоятельно отпирал три винтовых замка, нешироко растворял

конные ворота. Тогда еще не водилось подростков-угонщиков. Дядя Егор боялся конокрадов-цыган. Ключи от трех винтовых замков он не доверял никому.

Повернув за угол ткацкого цеха, Фомин прежде всего обратил внимание на конные ворота. Они были заложены двумя здоровенными брусьями. Конюха Фомин увидел возле конюшни, он сидел на лавочке, как, бывало, дядя Егор. Шилов Петр Николаевич. Исчерпывающие сведения о нем Фомин получил от своего старшего брата Виктора. Шилов работал в ткацком цехе наладчиком станков, вынужден был уйти по состоянию здоровья на более легкую работу, в конюхи. Женат, двое детей, уже взрослые, сын в армии, дочь уехала учиться. Последнее время стал попивать.

— Здравствуйте, Петр Николаевич.— Фомин присел на дубовую колоду. Тут он, бывало, сжививал, приходя к дяде Егору.

— Наше вам, Николай Палыч. А я уж заждался.— Конюх поморщился, осторожно потрогал перевязанную бинтом голову.— Болит... Пойду лягу. Расскажу вам и пойду...

Шилов оказался ночью на конюшне случайно. Выпил в гостях у старого друга и забоялся идти домой.

— Жена, знаете ли... Запилит! Я и решил соснуть в сенце. Вот тут и лег,— конюх показал на ворох сена у входа в конюшню.— В котором часу пришли за лошадьми, сказать не могу. Проснулся, вскочил, а сзади ка-а-ак саданут по затылку!.. Больше ничего не помню. Утром вроде бы просыпаюсь с похмелья, голова трещит. Где лошади? До затылка дотронулся и — боже ты мой! — в глазах круги. Побежал звонить участковому. Он приходит, я показываю ему пустую конюшню и вдруг вижу — нет ружья. Оно вон там висело, на гвозде. Участковый построжал. Объяснил мне насчет ответственности за небрежное хранение оружия. Ну, думаю, влип...

— Ружье казенное?

— Мое. Документы в порядке, можете проверить, они дома лежат.

— Ружье унесли с патронами?

— Только ружье. Без патронов. Я его в ремонт сдавал — курок сбил. В четверг взял в мастерской, хотел отнести на квартиру,— конюх покашлял,— чтобы, значит, хранить по всем правилам, как зеницу ока. А в продмаг пиво привезли. Я занял очередь. Домой бежать далеко, отнес ружье в конюшню.

— Вы помните хорошо, что повесили его в конюшне на этот именно гвоздь?

— В пятницу утром висело.— Конюх опять поморщился, потрогал затылок.— Болит! Пойду лягу. А документы на ружье, если разрешите, жена принесет.

— Да, конечно.

«Крутит,— отметил про себя Фомин.— Участковый, что ли, напугал ответственностью за небрежное хранение?» Фомин знал, что при дяде Егоре конюшня на ночь не запиралась. А сейчас? Шилов пояснил, что и сейчас строжайше запрещено запираť лошадей на замок. Вдруг пожар? Не успеешь вывести, сгорят. Это правило, распространенное повсеместно, конечно, облегчало подросткам угон лошадей из деревенских конюшен. Но фабричная ведь находится на охраняемой территории.

— Пройдемте к воротам,— предложил Фомин конюху.— Утром вы увидели их открытыми?

— Взламывают! Я заколачиваю. Опять взламывают. Опять заколачиваю.

— Понятно...

Приблизившись к воротам, Фомин увидел нечто весьма любопытное. Нижний брус, вдвинутый в железные скобы, был приколочен к деревянным створкам новехонькими гвоздями с блестящими шляпками. И никаких ржавых следов от старых гвоздей, которыми, как уверяет Шилов, он «опять и опять» заколачивает ворота после каждого угона. А верхний брус? Фомин дотянулся, слегка толкнул брус и еле успел отскочить. Брус вырвался из железных скоб и тяжело грохнулся на землю.

— Спокойно! — посоветовал Фомин конюху и вытащил зубами занозу из ладони.— Значит, заколачиваете и заколачиваете? Да вы сегодня первый раз вбили гвозди в брус. И сделали это потому, что пропало ружье и вы хотели ввести милицию в заблуждение, показать себя более ответственным человеком, чем вы есть на самом деле. А до сих пор лошадиникам было нетрудно отодвигать брусъя и открывать ворота. И вам было нетрудно восстанавливать всю вашу бутафорию. Я правильно объясняю?

— Правильно.— Конюх вздохнул, осторожно потрогал затылок.— Вынужден был пойти на... как вы говорите, бутафорию. Обычно после угона я конные ворота не запираю. Старые лошади всегда возвращаются в свою

конюшню. Устанавливаю, что все лошади на месте, и закладываю ворота. Лошади и теперь вернутся. Все шесть, в полном составе.

— Шесть? — Фомин насторожился. — А седьмая?

— Седьмая в длительной отлучке, вернется только зимой. — Конюх отчаянным жестом сдвинул бинт со лба на темя. — Я честно предупредил бухгалтерию, летом у меня штат неполный, выписывайте не на семь, а на шесть едоков. Они и слышать не хотят. Сказали: если в бумагах появится цифра «шесть», то менять ее на «семь» можно будет только при предъявлении документа о покупке новой лошади. Совсем меня запутали!

— Не они, а вы их запутали, Шилов! — жестко сказал Фомин. — Но меня вам запутать не удастся. В бухгалтерию вы подаете отчеты на прокорм семи лошадей. Кому вы сбываете излишки овса? Надеюсь, вы не станете меня уверять, что делите порцию отсутствующей лошади между остальными? Кстати, когда она пропала и какие меры были вами приняты? В милицию сообщили?

Конюх уцепился за последний вопрос:

— Как же, сообщили. Конь рыжей масти, старый, кличка Вихрь, особая примета — на лбу белая отметина. Только попробуй найди его. Пока сам не придет... — И Шилов, явно увликая от ответа на вопрос Фомина об излишках овса, стал изливать свое возмущение безобразным поведением коня по кличке Вихрь.

Вихрь, в прошлом скромный и работающий конь, переродился в злостного тунеядца. Прошлой весной он ушел в бега, все лето шлялся неизвестно где, а похолодало — явился обратно в конюшню. Шилов поверил в чистосердечное раскаяние коня, не попрекнул ни единым злым словом. И чем же ответил Вихрь на человеческую доброту? Черной лошадиной неблагодарностью. Стоило солнышку пригреть, травке зазеленеть, он опять ударился в бега. Но ничего... Наступят холода, и конь-тунеядец приплетется с повинной. Пусть на этот раз не рассчитывает на снисхождение. Найдутся меры!

Фомин не утаил своего недоверия к рассказу Шилова.

— Значит, рыжий, с белой отметиной на лбу? — На всякий случай он записал приметы Вихря. — Вы не пытались его отыскать? Поймать не пробовали?

— Вихря? Поймать? Он и близко к себе не подпустит. Я в прошлом году пробовал поймать. Не вышло.

Даже Костя-Джигит...— Конюх осекся и умолк, отвел глаза.

— Продолжайте! — потребовал Фомин.— И поясните, в каких отношениях вы состоите с упомянутым вами сейчас несовершеннолетним Константином Мусиным.

Конюх поморщился и поднял было руку к затылку.

— Не надо.— Фомин поглядел на конюха особым взглядом, которому долго учился.— Не надо симулировать, Петр Николаевич. Никто вас по затылку не стучал. Вы проспали и лошадей, и ружье. Снимайте бинт и выкладывайте все, что может помочь милиции побыстрее отыскать лошадиников и отобрать у них ружье.

Шилов со злостью сорвал бинт.

— Проспал я, проспал! Утром, не прочухавшись, вызвал участкового. Хотя лошади и приходят, об угонах полагается сообщать. Я не сразу заметил, что ружья нет. Заметил, только когда пришел участковый. Он у нас законник, стал мне разъяснять: «Оружие в руках несовершеннолетних! Влетит тебе за небрежное хранение». С перепугу я и соврал, что на меня напали.

Фомин вспомнил, как настойчиво твердила Нина Васильевна, что апачи не могли напасть на конюха. Они и в самом деле не напали. Но вполне могли похитить ружье. Хотя бы «для красоты», как она говорит.

Конюх продолжал свои чистосердечные признания. С апачами у него налажено мирное сосуществование. Он пошел на это ради лошадей. Другие подростки мучают животных, а ребята из Двудвориц под влиянием конюха Шилова даже стали кормить угнанных лошадей. Поэтому нельзя считать, что овес, проданный апачам, уходит на сторону, он достается тем же фабричным лошадям. За овсом апачи заглядывают исключительно в дневное время, хотя, конечно, проникают на территорию фабрики через забор, а не через проходную. Чаше других конюху приходится иметь дело с Костей-Джигитом или с Бубой, фамилия которого конюху не известна, а зовут Андреем.

«Бубенцов,— отметил про себя Фомин. Что у него в карточке? Отца нет, живет с мамой и бабушкой, в школе характеризуется отрицательно».

— Когда они последний раз приходили к вам за овсом?

— В пятницу.

— Кто приходил?

— Оба. Я еще, помню, удивился. Приходит сначала Костя, покупает десять кило. Через час Буба — и тоже просит десять кило.

— А ружье они могли увидеть?

— Кто их знает? В конюшню заходили оба.

«Видели,— подумал Фомин.— Один увидел, сказал другому, тот пришел удостовериться, что ружье все еще висит». С легким сердцем Фомин пошагал в Двудворицы.

Костя Мусин, по прозвищу Костя-Джигит, и Андрей Бубенцов, по прозвищу Буба, проживали в знаменитом доме номер двадцать, Доме Пушкина, как его называли в Путятине.

В какой-то послевоенный год железнодорожник, по фамилии Пушкин, обнаружил на станции неостребованный груз — ящики с деталями парковой скульптуры. Он открыл один из ящиков и увидел знакомую кудрявую голову. Железнодорожник писал во все концы — хозяйева скульптуры так и не откликнулись. Тогда он перевез ящики в Двудворицы и смонтировал во дворе дома номер двадцать каменную садовую скамью и сидящего на ней Пушкина-лицеиста. Жильцы обсадили памятник бересками, по праздникам стали приносить Пушкину цветы. Посторонним они всерьез говорили, что дому номер двадцать по случаю досталась скульптура работы самого Опекушина, который слепил Пушкина в Москве. Энергичная учительница литературы из двудворицкой школы пыталась провести во дворе разъяснительную работу. «Не Опекушин у вас и вообще не оригинал, а массовая копия». Жильцы посоветовали литераторше обходить Дом Пушкина стороной. Слава памятника росла, молодожены приезжали сюда прямоком из Двора бракосочетаний и возлагали к ногам Пушкина цветы.

Войдя во двор, Фомин увидел в тени выросших берез на деревянной длинной лавочке стайку молодых мам, нарядных, причесанных и покрашенных, а перед ними — выставку детских колясок на вполне приличном международном уровне.

— Коля! Фомин! — зашебетали они наперебой.— Иди сюда! Правда, что на фабрике ночью конюха избили? И ружье украли! Ты кого подозреваешь? Неужели ребят из нашего дома? Что ты, Коля! Наши не могли!

— Извините,— Фомин принял вид самый официаль-

ный и суровый.— Спешу. Как-нибудь потом. Посидим, посплетничаем.— Он ускорил шаг.

Молодые мамы, сами того не зная, открыли Фомина его непростительный промах. «Я должен был сразу взять в расчет, что сенсационные новости распространяются по Путятину с чудовищной быстротой. А я предупредил Нину Васильевну, чтобы ни слова о ружье. Глупо темнить, если все знают...»

У Бубенцовых Фомина открыла худая растрепанная женщина с папиросой в зубах.

— Андрей дома? — Он показал ей удостоверение.— Мне надо с ним поговорить.

— Я его мать. Проходите.— Она провела его в комнату, усадила за круглый стол, накрытый клеенкой.— Если не ошибаюсь, вы внук Фомина? Ваш дедушка помог покойному мужу получить эту квартиру...— Бубенцова вдавила докуренную папиросу в хрустальную пепельницу, взяла из пачки «Беломора» следующую, чиркнула спичкой.— Врачи настаивают, чтобы я бросила курить, мама и Андрей умоляют, а я не могу.

Фомин обратил внимание, что ее тонкие нервные пальцы все время что-то сучат невидимое. Кадровая прядильщица.

— А где же Андрей?

— Он скоро придет.

За перегородкой, разделявшей комнату на две, что-то звякнуло стеклянно. Бубенцова нервно оглянулась.

— Простите, но вам вряд ли стоит ждать Андрея. Он вернется только к вечеру. Он уехал по грибы.

— Ваш сын сегодня ночевал дома?

— Разумеется.— Беспокойные пальцы ловили невидимую нитку.— А где же еще он мог ночевать?

«Вот именно, где? — подумал Фомин.— Ее, кажется, тоже интересует, где ночевал Андрей. За перегородкой не он, а бабушка. Пьет свое лекарство. Из-за Андрея...»

Ничего нет хуже, как говорить с матерями и бабушками о том, где были и что делали интересующие милицию люди. От матерей и бабушек никогда не дождешься правдивых и точных сведений. Сидят, комкают в руках платочки и врут, врут, врут... Святая материнская ложь. Послушать, так сынок днем сидит дома и читает хорошие книжки, а ночью сладко спит в своей постели. Или он вчера спозаранку уехал к дяде во Владимир, к тете в Архангельск и потому никак не мог участвовать во вчерашней драке, в краже, в нападении... Конечно,

Фомин знал, как можно поймать на вранье мать и бабушку Андрея Бубенцова. Задать несколько вопросов матери, потом пройти за перегородку и задать те же самые вопросы бабушке. Ответы непременно окажутся разными. Одна скажет, что он ушел по грибы, другая будет уверять, что уехал кататься на велосипеде. Мать припомнит, что Андрей вчера допоздна сидел у телевизора, бабушка побожится, что он ходил в гости к товарищу. И тогда Фомин усадит их рядом и спросит: «Дорогие мои, как же вас понимать? Какие у вас самые серьезные причины меня обманывать?»

Но что-то не хотелось ему применять нажитый опыт по части выяснения разных тайн в этой комнате. Возможно, еще придется сюда прийти с фактами в руках. А пока пускай радуются, что защитили, не выдали. Своим волнением они выдали вполне достаточно для начала.

Из-за перегородки выплыла высокая старуха с суровым, властным лицом,дохнула на Фомина запахом валерьянки, подала фотографию в рамке, выпиленной лобзиком:

— Вот он, наш Андрюша.

Фотография оказалась расплывчатой, любительской. Фомину невольно вспомнился чудо-фотограф Женя Анкудинов. Уж он бы проявил на снимке «идею физиономии», как изволит выражаться Киселев. А тут что? Лохмы, расхристанная ковбойка, растерянная улыбка. Характера не видать. Зато обнаруживается характерная примета: справа, выше виска, волосы завихрились вверх, как говорится, теленок зализал.

Держа в руках рамку с фотографией, Фомин окончательно уверился, что мать и бабушка не видели Андрея со вчерашнего вечера, а может, со вчерашнего утра, а может, и несколько дней. Они не находят себе места от тревоги, и это означает, что у них имеются основания бояться, не стряслось ли с ним нечто ужасное. Поэтому бабушка и показала сотруднику милиции фотографию своего ненаглядного Андрюши. Позаботилась, чтобы Фомин на всякий случай запомнил, как выглядит Андрей Бубенцов.

Костю Мусина Фомин застал дома. Вождь апачей, смуглый и узкоглазый, с черными торчащими космами, ни капли не встревожился. Он сухо проинформировал Фомина, что родители и сестренка уехали по грибы.

— А ты что же? — спросил Фомин.

— А я стираю, — ответил вождь сквозь зубы.

Фомин прошел следом за ним в кухню, обратив по пути внимание, что в комнате на обеденном столе разложены какие-то ведомости. Костин отец, бухгалтер, о педантичности которого в городе рассказывали легенды, взял на дом какую-то срочную работу, но душа грибника не утерпела, и он все же укатил, а Костю явно в наказание оставил дома.

На кухне возле раковины перегруженно выла стиральная машина, в корыте, поставленном на два табурета, лежала гора замоченного белья, на газовой плите грелась в баке вода и клочкотал в огромной кастрюле суп.

— Нда-а, — посочувствовал Фомин. — Провинился, что ли, вчера?

Вопрос остался без ответа. Вождь остановил машину, вытащил деревянными щипцами окутанное паром белье, загрузил новую партию. Фомин понял, что Костя Мусин вышел в вожди не на одном лишь внешнем сходстве с индейцем. Он скрытен и упрям. Фомин достал записную книжку. «Ладно, приступаем к делу».

— В котором часу уехали родители?

— Не помню. Я рано лег спать. В девять. Они еще были дома.

— Тебе известно, что вчера были угнаны лошади из фабричной конюшни?

Вождь пошуровал шумовкой в кастрюле с супом.

— Известно. Услышал сегодня утром во дворе.

— От кого?

— Утром все знали.

— А в доме знают, что лошадей из фабричной конюшни всегда угоняет твоя компания?

— Знают. — Вождь усмехнулся.

— В пятницу днем ты заходил в конюшню?

— Заходил.

— Где спрятал купленный овес?

— В сарайке.

— Сколько купил?

— Десять кило.

— А сколько купил Бубенцов?

Что-то дрогнуло в невозмутимом индейском лице. Так, так... Мусин, оказывается, не знал, что после него у конюха побывал Бубенцов. А известно ли ему, что Бубенцов не ночевал дома?

Но Костя уже оправился от минутной растерянности, на все вопросы отвечал твердо и упрямо, ничем себя больше не выдал. Про Бубенцова он ничего сказать не может, не виделся с ним ни вчера днем, ни сегодня утром. Про угон лошадей ничего не знает, кроме того, что услышал утром во дворе. Овес им куплен про запас, на всякий случай. Лежит в сарайке, можете проверить.

Фомин вспомнил выставку колясок во дворе и решил пока не проверять сарайку. Похоже, что вождь апачей действительно не причастен ко вчерашнему угону. Родители не взяли его с собой по грибы за какое-то другое прегрешение, совершенное днем, а не поздно вечером. Но вот Бубенцов... Он может быть причастен. Костя говорил о Бубенцове с явной неприязнью. Не могло ли случиться так, что Бубенцов вышел из-под власти вождя, завел свою компанию и совершил самочинный угон?

Фомин строго посоветовал Косте Мусину сидеть дома, никуда не отлучаться: он еще может понадобиться,— и отправился дальше по Двудворицам.

Витя Жигалов тоже оказался дома. И родители у него тоже уехали по грибы.

— Вчера, в половине восьмого, на машине,— сказал Витя.— У нас «Запорожец».— По этому немного хвастливому добавлению Фомин понял, что Витя человек открытый, не то что Костя Мусин.

Юного техника Фомин застал, казалось бы, за хорошим делом: Витя мастерил электрогитару. На вопрос о самопале Витя пренебрежительно отмахнулся. Самопалы — пройденный этап, сейчас в моде вокально-инструментальные ансамбли. Инструменты и радиопередатчики стоят дорого, приходится соображать самим. Фомин вспомнил, как зимой ему пришлось искать похитителей тракторного пускача. Оказалось, пускач утащили подростки, затеявшие соорудить самодельный снегоход. В пору, когда Фомин был мальчишкой, мастеровитость считалась за гарантию от всякой порчи, от хулиганства, воровства и пьянства.

«А теперь что-то в жизни сместилось,— размышлял он, оглядывая исподволь рабочий стол юного техника Вити Жигалова.— Позапрошлой ночью кто-то срезал трубку телефона-автомата возле продмага на улице Лассаля. Кому-то понадобились дефицитные детали. Не Вите ли? Нет, у него на столе телефонных деталей не видать».

Витя Жигалов в одно слово с вождем заявил, что лег спать в девять часов, об угоне услышал утром во дворе, от кого — не помнит, утром все знали.

«Ай да Мусин! — отметил про себя Фомин. — Держит своих индейцев в струне».

— Лег, значит, в девять? — переспросил он благодушно. — И про угон услышал утром во дворе? Так, так... — Фомин покивал, как бы одобряя правдивость юного техника, и вдруг резко переменял тон: — А чтс еще велел тебе говорить Костя-Джигит?

Витя испуганно заморгал:

— Больше ничего не велел.

— Ты с Бубенцовым дружишь?

— Да ну его! Он чокнутый.

— А Мусин какой?

Витя покраснел, зашарил глазами по столу.

— Что ищешь?

— Отвертку.

— Она у тебя в руке!

Витя окончательно растерялся. Остальное было делом техники. Фомин узнал, что апачи собирались в пятницу вечером покататься. Пришли, а конюшня пустая, на дверях записка с ругательными словами. Подписи нет, но и так ясно: лошадей угнали старые враги апачей, лошадаики из микрорайона.

— Не верите мне, что лошадей уже не было, спросите у Вовки Дьякова или у Мишки Курочкина, у Тольки Голубева... — Простодушный Витя ссыался, конечно, на тех, кто ходил в тот вечер на фабричную конюшню.

А про ружье, как выяснилось, он' ничегошеньки не знал.

Чтобы не подводить доверчивого мальчишку, Фомин не пошел сразу к тем, кто был вчера с Костей-Джигитом в конюшне. Он сначала понаведалься кое к кому из списка апачей, полученного от Нины Васильевны. Оказалось, и эти ребята знают в подробностях о вчерашнем происшествии. Из тех, о ком проболтался Витя, Вовки Дьякова дома не было, а Миша Курочкин и Толя Голубев показали то же, что и Витя Жигалов. Никто из ребят ружья в конюшне не видел.

«Нина права, ружье унесли ребята из компании Лешки Супрунова. Правда, и они не нападали на конюха. Зато могли совершить угон для вида, а на самом деле приходили специально за ружьем». Фомин вспомнил

рассказ Шилова. Конюх занял очередь за пивом и побежал отнести ружье. Наверняка даже объявил во всеуслышание, что скоро вернется, только отнесет ружье в конюшню. Кто мог это слышать? Очень многие. Компания Супрунова — Супы, — которой фактически руководит Александр Безин, по прозвищу Бес, могла прийти специально за ружьем. Но тогда зачем они оставили улику — ругательную записку? И вообще, зачем угоняли лошадей? Конюх спал, можно было спокойно взять ружье и уйти.

«Везет мне на дела, которые из простейших превращаются в сложные и запутанные», — сокрушался Фомин, возвращаясь в горотдел.

III

Что-то большое и темное приближалось из глубины березового леса. Лось? — Володя вгляделся. Нет, не он. Меж берез неслышной поступью пробирался гнедой конь. Володя, сам не зная для чего, пошел следом за ним. Конь вывел Володю к просторной лесной поляне. Посередке трава росла повыше и погуще, там, должно быть, прятался небольшой бочажок.

Володя снял с плеч тяжелый, почти доверху полный пестерь на широких брезентовых лямках, присел на пень у края поляны. Гнедой хрупал траву возле бочажка, тревожно прядал ушами и пофыркивал. Володя полез в карман старого плаща, достал свой припас, завернутый в тряпицу. Презрения достойны те, кто тащит с собой на природу пакеты с бутербродами, бутылки с лимонадом, консервы!.. Настоящий грибник предпочитает всем яствам горбушку черного хлеба, посыпанную солью, и никогда не заворачивает ее в бумагу, только в холщовую тряпицу. Такие горбушки, навалявшись в кармане, делаются еще вкуснее. И запивать их надо хрустальной водой из лесного ключа.

Володя отломил кусочек, бросил в рот. Пища богов! Он быстро умял половину горбушки и только тогда спохватился: «Что же я один ем! Надо и его угостить». Он поднялся с пенька и направился к гнедому. Кажется, лошадям подносят хлеб на раскрытой ладони? Володя приостановился в сомнении. Ему никогда не приходилось водить близкое знакомство с деревенскими сивками и саврасками. С фаворитами скачек тоже. Опасливо поглядывая на гнедого, Володя не трогался с места.

«Еще лягнет своим тяжеленным копытом! Я для него совершенно чужой. Может, я подбираюсь с подлыми мыслишками. А у него вон какие зубы. Возьмет да и тяпнет. И вообще, почему он шастает один по лесу, а не пасется в дружной лошадиной компании? Подозрительно!» Володя огляделся по сторонам и обнаружил, что на поляне этим летом косили. Круг пожухлой травы остался, очевидно, от копешки сена. А вот и след тележных колес. Кто же тут косил? Лесник? Навряд ли. Он выбрал бы себе покос ближе к Ермакову, где лесничество. А из Дебри косить некому. Там сейчас остались только три старухи, они коров не держат. Но у них, кажется, есть коза? Володе вспомнилась строптивая коза Дуня, которую он держал, когда Танька была маленькой. Интересно, почем теперь воз сена? Володя досадливо помотал головой, отгоняя нелепый вопрос. «Мне дела нет, почем нынче сено, и мне все равно, кто тут косил! Есть загадки поинтересней! Например, та, недавняя, с кладом...»

Клад, найденный при сносе старого дома на улице Володарского, наделал шума на весь Путятин. Заметка про клад даже попала в московские газеты. Нашел его бульдозерист. Развалил громадную печь, и из кирпичей выкатилась круглая жестяная банка. Ни золота, ни серебра в ней не оказалось. В банку были упрятаны туго свернутые дореволюционные бумажные деньги, двадцать тысяч желтыми сторублевками с портретом Екатерины II. Бульдозерист сдал свою находку в милицию, а Фомин преподнес банку Володе в тот самый вечер, когда они вспоминали закончившееся дело Горелова и Володя узнал о предстоящей свадьбе Фомина и Валентины Петровны. «Вот тебе для развития дедукции», — сказал Фомин.

На другое утро Володя уже рылся в старых газетах, переплетенных в пудовые книжищи. «Есть! Нашел!» 1905 год, ноябрь. Заметка об ограблении кассира. Неизвестные лица в черных масках. Полиция полагает, что совершена революционная экспроприация, деньги пойдут на приобретение револьверов для рабочей дружины.

Володя знал, кого можно расспросить о подробностях давнего ограбления. Деда Фомина. Он, конечно, был тогда мальчишкой, с ним в боевой дружине важными секретами не делились, но ходили же по городу какие-то слухи.

Дед обрадовался, увидев Володю. Он стал уже совсем плох, но лечь в больницу отказался. По утрам внуки — Николай и Виктор — переносили его на руках из постели в стоящее у окна старинное вольтеровское кресло, доставшееся Фоминым при распродаже кубринского имущества. Месяц спустя Володя шел перед гробом, обитым кумачом, и нес на красной подушечке орден Ленина, вспоминая свою последнюю встречу с Колькиным дедом. Какая ясная память до самого конца жизни!

«Темное дело, по городу чего только не болтали, — рассказывал ему дед Фомин. — По этому случаю руководители стачки созвали митинг в Народном доме и объявили, что рабочий класс Путятина к ограблению непричастен. Я своими ушами слышал. А уже после революции к нам на юбилей стачки приехал Михаил Васильевич Фрунзе, товарищ Арсений, он у нас бывал в пятом году. Собрались участники стачки, стали вспоминать митинги за Путей, сражения с казаками. И про ограбление заспорили — чьих рук дело. Кто говорит, что жандармы устроили провокацию, чтобы засудить кого-нибудь из рабочих, но не сумели подстроить веские улики. Кто доказывает, что кассира ограбили эсеры и действительно собирались купить на эти деньги оружие, но кто-то их надул, деньги пропали зря. Однако большинство участников стачки стояло на том, что под видом экспроприаторов-революционеров действовали обыкновенные грабители. Такие случаи были тогда не в редкость».

«Но что же случилось с грабителями после нападения на кассира? — размышлял Володя, возвращаясь от Фомина. — Почему все двадцать тысяч остались в целости? Что им помешало поделить добычу?»

Казалось, он зашел в тупик. И тут вдруг Володю осенила мысль. Несомненно, гениальная!

Он кинулся в городской архив: «Где могут быть записаны фамилии тогдашних домовладельцев?»

Чихая от пыли, Володя целую неделю рылся в старых бумагах. Наконец он натолкнулся на переписку городского архитектора с домовладельцами по поводу самовольных пристроек. Архивный гулкий подвал огласился торжествующим хохотом. Вот, оказывается, кому принадлежал дом с кладом, замурованным в печку! Фамилия, имя, отчество — все сходится. Не было, значит, нападения! Не было неизвестных в масках! Кассир симулировал грабеж, запрятал деньги и стал ждать срока давности.

«Но не так уж долго пришлось ему ждать. Грянула революция, и деньги с портретом Екатерины II обратились в ничто», — писал Володя в очерке «Клад», опубликованном городской газетой.

Номер с его очерком Ольга Порфирьевна — она тогда еще не ушла на пенсию — распорядилась поместить под стекло и вывесить в историческом зале музея. Рядом в витрине выставили жестяную банку, набитую царскими деньгами. Путятинцы толпами шли в музей, город наконец-то узнал о своем выдающемся детективе.

...Нетерпеливое пофыркивание возвратило Володю на лесную поляну. Конь чуял запах хлеба, раздувал ноздри и грустно глядел на Володю крупными лиловыми глазами: «Ну что же ты?» Володя мобилизовал всю свою волю, раскрыл ладонь с горбушкой, шагнул вперед. Гнедой тотчас отступил — тоже на шаг. Володя занес ногу, но не шагнул, замер неподвижно — конь озадаченно переступил копытами.

— Ты что? Не доверяешь?

При звуке человеческого голоса конь передернулся, будто припомнил что-то малоприятное.

— Ну, как знаешь.

Володя положил хлеб наземь, попятился. Гнедой не тронулся с места.

— Не стесняйся! Ешь! — крикнул Володя, отойдя к краю поляны.

Конь взмахнул хвостом, приблизился к хлебу, подобрал соленую горбушку мягкими губами и принялся жевать. На грустной длинной морде выразилось удовольствие.

— Извини, брат, что мало! — крикнул Володя, влезая в лямки пестеря. — Я не знал, что мы встретимся!

Пора было возвращаться домой. А по пути можно заглянуть в Дебрь. Возле деревушки есть дивное место для белого гриба.

Володя ревниво относился к своему положению в городской иерархии грибников. Пожалуй, лишь несколько неутомимых дедов и проворных старух приносили белых больше, чем он. В грибной охоте не выедешь на одном везении. Это тебе не рыбалка, где торжествуют удачники вроде Фомина. Наблюдательность и еще раз наблюдательность! Профан рыщет под деревьями в поисках гриба, а истинный знаток не высматривает везде,

он ищет грибное место и там спокойно, аккуратно занимается сбором. Эту науку Володя усвоил с малых лет. На нем лежала обязанность заготовить на всю зиму сушеных и соленых, да еще он подрабатывал в сезон до ста рублей, сдавая грибы на приемный пункт. И сейчас при его музейной зарплате Володю выручали грибы. Из сушеных — суп, соленые хороши с картошкой. И Таньке с Сашей можно послать. Грибы в подарок — питательно и не обидно для их гордости.

Володя поправил на плечах брезентовые лямки и пошагал неторной лесной дорогой по следу тележных колес, глубокому и черному на заболоченных низинках и еле заметному на сухих участках дороги.

Колесный след вывел Володю к заброшенной деревушке. Дебрь и в лучшие свои времена не была большой и многолюдной. Теперь лес забирал обратно все, что у него когда-то отвоевали люди. Кустарник заселил огороды и подступил к заколоченным домам, на стенах полуразрушенной церкви выросли березки, сады одичали, и забредавшие в Дебрь мальчишки уже не соблазнялись отсутствием хозяев — яблоки стали мелкими и горькими. Но три избы наперекор всеобщему запустению бойко посверкивали промытыми окошками, на подоконниках пышно цвела алая герань, соцветия глядели на улицу, будто там все оставалось по-прежнему и есть кому порадоваться красоте.

Три старухи наотрез отказались покинуть свои избы, как ни прельщал их сельсовет комнатами в новом доме с водопроводом и отоплением. Одна из старух доводилась дальней родней сторожике музея тете Дене. Володя, если случалось забрести в деревушку, непременно передавал дебринской Анютке поклон от тети Дены и уносил из Дебри ответный поклон тетке Денисии. Последние жительницы деревушки рассказывали ему о своей войне с сельсоветом. Неперспективную Дебрь оставили без электричества — старухи отыскивали в чуланах керосиновые лампы и запаслись керосином. Сельсовет перестал присылать по весне тракториста для вспашки огородов — три подружки стали нанимать пьяницу Жижина, работавшего на ферме пастухом и имевшего в своем распоряжении лошадь. Сельсоветчики решили применить крутые меры, не снабжать Дебрь хлебом, нечего гонять туда продавца ради трех покупателей. Напрасные надежды! Три подружки явились на почту и выписали каждая по газете. Никуда

не денешься, в Дебрь каждый день катит почтальон, а трудно ли вместе с почтой прихватить для старух хлеба и еще что-нибудь из продуктов! Летом почтальон ездит в Дебрь на велосипеде, а зимой сельсоветчики, кляня упрямых старух, предоставляют в его распоряжение ту самую лошаденку, на которой летом пасет колхозное стадо Жижин. Машины не могут добраться до Дебри ни летом, ни зимой.

Но кто же все-таки пробился сюда недавно? Да еще на легковой? Володя не верил своим глазам: свежий четкий след автомобильных шин лег вдоль улицы, изничтожив колею загадочной телеги. «Уж не приезжал ли кто-то опять с новыми мерами против последних жителей деревушки? Володя прибавил шагу. Подойдя ближе к избе дебринской Анютки, он услышал громкий мужской голос. Так и есть! Новое гонение! Володя наклонился к окошку. В глаза ударило голубое сияние. «Телевизор! Как я сразу не догадался! Старухи изловчились добыть телевизор, работающий на батарейках! Чихали они теперь на отсутствие электричества!..» По голосу ведущего Володя узнал, что подружки смотрят популярную передачу «Очевидное — невероятное». Однако как неприятен голос современного всезнайки, когда он звучит не в комнате с удобными креслами, а на природе, в лесу...

Володя потопал сапогами на крыльце, чтобы предупредить хозяйку, и вошел. Увы! Там, где исправно работает телевизор, уже нет места человеческому общению! «Вам привет от тети Дены». — «И ей от меня поклон». Вот и вся беседа! Володя видел, что старухи страдают от того, что не могут поговорить с гостем. Не так-то много к ним забредало гостей! Однако никаких нету сил оторваться от голубого экрана, прилепил он их к себе, как клейкая бумага. Володя поспешил ретироваться, чтобы не доставлять старухам страдание.

С крыльца избы дебринской Анютки Володя заметил, что напротив в церкви настежь распахнуты двери. По степени разрушения эта церковь XX века далеко опередила самые древние в окрестностях памятники архитектуры. Ее построил накануне революции богатый лесопромышленник, намеревавшийся прочно обосноваться в Дебри. Причем не удержался и своровал даже на собственном богоугодном деянии. Кирпич и железо купил самого низкого качества, иконы приобрел оптом и за гроши. Вскоре после закрытия церкви купол рух-

нул и разнес в щепы иконостас, дожди размочили стены, и с них поотлетала штукатурка.

Войдя в церковь, Володя зябко поежился. Несмотря на открытое небо над головой, тут стоял могильный хлад. Под ногами хрустели щепки, крошилась штукатурка, возле амвона чернел след костра. Красть тут уже давно было нечего. Но кто-то все же хаживал через груды мусора к узкому ходу на колокольню. Володя поставил пестерь и полез вверх по искрошившимся кирпичным ступеням. Вокруг колокольни метались стрижи. Володя увидел обрывок цепи на железной балке, ухватился и опасно глянул вниз — высоты он боялся. Перед глазами все поплыло, закружилось, но Володя не отступил. Наконец картина внизу прояснилась. Деревня выглядела с высоты еще более заброшенной, крыши зияли черными провалами, кустарник и бурьян казались непроходимыми. Ну а как там избы трех подружек? Тоже с прохудившимися крышами... Зато огороды за избами!.. Володя присвистнул от удивления. Уж он-то знал, что такое вскопать, посадить, прополоть, окучить. А тут у каждой соток по шесть. И картошка, и капуста, и морковь, и лук. Неужели сами со всем управляют? И тут Володе бросилось в глаза что-то блестящее. Прозрачная пленка. Ею прикрыт здоровенный стог сена за скотным двором заброшенной усадьбы. «Однако,— подумал Володя,— как укромно поставлен стог. С улицы не углядишь, только сверху. Похоже, что, кроме трех старух, тут появился еще кто-то. Ну и хорошо. Крепче будут держаться».

Через час с полным доверху пестерем Володя вышел к шоссе неподалеку от Медвежьего оврага. Обычай грибников требовал пересортировки дневной добычи. Володя откладывал в сторону грибы с наиболее ярко выраженным характером. «Сущность всякой красоты в соответствии своему назначению»,— утверждает Джакомо Леопарди. Грибы должны смотреться не как натюрморт, не как фрукты на блюде, а как живая жизнь леса. Он выложил сверху лучшие грибы, добавил в качестве последнего штриха веточку дуба с тройкой желудей и отошел полюбоваться. Кажется, удалось!

Возле моста через Медвежий овраг на обочине маячила унылая фигура в нейлоновой желтой куртке с капюшоном. Поза выдавала долгие и безнадежные попытки перехватить машину. Но кто же нынче ездит пустой! Володя прикинул, что можно встать за поворо-

том и опередить желтого, но тут же отогнал неблагородную мысль.

На хруст Володиных шагов из желтого нейлона высунулась черная борода.

— А-а... Мыслитель! Привет!

Толя, верный оруженосец босса Юры. Встреча с ним не могла доставить Володе никакой радости. В памяти тотчас всплыли досадные промахи первого расследования, ошибка с двумя копиями «Девушки в турецкой шали».

— Рад тебя видеть! — Толя держался как закадычный приятель, начисто забыл издевательский спектакль, подстроенный Володе боссом Юрой. — Да брось ты пыжиться! Перед тобой человек в несчастье!

Володя смягчился и выслушал горестный рассказ. Приличные интеллигентные люди проводят трудовой отпуск на лоне природы. Разбили палатки, удят рыбу, собирают грибы, все тихо, мирно. И что же? Сегодня утром просыпаются и видят — у «Жигулей» продырявлены все четыре шины, «Жигули» сидят осями на земле. Кто? Зачем? Как подкрался? Ведь с интеллигентами прибыл на отдых Ральф, московская знаменитость, золотой медалист, он шенком стоил пятьсот рублей... Впору думать, что шины пропорол леший или какая-нибудь лесная кикимора.

— Или кто-то из своих,— заметил Володя.

— Да ты что! Интеллигентные люди. Все чисты как стеклышко, народ проверенный.

Володя хотел спросить, на чем проверенный, но промолчал.

— Слушай! — Толя соорудил жалобную мину. — Я им нахвалил ваши ^ме^ст^а. И теперь вроде бы я во всем виноват, мне и шины чинить. А ты думаешь, легко в лесных условиях размонтировать, вулканизировать?.. Говорят, у вас в городе частник есть, мастер на все руки. Ты, случайно, адреса не знаешь?

Володя поколебался, но все же назвал Толе адрес тети Дены. Впрочем, в Путятине первый же встречный направил бы Толю именно туда, к неблагодарному родственнику тети Дены. Мимо них изредка проносились битком набитые «Жигули», «Москвичи» и «Запорожцы». Виктор Фомин, узнав Володю, притормозил — «Как-нибудь потеснимся!» — но Володя не мог уехать, бросив несчастного Толю на произвол судьбы.

Не скоро они дождались в этот субботний день иду-

шего в город грузовика. Выбежали на асфальт, замахали руками. Тяжелый голубой ЗИЛ на полном ходу пролетел мимо. И вдруг остановился, дал задний ход.

— Я тебя не сразу узнал! — Из кабины выскочил улыбающийся Куприянов. — Как жизнь молодая? Нога не болит? — Он вытащил из кармана куртки какие-то бумажки. — А я в колхоз ездил. Мы им в порядке шефства движок отремонтировали, вот отвез... Проверь, документы в порядке. А то ты еще подумашь...

Володя покраснел.

— Вы совершенно напрасно. Я ничего не думаю. То есть не думаю ничего плохого. Я только подумал, что, может, вы согласитесь помочь...

Толя его перебил и стал сам рассказывать о проколотых шинах.

— Лошадники! Больше некому! — Куприянов в сердцах выругался. — Поймать бы да крапивой по голому зад. Хулиганы! Я их вчера вечером согнал с шоссе. Скачут по асфальту как бешеные. Вот здесь где-то и согнал, перед мостом. Совести нет. Лошади за день урабotalись, им отдых положен...

— А верно! — заметил Толя. — Вечером какие-то ребята возле нас околачивались. С лошадьми.

Володя уже слышал мельком о новом увлечении путятинских подростков. Надо будет расспросить Ваську. Уж он-то знает.

Куприянов велел Толе лезть в кузов, а Володю хотел усадить рядом с собою в кабину, но Володя отверг все привилегии и полез за Толей в кузов.

Грузный ЗИЛ медленно полз по узкой лесной дороге, переваливаясь по-утиному с боку на бок. Ветки хлестали по кабине и по бортам, Володе и Толе пришлось улечься на дно кузова, но и здесь их доставали зеленые лапы.

Перед болотом Куприянов остановил машину, вышел прогуляться по старой осевшей гати: выдержит ли она тяжесть ЗИЛа? Гать выдержала, но еле-еле.

Толя нашел для своих друзей прекрасное место на берегу Пути. Среди зелени эффектно выглядели оранжево-синие палатки, полосатые шезлонги, раскладной столик с крышкой из красного пластика. Но ярче всего сияли «Жигули» цвета яичного желтка.

«Богато живут», — отметил про себя Володя.

Навстречу выбежал обрадованно долговязый очкарик в студенческой зеленой куртке.

— Ну наконец-то! — крикнул он.

Не спеша подошел седой мужчина в джинсах и толстом свитере, молодо улыбнулся:

— Спасибо, товарищи! Прекрасно понимаю, как вам не хотелось сюда ехать! — Он долго тряс руку Куприянова, а затем и Володя ощутил его крепкое рукопожатие и внимательный взгляд: а ты что за птица?

Третьим показался из палатки заспанный толстяк в красном тренировочном костюме, заворчал на Толю:

— Тебя за смертью посылать!

Володя понял, что «Жигули» принадлежат толстяку.

Едучи сюда, он полагал, что увидит босса Юру, но его в этой компании не оказалось. Впрочем, он и не подходил к ней. Серьезные люди, очевидно техническая интеллигенция. Даже странно, откуда у примитивного Толи такие друзья.

Желтые «Жигули» стояли на деревянных чурбаках, колеса валялись рядом. Володя попытался запустить мизинец в еле заметное отверстие. Не лезет! А любопытно, чем же продырявили? Он подозвал Куприянова.

— Первый раз вижу такие проколы, — заявил Куприянов, внимательно осмотрев все четыре шины.

Володя приблизил нос к отверстию.

— Вроде бы пахнет горелой резиной. — И оглянулся на седого. Тот улыбался. — Не верите?

— Мне нравится ваша любознательность, — сказал седой. — Простите, вы кто по специальности?

— Историк. А вы?

— Металлург. И мои друзья тоже.

«Я угадал! — отметил про себя Володя. — Техническая интеллигенция». Новые друзья Толи произвели на него самое приятное впечатление.

Однако, когда стали грузить колеса, Володино впечатление несколько переменилось. Все трое командовали Толей уж очень по-хозяйски, свысока, словно бы наняли к себе в услужение. Даже у очкарика в студенческой куртке прорывалось этакое властное покрикивание.

«Бедный Толя! Ему на роду написано состоять при ком-нибудь на подхвате. И все-таки интеллигентные люди не должны так подчеркивать его положение в своей компании. Будь даже они все докторами наук. Это не интеллигентно. Это стиль современной интеллектуальной элиты, дипломированного мещанства...»

Володя демонстративно полез в кузов, чтобы помочь Толс.

По дороге он не стал расспрашивать Толю, где и как тот обзавелся такими важными знакомыми. Толя сам рассказал, что долговязый очкарик в студенческой куртке его двоюродный брат Кирилл.

— Забыл, как сшибал у меня пятерки перед стипендией, — пожаловался Толя.

Слева показались корпуса нового больничного городка, под колесами загудел мост через Путю. Окошки Посада пламенели в лучах заходящего солнца. Алым светом были облиты купола монастыря и крепостная стена.

— Остановите у Лассалья, — попросил Володя. — Я дойду пешком.

Куприянов пропустил его просьбу мимо ушей и с ветерком домчал до самого дома.

Из калитки высунулся с таинственным видом Васька Петухов.

— Владимир Алексаныч! Вас один человек дожидается! По важному и неотложному делу!

Володя не спеша прошел в дом, вымыл руки, переоделся, причесался. Все проделал в своем обычном темпе. Спенсер говорил, что самообладание, как и все качества, развивается через упражнение. Васька нетерпеливо подпрыгивал, но Володя еще немного потянул время — переложил книгу с места на место, поправил завернувшийся половик и только тогда разрешил себе выйти в палисадник.

Под сиренью за пятигранным столом сидел подросток, поразительно похожий на индейца. Смуглое лицо, черные жесткие космы, узкие глаза.

— Кто это? — Володя строго поглядел на Ваську.

— Костя-Джигит!

Так произносятся самые знаменитые имена. Например: «Владислав Третьяк!»

— Очень приятно! — Володя слегка поклонился — Вы ко мне по делу? Слушаю.

Подросток встал, пригладил ладонью индейские космы.

— Уважаемый Владимир Александрович! Мы хотим обратиться к вам за помощью. Нам известно, что вы умеете распутывать самые таинственные преступления. — Подросток запнулся, достал из кармана сложенный тетрадный листок, развернул, пробежал глазами и

опять сложил.— Вы, Владимир Александрович, проницательны, как комиссар Мегрэ...

Володя все больше недоумевал: «Куда он клонит? Уж не собирается ли кто прибегнуть к моим услугам? Нет, чепуха, игра фантазии. Юный знаток западной детективной литературы явился, чтобы пригласить меня на читательскую конференцию в детскую библиотеку...» Подросток, похожий на индейца, заметил Володину улыбку, скомкал заранее сочиненную речь.

— Мы пробовали сами. Не получается.

— Кто это «мы»? — спросил Володя.

— Апачи.

— Костя-Джигит у них вождь! — вставил Васька.— Он их знает как муштрует!

Вождь нахмурился:

— Я не муштрую. Я добиваюсь порядка и дисциплины.

— Понятно,— проронил Володя, еще ни бельмеса не смысла.— Так что же случилось у апачей, входящих, если я не ошибаюсь, в группу атапасков?

Эрудиция нередко выручала Володю. И сейчас «группа атапасков» произвела впечатление.

— Предательство! — сурово произнес подросток.— Кто-то из наших выдает Бесу секретные данные. Вчера вечером я окончательно убедился.

— Бес?..— Володя несколько раз повторил про себя прозвище некоего врага апачей: «Кто такой Бес? Какие секретные данные? И что произошло вчера вечером?»

Васька изнывал от желания выложить кучу сведений, но Володя предостерегающе поднял руку.

— погоди, не мельтеши. дай подумать...

Ему было над чем поразмыслить! Взрослому человеку, директору музея, предложили принять участие в детской игре. «Я их, конечно, поблагодарю за доверие. Однако ловить вместе с ними шпиона?...»

И тут в памяти всплыла старая голубятня в Посаде, столпившиеся мальчишки. Колька Фомин вылезает из низкой дверцы, весь в пуху и голубином помете, обводит собравшихся заплаканными глазами, потом смотрит на одного, на Петьку Кошелева: «Ты». Петька сразу начинает вопить, размазывать слезы с соплями, хотя его еще никто пальцем не тронул. Потом ему, конечно, врезали как надо. Петька действительно оказался шпионом и предателем, он помог известному в Пу-

тятине голубятнику-барыге дяде Жоре выкрасть лучших Колькиных голубей.

«Зачем он это сделал? Как ему теперь ходить по земле?» Володя сильнее переживал Петькино предательство, чем сам Петька,— тот ходил себе по земле вихляющей походкой, клянчил у ребят конфеты и курево, липнул к играющим в футбол. И однажды Володя увидел, что Петька как ни в чем не бывало гоняет со всеми мяч, а потом увидел, что Петька přátельски положил лапу на Колькино плечо. Вот тогда-то Володя понял, что Петька настоящий, лишенный совести предатель. Появилось желание незаметно наблюдать за ним. Но вскоре Кошелевы продали дом и уехали. Петькина дальнейшая судьба осталась для Володи неизвестной. Может быть, на новом месте Петька смог начать новую, честную жизнь? Володя надеялся, что произошло именно так. И вот теперь, годы спустя, он вновь сталкивается с мальчишечьим предательством. «Человек, который предал друзей... Если, конечно, вождь апачей не выдумывает! Я не могу уйти сейчас в сторону, отказаться...»

Краем глаза Володя видел, как Васька надувает щеки, подмигивает вождю апачей: мол, видал! Умственная работа!

«И потом, что значит игра? — продолжал философствовать Володя. — Сама жизнь порой не так серьезна и не так много требует от человека, как детская игра. Особенно классическая, в традициях народа. Прятки, например, или лапта. «Ножички», «казаки-разбойники». И — не будем обижать девочек — «дочки-матери». А классические солдатики?! В солдатиков играют мальчишки и слушатели военных академий. Каждая игра родилась на свет не случайно, она готовит ко всем трудностям жизни. И как она проявляет человеческий характер со всеми его достоинствами и недостатками! Сразу видно, кто храбр и кто трусоват, кто надежен и кто способен подвести, кто добр и кто жесток». Володе вспомнились собственные испытания. В «двенадцать палочек» случалось водить и два и три дня. В «ножички» он играл исключительно несчастливо. А иной раз те же «ножички» назывались по-другому — «кол». Удачливые соперники лупят по колу, загоняют глубоко в землю. А тебе — тащить его зубами. Унизительно? Да! Но не позорно. Позор — испугаться и сбежать от унижения, не отводить, не вытащить кол... «Я многим обязан детской

игре, в том числе и такой, как «кол», которую, как считает мой любимый писатель Виктор Астафьев, придумали еще пещерные дети.

Сейчас люди стали путать, где игра, а где спорт. Хотя это совершенно разные вещи. В спорте все рассчитано на секунды, метры, очки. Игра широка и многосложна, как сама жизнь. В ней возможен и подвиг, и... измена. Лидеров выбирает она сама, а не учитель и не тренер. Попробуй поставь маткой в лапте старосту класса!.. Как много теряют нынешние ребята от того, что «вышли из моды» лапта, прятки, чехарда. Бассейн или фигурное катание не дают им того, что получали прежние поколения от своих незатейливых игр. Но если так... Если так, то апачи — явление положительное! Игра в индейцев. Классическая игра русских интеллигентных мальчиков. У Чехова есть рассказ о двух гимназистах, которые собирались бежать в Америку...»

Васька, зорко наблюдавший за Володей, уловил, что решение принято, и восторженно вскричал:

— Полный отпад! — Свои самые сильные чувства он, увы, выражал с помощью модного жаргонного слова. Володя нахмурился, и Васька тотчас перевел возглас на русский язык. — Очень хорошо, Владимир Алексаныч!

— Только никакой болтовни, — предупредил Володя. — Иначе я прекращаю.

Вождь апачей молча достал из-за пазухи потрепанный блокнот в картонных корочках, положил перед Володи́ на стол.

Володя взял блокнот. На первых двух страницах он обнаружил список апачей. Дьяк, Рыжий, Буба, Кура, Колобок, Снегурочка, Чапа... Обыкновенные путятинские уличные прозвища. Володя испытал сильное разочарование. Индейская внешность вождя апачей ввела его в заблуждение. Впрочем, надо было сразу обратить внимание, что вождь зовется Костя-Джигит, а не Соколиный Глаз и не Монтигомо Ястребиный Коготь.

Не отказаться ли, пока не поздно? Никакие они не индейцы, обыкновенная уличная шайка. Володя без интереса перекинул несколько блокнотных страниц. Что это? Характеристики? Володя чуть не расхохотался. Про Чибу: «Шатен, уравновешен, хороший семьянин». Про Дьяка: «Голубоглазый блондин, отважен, пользуясь успехом у женщин». Характеристики не

отличались большим разнообразием. Затем шли страницы с текстом «Клятвы апачей», составленной довольно коряво и переписанной разными почерками без знаков препинания и с ошибками. Внизу каждой страницы красовалось коричневое размазанное пятно. Кровь? Они расписываются кровью? Листая страницу за страницей, он все больше убеждался, что догадка верна. Но чем же они тогда занимаются, если потребовалось скрепить клятву кровью? Володя понял, что ввязался в скверное дело. «Что ж... Чем хуже, тем лучше. Тем нужнее мое вмешательство в тайны апачей!»

Володя не торопясь продолжал изучать потрепанный, взбухший блокнот Кости-Джигита. Самое удивительное сыскалось на последних листках. Инвентарные списки по шалашу № 1 и шалашу № 2, отчет по израсходованным суммам на овес, лапшу и манную крупу, разные ведомости и счета...

Володя, став директором музея, изрядно потрудился, пока овладел всеми хитростями бухгалтерии и делопроизводства. Зато теперь он мог по достроинству оценить хозяйственность Кости-Джигита. Но чем же занимаются эти загадочные апачи с их клятвами кровью, характеристиками, заимствованными из популярного телефильма, и образцово поставленным учетом?

— Итак,— он отложил блокнот в сторону,— я готов вас выслушать.

Через минуту он слушал Костю-Джигита, затаив дыхание. Только сегодня Володя заинтересовался путятинскими лошадиниками — и вот, пожалуйста, Васька привел к нему не рядового лошадирика, а главаря! Костя-Джигит рассказывал, стараясь говорить правильными фразами, и потому у него получалось сухо, невыразительно. Выручал Васька, раскрашивая схему Кости-Джигита своими эмоциональными дополнениями. Перед Володей возникла картина, выполненная в той манере, в какой писались в прошлом веке батальные полотна. Одно из таких полотен, документально зафиксировавшее битву за какой-то кавказский аул, хранилось в путятинском музее: топографически выписанные горы, фигурки офицеров и солдат, кони, пушки, разбросанное снаряжение — никаких вольных мазков, все в точности, до самой малой пряжечки и ремешка.

На Володиной — воображаемой! — картине столь же рельефно раскинулся город Путятин, поделенный на зоны подростками-лошадниками. Двудворицы, где живут апачи, Володя увидел в правом верхнем углу картины. И выше, в лесочке за Двудворицами, он обнаружил выписанный детально, до прутика, шалаш. Здесь апачи хранят свое снаряжение. А что нужно угонщику? Во-первых, уздечка, во-вторых, запасные штаны. Насчет штанов Володе дали подробные разъяснения. Они рвутся, поскольку апач, как и все прочие лошади, ездит без седла. По дырам на определенном месте обычно и разоблачают лошади. Инспектор по несовершеннолетним Нина Васильевна приходит жаловаться родителям, они, бывает, и не верят, тогда она говорит: «Поищите-ка штаны с дырами». И все, попался. Но апачи нашли выход. Завели себе запасные штаны и хранят их в шалаше № 1.

Вторую базу апачи соорудили подальше, в заброшенной избушке лесника. Там они держат запас корма для лошадей и запас продуктов, крупу, картошку. Если Володя захочет, ему покажут. Но вообще местонахождение базы апачи держат в секрете. Это их главная тайна! Добравшись на фабричных лошадях до базы, апачи их кормят и отпускают. Жестокое обращение с лошадьми у апачей карается немедленным изгнанием. Другие лошадики напяливают на головы капроновые чулки, чтоб никто не узнал, и пролетают во весь опор по вечернему пятачку, но апачи против таких фокусов. Апачи хотели, чтобы и другие лошадики перестали колоть лошадей ножами, не привязывали без корма и воды, не гонялись по городу в масках. Составили обращение по всем международным правилам, но не получили ответа ни от одной компании лошади. А Бес сразу после этого стал мстить апачам. Его ребята разорили ближнюю базу, унесли все снаряжение. База была хорошо замаскирована, ее так просто не найдешь. Стало ясно, что среди апачей завелся предатель. А после вчерашнего и вовсе не стало сомнения.

— Вчера ребята Беса... — В узких глазах Кости Джигита сверкнул гнев, вождь апачей приготовился поведать о чудовищной подлости врагов, но Володя не дал ему договорить.

— Я знаю, что случилось вчера, — бросил Володя с деланной небрежностью.

Впрочем, и в самом деле не так-то сложно было для Володи вычислить по имеющимся в его распоряжении фактам, что произошло вчера. Он знал от Куприянова, что какие-то подростки во весь опор гнали лошадей. Видел своими глазами продырявленные шины. На кого указывают приметы? На ребят Беса, которые мучают лошадей и вообще занимаются пакостями. Костин гнев свидетельствует, что на этот раз они учинили нечто из ряда вон выходящее. Разорили дальнюю базу? Нет, судя по обещанию вождя показать базу, там все в целости. А лошадики ночью околачивались возле туристов. Выходит, что ребята Беса успели напакостить апачам до выезда из города. Чем же? Не тем ли, что нарушили неписанный уговор, угнали лошадей из Фабричной конюшни?

Володя изложил свою догадку Косте-Джигиту, и тотчас услышал Васькин восторженный стон.

Потрясенный Володиной проницательностью, Костя-Джигит изложил любопытные подробности вчерашнего происшествия. Апачи собирались вечером покататься на фабричных лошадях. Пришли, а конюшня пустая, и к косяку дверей пришпилен большой конверт с надписью: «Апачам». В конверте лежал тетрадный двойной лист, весь исписанный ругательными словами. Ребята Беса в точности знали, что апачи появятся в конюшне. Еще одно доказательство, что среди апачей орудует шпион Беса.

— Вот улика.— Костя-Джигит достал из кармана и протянул Володе измызганный конверт.— Возьмите, пригодится для расследования. По почерку можно определить, кто писал.

Володя взял конверт, отложил в сторону.

— Кто писал, определить нетрудно. Даже не заглядывая в конверт. Писал кто-то из ребят Беса. А вы ищите предателя среди своих. Но если он действительно существует, то он, скорее всего, был вчера вечером с апачами, а не с ребятами Беса.

— Ну! — Васька подпрыгнул от восторга.— Я говорю! Дедукция. Предатель с вами ходит! А они, Владимир Алексаныч, Бубу подозревают.

При этих словах Володе вспомнилась страница блокнота. Буба: «...блондин, уравновешен...»

Костя-Джигит насупился и начал отсчитывать, загибая пальцы. Во-первых, Бубу однажды засекли в микрорайоне с Бесом. Во-вторых, Буба заявил, что боль-

ше не хочет заниматься угоном лошадей, и перестал ходить с апачами, но Костя был у него и видел своими глазами, как Буба делал новую уздечку, — значит, он с кем-то ходит. И в-третьих, вчера Буба купил у конюха десять килограммов овса.

— Погоди, — перебил Володя, — ты же говорил, что только апачи кормят лошадей. Зачем же Бубе овес, если он ходит с ребятами Беса?

— Для прикрытия! — убежденно заявил вождь апачей. — Я купил овес, иду из конюшни, а навстречу Буба. Он понял, что вечером мы пойдем за лошадьми. И сразу донес Бесу. — Костя запнулся, озадаченно почесал лоб. — А может, он сначала заглянул в конюшню, будто бы за овсом, и увидел ружье. И рассказал Бесу, а Бес послал своих за ружьем...

«Этого мне еще не хватало! Истории с каким-то ружьем!» — подумал Володя. И спросил строгим голосом:

— Не можешь ли ты сказать пояснее, что за ружье?

— Конюха. Висело на гвозде. Ребята Беса лошадей угнали и ружье унесли. А в милиции знают, что из фабричной конюшни угоняем мы. Тень подозрения на апачах. И не докажешь.

— Но ведь ребята Беса оставили ругательную записку?

— Думаете, милиция поверит? Вор унес ружье и оставил вместо него записку? В милиции скажут, что я ее сам изготовил, как фальшивую улику. Я даже показывать не стал.

— Кому?

— Да приходили уже. — Костя скривился. — Если бы Нина Васильевна... — Вождь сделал жест, означающий, что Нине Васильевне он бы записку показал, она бы поверила.

Васька захохотал:

— Владимир Алексанч! Знаете, кто к нему приходил?

На этот раз Володя не собирался изумлять мальчишек своей догадливостью. Не говоря ни слова, он придвинул к себе измызганный конверт. Фома наверняка не заинтересовался сложными отношениями между подростками из Двудвориц и компанией Беса из микрорайона. Надо будет как можно скорее передать ему это письмо. Оно, конечно, не снимает подозрения с апачей. Если ребята Беса унесли из конюшни ружье, зачем им

было оставлять записку, явную улику против себя?.. «Да,— продолжал размышлять Володя,— ругательная записка свидетельствует, что ребята Беса ружья не брали. В конюшне побывал еще кто-то». Володя раскрыл блокнот, отыскал страницу с характеристикой Бубы, начал разбирать Костины каракули: «...блондин, уравновешен, хороший семьянин...» Интересно, как может проявить качества семьянина мальчишка?.. На следующей строке характеристики Володя запнулся. «Обладает...» — и дальше неразборчиво. Чем обладает этот «хороший семьянин»? «Сверх...» — и дальше опять непонятное слово. Кажется, надо читать «естественными». Что значит «естественными»? Внезапная догадка озарила Володю. «Примем в расчет успехи Кости-Джигита в правописании. Что получится? «Сверхъестественными»... Теперь уже легко прочесть следующее слово — «...способностями»... Любопытно! «...обладает сверхъестественными способностями».

Костя-Джигит считал свои характеристики исчерпывающими и неохотно отвечал на Володиные расспросы. Почему «хороший семьянин»? Потому что мать и бабушка над Бубой трясутся. Какие «сверхъестественные способности»? В одной деревне живет старуха, у нее собака на цепи, Пират, жуткая зверюга, клыки — во! На всех кидается, а Бубу увидит и хвостом виляет, ползет к нему на брюхе. Старуха так и сказала Бубе: «Ты колдун». Цыган дядя Паша показывал апачам, как поцыгански красть лошадей. Ведро на руку, будто в нем овес, и подманивай. А Бубе ведра не надо, он подойдет, положит руку лошади на холку — и готово, лошадь идет с ним.

Володя невольно вспомнил собственную робость перед гнедым. А поведение жуткой зверюги Пирата, несомненно, проливает свет на события минувшей ночи. Теперь понятно, почему осрамился золотой медалист Ральф. Значит, все-таки Буба был с ребятами Беса, подозрения Кости подтверждаются... «Впрочем, не будем излишне легковверными. Сказка про колдуна, знающего язык зверей, весьма и весьма сомнительна».

После ухода Кости-Джигита Володя и Васька затопили печь для классической сушки белых грибов и соорудили себе на ужин великолепную жареху из подберезовиков и подосиновиков. За ужином Васька вдруг вскочил и стукнул себя кулаком в лоб:

— Владимир Алексаныч! Балденная идея!

— Какая? — строго спросил Володя.

— Гениальная!

Васькин план действий, увы, не блистал оригинальностью. Стандартный ход — засылка своего человека в шайку Беса с заданием втереться в доверие главаря и узнать, кто с ним связан из апачей. На роль ловкого разведчика Васька, разумеется, назначал себя.

— Мне раз плюнуть, я вотрุษь.

Было бы непедагогично подвергать разгрому Васькин первый самостоятельный вариант детектива. Володя внимательнейшим образом выслушал все его соображения. В плане засылки ловкого разведчика был и еще один — более существенный — недостаток. Ребята Беса — это не мальчики из Двудвориц со своими клятвами кровью. Мало ли в какую скверную историю может влипнуть Васька, пока будет втираться в доверие.

— Да-а-а... В этом что-то есть... — Володя изобразил глубокое раздумье. — Но пока еще не время. Оставим твой план в резерве. Подождем, изучим ситуацию.

Васька исполнился гордости.

— Ладно, Владимир Алексаных. Можно и подождать.

Но Володя на всякий случай потребовал, чтобы Васька дал ему честное слово ничего самовольно не предпринимать.

От натопленной печи несло жаром, Володя ворочался, не мог уснуть. Кто же все-таки стащил в конюшне ружье? Кто подбросил на место происшествия письмо, адресованное апачам? Кто проколол шины?

Наконец он уснул. Из-за жары и духоты ему снились кошмары, он убегал от всадников в черных масках, спрятался в сарае, заперся, они стали ломиться...

Володя проснулся весь в поту. Старый киселевский дом дрожал от тяжелых ударов в дверь. Володя вскочил с постели, зажег свет и откинул крючок.

— Ночевать пустишь? — Толя, не дожидаясь ответа, ввалился в комнату. Остро запахло бензином, керосином, машинным маслом и прочими неизвестными Володе техническими составами. — Ну и шкура твой дядя Вася! Эксплуататор! А старуха — сушая ведьма! Не то чтобы покормить — помыться не предложили. На ночевку я уж и не просился.

Толя отмылся во дворе под рукомойником, жадно доел остатки жарехи, продолжая проклинать дядю Васю и подонков, изуродовавших шины новеньких «Жигулей».

— Попадись они мне, я бы им руки-ноги переломал. Знаешь, мыслитель, чем они орудовали? Твой приятель сказал — прожгли! Много он понимает! Стреляли!

— Стреляли?! — Володя протер глаза и убедился, что видит Толю не во сне. — Из чего? Ружье? Револьвер?

— А я откуда знаю? — Толя явно пожалел, что проболтался.

— Ты в милицию сообщил?

— Охота была связываться. Да и что проку? Страховку за шины не платят.

— Если хулиганов поймают, суд может их обязать, чтобы уплатили за причиненный ущерб.

— Ну... Пока там суд... — Толя старательно замазывал свою оплошность. — И вообще, мне-то какая забота? Машина не моя.

Володя решил ему подыграть:

— Ладно, приятели твои не обедняют. А дядя Вася, конечно, не светлая личность.

Володя выдал путятинскому умельцу самую негативную характеристику. И умышленно утаил, что дядя Вася с недавних пор вообразил себя внештатным активом милиции. Можно не сомневаться, что завтра же спозаранку он будет у Фомина.

Намаявшийся Толя уснул мгновенно. Володя оделся, взял блокнот Кости-Джигита, письмо, вышел в сад, зажег лампу над пятигранным столом. «Ружье!.. Чехов говорил: если в первом акте на стене висит ружье, в последнем оно должно выстрелить. Современный детектив, наоборот, начинается с выстрела, ружье удаётся обнаружить только в финале. Мой детектив уже начался, ружье выстрелило, четыре раза...»

Володино воображение нарисовало картину ночного леса, оживило ее шелестом ветра в деревьях, криками ночных птиц. Володя увидел палатки, крадущуюся фигуру с ружьем, золотого медалиста Ральфа, предательски завивавшего хвостом и поползшего на брюхе, лунный блик на стекле автомобиля...

И тут вдруг Володе бросилось в глаза нечто странное и неправдоподобное. «Поразительно! Как же я раньше не обратил внимание? Был там днем, говорил с Толей и его приятелями, а не заметил. Днем все показалось мне естественным. Но стоило вообразить, как это происходило ночью, — совсем другое дело. Почему никто не

проснулся от четырех подряд выстрелов? Или зададимся другой загадкой: почему они ночью — все! — уходили из лагеря? Куда и зачем?»

IV

В горотделе Фомин прежде всего спросил, есть ли вести от сельских участковых инспекторов, предупрежденных с утра, чтобы следили, не появятся ли поблизости подростки-лошадники.

Никаких известий от участковых не поступало. Угонщики вместе с шестеркой лошадей как сквозь землю провалились.

Фомин позвонил в штаб дружины и попросил, чтобы дружинники обошли всех городских охотников и кого удастся из сельских. Пусть знают, что подростки украли ружье, необходимо быть настороже, информировать милицию о каждой даже самой малой пропаже огнестрельного припаса. Подростки обязательно попытаются выйти на кого-нибудь из охотников, потому что в магазине им патронов не продадут.

Вскоре после Фомина пришла Нина Васильевна. Ей удалось узнать от мелюзги, всегда почтительно околачивающейся неподалеку от Супы и его дружков, что вчера ребята из микрорайона собирались идти в городской парк на танцы. А кто-то сказал, что апачи назначили сбор. Супа предложил своим подшутить над апачами — угнать лошадей из фабричной конюшни. Никакого разговора о ружье мелюзга не слышала.

Безин, как рассказали пенсионерки из его дома, проводящие весь день на лавочке у подъезда, спозаранку куда-то укатил на своем мотороллере. Вернулся он часов в одиннадцать, весь заляпанный грязью. И без грибов, чем и обратил на себя особое внимание старух. Другие соседи возвращались тоже на заляпанных машинах и мотоциклах, но все с грибами, поскольку нынче пошел сильный слой белых.

— Белых? — не веря своим ушам, вскричал Фомин. — И помногу приносят?

— Я не спрашивала. — Она растерянно улыбнулась. — Мне, Коля, и в голову не пришло.

— Потому что ты не грибник, — скорбно пояснил Фомин. — Ладно, давай, что у тебя дальше.

— Безин никуда из дома не отлучался. Окна у него открыты, на всю мощь орет музыка. У Безина импортная стереоустановка, подарок родителей. А сами они ра-

ботаю где-то на Севере. По его словам, гнут горб, чтобы накопить на «Жигули». А его прислали сюда, на попечение бабушки. Безин где-то достает самую модную музыку, крутит целыми днями. Другие тоже крутят, но только Безин ровно в одиннадцать вечера вырубает звук. Хотя часы по нему проверяй.

— И хорошо, что соблюдает правила,— заметил Фомин.— А ты вроде бы недовольна.

— Я не верю, что Безин может хоть что-то сделать из уважения к другим. Других он откровенно, не скрываясь, презирает. Ты же знаешь, у нас народ терпеливый. Если у кого гулянка до утра, разве соседи делают замечание? В парке на танцах ансамбль гремит до двух ночи, а люди из ближних домов жаловались? Нет. Ладно, мол, пускай, дело молодое. Вот Безин и демонстрирует свое столичное презрение к нашей провинциальной уживчивости. Ровно в одиннадцать одним щелчком всем по носу.

— Здорово ты его не любишь.

— Есть за что! Он мне как-то сказал с наглой своей улыбкой: «Лучше быть плохим и жить хорошо, чем быть хорошим и жить плохо». И оглядывает этак оценивающе, как я одета на свою зарплату. Ладно, меня такими взглядами не проймешь. А других? Спроси любого мальчишку в микрорайоне, любую девчонку, они тебе перечислят, без чего нынче нельзя жить. Фирменные штаны, фирменная рубашка, кроссовки «Адидас». Для них папа с мамой — не авторитет, учителя — ханжи, книги врут, инспектор Вороханова — смешная идеалистка... Зато Безин — личность. Он прикажет — они в лепешку расшибутся, все сделают, не раздумывая. А девчонки?.. Они в упор не видят, кто красив, кто умен, кто всех сильнее. Видят, у кого сколько престижных вещей. А у Безина, кроме модных шмуток, золотого кольца, еще и мотороллер, стереопроектор. И отнюдь не все это куплено на деньги родителей. Они, по его словам, жмотничают. А он обходится и без их помощи. Мне он заявил, что ездить на Север за длинным рублем, как его папа с мамой, удел серых. А он не серый, он делает деньги здесь. И знаешь, каким авторитетом он пользуется у подростков?! Одному объясняю: «У тебя второй разряд по гимнастике, а Бес не умеет подтянуться на турнике. Ты можешь починить любой магнитофон или транзистор, а Бес — ни уха ни рыла в технике. Ты на гитаре играешь, в ансамбль

приняли, а Бес — нуль, бездарность». Все таланты человеку перечислила, вознесла его до небес. И что, думаешь, услышала в ответ от этой одаренной личности? «Вы, Нина Васильевна, смешная идеалистка со своими примерами из спорта и техники. А Бес умеет...» Начинаю допытываться, что же, в конце концов, такое особенное умеет Безин. Жметса: «Ну как вы, Нина Васильевна, не понимаете... Умеет жить...» И я чувствую, он недоговаривает. Боится Безина. Тот умеет подчинить себе, запугать. Супу превратил в раба...

— Н-да-а... — произнес задумчиво Фомин. — А как ты думаешь, Безин мог утром повидаться с Супой и всеми прочими? Не к ним ли он ездил на мотороллере?

— Супрунова дома нет. И еще нескольких из его компании. Я теперь примерно знаю, кто вместе с ним участвовал в угоне. — Нина Васильевна протянула Фомину листок с десятком фамилий. — Когда они вернутся, трудно сказать. По-разному бывало. И по два дня пропадали. Но скорее всего, заявятся сегодня вечером...

— Придется опять просить дружинников. — Фомин взялся за телефон.

В штабе обещали организовать наблюдение за домами, где живут Безин, Супрунов и другие лошадики.

В семь часов вечера Фомин съездил на мотоцикле домой, пообедал и возвратился обратно. За время его отсутствия ничего не произошло. От сельских участков по-прежнему никаких известий. Супрунов и его компания домой не вернулись. Дружинники видели одного подозреваемого, но он в угоне не участвовал, ездил с родителями в лес.

Ровно в восемь в кабинете Фомина раздался звонок.

— Фомин, ты? — спросил бодрый голос. — Скажи, в чем преимущество гужевого транспорта перед автомобилем? — Звонили из ГАИ, они там все воображали себя великими юмористами. — Не знаешь? Ну так слушай. Угнанный автомобиль никогда сам не возвращается к хозяину. — На том конце провода смеялся не один юморист, целая компания. — Зато лошадь возвращается! — В ГАИ все буквально рыдали со смеху. — Фомин, ты понял? Выходи встречать. Идут в город, все шесть. Только что передал пост на Нелюшкинском шоссе.

Фомин хотел было опять взять мотоцикл, но передумал и пошел пешком. Повернув с Пушкинской на Фабричную, он увидел лошадей. Шестерка шла гуськом посередке улицы нестройным, утомленным шагом, низко

опустив печальные головы. Фомина так и резануло по сердцу. Он пошел следом за лошадьми, замечая на асфальте темно-алые капли. У одной из лошадей поранена губа, а может, и у нескольких. Шестерка дошла до конца фабричной ограды, повернула направо, миновала Двудворицы, опять повернула направо и остановилась перед запертыми конными воротами. Ругнув про себя Шилова, Фомин перелез через забор, отодрал приколоченный брус и отворил ворота, приветствуемый дружным лошадиным ржанием. Шестерка потрусил к конюшне. Фомин затворил ворота и пошел открывать конюшню. Внутри было темно, он нащупал выключатель, зажег свет и стал освобождать лошадей от уздечек, скрученных из электрического шнура и проволоки. У двух лошадей губы оказались сильно порезанными. Фомин поискал аптечку. Нету, не обзавелись. Насыпал лошадям овса, но обе лошади с пораненными губами не стали есть. Он посидел, подождал. Не едят, не могут.

Уходя, он прихватил с собой уздечки, необходимое вещественное доказательство. В проходной вахтер остолбенел, увидев Фомина.

— Что-то я не упомяну, когда вас пропускал...

— Я через забор! — пояснил Фомин. — Передайте начальству — лошади пришли. И пусть конюха отыщут. И пусть он вызовет ветеринара. И передайте Шилову, завтра я лично проверю состояние лошадей! — Фомин в сердцах захлопнул за собою дверь.

В горотделе он внимательно осмотрел самодельные варварские уздечки. Поводья из электрического шнура были обрезаны на всех шести одинаковым образом, наискосок. Вернее, отрублены каким-то орудием, не столько острым, сколько тяжелым, потому что кончики проводов расплющены. Навёрное, топором. Значит, лошадей освободили не сами угонщики, а кто-то другой. Когда они спали. Или когда отлучились на время — допустим, пошли искать патроны. А может, они вовсе бросили лошадей привязанными, без корма и воды. Бросили на верную гибель, потому что электрический провод лошадям не перетереть ни за что.

С наступлением темноты Фомин и двое дружинников заняли позицию в детском бревенчатом городке, составлявшем гордость микрорайона и всего Путятина. Чего здесь только не было! Терем Василисы Прекрасной, крепость с зубчатыми стенами, ладья Садко, избушка Бабы-Яги на курьих ножках, горки и качели. Фомин и

его помощники укрылись в ладье, отсюда им удобно было наблюдать за домами, где жили Безин, Супрунов и лошадаики из их компании. В окнах Безина горел яркий свет, внизу на лавочке, где обычно сидят пенсионерки, собрались девчонки, по их заявкам Безин ставил на стереопроеигрыватель пластинки с записями «Бони М», но на улицу так и не вышел. Ровно в одиннадцатъ, как и говорила Нина Васильевна, Безин выключил музыку и погасил свет. Девчонки посидели немного и разошлись. К двенадцати во всех окрестных домах остались освещенными лишь несколько окон. Одно из них в квартире Супруновых. Не спят, волнуются.

Лошадники появились в половине первого. Дружинники разглядели в руках Лешки Супрунова большую спортивную сумку.

— Глупо нести ружье в дом, — шепнул Фомин своим помощникам, — но кто его, дурака, знает!

Фомин не собиpался беседовать со всеми сразу, надо подождать, чтобы разошлись по домам. Лешку Супрунова он взял на себя.

Компания не спешила расстаться, направилась в детский городок. Фомин и его помощники нырнули за борт ладьи, но Супа с приятелями предпочел избушку Бабы-Яги. Вскоре он вышел из избушки и скрылся в подъезде дома, где жил Безин. У Безина зажегся слабый свет. Фомин подумал, что Лешка Супрунов не станет тревожить такую важную персону, как Бес, по пустякам. Минуты через три свет погас, и вскоре Лешка вышел из подъезда. В избушке состоялся какой-то разговор, затем лошадаики разошлись.

— Осмотрите избушку, всю обшарьте, — сказал Фомин своим помощникам и пошел следом за Лешкой.

Время, конечно, позднее, но придется побеспокоить его родителей. Впрочем, они и так не спят... Фомин не любил появляться у людей ночью. После визита сотрудника милиции людям уже не уснуть до утра. Но если упустить очень важный ночной час, потом и за много дней не наверстаешь.

Лампочки на лестнице не горели. Фомин слышал наверху, через этаж, крадущиеся шаги, звякнули ключи. «Ходу!» — приказал себе Фомин и в несколько прыжков настиг Лешку, загородил дорогу, нажал кнопку электрического фонарика.

— Откуда возвращаешься так поздно? Что в сумке? Покажи!

В тот же миг наверху распахнулась дверь одной из квартир, на площадку выскочил мужчина в пижаме.

— Алексей! Где ты шлся?! — Мужчина заметил рядом с мальчишкой Фомина и все понял, хотя Фомин был в штатском. — Товарищ, прошу, пройдите в квартиру. — Он пропустил вперед Фомина, Лешка шел следом. — Дошлялся, мерзавец! — Отцовский пинок швырнул Лешку через узкий коридор.

Лешка вышиб лбом дверь, Фомин увидел женщину, торопливо путающуюся в пуговицах халата.

— Прошу! — мужчина подобрал с пола вылетевшую из Лешкиных рук спортивную сумку, внес в комнату. — Смотрите. И ты смотри! — крикнул он женщине. — Твое воспитание!

«Молнию» на сумке заело. Лешкин отец побагровел от напряжения, рванул замочек, пластик треснул, содержимое сумки посыпалось на пол. Пачки импортных сигарет, пакетики жевательной резинки, яблоки, несомненно, из чужого сада, колода карт, моток капроновой веревки, перочинный нож, трехгранный напильник. Ну и конечно, штаны с дырами на задку. Но ружья не было.

— Извините, — сказал Фомин Лешкиной матери. — Вчера ваш сын и еще несколько ребят из соседних домов угнали лошадей. При этом пропало ружье конюха. Сами понимаете, огнестрельное оружие в руках у несовершеннолетних. — Фомин помедлил самую малость и круто повернулся к Лешке, успевшему развалиться на диване. — Супрунов, где ты спрятал ружье? Встань, я с тобой разговариваю! (Лешка встал.) Советую тебе говорить правду. Это в твоих интересах. Где ружье?

После, вспоминая свой ночной приход к Супруновым, Фомин понял, что Лешка признался бы сразу, не будь рядом отца и матери. Отец орал на Лешку и тряс за шиворот, мать повторяла сквозь слезы: «Лешенька, скажи... Скажи, что ты не брал». Потом Лешкиной матери стало плохо с сердцем, отец заметался в поисках нитроглицерина, а Лешка опять разлегся на диване с яблоком, подобранным с пола.

— Не люблю шума... — Лешка обтер яблоко рукавом, смачно откусил и продолжал с набитым ртом: — Ну, ладно. Взяли мы ружье, я взял...

— Где спрятал? — Фомин наклонился над Лешкой, схватил за руку, яблоко выпало.

Лешкин отец наконец нашел нитроглицерин, подал таблетку жене, другую сунул себе в рот.

— «Где, где»...— передразнил Лешка, не решаясь, однако, вновь взяться за яблоко.— Вы мне вопросов не задавайте, я сам, по порядку. Ружье висело, я его взял. Мы покатались на лошадях и решили отдохнуть. Заехали в лес. Там туристы, они нас погнали. Мы проехали немного дальше, поели и легли спать. Утром просыпаемся — ни лошадей, ни ружья. Вы, конечно, хотите знать, пробовали ли мы из него стрелять. Отвечаю: нет, у нас не было патронов.

— Вы слышите? — Лешкина мать радостно всплеснула руками.— Они не стреляли! Леша не стрелял! Он говорит правду, даю вам честное слово матери.

Фомин и без ее честного слова знал, что Лешка Супрунов на этот раз говорит чистую правду. Ружье ночью пропало. Очевидно, его унес тот, кто обрубил поводья из электрического провода и освободил лошадей. Но если это был хороший, жалостливый человек... Он давно уже принес бы ружье в милицию. Или нашел бы способ сообщить, что оно у него. Выходит, обрубил поводья и унес ружье кто-то, чьи мотивы весьма сомнительны. Возможно, кто-то из этой же компании. Но с какими целями?

— Ложись спать,— сказал Фомин Лешке.— Завтра в десять ко мне.

Лешкин отец накинул плащ и вышел проводить Фомина.

— Страшное несчастье,— говорил он убито.— Мы уехали из Шуи, потому что Алексей связался с плохой компанией. Бросили прекрасную квартиру. Но здесь началось то же самое.

Фомин молчал. А что можно сказать? Что от самих себя никуда не уедешь?

На улице его поджидали оба дружинника. Они обшарили все углы в избушке Бабы-Яги и ничего не нашли, кроме окурков. Зато потом им повезло. Одного из лошадиников родители выгнали из дома с древним напутствием: «Ступай туда, откуда пришел». Парень решил переночевать у Бабы-Яги и угодил прямиком в руки дружинников. Они его взяли в оборот, и он во всем признался. И в том, что компания Супы угнала лошадей из фабричной конюшни. И в том, что Супа прихватил висевшее там ружье...

Дальше дружинники пересказали Фомину слово в слово то же самое, что он только что слышал от Лешки Супрунова. Точность совпадения озадачила Фоми-

на. «Не Безин ли приказал?» Фомин поглядел наверх, на темное раскрытое окно, и ему почудилось, что там кто-то стоит.

v

Вихрь проснулся среди ночи. В деревне что-то случилось, хлопали двери, тревожно перекликались голоса. Вихрь вздохнул и весь напрягся в ожидании. Сейчас ему придется исполнить древний закон рабочих лошадей — себя не пощадить, но честно сослужить людям.

Со скрипом отворилась дверь, в конюшню внесли свет жестяного керосинового фонаря, женские трясущиеся от волнения руки стали собирать Вихря в дорогу. Он беспокойно оглядывался: где Хозяин? Хозяина не было. Не с ним ли случилась беда?

— Ты уж выручай, Вихорек! — приговаривали женщины, запрягая Вихря в легкую телегу, подаренную стариком кузнецом.

Они подвели его к крыльцу, ушли в избу и вскоре появились, согнувшись под тяжестью человеческого тела, завернутого с головой в толстое стеганое одеяло. Вихрь испуганно всхрипнул: лошади не любят возить мертвых. Женщины с трудом приподняли длинный сверток и занесли в кузов. Вихрь успокоился: в одеяло был завернут живой человек.

Одна из женщин подошла к Вихрю, погладила, уронила ему на губы теплые соленые капли:

— Прости, Вихорек, если что...

Другая села на облучок, натянула вожжи и негромко приказала:

— С богом!

Вихрь влег в хомут, взял с места и сразу же заспешил впритруску, слыша позади слабые стоны и слезную мольбу:

— Терпи, скоро доедем...

Какое там «скоро»! Вихрь по сборам, по прощанию понял, что дорога будет долгой, трудной. Только бы хватило сил! Нынче ему никак нельзя то подналегать, то расслабляться, нынче ему бежать да бежать. Его торопили вожжи, взмахи тонкой хворостины, упрашивал голос: «Но-о-о, милый!», подгоняли стоны, доносившиеся с телеги. Дорога не кончалась, телега сделалась невыносимо тяжелой, Вихрь задыхался, весь взмок, каждый шаг мучительно отдавался в больных суставах, глаза застилал туман, но он все бежал и бежал, слыша позади: «Но, милый! Терпи, скоро доедем...»

Терпеть он умел, на том возрос и жил. В роду у Вихря все были терпельники. Так неужто он, последний в своем роду, не вытерпит все муки на последнем, быть может, своем пути? Кончается терпеливый лошадиный род — так пусть кончается не бесславно.

Вихрь подналег из последних запасов сил, и ему показалось, что он помчал резво, как, бывало, в молодости. Только оперевшись в больничные ворота, Вихрь очнулся и понял, что не делал сюда во весь опор, а едва доковылял, шатаясь и засекаясь. Но ведь не свалился, довез!

Обернувшись назад, он следил, как сверток в одеяле переложили на носилки и унесли. За носилками шла женщина, все еще держа свою ненужную теперь слабую хворостину. Вихрь бессильно уронил голову и расставил дрожащие ноги пошире, он боялся упасть. Но больничный сторож не позволил Вихрю стоять на месте, умело распряг и, нашептывая ласковые слова, стал водить Вихря по двору, обтирать мокрую спину и бока взятым из телеги сухим душистым сеном. Вихрь понял, что сторож когда-то имел дело с рабочими лошадьми, ему можно довериться.

Но ни Вихрь, ни больничный сторож не знали ничего о войне между Ермаковским сельсоветом, помещавшимся рядом с больницей, и последними жителями Дебри.

— Откуда у них лошадь? — удивились утром в сельсовете, увидев привязанного к телеге Вихря. Чужие люди взяли его под уздцы, привели на чужой двор, заперли в сарае. Днем пришел больничный сторож, принес Вихрю ведро с теплой болтушкой, от нее вкусно пахло овсом, Вихрь с удовольствием уплел больничную кашу из «Геркулеса», разбавленную водой. Он ждал, когда за ним придет женщина с хворостиной, чтобы ехать обратно в деревню. Она все не шла. Вихрь вспомнил, как другая женщина попрощалась с ним словно бы навсегда, и его охватила гнетущая тоска.

На другой день чужие люди привели к сараю фабричного конюха, который всегда ругался, бил Вихря кулаком по глазам и говорил, что сдаст на мясокомбинат. Вихрь задрожал от страха и стал колотить копытами в стену сарая. После хорошей жизни у Хозяина ему не хотелось возвращаться обратно на фабрику.

— Психует! — сказали чужие люди и отошли подалее.

Конюх заглянул в сарай и рассердился, раскричался:

— Почему не передали приметы? Ездишь из-за вас попусту! У меня рыжий пропал, с белой отметиной на лбу. А у вас какой? Гнедой, без отметины!

Накричавшись, конюх повернулся и пошел, двери сарая опять заперли на замок.

Вихрь вытянул шею и заржал. Он испугался, что стал теперь никому не нужным. Уж пусть снова голый фабричный двор, насмешки над единственной лошадиной силой. Но конюх не узнал его голоса и не вернулся.

VI

В шесть утра Фомина разбудил звонок дежурного по горотделу:

— Передо мной сидит гражданин и уверяет, что ты его хорошо знаешь. Пришел с ценной информацией и, похоже, по твоему розыску. Машина за тобой уже послана.

Фомин приготовился к неприятному известию, что перед дежурным сидит Киселев. Но, слава богу, это оказался всего лишь дядя Вася. Приехав в горотдел, Фомин увидел принесенные дядей Васей «сведения» на столе перед дежурным. Четыре сплюснутые пули. Фомин забрал пули и повел дядю Васю к себе.

— Я черного сразу узнал, но виду не подал. Помните, в прошлом году художники пытались обокрасть музей? — Рассказ дяди Васи сопровождался таинственным подмигиванием. — Один из ихней шайки пытался, между прочим, отобрать у меня вещественные улики. Но не на такого напал. «Куда-то, — говорю ему, — бросил, не помню». А все четыре пули у меня в кармане. Потом перепрятал в банку из-под графита. Еле утра дождался — и скорее в милицию...

По предположениям дяди Васи, в лесу произошла стычка двух бандитских шак, не поделивших добычу. А художник темнит и прикрывается подростками-лошадниками, которые будто бы ночью прострелили шины. На самом деле художник и его сообщники за кем-то гнались на «Жигулях», бандиты, как в кино, отстреливались, целя в шины.

— Теперь они где-то в лесу, скрываются. — Дядя Вася перешел на трагический шепот. — Не дай бог, напорется на них кто-нибудь из грибников! Пришьют и зароят в чащобе, так что и не отыщешь. Мой вам совет: срочно вызывайте вертолет, сверху вы их миглом обнаружите.

Фомин мрачно разглядывал четыре комочка свинца. Значит, Супрунов все-таки соврал. Патроны у мальчишек были. А туристы, обратившиеся за помощью к дяде Васе, те самые, которые прогнали лошадиников от своего лагеря.

— Вам художник сообщил, где их лагерь? — спросил Фомин дядю Васю. — На чем он привез шины? И говорил ли, кто ему посоветовал обратиться за помощью к вам?

Дядя Вася клятвенно прижал к груди растопыренную черную пятерню.

— Вот ей-богу, больше ничего не смог вывести! Сам удивляюсь, как мне удалось прибрать пули. А грузовик скрылся. Я выхожу и вижу у своих ворот художника. Сразу вспыхивают подозрения, но спросить, на какой машине он приехал, значит, спугнешь...

Дядя Вася удалился с гордо поднятой головой. И тотчас раздался телефонный звонок.

— Привет! Мне дежурный сказал, что ты уже на работе. Как самочувствие? — Голос Киселева звучал до наглости жизнерадостно. — Дядя Вася приходил? Пули принес? Коля, я серьезно. Не огрызайся на друга детства и не бросай трубку. Нашего старого знакомого Толю направил к дяде Васе я. Учти, произошла чисто случайная встреча на шоссе, никакого вмешательства в дела милиции. — Киселев тараторил, уверенный в том, что Фомин на другом конце провода слушает с полным вниманием. — Дядя Вася, конечно, не знает, где стоит лагерь. А я там побывал. Значит, так. Поедешь по Нелюшкинскому шоссе. Не доезжая моста через Медвежий овраг, по правую сторону есть сверток в лес. Вчера мы на ЗИЛе оставили там след. Не собьешься. Поезжай по следу — и увидишь роскошную жизнь современной интеллектуальной элиты. И я бы тебе посоветовал...

— Потом, Володя, потом, — перебил Фомин. — Спасибо тебе, ты мне очень помог.

К туристам Фомин поехал вместе с инспектором ГАИ. Холеный пес в раззолоченном ошейнике выскочил навстречу «газику», предупреждающе гавкнул. Из палаток выглянули сонные, разгневанные лица.

— Безобразие! У людей отпуск!

Последним выглянул чернобородый Толя. На его лице выразился явный испуг, сменившийся жалкой просительной миной: «Не выдавай, что мы раньше встречались». Фомин кивнул в ответ: «Понял, не выдам». Туристы, продолжая возмущаться, расселись по шезлонгам, ни один из них не собирался помочь Фомину

и инспектору ГАИ в поисках пыжей. Толя тоже возмущался, но взглядами выражал самое горячее сочувствие Фомину и инспектору ГАИ, ползавшим по мокрой от росы траве. После долгих поисков были найдены три пыжа из газеты, еще один исчез неизвестно куда. К сожалению, так и не удалось установить время, когда были совершены выстрелы. На все расспросы туристы отговаривались полным незнанием.

Сколько они еще тут рассчитывают прожить? А это как позволит погода.

На обратном пути инспектор ГАИ разъяснял Фомину, насколько надежен существующий порядок учета личного автотранспорта и контроль на дорогах.

— Эти желтые «Жигули» мы берем на себя. Проследим за каждой поездкой. Установим, кто владелец. Между прочим, раньше и лошади состояли на строгом учете. Мне батя рассказывал. Существовали лошадиные паспорта. Год рождения, кличка, масть, приметы, кому принадлежит. Обязательно полагалось таврить лошадей, у каждого хозяйства имелся свой именной знак. А теперь... Все пересели на машины, о лошадях никакой заботы. О них даже в отчетности не упоминают...

Автоинспектор оказался родом деревенский. Вгорячах он забыл про все преимущества автотранспорта перед гужевым.

— Сами не уважаем рабочего коня, — возмущался автоинспектор, — потому и мальчишки себя так ведут! Где это раньше бывало, чтобы пацан лошадь после работы гонял вскачь, да еще ножом колол! Понимали... Мой батя конюхом работает в колхозе. Нашел в лесу двух угнанных коней, привел в деревню, известил милицию о приметах. И что ты думаешь? Хозяева так и не нашлись. Они наверняка уже успели акт составить, что несчастные дружно откинули копыта. Как же после этого обратно приведешь?.. А лошадки неплохие. Они и сейчас у бати в конюшне. Работают. Статного батя называл Генералом. А другого, здоровилу, Трифоном. Жил когда-то у нас в деревне такой мужик-силач...

Рассказ автоинспектора вновь пробудил у Фомина надежду на скорое завершение розыска. «Лошадей, угнанных подростками из микрорайона, освободил какой-то добрый человек. И ружье у него. Он просто еще не успел добраться до города и сдать. Сейчас приеду в горотдел, и мне скажут, что ружье уже принесли. И пойду я к Петру Петровичу с делом посерьезнее. Конечно, не сражение двух банд в лесу, но, судя по испугу Толи, что-то там нечисто».

В горотделе никто не выскочил навстречу Фомину с радостным известием, что ружье уже принесли. Лешка Супрунов уныло сидел на скамье в полутемном коридоре. Было без четверти одиннадцать.

— Подожди, вызову! — бросил, проходя, Фомин.

Первым делом он доложил дежурному про подозрительных туристов. А потом справился у дружинников, как провел утро Безин.

Дружинники караулили Безина с ночи. Он вышел в половине седьмого, сел на мотороллер, поехал по Сиреневому бульвару и затем свернул на Советскую. Один из дружинников преследовал его на своем мопедке. На Советской дружиннику встретился родной дядя, ехавший на «Запорожце», недавно купленном у зубного техника Галкина. Дядя спешил в Нелюшку на свадьбу, однако все же согласился помочь дружиннику. Жена, сидевшая в машине, возражала, но слабо. «Запорожец» преследовал Безина по Советской, затем по Фабричной и дальше по шоссе. Безин катил, ничего не подозревая. Неподалеку от Медвежьего оврага преследуемый свернул в лес. Дружинник решил, что это проверка со стороны Безина — нет ли хвоста, и «Запорожец» проехал мимо. Через километр дружинник сошел, дядя с женой, как и намеревались, покатали в Нелюшку на свадьбу. Безин на шоссе не появлялся. Дружинник сел на попутку и вернулся на свой пост возле дома. В восемь часов он и его напарник увидели подъезжающего Безина. Очевидно, его возвращения дожидался и Лешка Супрунов. Лешка вышел из дома, о чем-то он и Безин говорили минуты три, а затем Лешка направился через пустырь в сторону Фабричной. К кому он шел, проследить не удалось. На пустыре между микрорайоном и Парижем построены десятки частных гаражей и сараев. Лешка скрылся в этом лабиринте. Без четверти девять Лешка вернулся. В девять к Безину пришел подросток. Не из микрорайона, чужой. С приметным вихром.

Фомин понял, что приходил вызванный Безиным Андрей Бубенцов. Да, не зря показывала бабушка фотографию любимого внука! Парень оставался у Безина недолго и вышел чем-то довольный.

«Итак, Безин, по прозвищу Бес, побывал у туристов. Но зачем? Туристы, несомненно, не подкрадывались ночью к спящим подросткам, чтобы освободить лошадей. И уж тем более не брали ружья. Зачем оно им?»

Фомин выглянул в коридор и сказал Лешке: «Заходи», но не стал сразу с ним работать, а дал еще помолиться, позвонил на фабрику: где конюх и оказана ли

медицинская помощь лошадям, пострадавшим от жестокого обращения?

Лешка тревожно ерзал на стуле, ему казалось, что забота Фомина о лошадях — милицейский прием, психическая атака. На фабрике долго искали конюха и наконец сообщили, что он уехал куда-то в район. Кажется, лошадь нашлась. Та, что давно пропала. Конюх поехал за ней.

— Как вернется, передайте, чтобы позвонил. — Фомин положил трубку и занялся Лешкой. — Давай, Супрунов, рассказывай про ружье, с самого начала.

Рассказывал Лешка, поглядывая время от времени на потолок, причем с такой заинтересованностью, что Фомин невольно следовал за Лешкиным взглядом, но, увы, не обнаруживал на потолке ничего достойного внимания.

Итак, в пятницу вечером большая компания подростков собралась у гастронома. И вдруг кто-то сказал, что апачи хотят вечером угнать лошадей.

— Я предложил разыграть апачей. Они придут, а лошади тю-тю. И не секрет, кто угнал. Мы в конюшне письмо оставим. Ребятам понравилось. Сбегали за снаряжением и пошли. Шесть человек. Конюх спал, даже храпел. Мы вошли в конюшню с фонариками, разобрали лошадей. Смотрю, на гвозде ружье. Я взял, повесил через плечо. Поискал патроны — не нашел. Хотел оставить ружье, а потом раздумал. Покатаюсь с ружьем и верну. Ну, подброшу... На лошадях мы поехали по Нелюшкинскому шоссе. Мы не знали, что на фабрике такие плохие лошади. Обычно мы берем в колхозах, колхозные хоть немного скачут, а фабричные — не хотят. Один тип на ЗИЛе наорал на нас, чуть всех не передавил. Мы съехали с шоссе в лес. Попали на туристов, они стали обзывать: «Шпана, хулиганье!» Велели убираться подальше, а то натравят собаку. Мы отъехали от них на другую сторону оврага, привязали лошадей, поели и легли спать. Утром просыпаемся — где лошади? Ушли. И ружье пропало. Я очень испугался, я ведь не насовсем взял, только покатаюсь. Честное слово, я бы ружье вернул, то есть подкинул бы на место.

— А оно исправное?

— Откуда мне знать? — Лешка обозлился: ловит, как дурачка. — Я стрелять не пробовал.

— Мог по виду определить, исправное или нет.

— Темно было.

— И все-таки...

— Исправное. Лаком пахло. Смазкой.

— Теперь я верю — ты его держал в руках. Ружье было накануне взято владельцем из мастерской. Пошли дальше. Давай уточним, в котором часу вы привязали лошадей и легли спать? И когда проснулись?

Лешка отвечал, не забывая сверяться с потолком. Нелепость его положения заключалась в том, что ружье он унес по собственной дурости. А вовсе не по приказу Беса, как думают в милиции. Лешка видел, куда клонит Фомин. Что, мол, лошадей угнали для вида, а на самом деле пришли за ружьем.

Проще простого было бы для Лешки признаться Фомину, что он заранее ничего не замышлял. Стояли у гастронома, трепались, пришел Бес, отозвал Лешку и сказал, что апачи на сегодня назначили сбор. У Беса есть какой-то шпион в Двудворицах, выдает ему индейские тайны Кости-Джигита. Ну и что такого?! Подшутить, что ли, нельзя? Пошли за лошадьми. По дороге вспомнили, какое обращение разослал всем лошадиникам Костя-Джигит. Сочинили для смеха письмо, решили оставить на видном месте. А ружье просто на глаза попало...

Лешка мог бы добавить с застенчивым видом, что ему вообще свойственны необдуманные поступки. Сделает что-нибудь и сам не умеет объяснить. Такая вот загадка человеческой психики.

Лешкины родители, вовсе отчаявшись, стали с прошлого года водить его к психиатрам. Те признавали Лешку вполне нормальным, только со склонностью к «безмотивной агрессии». А последний, у кого были, сказал, что «безмотивная агрессия» — неправильный термин, безмотивных поступков вообще не бывает. Просто у Лешки «деформированные потребности». Лешка слушал и мотал себе на ус, что такое «деформированные потребности». Это значит, сильно развитые биологические, неверно ориентированные социальные, а духовные и культурные находятся в зачаточном состоянии.

После очередной консультации с медиками Лешкины родители приходили в еще большее отчаяние. А он все успешнее применял свои познания в психиатрии, чтобы допекать отца с матерью и фокусничать, когда попадал в милицию.

Но сейчас он опасался хоть малость переиграть. Бес приказал давать самые правдивые показания, утаив

только одно, никому из ребят не известное, кроме Лешки: угнать фабричных коней велел Бес.

Фомин отправил Лешку в коридор:

— Посиди, подумай. Может, еще что вспомнишь.

А сам отправился во флигелек, к Нине Васильевне.

У нее перебивали с утра по очереди остальные пятеро угонщиков. Ни один не запирался, рассказывали с большой охотой, не путались и не противоречили. Пять чистосердечных признаний совпали полностью, до мелочей, — кто где стоял, кто первым вошел в конюшню, кто писал записку апачам. Все пятеро уверяли, что Лешка про ружье заранее не говорил, а потом, когда взял, будто бы заявил при всех: «Ружье вернем. За ружье могут посадить. Сотру отпечатки пальцев и подброшу в конюшню».

Эти слова вколотил в головы всем пятерым Лешка — после того, как побывал ночью у Беса.

— Я думаю, им можно верить, — сказала Фомину Нина Васильевна. — Они всего-навсего собирались обдурить апачей. Каждый из пятерых вспомнил, что о назначенном апачами сборе они узнали от Супрунова.

— И он так говорит, — заметил Фомин.

— Но видишь ли... — Нина Васильевна замялась. — Апачи каждый свой шаг окружают тайной. Каким же образом Супрунову удалось узнать день и час сбора?

— Ну, это уже из области детских игр, — пробурчал Фомин. — Хотя... — Ему пришло на память беспокойство матери и бабушки Андрея Бубенцова, затем другие факты: покупка Андреем овса, злой блеск в глазах Кости-Джигита при упоминании о Бубенцове, отзыв Вити Жигалова — «чокнутый»... А сегодня утром Бубенцов наведлся к Безину и вышел очень довольный. Это уже не детская игра!

Фомин пересказал Нине Васильевне все, что ему удалось разузнать в Двудворицах.

— Безину о назначенном апачами сборе сообщил Бубенцов, — уверенно заявил Фомин. — Но зачем Безину эти детские индейские тайны?

— Ему зачем?! — Нину Васильевну удивила непонятливость Фомина. — А для развлечения. Чтобы дразнить, измывать, унижать других! Чтобы утверждать свое превосходство! Но Андрей... — Она решительно мотнула головой. — Нет, он не мог предать апачей. Он действительно немного чокнутый. Недавно пришел ко мне и просит помочь ему устроиться в школу.

интернат. Я прямо руками развела. «Чего, говорю, тебе надо? Дома условия вполне нормальные. Мама и бабушка на тебя не надышатся».

— Вот видишь,— отечески укорил Фомин.— У парня какая-то червоточина. А тебя послушать, все твои подопечные один лучше другого, и ничего плохого они сделать не могут.

...Возобновив беседу с Лешкой, Фомин среди прочих вопросов задал ему и вопрос о том, кто разведал тайну апачей насчет дня и часа сбора. Лешка поднял глаза в потолок, что-то там искал долго и старательно, но так и не нашел.

— Да ну их! Тоже мне тайны! Сказал кто-то, не помню.

— Ладно, я сейчас помогу тебе вспомнить...— Фомин выдержал паузу и выпалил в упор: — Безин? Я правильно говорю? У него есть свой человек в Двудворицах. Кто? Бубенцов? Ты сегодня ходил за Бубенцовым по поручению Безина?

Но Лешка так и не выдал своего шефа. Окамене, и вообще перестал отвечать на вопросы.

Нина права, Безин их всех здорово запугал. Но к похищению ружья он, возможно, и не причастен. Он послал их «подшутить» над апачами. И Лешка действительно взял ружье просто так. И оно действительно затем исчезло неведомо куда...

— Можешь идти домой,— разрешил он Лешке — И думай, думай. Я еще тебя вызову. И не раз

Выходя, Лешка столкнулся нос к носу с конюхом Шиловым. Фомин отметил, что они друг с другом незнакомы. «Впрочем, это обстоятельство равным счетом ничего не значит. Кроме того, что я теперь окончательно сбит с толку».

— У лошадей самочувствие удовлетворительное, температура нормальная,— бойко докладывал Шилов.— Две освобождены от работы по случаю временной нетрудоспособности.

— Говорят, седьмая отыскалась?

— Пустой номер, Николай Палыч.— Конюх досадливо махнул рукой.— Напрасные надежды. Вихрь рыжий, с белой отметиной на лбу. А нашелся гнедой. И без отметины. Да и не такой старый. Зря только ездил, время терял.

Фомин повел Шилова к дежурному по горотделу. Дежурный говорил по телефону, полупривстав и поми-

нужно повторяя с величайшим усердием: «Вас понял!.. Есть!» Это значило, что на проводе начальство. Увидев Фомина, дежурный сделал страшные глаза: мол, разговор касается тебя. Фомину такое известие не доставило удовольствия. Ему вовсе не хотелось, чтобы начальство и сегодня, в воскресенье, интересовалось розыском ружья, идущим из рук вон плохо. Оглядывая кабинет начальника с длинным зеленым столом посерединке, Фомин представил себе со всеми подробностями, как завтра в девять утра здесь соберутся сотрудники и Налетов при всех устроит разбор его неумелых действий.

— Есть! — в последний раз отчеканил дежурный и положил трубку. — Тебя просили пока не уходить, — сообщил он Фомину, не вдаваясь в подробности при постороннем.

— Ясенько! — проронил Фомин как можно беспечальней. И оглянулся на застрявшего возле двери Шилова. — Подойдите-ка сюда поближе, сядьте и расскажите о своей поездке в Ермаково.

Выслушав Шилова, дежурный зашелестел бумажками.

— Вот... Сообщение из Ермакова. Работниками сельсовета конфискован конь, который, по имеющимся достоверным сведениям, был похищен подростками-лошадниками еще весной и спрятан в деревне по названию Дебрь с согласия тех тамошних жителей, являющихся таким образом соучастниками кражи государственного имущества.

— Столько сведений собрали, только про масть забыли! — возмутился дежурный. — Ну, ничего, сейчас поищем, кто заявлял о пропаже гнедого. — Он перелистывал бумаги и вычитывал вслух: — «Кобыла соловая, по кличке Малинка...» Не то! «Мерин серый в яблоках...» Не то! «Корова черно-пестрая, один рог сломан...» Не то! «Коза Маруся, гусыня с пятью гусятами...» Вот! «Гнедой в белых чулках, возраст семь лет, пропал на прошлой неделе из совхозной конюшни, особая примета — хвост острижен под самый корень...»

— Нет, нет... — Шилов все энергичнее мотал головой. — Не в чулках. Хвост длинный. И лет не семь — поболее.

Дежурный еще порылся в записях, но больше там гнедых не нашел. Только один — в белых чулках и с остриженным под корень хвостом.

Фомин слышал от старых рыбаков, что в прежние времена леску делали из конского волоса, выстригали помаленьку из хвостов, особо ценя белые. Но кому и зачем сейчас понадобилось отхватить у несчастного гнедого весь хвост целиком? Как ему теперь от оводов защититься, от прочей мухоты? Дикая, жестокая, бессмысленная выходка! Фомину вспомнились слова автоинспектора, с которым он ездил к туристам: «Сами не уважаем рабочего коня, потому и мальчишки себя так ведут». Конечно, не уважаем. В Ермакове обнаружился какой-то гнедой, а заявления о его пропаже нет. Совершенно безобразный и возмутительный факт. И если копнуть, выяснится, что где-то уже преспокойно сочинили акт, написали, что гнедой сломал ногу и его пришлось пристрелить. Или еще под каким-нибудь предлогом списали, зная, что за коня строго не спросят. За Вихря ведь тоже ни с кого не спрашивают.

— С завтрашнего дня вы сами начнете искать своего рыжего с белой отметиной! — приказал Фомин Шилову.

Шилов изобразил полную готовность:

— Я что? Я пожалуйста! Лишь бы начальство разрешило отлучиться в рабочее время с рабочего места. Вихря ведь не по деревням придется искать. По лесам да по полям. Он не такой, чтобы его поймали и запрягли. Вихрь никого к себе близко не подпустит.

После ухода Шилова Фомин сказал дежурному:

— А гнедым, который в Ермакове, я займусь сам. Найду, кто хозяин, и установлю, почему не заявлял. Пора кончать с бесхозным отношением к лошадям.

— Не тем тебе надо заниматься, Фомин, — рассудительно возразил дежурный. — Тебе, Фомин, надо подумать, и очень крепко, с чем ты пойдешь к Петру Петровичу сегодня в шестнадцать ноль-ноль.

...В шестнадцать ноль-ноль вместе с Петром Петровичем Налетовым приехал заместитель по оперативной части Вадим Федорович Баранов. Фомин поплелся докладывать, что дело о ружье становится сложным и запутанным. Но вопреки его ожиданиям и посулам дежурного, Петр Петрович уделил безуспешным поискам ружья только одну, правда сокрушительную, фразу:

— Действовал ты недостаточно оперативно, без огонька, потому и не добился результата.

Оказалось, Фомин вызван на шестнадцать ноль-ноль по совсем другому поводу.

— С утра сегодня занимаемся твоими туристами,— сообщил Налетов.— Там действительно что-то не чисто. Как видишь,— он кивнул на Баранова,— и Вадим Федорович, несмотря на воскресенье, тоже здесь. Уже установлено, что шины привез в ремонт шофер Куприянов. Он же их отвез сегодня утром. Мы его пока не трогаем. Поглядим, что дальше.

«Куприянов? Но ведь Кисель говорил, что художника направил к дяде Васе он!» Фомин помялся и передал Петру Петровичу утренний разговор с директором музея Киселевым.

— А-а-а, опять твой детектив,— ехидно заметил Баранов.

— Его информация оказалась своевременной и полезной,— твердо заявил Фомин.— Мы должны опираться на общественность!

Покидая кабинет Налетова, Фомин подумал: «А ведь Кисель не поверит, что я за него заступался. Хоть клянись — не поверит».

Дома Валентина Петровна встретила Фомина вопросом:

— Ты Володю на улице не встретил? Он только что ушел.

— Что ему нужно? — подозрительно спросил Фомин.

— Ничего. Зашел в гости, рассказывал о своих планах. Он собирается создать при музее исторический кружок. Уже есть актив, ребята из Двудвориц. Он хочет познакомиться с их школьными характеристиками. Я позвонила в Двудворицкую школу и договорилась, ему покажут характеристики.

— Значит, Кисель все-таки приходил не в гости, а по делу,— проворчал Фомин.— Напрасно я заподозрил, что он ходит любезничать с тобой, пока я на работе.

Продолжая ворчать, Фомин оставил в передней ботинки, сбросил в комнате пиджак, прошел в ванную и встал под душ, резко переключая то на горячую, то на холодную воду. «Эх, все равно с баней не сравнить. В субботу сходишь в баню, попаришься, и всю неделю голова ясная, работоспособность отличная. Если бы в эту субботу я побывал в парилке, не было бы безрезультатной копотни с пропавшим ружьем. Я бы мигом нашел. Да, вся причина в том, что у меня сорвалась субботняя баня.— Фомин яростно намылил голову и пустил почти

кипятков.— Так! Улучшим кровообращение!.. Но каков Кисель! Что ему надо в Двудворицах?» Ванную заволокло паром, Фомину начали приходить в голову дельные планы на завтра.

Он выбрался из ванной красный, как помидор, с махровым полотенцем на шее, и уселся за кухонный стол, поминутно вытирая полотенцем обильный и крупный пот.

— И напрасно ты подозреваешь Володю Киселева.— Валентина Петровна поставила на стол тарелку шей и села напротив.— Про твои дела он меня совершенно не расспрашивал. Ни про лошадиников, ни про ружье. Не будет он заниматься всякой мелочью после того, как раскрыл ограбление, происшедшее семьдесят пять лет назад!

VII

В понедельник Володя вышел из дома спозаранку, чтобы перехватить на автобазе Куприянова. Затем Володе предстоял визит в Двудворицкую школу, где канцелярия откроется не раньше десяти. Разрыв во времени примерно два часа. Можно бы забежать домой, но слишком дальний конец. Поэтому Володя решил сразу взять с собой блокнот Кости-Джигита.

Спускаясь вниз по улице Лассалья, Володя размышлял о том, что два часа сегодня пропадут зря. Расточительность времени — худшая из всех. Так говорил итальянский писатель Чезаре Канту. Человеку, который дорожит своим временем, необходимо иметь хотя бы какое-нибудь средство передвижения. «Хотя бы лошадь!..» — мелькнуло в голове, и сразу представилась сытая лошадка, запряженная в коляску на рессорах, в ту самую коляску, которая до сих пор хранится вместе с прочим хламом в бывшем каретном сарае во дворе музея.

«А почему бы и нет? — спросил себя Володя совершенно серьезно.— Зубной техник Галкин ездил на «Запорожце», теперь купил «Москвича». А я буду ездить на собственной лошади, это дешевле. Не так уж трудно запасти на зиму сена. У меня есть опыт, я держал козу и вполне справлялся...» Володя увидел дивную картину. Вот он утром запрягает свою смирную — непременно смирную! — лошадку и едет на работу. И другие едут на работу на дрожках, в колясках, во

всяких прочих экипажах. Володя почтительно раскланивается с едущей в больницу на дрожках с красным крестом Галиной Ивановной и при этом замечает, что он сам уже в бороде и в усах. Что ж, вполне естественно для интеллигентного человека, живущего в провинции. «Как только заведу лошадь, так сразу же отпущу бороду и усы».

Володя продолжает воображаемую поездку по Путятину, где наконец оценили конный транспорт, самый дешевый и не загрязняющий атмосферу. Володя заезжает во двор музея, ставит свою смирную — непременно смирную! — лошадку в старинную конюшню. Потом на его лошадке сотрудники музея отправляются в горсовет, по другим делам. Или лошадку запрягают в телегу, привозят на ней уголь, дрова. Сколь угодно! Не надо обивать чужие пороги, выклянчивать машину. Все сами, на своем транспорте...

В мечтах Володя не заметил, как дошагал до автобазы. Он подоспел вовремя — из ворот выезжал голубой ЗИЛ Куприянова.

— Толково! — заявил Куприянов, выслушав Володино предложение. — Сделаю. Сегодня же. В самом лучшем виде.

Провожая взглядом тяжелый ЗИЛ, Володя с особым вниманием остановил взгляд на могучих колесах. «Никакой лошадке с тележкой не справиться с тем, что сегодня сделает Куприянов на своем ЗИЛе...»

Деревенскими улочками Крутышки Володя вышел к городскому парку. Когда его закладывали в 1929 году, в честь первой пятилетки, безвестный фотограф забрался на крышу фабрики и запечатлел с высоты пустырь, нарядных рабочих и работниц, сажающих молодые деревца. В прошлом году Володя попросил клубного фотографа Шарохина сделать снимок с той же самой точки. Теперь в музее висят рядом две фотографии. На второй — густые кроны деревьев, сплошная зелень, из нее выглядывает макушка карусели и раковина танцплощадки.

Основательная прогулка по тенистым аллеям парка входила в Володиные планы. При ходьбе мозг заряжается энергией, появляются блистательные идеи, каких вовек не дождешься, высиживая за письменным столом.

Сначала Володя поразмышлял о своем вчерашнем разговоре с Валентиной Петровной: «Есть люди, которые избавляют нас от необходимости прилгнуть. Сами

все прибавят и досочинят». Идучи к Валентине Петровне, Володя чувствовал себя неловко. Он не имел права доверять ей чужие тайны и не хотел выдумывать фальшивые причины своего интереса к ребятам из Двудвориц. В конце концов он составил уклончивую фразу: «Я познакомился с компанией подростков из Двудвориц, и мне было бы полезно знать, что о них думают в школе». Валентина Петровна тотчас взялась за телефон и стала звонить подруге, которая работает в Двудворицкой школе. «Создал бы ты, что ли, в музее кружок юных историков,— заметила Валентина Петровна, крутя пальцем телефонный диск.— Ну, вот, опять занято! Да, кружок — хорошее дело!» Когда наконец Валентина Петровна дозвонилась до подруги, ее воображение превратило собственные благие пожелания в Володины планы работы с подростками из Двудвориц. «Ты ему покажи характеристики,— втолковывала она подруге.— Он кружок создает. Юные историки, очень увлекательное занятие для твоих трудных. Но с одними трудными он пропадет, дай ему на подмогу хороших девочек...»

Вспомнив рекомендации Валентины Петровны, Володя иронически улыбнулся. «Апачи и кружок юных историков? Ха-ха-ха! Несовместимо! Апачи не пойдут в музей. У апачей другие потребности. Их влечет запретность, опасность, риск, тайна, вражда. Апачей только отпугнет перспектива заняться чем-нибудь полезным — для них самих, для людей. Даже если создать в Пуятине кружок конного спорта, члены которого будут не только кататься, но и ухаживать за лошадьми, чистить и кормить... Власть в этом кружке, как и в любом другом, тотчас захватят старательные девочки. Они начнут борьбу с опозданиями. Будут прорабатывать нерях, которые плохо чистят закрепленных за ними лошадей. Установят самые строгие правила приема. И уже не подойдешь к лошади с двойкой в дневнике и с плохой школьной характеристикой.

— Вот именно! — вскричал Володя и остановился.

Какая-то очень важная мысль рождалась в голове и требовала максимума сосредоточенности: «Они станут требовать школьную характеристику!.. Ха-ра-кте-ристи-ку! В школе одна, у Кости-Джигита — другая. Но характеристикам всегда свойственно тяготение к стандарту. Я могу их сравнить, сопоставить. И это не должно стать простым вычислением среднего арифмети-

ческого: сложить и разделить пополам. Есть другой путь. Не арифметика, а химия. Две безликие характеристики — это две пробирки с бесцветными жидкостями. Их надо слить в одну колбу. Что произойдет? Легкое помутнение? Или взрыв?..»

Володя двинулся дальше, радостно потирая руки. «В каждом своем расследовании я стараюсь использовать оригинальный прием. Расследуя кражу четырех фотографических аппаратов, я изобрел метод фотографического воображения. Теперь у меня на вооружении химия. А она, как говорил великий Ломоносов, широко распространяет руки свои в дела человеческие».

В двудворичной школе Володе выдали по его списку грудку папок с личными делами. Он уединился в кабинете химии, под сенью таблицы Менделеева, в окружении шкафов, набитых пробирками, колбами и ретортами. Слева он положил школьные папки, справа Костин блокнот.

Для начала Володя поставил простейший опыт. Чибя, он же Витя Жигалов. У Кости в блокноте: «Шатен, уравновешен, ловок, хороший семьянин». В школьной характеристике: «Ленив, на уроках невнимателен, в общественной жизни участия не принимает». Прекрасно. И тот и другой реактив абсолютно бесцветны. Володя поставил перед собой воображаемую колбу, приблизил к ее горлышку две воображаемые пробирки с бесцветными жидкостями. В колбу потекли две струйки. И вдруг внутри все забурлило, замутилось, стал выпадать хлопьями голубой осадок.

— Отлично! — Володя поглядел воображаемую колбу на свет.— Чибя, он же Витя Жигалов, вовсе не пустой человек.

Дальнейшие опыты неизменно давали бурную реакцию. Жидкость в колбе окрашивалась то в синий, то в зеленый, то в оранжевый цвет, выпадали всевозможные осадки. И лишь однажды никакой реакции не произошло, бесцветные жидкости из двух пробирок втекли в колбу и спокойно перемешались. Володя взбалтывал воображаемую колбу, ставил на воображаемую горелку. Никакого результата. Перед ним был классический пример приспособления личности к двум различным формам человеческих отношений.

— Н-да... — пробормотал Володя, — стоит обратить внимание на Куру, ученика 8-го «А» Михаила Курочкина...

«А теперь внимание! — мысленно скомандовал он самому себе. — Максимум осторожности. Исследуется Андрей Бубенцов. Что у него в школьной характеристике?» «Слабо развит, интересы ограниченные, в классе авторитета не имеет». А что в блокноте Кости-Джигита? «Блондин, уравновешен, хороший семьянин, обладает сверхъестественными способностями...» Володя поглядел на свет вторую пробирку. Жидкость в ней была словно бы подкрашена чем-то зеленым. «Что ж! Сливаем!» Володя еле успел отшатнуться. Воображаемая колба в его руках разлетелась вдребезги. Да, это был настоящий лабораторный взрыв. Володя мог торжествовать.

«Изобретенный мной метод химической реакции способен давать практические результаты. Я, конечно, не стану делиться полученными сведениями с Васькой и Костей-Джигитом, — размышлял Володя, наводя порядок на своем воображаемом лабораторном столе. — И не знаю, стоит ли рассказывать о моих опытах Фоме. Он меня поднимет на смех, Фома консерватор по натуре, он отвергает оригинальные методы расследования...»

Выйдя из школы, Володя не поленился обойти ее вокруг и самым внимательнейшим образом изучить настенные надписи и рисунки, сделанные мелом, углем, карандашами всех цветов. По опыту своего детства он знал, как много можно тут почерпнуть ценнейшей информации. Володя сам когда-то в приступе бессильной злости нарисовал мелом на заборе мерзейшую рожу с огромными ушами и оскаленным ртом, а внизу начертал имя своего врага и с наслаждением вывел: «Дурак». Множество таких рож глядело на него сейчас со школьной стены, с ближних заборов и стен домов. Володя обратил внимание на то, что все рисунки словно бы выполнены одной рукой. Разные мстители изображали разных своих врагов, но всюду скалилась одна и та же рожа с оттопыренными ушами.

«Все это чем-то напоминает ритуальные маски, — подумал Володя. — Сколько лет мне было, когда я в злой обиде нарисовал такую же? Одиннадцать. А ведь в этом возрасте я уже рисовал вполне недурно, одну из моих работ — портрет Таньки на фоне цветущей сирени — взяли на областную выставку юных художников. И все-таки, когда дошло до мести, я изобразил на стене то же, что изобразил бы любой, не имеющий никакого понятия о линии и перспективе...»

Володя так увлекся своими размышлениями, что чуть не проглядел знакомое имя, нацарапанное на стене мелом, причем уже давно, потому что меловые линии раскисли от дождей. А вот и еще одна рожа с такой же подписью. И тоже мел изрядной давности. «Мусин дурак». Значит, очень крепко досадил кому-то в минувшем учебном году восьмиклассник Мусин, он же Костя-Джигит.

Но именно о нем Володя до сих пор не знал почти ничего. Прозвище говорило о талантах наездника. Блокнот — о том, что вождь апачей сорганизовал ребят из Двудвориц не в уличную шайку, а в товарищество на паях. В школьной характеристике написано, что у Мусина способности средние, но учится он неплохо, потому что старателен и усидчив. Характеристика совершенно бесцветная, как и все прочие. Однако у Володи нет второй такой же бесцветной пробы, чтобы произвести лабораторный опыт. Ведь в блокноте вождя апачей отсутствует характеристика Кости-Джигита. «Мне известно только, что он брюнет. А вот насколько он отважен и уравновешен и какой он семьянин — тут все сплошная неизвестность. И насчет отношений вождя с Бубенцовым тоже. Хотя, возможно, разгадка тайны как раз в отношениях между этими двумя...» Воодушевленный такой идеей, Володя с удвоенным рвением продолжал свое исследование настенных надписей и рисунков.

Ему встретилось довольно много классических надписей типа «А + Б = любовь». Одна из них была выведена на стене трансформаторной будки, причем довольно высоко, с земли не достать. Как видно, здесь в старших классах бушевали довольно сильные чувства.

Однако, сколько ни искал Володя хоть какое-нибудь упоминание об Андрее Бубенцове, ему ничего найти не удалось. Зато ему удалось обнаружить на стене нового спортивного зала, пристроенного совсем недавно к старому школьному зданию, весьма серьезное сообщение. Надпись была сделана карандашом на чистейшем силикатном кирпиче: «Курочкин предатель». Володя потрогал пальцем белые шелушинки возле букв. Карандаш совсем недавний. Кто-то узнал о предательстве Курочкина и решил известить других.

«Но почему он решил сделать свою надпись здесь, на стене спортивного зала, где ее никто не увидит до первого сентября?» — размышлял Володя, покидая не-

обитаемый летом школьный двор.— Если я найду ответ на этот вопрос, мне очень многое станет понятным...» Володя призвал на помощь воображение и увидел школьный двор, битком набитый ребятами. Первокласники с букетами и увесистыми ранцами. Старшие налегке, только мятая тетрадка за пазухой. Все в пределах заранее известного и предсказуемого. Но есть одна неожиданность. Какая? Володя ожесточенно потер лоб. Что же там произойдет, в недалеком от сегодняшнего утра первом утре занятий? И вдруг его осенила догадка. Вот оно что!.. Кто-то не придет в школу первого сентября. И не придет тот самый ученик, который оставил надпись на стене спортивного зала. Он потому и написал сейчас, что первого сентября его здесь не будет. Надпись мелкая, но ее заметят. Другим непонятно, однако апачи поймут. Володя в нерешительности остановился. Не повернуть ли обратно? Не спросить ли, кто приходил на днях за документами? И какие привел объяснения своего ухода из школы? Возможно, его уход связан с последними происшествиями, со странным интересом некоего Беса к апачам, даже с похищением ружья. А может быть, он просто уезжает с родителями из Путятина и напоследок передает апачам важное сообщение. Пока жил здесь, боялся, а теперь разоблачает Курочкина... Перебирая в уме возможные варианты, Володя не трогался с места. Ему не хотелось возвращаться в школу. В музее сейчас тихо, никого нет. На полках старинных книжных шкафов, среди томов, переплетенных в кожу, с золотым тиснением на корешках, стоят и труды по коневодству, каталоги и альбомы с фотографиями скаковых лошадей. Помнится, была там и папка с гравюрами... «Обучать — значит учиться вдвойне», — говорил французский моралист Жозеф Жубер. Я должен знать о лошадях все. Стыдно щеголять перед мальчишками поверхностной эрудицией...»

Улицы Двудвориц, застроенные одинаковыми бревенчатыми домами в два этажа, навели Володю на философские размышления. В тридцатые годы в Путятине гордились новыми Двудворицами. Сюда переселились из казарм семьи кадровых рабочих. С тех пор народ, конечно, переменился, но до сих пор ощущается в Двудворицах коммунарский дух, живут здесь открыто, гостюют по праздникам друг у друга, а если обломились перила на крылечке, не ждут столяра из домо-

управления, кто-нибудь из жильцов в ближайшую субботу починит. В микрорайоне жизнь уже совсем другая, там труднее поднять жильцов на благоустройство двора, зато каждый без конца совершенствует и украшает свою квартиру. По-особому живет Крутышка, деревенская, одноэтажная, пенсионеры из Крутышки приторговывают на городском рынке свининой и ягодами, овощами. Париж населен людьми безалаберными, там нет ни садов, ни огородов. Посад? Посад населен посадскими... Володя колебался и не стал искать определение, что же отличает посадских, среди которых есть и еще особая часть — монастырские. «Что ни город, то норов», — утверждает русская пословица. Но и в городе, что ни край, то своя особина. Это очень важно помнить, разбираясь в делах подростков-лошадников. Костя-Джигит и Бубенцов живут в Доме Пушкина.

В свое время Володя решительно принял сторону жильцов Дома Пушкина в их споре с литераторшей из двудворицкой школы. По Володиному глубочайшему убеждению, самая темная бабка из дома номер двадцать была ближе и к Пушкину и к Опекушину, чем все умные дуры на свете. Умных дур Володя считал своими злейшими врагами, относя к ним тех, кто всю жизнь поучает других, ничему от людей не учась.

«Нельзя быть в Двудворицах и не поклониться Александру Сергеевичу». Володя свернул во двор Дома Пушкина, и его чуть не сбили с ног выскочившие навстречу Васька и Костя-Джигит.

— Владимир Алексаныч! Ушел! — горестно вскричал Васька.

— Кто ушел?

— Буба!

— А кто мне давал честное слово? — строго спросил Володя. — Кто мне обещал ничего не затевать?

Под его взглядом Васька уныло съезжился, зато вождь апачей держался невозмутимо. Володя понял, что слезка за Бубенцовым целиком Васькина затея и что Васька, возможно, присочинил, будто выполняет Володино поручение.

— Я рад, что Бубенцову удалось от вас уйти! — продолжал Володя. — Мне все больше нравится Андрей Бубенцов, хотя я с ним не знаком.

Володя рассчитывал задеть этими словами вождя апачей, вызвать на разговор, но вождь стоял с каменным лицом. А вспылil и завелся Васька.

— Нравится? А вы знаете, чем он занимается? — И Васька с жаром выложил все, что ему удалось узнать.

С утра пораньше он и Костя спрятались под скамьей Пушкина и подслушали вылетавший через раскрытое окно громкий воспитательный разговор матери и бабушки с Бубой. Разговор содержал немало ценной информации. Оказывается, Буба связался со шпаной, не ночует дома, опять угоняет лошадей. Насчет угона лошадей вылетели из окна не только попреки, но и вещественное доказательство — самодельная уздечка.

— Во! — Васька вытащил из-за пазухи ремешки, украшенные накладками из насеребрянного металла

— Тонкая работа! — авторитетно объявил Володя, осмотрев уздечку. — С чего вы взяли, что самоделка? Такую и в музей не стыдно выставить.

При слове «музей» Васька сделал охотничью стойку. Володе удалось воспитать в нем величайшее почтение к своим занятиям.

— Ну? — Васька выразительно глянул на вождя апачей: «Как? Отдадим в музей?»

— Пожалуйста, берите. — Костя ухмыльнулся. — Буба себе другую сделает, еще лучше. Он в прошлом году знаете какую сделал! Из дедова офицерского ремня! Тоже мать и бабушка ругались. Память о деде. Буба им обещал больше не ходить с угонщиками. А сегодня они плачут, а он уперся: «Ходил и буду!» Орет на них. Раньше никогда не орал.

— «Я не маленький!» — проверещал Васька, явно подражая голосу Бубы. — «Имею право сам выбирать своих друзей!»

В Васькином эмоциональном исполнении речи Бубы звучали на редкость нагло и бессердечно.

«Я, кажется, поторопился выразить симпатии к этому Бубе, — подумал Володя. — И я опростоволохился с оценкой уздечки, уронил свой авторитет. Надо что-то предпринять, чем-то их удивить». Володя предложил Ваське продолжить свой рассказ и стал слушать с особым вниманием, выискивая, за что бы зацепиться.

Наблюдатели видели, как ушли из дома мать и бабушка Бубы. Васька неслышно прокрался к дверям квартиры Бубенцовых на втором этаже и обнаружил на дверях огромный висячий замок. Наблюдатели пришли к выводу, что Буба подвергнут домашнему аресту. В Двудворицах эта мера наказания применяется родителями часто. Васька и Костя-Джигит не оста-

вили своего наблюдательного пункта и сосредоточили внимание на окнах квартиры Бубенцовых, выходявших во двор. Время шло, но Буба не делал попыток выбраться из дома через окно. Васька еще раз подкрался к дверям квартиры Бубенцовых, чтобы подслушать, чем занимается Буба. И тут Ваську ожидал неприятный сюрприз. Огромный висячий замок исчез, окно на лестничной площадке, выходявшее на противоположную сторону дома, оказалось полуоткрытым. Буба перехитрил наблюдателей и скрылся.

— Бежал через окно? — Володя мигом понял, что вот она, зацепка. — Нет, — сказал он сыщикам, — тут что-то не так... — И предложил им еще раз повторить все сначала.

Когда они, перебивая друг друга, дошли до огромного висячего замка, Володя мысленно закричал: «Эврика!»

— Вот что, Костя... Нет, лучше ты, Васька. Сходи-ка проведай заново квартиру Бубенцовых, и ты увидишь, что замок опять на месте. Обязательно дотронься до него, и ты убедишься, что, во-первых, он висит не в замочных петлях, а прикручен как-нибудь, и во-вторых, он не заперт.

Васька молниеносно исчез и немного погодя вернулся с вытянутой физиономией.

— Висит! Незапертый! Владимир Алексаныч, как вы догадались?

— Очень просто! — Володя специально натренировался в произнесении этой реплики. Жест смущения, слабая улыбка — и собеседники догадываются, что все было далеко не просто. А собственные наблюдения кажутся любому куда убедительнее чужих слов. — Да, очень просто, — повторил Володя с удовольствием. — Где ты, Васька, видел, чтобы двери квартир запирались в наше время на висячие замки? Такие замки предназначены для сараев и кладовок. Я уверен, что в дверях квартиры Бубенцовых есть внутренний замок. А висячий прицепил Андрей. Невинная хитрость! Андрей надеялся, что вы увидите замок и подумаете, что его нет дома. Но вам взбрело в голову, что Андрей посажен под домашний арест, и вы остались. Андрей наблюдал за вами из окна, он, очевидно, огорчился, что хитрость не удалась, и снял замок. Вот тут ты, Васька, подкрался к двери Бубенцовых второй раз, обнаружил, что замка нет, и поднял тревогу. Андрей увидел, как

вы умчались сломя голову. Теперь он мог спокойно уйти. Причем не отказал себе в удовольствии опять прицепить замок на дверь. Он надеялся, что ты, Васька, туда наведаешься в третий раз. Ты именно так и поступил, но уже по моему совету...

Васька не сразу взял в толк Володины разъяснения, но когда наконец понял, в чем состояла хитрость Бубенцова, покатился со смеху. Костя-Джигит уяснил себе все с первых слов и, кажется, проникся к Володе заново изрядным почтением.

— Вот что... — Володя изобразил наивысшую строгость. — Чтобы больше никаких не согласованных со мною действий! Иначе я отказываюсь вам помогать. Даете слово?

— Даю! — веско промолвил вождь, и Володя догадался, что слово это дано не только за себя, но и за Ваську.

— Ну! — Васька вместил, по своему обыкновению, в один краткий эмоциональный возглас весьма основательную и прочувствованную речь: «Я больше не буду! Но уж вы, Владимир Алексаныч, не подкачайте! Я вас так расхвалил этим пустоголовым апачам».

— Подождите меня здесь! — распорядился Володя. — Потом проведите до музея.

Он зашел во двор, постоял возле кудрявого лицеиста. Однако поэтическому настроению назойливо мешало суетное желание разглядеть, как Васька и Костя умудрились втиснуться под скамью.

По пути в музей Володя выведывал у Кости-Джигита дополнительные сведения об апачах. Чем, например, может сегодня заниматься Чиба, Витя Жигалов? Тем же, что всегда. Сидит дома, мастерит электрогитару. «Ага, вот что означают голубые хлопья в осадке, — подумал Володя. — Витя Жигалов умелец и конструктор».

— Ну а, например, Курочкин? — Володя задал этот вопрос как можно равнодушной.

Вождь медлил с ответом, и его опередил Васька:

— Он в кино пошел, Владимир Алексаныч!

Володя внутренне подсадовал на неуместную Васькину шустрость, но делать нечего, излишний интерес к Курочкину может насторожить Костю-Джигита.

Музей по понедельникам был закрыт для посетителей. В вестибюле тетя Дена вязала носок. Володя прошел черным ходом во двор, поднялся по чугунной

наружной лестнице в кабинет директора. Через минуту он уже унесся далеко отсюда, на просторы южнорусских степей, в знаменитый Хреновский конный завод, где граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский вывел новую породу лошадей, несравненного орловского рысака, красу России.

— Потрясающе! — вскричал Володя, добравшись в истории коневодства до удивительного поступка Василия Ивановича Шишкина, ближайшего помощника графа Алексея Григорьевича.

Вскочив из-за стола, Володя возбужденно зашагал по кабинету. В его воображении возникла во всех деталях, со всеми подробностями картина похорон distinguished рысака Любезного 1-го, помершего в возрасте 25 лет... Манеж конного завода. Рядом вырыта глубокая могила. Конюхи в искренней печали опускают в могилу красавца коня в роскошном убранстве... Однако в каком именно? Володя подошел к столу, раскрыл один из альбомов с изображением знаменитых рысаков. Сколько вкуса, мастерства вложено в конскую упряжь! Теперь Володя видел во всех деталях, как был наряжен в последний путь Любезный 1-й. Шитая попона, уздечка в серебре. И капор, непременно капор! Уздечка показалась Володе знакомой. Где-то недавно он видел в точности такой узор. Ах, да! Уздечка, которую вышвырнули из окна Бубенцовых! Прелюбопытный, оказывается, человек Андрей Бубенцов! Володя захлопнул альбом и продолжал чтение истории русского коневодства.

В этой толстенной книге упоминались все русские императоры, каждый из них был причастен к судьбе того или иного орловского рысака. Но в сравнении со знаменитыми рысаками, вписавшими свои имена в историю русского коневодства, императоры выглядели мелко и незначительно.

С восторгом прочел Володя страницы, посвященные великому, несравненному Крепышу. Поражение Крепыша в 1912 году на московском ипподроме стало черным днем для всех русских любителей конного спорта. На славу орловского рысака подло посягнул наездник-иноземец. Он придержал Крепыша и дал выиграть приз американскому рысаку Джeneral Эйчу.

«Черный день России. Каково?! — Володя задумался. — Я сейчас вычитал очень важную для меня подробность. Лошадь как предмет народной гордости. Созда-

тели породы орловских рысаков гениально угадали, какая лошадь по всем своим качествам отвечает русскому вкусу, русскому характеру. Но ведь все эти годы, когда на конных заводах пестовали орловского рысака, по деревням крестьяне создавали своего, крестьянского, работающего коня. Сколько существовало неписанных конских родословных! Знали ведь, чье потомство славится силой, выносливостью, неприхотливостью. Знали и упорно, последовательно отбирали. У каждого народа своя любовь к лошади, свои требования к ней. У кавказского горца — своя, у степняка-казаха своя. «Какой русский не любит быстрой езды», — писал Гоголь, воспевавший русскую тройку, птицу-тройку. Но выше всех самых красивых и самых родовитых лошадей крестьянская лошадка, впряженная в плуг. Лев Толстой написал житие изумительного Холстомера, однако на картине Репина Толстой пашет землю на крестьянской лошадке...»

Теперь Володя знал, о чем ему надо говорить с апачами и с другими путятинскими лошадиниками. Он прочтет им цикл лекций. Здесь, в музее. Их жестокость к лошадям — результат невежества. Они никогда не слышали ни о Любезном I-м, ни о Крепыше, ни о Холстомере. Зато видят каждый день, как лихо скачут всадники в кино и на экране телевизора, как падают подстреленные кони. Покончить с невежеством — значит покончить с жестокостью.

Володины мечтания были прерваны гулкими шагами по ступенькам наружной лестницы. Двое торопливо поднимались в кабинет. Володя поднял голову и с любопытством посмотрел на дверь. Она распахнулась настежь, в кабинет вступила чинно и строго тетя Дена, за ней протиснулась бочком старуха, державшая в руке тонкую хворостину. Володя узнал дебринскую Анютку.

VIII

Серенькое утро благоухало укропом, чесноком, лавровым листом. После удачной грибной охоты Путятин приступил к засолке, повытаскивал из погребов бочки, стеклянные банки, развел огонь в летних кухнях.

Дразнящие запахи, к которым примешивался, наплывая густыми волнами, ни с чем не сравнимый запах сушеных белых грибов, несколько омрачили боевое и уверенное настроение идущего на работу Фомина. «Черт бы побрал этих лошадиников! Сентябрь на носу, неиз-

вестно, какими окажутся следующие суббота и воскресенье. А что, если похолодает? Ну, ничего... Сегодня я это дело закончу».

Но Фомину так и не удалось приступить к осуществлению тщательно обдуманного плана. На Советской его обогнал на мотоцикле участковый уполномоченный из Ермакова. Молодой и шустрый участковый мчал с бешеной скоростью и не заметил идущего по тротуару Фомина. И Фомин не успел разглядеть, кто сидит в коляске. Заметил только, что на пассажире — или задержанном? — зеленая спецовка, какие выдают в студенческих стройотрядах.

В горотделе дежурный не дал Фомину раскрыть рта для вопроса, нет ли вестей про лошадиников.

— Где ты пропадаешь? — накинулся на него дежурный. — Срочно на полусогнутых к Налетову. Полчаса тебя ищем!

В кабинете начальника горотдела Фомин увидел уполномоченного из Ермакова и его пассажира в студенческой спецовке, седенького старичка. Уполномоченный сидит в сторонке, а старичок на верхнем конце длинного, крытого зеленым сукном стола что-то горячо рассказывает Петру Петровичу Налетову и заместителю начальника по оперативной части Вадиму Федоровичу Баранову.

— Садись ближе и слушай! — приказал Налетов. — Товарищ из Ленинграда, слесарь с Кировского завода, проводит отпуск в родной деревне.

Фомин сел в середине стола, огляделся по сторонам: а где же ружье? Он почему-то сразу подумал, что ленинградец и есть тот добрый человек, который унес ночью ружье, похищенное Лешкой Супруновым.

— Живу в своей деревне, привожу в порядок родительский дом, — продолжал свой рассказ старичок. — Скоро пенсия, вот и подумываю, не перебраться ли сюда насовсем. Починил крышу, расчистил сад. Копаюсь помаленьку. Места дальние, глухие, ни одна душа в мою деревушку не заглядывает. Начинаю понемногу знакомиться с жителями соседних таких же глухих деревушек. Они-то и предупредили меня, что в лесу появились подозрительные туристы. Ходят по деревням, что-то высматривают, лазят в заколоченные дома. И замечено, что кое-где из пустых домов исчезли иконы. Я проверил у себя в деревне — как будто все на месте, все цело. А вчера пошел в Ермаково за продуктами,

возвращаюсь к вечеру — и вроде бы что-то не так, вроде бы у избы, что рядом с моей, доски, которыми окно заколочено, передвинуты. Да и, думаю, проверю. Подозрительного окна касаться не стал, распечатал соседнее. Заглядываю в избу — так и есть, красный угол ободран, икон нет. Хотел было бежать в Ермаково к участковому, но не решился на ночь глядя. Кто их знает, грабителей, может, они за мной подсматривали. А утром взял пестерь, будто по грибы, а сам напрямик в Ермаково, — смущенно закончил ленинградец.

Налетов встал и торжественно пожал руку старичку.

— Вы действовали точно и умело. Большое вам спасибо.

Фомин, слушая ленинградца, сначала приуныл. Не сбылась надежда, что нашлось наконец ружье. Ведь для Фомина главным было отыскать ружье, а не ловить угонщиков.

Возглавил группу сам Петр Петрович. В нее вошли Баранов, Фомин, участковый и еще проводник с собакой, с тем самым Джульбарсом, который обнаружил в монастырском подzemелье украденные фотокамеры.

Выехали на УАЗе. Ленинградца усадили впереди, рядом с шофером, остальные поместились позади. Когда свернули с шоссе, проводник приказал Джульбарсу вспрыгнуть на сиденье, обхватил его и прижал к себе.

— Джульбарсу хуже нет как ездить по ухабам. Вы вон за скобы ухватились, а ему держаться нечем.

Пес в подтверждение слов проводника конфузливо моргнул и лизнул обхватившую его руку.

В обворованной избе Джульбарс уверенно взял след, пошел по нему резво и, как говорят проводники, «не занюхиваясь». Участковый по приказанию Налетова остался в деревне. Фомин бежал вслед за проводником. Налетов и Баранов стали отставать.

«Нагло орудовали, — размышлял Фомин. — Никаких хитростей, чтобы сбить собаку со следа. Считали, что сделали свое дело аккуратно, окно заколотили, единственный — и к тому же временный — обитатель деревушки ничего не заметил... Или... Или они собирались сразу же удрать из своего лагеря. И катят сейчас по шоссе на тех самых желтых «Жигулях».

Джульбарс в азарте погони выскочил на знакомую Фомину поляну и обескураженно завертелся на месте.

Так и есть! Ни палаток, ни машины! В ожидании, когда появятся Налетов и Баранов, Фомин решил повнимательнее осмотреть поляну.

«Вот здесь стояли «Жигули», и я исползал на карачках всю траву в поиске пыжей. Может, в самом деле некто мне неизвестный пытался помешать отъезду похитителей икон? Он прострелил шины в ночь на субботу. Из-за неизвестного они проторчали на поляне лишних два дня, однако времени даром не теряли, продолжали шарить по пустым избам... Но что же мешало неизвестному пойти и заявить о похитителях икон в милицию? Только то, что он их поля ягода. Конкурент!.. — Фомину пришла на память болтовня дяди Васи про схватку в лесу двух бандитских шаек. — А что, если Толя вправду проговорился дяде Васе о конкуренте или конкурентах, дал толчок фантазии умельца? Не исключено. А Кисель болтал разные глупости насчет интеллектуальной элиты и потом намеревался дать мне ценный совет, но я торопился и положил трубку... Что хотел сказать Кисель? Что он знает об этих туристах? О неизвестном, который украл ружье у спящих лошадиников и прострелил шины?..»

Послышался треск сучьев, из лесу показались запыхавшиеся Налетов и Баранов. Бегло осмотрев покинутый лагерь, Налетов решил разделить группу на две.

— Ты, Вадим Федорович, двигайся обратно. Выйдешь к машине, свяжешься с ГАИ, узнаешь, что им известно о желтых «Жигулях», нас встретишь у моста через Медвежий овраг. Фомин, отсюда сколько километров ходу?

— Не больше семи.

— Засаедем время. — Налетов и все остальные поглядели на часы. — Выход на шоссе через два часа.

— Не много ли? — спросил Фомин.

— Прогуляемся, не спеша, осмотрим дорогу, Джульбарс поработает. Они могли припрятать иконы где-нибудь в лесу. После происшествия с шинами их «Жигули» под особым наблюдением, это они знают. Припрятали иконы, уехали чистенькими, потом выждут срок и вернутся за иконами. А то и пришлют кого-нибудь новенького...

На лесной заросшей дороге переплетались три автомобильных следа. Самый широкий — от ЗИЛа, на котором сюда заезжал Куприянов. Поуже — от «газика» ГАИ. Самый узкий и недавний — от «Жигулей». Впереди шел проводник с Джульбарсом на поводке, позади Налетов и Фомин, внимательно осматривая каждый свою сторону дороги. Ничего подозрительного не встречалось. Только раз Джульбарс свернул в лес, и

проводник подобрал пустую пачку от сигарет «Мальборо».

Километра через три на дороге появился еще один автомобильный след. Кто-то на тяжелой грузовой машине разворачивался довольно бестолково. Заехал в лес, оставил на мягкой почве четкий рисунок протекторов, выехал на дорогу и отчего-то забуксовал на вполне сухом месте, долго тут бился и провертел колесами две глубооченные ямы.

Джувльбарс заволновался.

— Они тут вылезали «Жигули» толкать, — пояснил проводник.

— Осмотри лес вокруг! — Налетов присел на корточки возле отпечатков шин развернувшейся машины. — А ведь тот же ЗИЛ! Щербатина на правом протекторе. Как думаешь, Фомин, почему Куприянов не доехал до них? Почему повернул обратно?

Фомин много чего успел подумать, разглядывая ямы, набуксованные на дороге. Он и про Киселева подумал со злостью: «Куприянову такого в жизни не сообразить. Это Кисель! Опять лезет не в свое дело!» Но выкладывать свои догадки начальству? Ни за что.

— Кто его знает, — промямлил Фомин. — Если бы другая машина... Можно бы предположить, что шофер ошибся дорогой, на этом месте ему стало ясно, что он едет не туда. Развернулся и поехал обратно. А Куприянов?.. Его могли на этом месте встретить. Кто-то ему знакомый сел в кабину, и они поехали обратно.

— Возможно, — сказал Налетов. — Растешь на глазах.

«И еще кто-то... растет!» — чуть не сорвалось у Фомина. Какой пронизательностью он мог бы сейчас блеснуть!

Проводник вернулся и доложил, что, пожалуй, никто из преследуемых здесь не откололся. Двинулись дальше. Дорога виляла под уклон, ямы, пробуксованные сумасшедшим ЗИЛом, становились все глубже, вокруг них валялся истерзанный хворост, втоптаные в грязь еловые лапы. «Жигули» тут пробивались с великим трудом. Возле одной из ям Джувльбарс облаял рваную брезентовую рукавицу, возле другой проводник поднял обнаруженную Джувльбарсом кожаную пуговицу.

— Фирменная! Хозяин спасибо скажет.

— Ну, ты оптимист! — удивился Налетов. — Вам с Джувльбарсом от жуликов спасибо! — И спросил Фомина: — К болоту идем?

— С километр осталось! — доложил Фомин. — Болото обширное, через него проложена гать. Давно прокладывали, сгнила.

Свои догадки относительно того, в каком виде сейчас гать, Фомин оставил при себе.

Проводник с Джульбарсом продолжали педантично прочесывать лес по обе стороны дороги. Никаких следов. Пассажиры «Жигулей» в полном составе упорно пробивались к шоссе.

Лес все больше редел, мельчал, обрастал седыми корьями, тонул во мху. Наконец завиднелась яркая зелень болота, блеснуло оконце чистой воды.

«Р-р-р...» — негромко предупредил Джульбарс проводника.

— Спокойно, — посоветовал псу Фомин. И пояснил проводнику: — У них там собака.

Он не ошибся в своих догадках. Куприянов постарался. Гати не было. На ее месте пузырилась черная болотная жижа. В сторонке приткнулись «Жигули». Возле машины на поваленной сосенке сидели спиной к лесу четверо.

— Останешься в лесу, — приказал Налетов проводнику. — А то твой Джульбарс с ходу опознает вора, испортит нам радостную минуту встречи. Ты, Фомин, подойдешь к ним, как к добрым знакомым. Мы с тобой ищем не похитителей икон, а подростков-лошадников. Ясно?

— Ясно! — Фомин направился к «Жигулям».

Налетов взял немного в сторону.

А где же Ральф? Золотой медалист выскочил сбоку, из кустов, и злобно рывкнул. Компания нехотя оглянулась. Никакого испуга в глазах, только ожесточение. Полюбуйтесь, мол, нашей российской расхлябанностью. Тем, что может натворить какой-то олух!

— Н-да, — посочувствовал Фомин, разглядывая ободранную сосну по другую сторону болота. — Он-то себя на тресе вытянул, а вам как выбраться? До зимы придется ждать. Пока не замерзнет. — Среди сидящих на поваленном дереве Фомин обнаружил новое лицо. Подросток в шикарных темных очках, делающих его похожим на заграничного гангстера. «Это, конечно, Безин. Тогда где же Толя?» Фомин перевел взгляд на «Жигули» и увидел, что задняя дверца приоткрыта, из машины торчат ноги в грязно-белых шерстяных носках. Толя, конечно, повкалывал больше всех и теперь спит.

— Петр Петрович! — крикнул Фомин Налетову. — Идите сюда, я старых знакомых встретил!

Налетов подошел, оглядел «Жигули», жалостливо поохал.

— Лошадников ищем,— пояснил Фомин своим «старым знакомым». — Третий день. Вам они сегодня не попадались?

Вопрос остался без ответа. На лицах было написано: «Иди ты куда подальше! И без тебя тошно». Ральф занервничал, наставил уши. Чует другого пса.

— Ваша собачка не укусит? — благодушно спросил Налетов.

Фомин приготовился. Сейчас Налетов скажет, что с ними есть собака, позовет проводника, будто бы замешкавшегося в лесу, и Джульбарс укажет на вора... Но все испортил Безин. Вскочил, схватил спортивную сумку и кинулся бежать.

— Назад! — заорали на него три глотки. — Идиот! Безин удирал без оглядки.

— Задержи! — бросил Налетов Фомину. — Сумку не прозевай.

Преследуя Безина, Фомин время от времени поглядывал на часы. Назначенный Налетовым срок встречи на шоссе настал. «Сейчас Баранов, не дождавшись нас, едет навстречу... Он уже у болота... Оставил УАЗ, пошел в обход... Добрался, помогает Налетову. Нашли иконы в «Жигулях» или не нашли?..»

Безин на бегу далеко отбросил сумку. Пока Фомин ее отыскал, преследуемый выиграл метров двести. Фомин поднажал и опять повис у Безина на плечах, напоминая время от времени:

— Спокойно! Поиграли, и хватит. Все равно не уйдешь.

Безин бежал из последних сил, тяжело запинаясь о корни. Лес раздался, Фомин увидел бревенчатый угол, заколоченное наискосок оконце. Безин, почти падая с ног, метнулся за угол и исчез. Фомин, влетевший следом за ним на заросший двор, уже никого там не обнаружил.

«Все!.. Игра в догонялки кончилась. Начинаем играть в прятки. Но куда же он залез?» Фомин с досадой оглядел заброшенную усадьбу. Изба с крылечком, сараюшка, ход в погреб. Крапива в рост человека. Лопухи. Нигде вроде бы не потревожено, не промято. «Ну и черт с ним! Никуда не денется, придет домой. А сумка у меня». Но тут Фомину представились насмешки завтра в горотделе. Да что завтра! Годы будут вспоминать! Упустил сопливого мальчишку... Но куда

же он все-таки ушмыгнул? Фомин присел на скособоченное крыльцо. Главное дело — не пересуетиться. Действовать спокойно. Да, спокойно...

В детстве, когда играли в «двенадцать палочек», Фомин никогда подолгу не водил. Не то что Кисель. Тому померещится, что кто-то в подземелье юркнул, и он туда без оглядки. Пока бегал, двенадцать палочек разлетелись, — начинай сначала. Киселю приходилось из-за своего нетерпения по три дня водить. А Фомин подберет палочки, сложит на доску и далеко не отходит. Потому что знает: спрятались и следят за каждым его шагом. И всех ближе спрятался самый хитрый, самый быстрый. Только удалишься на лишний шаг, он выскочит и ногой по доске. Поэтому первая задача — застукать того, кто спрятался всех ближе. Остальные сами пойдут в руки.

Из-за этих детских воспоминаний Фомину вдруг померещилось, что Безин сейчас прячется рядом и наблюдает за ним. «Чепуха какая! На что ему за мной следить? Уполз отсюда и чешет без оглядки». Но ощущение, что Безин прячется где-то близко, не проходило. Фомин явственно услышал чье-то дыхание. Оглянулся назад — никого, заколоченная крест-накрест дверь. «Добегался до галлюцинаций! Фантазирую, как Кисель!» Фомин в сердцах ударил кулаком по крыльцу. Наступила мертвая тишина. Ни вдоха, ни выдоха. Но Фомину недолго пришлось торжествовать победу над наваждением. Невидимка опять задышал. Чаше и тяжелей. Словно бы нырнул под воду, задержал дыхание сколько мог, а теперь выскочил, судорожно хватает ртом воздух. «Ах, вот ты где! — Фомин встал и топнул ногой по трухлявым доскам. — Черта с два я кому-нибудь расскажу, какие мне тут мерещились домовые. Я с самого начала знал, что он прячется под крыльцом. Я потому и сел на крыльцо».

Снизу послышалось кошачье чихание. Фомин вспомнил юность, сбацал по доскам чечеточку и спросил: — Безин, тебе мои танцы еще не надоели?

Под крыльцом зашуршало, сбоку, из собачьей дверцы, выбрался путятинский супермен, весь в пыли, паутине, древесной трухе.

— Снимай ремень! — скомандовал Фомин.

Безин с усмешкой протянул ему широченный, по последней моде, ремень с ковбойскими бляшками. Фомин ловким приемом вывернул руки супермена за спину, стянул ремнем.

— Теперь не побегаешь. Спокойно пойдем куда надо. И побеседуем по дороге...

— О чем, шеф? — нагло спросил Безин.

— О жизни.

Фомин решил осмотреть деревушку. Может быть, тут кто и живет, укажет дорогу. Три дома выглядели не брошенными, на окошках цвела герань, Фомин постучался в один, в другой, в третий. Никто не выглянул. Торная дорога сыскалась за церквушкой с провалившимся куполом. И пожалуй, вела не в лесную глухомань, а куда-то в более населенные места.

Фомин не спешил заводить разговор с идущим впереди Безиным. «Нина права, парень нагловат и подловат. Супрунов уперся и не выдал его, а Безин и верного своего Супу заложит, и всех знакомых спекулянтов, и этих с иконами. Мальчишки молчат или из чувства товарищества, или из страха перед главарями, а главари продают, главарям своя шкура дороже. И не буду я с Безиным заговаривать по душам. У него и нету души. С Безиным правильнее сесть за стол и вопрос — ответ, вопрос — ответ...»

Впереди слышались громкие веселые голоса, скрип телеги, стук копыт по мягкой дороге. Кто-то ехал навстречу. Из-за поворота вывернул гнедой конь в нарядной упряжи, дуга расписана зелеными листьями и алыми розами. Фомин отступил с дороги и потянул за собой Безина. Гнедой бежал весело, Фомина поразило, что конь словно бы сияет от радости.

Но еще больше удивился Фомин, когда увидел, кто правит гнедым. Воистину мудра была бабушка Андрея Бубенцова, когда показала фотографию любимого внука! У подростка, который лихо держит вожжи, волосы справа у виска торчат вверх. Как теленок лизал. Андрей Бубенцов, собственной персоной!.. Но когда Фомин разглядел, кто сидит рядом, у него глаза полезли на лоб. Кисель! Сидит, свесив ноги до земли, и что-то рассказывает Бубенцову с самой распрекраснейшей, дружеской улыбкой. «Как он сюда попал? Какие у Киселя дела с Бубенцовым?»

Третий в телеге сидел отворотясь, на задке, закутанный с головой. Фомин решил не удивляться больше ничему. Даже если он увидит в этой подозрительной компании Ольгу Порфирьевну, бывшую директоршу музея. Или печально известного дядю Васю. Или даже свою жену Валю! От Киселя можно ожидать чего угодно!

Меж тем Бубенцов заметил, что Безин находится на

положении арестованного. Он побледнел, но не отвернулся, кивнул Безину и буркнул какое-то нечленораздельное приветствие. А Киселев ужасно обрадовался встрече с Фоминым.

— Приветик! Надеюсь, у тебя все в порядке? «Жигули» в плену? Возле болота? — По голосу чувствовалось, что он чрезвычайно доволен собой.

Телега проехала мимо, и Фомин увидел, что третий седок — самая обыкновенная деревенская старуха. Он испытал даже что-то вроде разочарования.

— Пошли! — скомандовал Фомин приунывшему Безину. — И ответь-ка на вопрос: какие отношения тебя связывают с Бубенцовым?

— Никакие. — Безин презрительно сплюнул. — Вы лучше поинтересуйтесь у него, где он лошадь украл.

— Спасибо за информацию. Поинтересуюсь!

Фомин подумал не без злорадства: «Значит, Кисель разъезжает на краденой лошади. Поздравляю!..» Фомина не удивила легкость, с которой Безин выдал Бубенцова. «Для такого типа это в порядке вещей. Зря Бубенцов проявлял свое благородство и здоровался с Бесом».

— А откуда ты взял, что лошадь краденая? — Фомин задал вопрос с нарочитым неверием. — Старуху видел? Лошадь наверняка колхозная.

— Ну да, колхозная... — издевательски протянул Безин.

— Так, так... — Фомин понял, что отношения между этими двумя отнюдь не дружеские. Даже наоборот. На чем-то они не ладили. И быть может, не далее как вчера, когда Безин вызвал к себе Бубенцова.

При таких обстоятельствах Фомину уже не доставило особой сложности получить у Безина необходимые сведения о Бубенцове. Без всякого деликатного подхода и душевных бесед. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Пока дотопали до Ермакова, из ответов Безина сложился вполне отвратительный облик Бубенцова. Крадет лошадей. В прошлом году связался со старым конокрадом цыганом дядей Пашей, тот ему передал какие-то свои секреты. И с похитителями икон связан. Если бы не Буба, то Безин бы с ними и не знался. Похитители икон обещали заплатить Бубе сто рублей. Они его подрядили обокрасть одну тетку. Она пса держит, лютого, как тигр. А Бубу собаки не трогают. Он

сначала согласился за сто рублей, а потом струсил. Но может, и не струсил — хотел потянуть время и содрать побольше.

IX

По пути в Ермаково, в тряском автобусе, дебринская Анютка рассказала Володе, каким образом угодил в плен умный и самоотверженный Вихрь.

Ночью у одной из старух начались боли в правом боку. Час от часу сильнее. Что делать? Надо скорей в больницу. Запрягли Вихря и поехали. Врач после операции сказал, что опоздай они немного — и больную бы не спасти. Гнойный аппендицит. Вот ведь какая беда. А Вихрь ее отвел...

— Уж он так старался...— вспоминала со слезами дебринская Анютка.— А я вовсе обеспамятела. Под утро хватилась: где наш спаситель? Увели! Я в сельсовет — не отдадут! Велят, чтобы Хозяин пришел. А разве ему отдадут? Ему не отдадут. Как нам теперь в глаза-то ему глядеть, Хозяину...

Автобус остановился в Ермакове напротив сельсовета. Возле высокого крыльца понуро стоял привязанный к резному столбику гнедой конь. Дебринская Анютка кинулась к нему, обняла за шею. Конь обрадовался, заржал.

«Да ведь это он, гнедой дикарь с лесной поляны!» — осенило Володу.

Из окна сельсовета выглянул сердитый человек в стальных суровых очках.

— Вот и Дебрь припожаловала! — ехидно провозгласил он, обращаясь к кому-то в комнате.— Сейчас мы им устроим очную ставку!

«Кто там у них? — заволновался Володя.— Неужели сам Хозяин, как его величают бабули? Но ни он меня не знает, ни я его. Придется ориентироваться по ходу разговора. Определить ситуацию и действовать...»

Володе очень помогло экспансивное поведение его спутницы. Пока она размахивала своей хворостинкой, припоминала сельсоветчикам все прошлые обиды, Володя огляделся. Типичная конторская обстановка. Три письменных стола, деревянный диванчик для посетителей. В красном углу стол председателя, там сверкают стальные очки. На столе напротив лежат счета с измызганными деревяшками, женщина, сидящая за этим

столом, — бухгалтер. А другая, в уголке, возле несгораемого ящика, — кассир. Перед этим обществом гордо стоит подросток. Володя мысленно перебрал в памяти листки с характеристиками из блокнота Кости-Джигита. «Блондин? Несомненно. Уравновешен? Вполне. Стоит и молчит. Чем и довел председателя до белого каления. Да, здесь вся атмосфера пропитана его упрямым молчанием. Следовательно, они еще ничего не знают. Я тоже не знаю, на чем он попался, но за мной преимущество: я мыслю и анализирую». Володя приосанился и заговорил нудным голосом:

— Что тут происходит? Я учитель Андрея Бубенцова и хотел бы знать.

Люди с неорганизованным мышлением никогда не отвечают на прямо поставленный простой вопрос. Сначала Володе было высказано немало горьких истин о нынешнем состоянии педагогической науки и практики. Критику школы он выслушал с легким сердцем. Володя и сам мог бы кое-что сказать о двудворицкой школе, но разумеется, не в этой аудитории. Хладнокровно отнесся Володя и к выпадам против него лично как негодного воспитателя. Наблюдая потихоньку за Андреем Бубенцовым, он сделал для себя очень важный вывод: этот уравновешенный блондин намерен по-прежнему не произносить ни слова. Меж тем сельсоветчики начали излагать состав преступления. Оказывается, Андрей пытался похитить лошадь, которую сельсовет конфисковал у присутствующей здесь гражданки. При этих словах Володина спутница вознамерилась что-то растолковать человеку в стальных очках, но Володя ее удержал. Как полагает Шопенгауэр, правда может подождать, потому что у нее впереди долгая жизнь. Пускай считают Андрея заурядным лошадиником, а старух из Дебри пускай подозревают в укрывательстве той шайки, насчет которой участковому передавали из города особое предупреждение. Упоминание об участковом несколько смутило Володю, но, к счастью, вскоре выяснилось, что участковый уехал в город.

Все тем же скрипучим голосом Володя потребовал немедленной выдачи своего ученика, несовершеннолетнего Андрея Бубенцова. Призвав на помощь всю свою эрудицию, он цитировал опешившим сельсоветчикам уголовно-процессуальный кодекс, по которому задержание несовершеннолетнего может применяться лишь в исключительных случаях. В заключение Володя катего-

рически потребовал, чтобы присутствующей здесь гражданке вернули телегу и лошадь.

— Присутствующая здесь гражданка, — образцово нудил Володя, — проживает на территории Ермаковского сельсовета, и вы имеете возможность ее вызвать...

Сельсоветчики растерялись. Но неожиданный удар нанесла Володе кассирша.

— А расписку напишете? — спросила она и с видом превосходства оглянулась на председателя и бухгалтершу: вот, мол, как надо действовать с такими умниками. Говорить-то они мастера, а бумажку подписать кишка тонка.

Володя, как и всякий русский человек, с опаской относился к бумаге, которую надо подписать. Однако не отступать же теперь!

— Разумеется! — Свой уверенный ответ Володя подкрепил соответствующим жестом: протянул руку и нетерпеливо пошевелил пальцами: а ну, где эта бумага? Давайте ее сюда, мне некогда с вами канителиться...

Андрей Бубенцов глядел на него широко распахнутыми ясными глазами. Дебринская Анютка состроила постную мину, чтобы не выдать своей радости. У Володи еще была возможность отказаться, но он решительно извлек из кармана шариковую ручку и погрузился в болото канцелярского стиля: «Настоящим удостоверяю, что мною взят на поруки в Ермаковском сельсовете несовершеннолетний Бубенцов А...» Лихо подписавшись, Володя проставил внизу число и месяц, подумал немного и вывел свой настоящий адрес. Он не собирался скрываться от правосудия.

Вихрь помчал из Ермакова во всю свою стариковскую прыть, словно понимая, что отсюда надо уносить ноги как можно скорее. Дебринская Анютка отбросила хворостину и расхохоталась. Глядя на нее, засмеялся и Володя. Дольше всех крепился державший вожжи Андрей, но наконец и он присоединился к общему веселью.

«Мальчишка наверняка сгорает от любопытства, — думал Володя. — Сейчас начнет стеснительно выпрашивать, кто я такой и почему примчался к нему на выручку...»

Увы!.. Володино аналитическое мышление на этот раз подвело. К Андрею Бубенцову не следовало применять стандартных мерок. Он и не собирался ни о чем расспрашивать своего спасителя. Он просто и есте-

ственно принял Володю в друзья, бесхитростно стал рассказывать, как повстречал в лесу одинокого Вихря, обреченного конюхом на живодерню, как привел коня в Дебрь к трем добрым старухам, вспахал огород и стал называться Хозяином, пахать землю и запасать сено на зиму. Цыган дядя Паша снабдил Андрея мазью от лошадиных болячек и сварил по старинному цыганскому рецепту краску, превратившую Вихря из рыжего с белой отметиной на лбу в гнедого без всяких отметин.

Дядя Паша!... Володя вспомнил, что про дядю Пашу мельком упоминал при первой встрече Костя-Джигит. Обмолвился, что дядя Паша показывал апачам, как цыгане ловят лошадей. «А я пропустил мимо ушей, не расспросил!»

Хорошо знакомый Володе старый цыган с медной лысиной и черно-седой всклокоченной бородищей с давних времен прижился в Путятине, работал в будке под вывеской «Металлоремонт». Володя еще в детстве носил дяде Паше в починку прохудившиеся кастрюли — на новые у него денег не было. А недавно старый цыган мастерски запаял исторический кубринский самовар. Не он ли научил Андрея делать красивые уздечки с бляшками?

— Ага, — сказал Андрей, — дядя Паша и цыганские умеет делать, и с русским узором.

— А еще чему он тебя учил?

— Дядя Паша говорит, на ипподромах, если лошадь стала нервная, непригодная для скачек, ее передают ребятам. Потому что лошади любят детей и стараются быть с ними добрыми. Она побудет с ребятами несколько месяцев, успокоится и опять может участвовать в скачках. Дядя Паша говорит, что и ребятам для улучшения характера полезно ходить за лошадьми.

«Ах ты старый лошадижник!» — с восхищением подумал Володя.

Из дальнейшего рассказа Андрея выяснилось, что ему помогал не только дядя Паша. Мальчишке удивительно везло на добрых людей. Старик из затерянной в лесу деревушки подковал Вихря и надарил Андрею разной упряжи, даже телегу подарил. И книги дал по кузнечному делу, велел учиться ковать. А уж три бабули из Дебри души не чают в Вихорьке.

— Все свои запасы моркови ему скормили, — рассказывал Андрей. — Придется в будущем году побольше вспахать под огороды. Овес обязательно посею.

Телега мягко катилась по заросшей лесной дороге.

— А вы знаете, почему тридцать первого августа день Флора-распрягальника? — спросил Андрей.

— Знаю.— Володя обрадовался, что может поддержать беседу о лошадях.— По старинной легенде, пастухи потеряли табун и обратились за помощью к Флору и Лавру. Те помогли отыскать табун. С тех пор они и считаются покровителями лошадей. На иконах так и рисуют Флора и Лавра с пастухами на лошадях, и внизу табун скачет. Ну а у нас на Руси народный праздник, наверное, связан с окончанием полевых работ. Все убрано, свезено, пора дать отдых верному помощнику...

Андрей благодарно просял.

— И я так думал, что лошади заработали свой праздник.

«Вот тебе и Буба! — Володе вспомнился воображаемый взрыв в химическом кабинете. Как давно это было! — Мог ли я предвидеть, начиная поиск шпиона, выдающего тайны апачей Бесу, что мне удастся не только осуществить оригинальное расследование, но и встретить среди ребят прекрасного мечтателя! Я еду с ним сейчас не в прошлое, не в старую, доживающую свой век деревню. Его мечта абсолютно современна. Реальна! Кто-то из великих сказал, что человеку — каждому! — надо посадить дерево и вырастить сына. Наше время добавило еще одну необходимость: поработать на земле, походить за плугом. И лучше всего в детстве...»

Стой же простотой и бесхитростностью Андрей поведал Володе, что задумал перевестись из двудворичной школы в Ермаково, там есть при школе интернат для учеников из дальних деревень.

— Мне деревенская жизнь больше нравится. Люди друг друга лучше знают. И работа. Кончу школу и пойду работать в колхоз.

— Конюхом! — увлеченно подхватил Володя.

Увы. Он опять ошибся.

— Я пойду по специальности, — объяснил Андрей. — В Ермаковской школе обучают на тракториста. К лошадам меня и так пустят.

Видно было, что мальчишка все обдумал серьезно и обстоятельно.

— Вот только мама и бабушка... — Голос Андрея дрогнул. — Я им еще не говорил. Я бы давно сказал, да

Вихря жалко. Они бы велели вернуть на фабрику. А мне его жалко отдавать. И маму жалко. И бабушку. Они плачут. После каждого родительского собрания. Им в школе наговорят...— Андрей отвернулся в сторону.— Меня в школе и в глаза обзывают: «Дурак, мешком прибитый». Ну и пускай я для них дурак. Уйду в интернат, в Ермаково.

Андрей сел прямо, прищелкнул языком. Вихрь согласно тряхнул гривой, прибавил шагу. Андрей дал ему немного пробежаться и окликнул ласково, негромко:

— Да ладно тебе, не спеши!

И тотчас Вихрь поплелся с прохладцей.

— Слушается! — похвалил Володя.

— Ага,— согласился Андрей.— Понимает.— И добавил упрямо: — Если не отпустят в интернат, все равно у них учиться не буду!

— Я знаю,— осторожно вставил Володя.— Ты недавно ходил в школу за документами, но тебе не выдали.

— Ага,— подтвердил Андрей, совершенно не интересуясь, откуда Володе известно, что он ходил за документами.

— Ты вышел из школы злой и обиженный,— задумчиво продолжал Володя,— и написал карандашом на стенке нового спортивного зала: «Куручкин предатель». Зачем ты это сделал?

Андрей и теперь не удивился, откуда Володя все знает.

— Я решил, что больше в школу не приду. А Куручкин...— Андрей замялся.

— Выдает одному человеку тайны апачей,— подсказал Володя.— А Костя-Джигит подозревает тебя.

— Ага! — Андрей обрадовался тому, что Володя сам произнес неприятные слова.

«У мальчишки удивительно чистая душа! — восхитился Володя.— Он искренен и доверчив. У ограниченных людей это вызывает раздражение. Они не понимают, как можно быть таким доверчивым и непосредственным. И прилепили свое тупоумное объяснение — дурак».

Вихрь почувствовал, что Дебрь уже близко, весело заржал. Дебринская Анютка поддернула кончики белого в горошину платка, завела тонким голосом:

Ай, по бережку конь идет,
По-другому вороной идет.
Сива-гривушкой помахивает,
Золотой уздой побрякивает.

Ну чего же вы? — упрекнула она Володю с Андреем.

Они подтянули так громко, что Вихрь удивленно оглянулся, еще больше развеселив всю компанию.

Дорога сделала поворот, и Володя увидел Фомина с каким-то подростком. Невозможно было отказать себе в удовольствии хоть немного поддеть Фому.

Однако что за юнец его сопровождает? Спутник Фомина произвел на Володю самое невыгодное впечатление. Тусклые глаза, мерзкая ухмылка. Володя огорчился, когда Андрей, поравнявшись с юнцом, дружески поприветствовал его. «А ведь это Бес! — молниеносно определил Володя. — Жаль, что Андрей все-таки знает-ся с этим типом». Оглянувшись, Володя обнаружил, что у юнца, уходящего по лесной дороге на два шага впереди Фомина, руки связаны за спиной. «Ах, вот оно что! Бес пойман. Неужели это произошло в Дебри? Что там делал Бес? — Володя терялся в догадках. — Может быть, в Дебри что-то прояснится...»

Надежды оказались напрасными. Старуха, остававшаяся в деревне одна-одинешенька, до смерти напугалась. Ходят двое, стучат в избы, а у одного — она в щелку подглядела — руки связаны. Не иначе как жулики!

Володя не стал ей объяснять, что жуликам незачем связывать друг другу руки и незачем стучать. Они бы тишком пошарили по избам.

«Но кого же искал Фома в Дебри? Почему водил с собой связанного Беса? Если Фома приходил за Андреем, он бы остановил нас на дороге. Да, загадка...»

Андрей распряг Вихря, угостил распаренным овсом, заботливо приготовленным к их возвращению.

— Иди погуляй! — Мальчишка взял Вихря за холку, повел к воротам, но конь сделал несколько шагов и уперся, дальше не пошел. — Боишься? — ласково спросил Андрей и пояснил Володе: — Видите, как его напугали. Он теперь долго будет всего бояться. У лошадей знаете какая память!

Вихрь понял, о чем говорит Хозяин, положил ему на плечо свою стариковскую костлявую голову. С Хо-

зяином он никого и ничего не боялся, он еще больше поверил в могущество Хозяина, который пришел и забрал его от чужих недобрых людей, привел обратно в деревню, где Вихрь опять будет жить спокойно и делать нужную, правильную работу. Эта спокойная жизнь и правильная работа казались Вихрю теперь еще прекрасней и дороже, как бывает всегда с тем, что утратил, а потом посчастливилось сызнова обрести.

Человека, приехавшего на телеге вместе с Хозяином, Вихрь узнал и терпеливо надеялся, что получит от него посланный хлеб. Так и вышло. Человек пошел в избу и вынес кусок, но не положил, как в прошлый раз, на землю, а протянул Вихрю на раскрытой ладони. Вихрь покосился на Хозяина и деликатно взял хлеб мягкими стариковскими губами.

У Володи комок встал поперек горла. Неужели всему конец? Неужели нельзя оставить все по-прежнему? Ну, пускай бы старухи никуда не уезжали из своей родной деревни! И пускай бы конь, много поработавший на своем веку, доживал тут на покое. И ходил бы к ним из ермаковского сельского интерната Андрей Бубенцов. Три старухи, да конь, да мальчишка. Славная компания!..

— Пойдемте, я вам все покажу.— Андрей повел Володю по деревне, отпирал сараи и скотные дворы, показывал, каким хозяйством успел обзавестись.

В одном месте Володя увидел плуг со сверкающим от недавней работы лемехом, в другом крестьянские сани, подлатанные свежим деревом, с новыми железными полосками на полозьях. Володя понял, что каждую нужную ему вещь Андрей чинил и оставлял там, где она стояла. И при надобности словно бы соседски одалживался и с благодарностью возвращал.

— Сейчас еще покажу! — сказал Андрей с каким-то особенным выражением.

Он долго возился с хитрыми запорами вросшего в землю омшаника. Наконец тяжелая дверь из полуторных досок растворилась, на Володю дохнуло запахом меда и воска. Андрей прошел в омшаник, снял с окошка внутренний ставень. Вечерний розовый свет упал на улы, стоящие вдоль бревенчатой, заново проконопаченной стены. Андрей возился у противоположной стены, снимал и откладывал в сторону доски, мешкови-

ну, какие-то латанные одежды. Из-под хлама появился громадный ларь, в таких когда-то хранили зерно. Андрей поднял массивную крышку и принялся снимать лежащие сверху старые газеты. Сундук оказался доверху наполнен иконами.

— Можно посмотреть? — спросил Володя.

— Только не перепутайте. Там написано, какая из какого дома.

Володя стал бережно вынимать одну икону за другой. Больше всего тут оказалось самых простеньких. Дешевая литография, поверх нее оклад из жести, грубо посеребренной или позолоченной, веночек искусственный цветов — и все это заключено в лакированный застекленный футляр.

Да, не шедевры древней иконописи! Не Рублев и не безвестный русский гений. Ну и что же? Володя внимательно прочитывал надписи на газетной бумаге: «Из дома Печниковой Груни... Из дома Мочаловой Таси...» Видно, старухи диктовали Андрею, что писать. И они подзабыли некоторые фамилии. Володе попались иконы, принадлежавшие какой-то Нюре, у которой «во дворе колодец», «безногому Николаю». Он аккуратно заворачивал бесценные семейные реликвии и вновь наклонился над ларем. Может быть, там сыщутся и старинные доски? Их надо будет попросить у старух на сохранение в музей. И выставить обязательно с надписями: «Из дома такого-то в деревне Дебрь».

— Бабушки просили схоронить от плохих людей, — рассказывал Андрей. — Богатые, на «Жигулях» приехали, сначала хотели купить у бабы Ани все иконы. Баба Аня отказалась. А через день одна икона пропала. Самая дорогая. По пустым домам посмотрели — тоже поворовано, еще две, самых дорогих. Я расспросил, какие люди, какая машина. Ну и нашел, по машине узнал — желтые «Жигули». Туристы. В лесу жили, в палатках. И по деревням шарили. Я того дедушку сразу же предупредил, который Вихря подковал. А сам стал следить за туристами. Не сразу получилось иконы забрать, ходил несколько дней. А когда принес, бабушки решили и все другие иконы в деревне поснимать, спрятать в одном месте. Бабушки ждут, что люди вернутся в деревню. Как людям тогда в глаза глядеть, если жили здесь и не уберегли!

— Это хорошо, что ты помог бабушкам... — Володя запнулся. «Спросить или не спрашивать? Эх, была не

была, спрошу!» И положил руку Андрею на плечо.— Но ведь туристов этих четверо. И собака. Как же ты?

— Ага. Четверо.— Андрей что-то вспомнил, тихо засмеялся.— Я подождал, они ушли. А собака что? Ей можно объяснить.

— Значит, правду говорят, что тебя собаки не трогают?

— Я всех собак не проверял.

Володя вновь склонился над ларем. Небольшой сверток был перевязан с особой тщательностью.

— Самая дорогая? — спросил Володя Андрея.

— Ага.

Володя развязал бечевку, с шорохом слетели на пол газетные листы. Доска небольшого размера была сплошь черна. Володя провел пальцем по обратной стороне, нащупал порожек. Старинная! Приятели Толи не простые жулики. Специалисты. Володя заглянул в ларь и увидел еще два свертка, упакованные с особой тщательностью. Теперь он и не разворачивая мог сказать, что в них.

— Спасибо, Андрей! — произнес Володя торжественно.— Ты спас очень дорогие иконы. И не деньгами меряется их цена. Красотой!

— А я думал, они только для бабушек самые дорогие.

— И для них! И для всех! Ты молодец, Андрей. Я очень рад, что встретил тебя. И знаешь что? Если ты мне доверяешь...— Володя испытующе поглядел на Андрея и дождался его кивка.— Если доверяешь... Отдай мне то ружье, я его отнесу и сдам.

— Ага,— обрадовался Андрей.— И патроны.

«Вот и все. И кончился детектив»,— печально сказал Володя самому себе.

х

— Где он взял патроны? — спросил Налетов.

— Прошлой зимой в Дебри жил охотник. Оставил целую пачку.

— Охотнички,— проворчал Налетов.— Туристики... Упускаем заброшенные деревни. Чуть иконы не прошляпили. Спасибо старику ленинградцу.

— Его предупредил Бубенцов!

— Это тебе Киселев сказал? — Налетов увидел по лицу Фомина, что попал в точку. — Ты правильно делаешь, что опираешься на общественность. Но не очень-то увлекайся. Сегодня твой Киселев дает в сельсовете какую-то безграмотную расписку, посылает Куприянова уничтожить гать. Завтра еще что-нибудь выкинет...

Фомин стиснул зубы и промолчал. А что он мог сказать? «Это не мой Киселев! Возьмите его себе!» Глупо.

— Ты на будущее изучи как следует инструкцию о работе с общественными помощниками. Там сказано: «Помощник не совершает самостоятельных действий». Разъясни своему Киселеву

«Как же! — подумал Фомин. — Ему разъяснишь!» Но оспаривать совет начальства не стал.

Киселев ждал его во флигельке у Нины Васильевны. Они о чем-то беседовали и разом умолкли при появлении Фомина.

— Ну?! — вскричал Володя с Васькиной выразительностью.

— Не понукай, не запрягал! — осадил Фомин своего «общественного помощника». — И учти, Нина такой же работник милиции, как и я. Представитель закона. Действующий согласно правилам и инструкциям. Не смей ее втягивать в свои аферы!

Нина Васильевна покраснела.

— Коля! Как тебе не стыдно! У Владимира Александровича такие замечательные мысли! Мы составим план работы. Владимир Александрович прочтет подросткам лекции о русском коневодстве.

Нина Васильевна поглядела на Володю: «Что же вы? Говорите! Вы скажете лучше меня». Но Володя не раскрыл рта.

— Мы организуем при Доме пионеров кружок, — продолжала она. — И чтобы не только катались. Возьмут шефство над стариками, будут пахать огороды, косить сено, возить дрова. Летом поездки в ночное!.. Купание лошадей в Путье!.. Представляешь, какое удовольствие для мальчишек?

— Представляю. — Фомину было не до восторгов. Он с возрастающим напряжением следил за тем, как Кисель роемся в карманах. Опять какие-то фокусы?

— Возьми, может пригодится... — Володя наконец

извлек из внутреннего кармана пиджака прозрачный пакет, в котором лежал мятый, измызганный конверт.

У Фомина отлегло от сердца. Он догадался, что в этом конверте. Письмо апачам, оставленное в конюшне Лешкой Супруновым и его приятелями. В целях воспитания «общественного помощника» не мешало бы напустить на Киселя. Какое он имел право оставить у себя важную улику! Но уж больно у Киселя жалкий вид.

Фомин взял из Володиных рук злополучное письмо и, не заглянув в него, сунул в папку.

— Давай, Нина... Что у тебя там еще?

— В райкоме комсомола сказали: «Поддержим». Фабком — «за», обещали дать лошадей. И Вихря мы непременно заберем к себе.

Володя скорбно отвернулся. И тут у Фомина лопнуло терпение.

— Ладно тебе! Не вешай носа. И пойми, я не могу хлопотать, чтобы Вихря оставили в деревне. Обязанность милиции — вернуть лошадь владельцу.

— Но неужели нельзя оставить все как есть? — грустно спросил Володя. — Три старухи, конь да мальчишка. Уже деревня не пропала, живет! Коля! Нина Васильевна! Поймите, мои планы работы с подростками не содержат ничего оригинального. Все это способен предложить любой мыслящий человек... А то, что создал Андрей Бубенцов... Вспомните, он живет в Доме Пушкина! Он придумал сказку и создал ее наяву, своими руками. В его сказку я бы позвал всех других ребят. Поймите, на свет родилась новая, самая современная детская игра!

Фомин понял, что ему тут больше делать нечего. Едва он закрыл за собой дверь, Нина Васильевна радостно воскликнула:

— Продолжим, Владимир Александрович! Мы говорили о Мише Курочкине... Мишей займусь я. Мне уже давно казалось, что тайны апачей выдает он. У него какая-то обида на Костю-Джигита.

— Обида на Костю?

Володя молниеносно вспомнил рожи на стенах и заборах у школы. Костя Мусин там изображен дважды. «Каким я оказался недалеким! Надо было сразу догадаться, кто так мстительно нарисовал Костю-Джигита. И ведь я был совсем рядом с разгадкой.

Возвращаясь из школы, я встретил в Двудворицах Ваську и Костю-Джигита, которые упустили Андрея. Я прекрасно помню свою тогдашнюю внезапную мысль, что Костя кого-то крепко обидел. И потом я спросил Костю про Мишу Курочкина, и мне ответил не Костя, а Васька. Я должен был обратить внимание на странную медлительность вождя, на его нежелание говорить о Курочкине. Да, разгадка была рядом, и я ее непростительно прозевал...»

— Я его, конечно, не оправдываю,— сказала Нина Васильевна.— Предательство — это предательство.

— Публилий Сир...— задумчиво начал Володя.— Публилий Сир говорил, что лучше не замечать обиду, чем мстить за нее...

Нина Васильевна хотела было спросить, кто такой Публилий Сир, но постеснялась.

— А Бертольд Ауэрбах...— Володя сделал паузу, и Нина Васильевна успела дать себе слово, что сегодня же пойдет в библиотеку, поищет в энциклопедии и Публилия Сира, и Бертольда Ауэрбаха. Не забыть бы только трудные имена!— Так вот, Бертольд Ауэрбах,— с пафосом произнес Володя,— сформулировал великолепно: «Кто мстит, тот вместе с другими губит и себя».

— И верно!— Нина Васильевна всплеснула руками.— Я так и передам Курочкину! Лучше и не скажешь! Большое вам спасибо, Владимир Александрович, за мудрые советы. А теперь...— Она заглянула в свой календарик.— Надо решить на какое число мы назначим общий сбор всех лошадиников.

— На какое?..— Володя неопределенно пожал плечами: «Не все ли мне равно, на какое». И рассеянно уставился в окно.

Во дворе милиции шла своя жизнь. Въехал запыленный синий фургончик с красной полосой на боку, из него выпрыгнула рослая овчарка, степенно вылез пожилой проводник. А вот стремглав вылетел из дверей Фомин, вскочил на мотоцикл и был таков. Наверное, получил новое задание. Наверяд ли интересное. А это кто? Володя встрепенулся. Через двор, неуверенно оглядываясь по сторонам, шел к флигельку великий сказочник. Володя распахнул окно.

— Андрей! Я давно тебя жду!— И повернулся к Нине Васильевне.— Значит, запишем так. Общий сбор тридцать первого августа. В день, когда крестьянин

по народной традиции давал отдых коню. У Вихря будет в этом году свой праздник! Законный праздник всех рабочих лошадей!

«Крепко проняло Киселя,— размышлял Фомин, мчась на мотоцикле.— Если уж он назвал собственные мысли неоригинальными, то дальше некуда. И мы на этот раз остались без финального рассказа нашего знаменитого путятинского сыщика.

Впрочем, в истории с похищенным ружьем и без финальных разъяснений все понятно. Бубенцов следил за туристами, чтобы улучшить время и забрать иконы. Ночью он обнаружил неподалеку от туристов компанию Лешки Супрунова. Бубенцов отпускает лошадей, берет ружье, возвращается в Дебрь за патронами. Затем он опять у лагеря туристов, они уходят по своим делам, Бубенцов проникает в лагерь. Он умеет обращаться с собаками, поэтому Ральф его не трогает. Бубенцов отыскивает иконы и дырявит выстрелами шины. Возможно, он надеялся привлечь внимание милиции к этим туристам. Мальчишка прекрасно знал, кто они такие. Они через Безина пытались использовать Бубенцова, чтобы выкрасть иконы из дома одинокой старухи. Дом охраняет злоющий пес по кличке Пират, а Безину известно от «шпиона» Миши Курочкина, что на Бубенцова не бросается ни одна собака. Кстати, туристам, когда они обнаружили простреленные шины, сразу стало ясно, на кого не гавкнул золотой медалист Ральф. Они дают нахлобучку Безину, тот посылает Супрунова за Бубенцовым. «В твоих услугах туристы больше не нуждаются, ты дурак, мог легко заработать сто рублей». Безин знал про Вихря и припугнул Бубенцова, что выдаст его тайну. Бубенцов обещал молчать и ушел очень довольный. Наконец от него отстали! А Безину досадно, что уплывают обещанные заграничные шмутки. Он крадет иконы в пустой, как ему кажется, деревне и приносит туристам. Сумка, которую он пытался выбросить, была набита барахлом, полученным за иконы. Туристы, конечно, народ опытный, знали, что на этой примитивной краже можно попасться, но жадность взяла верх. Самый осторожный преступник попадаетеся из-за жадности. И из-за необходимости иметь дело с такими помощниками, как Безин. Толя обратил внимание на этого супермена еще в

первый свой приезд в Путятин. Но сам Толя даже не подозревал о размахе деятельности солидных знакомых двоюродного брата. Думал, что они — жертвы моды на старину, поворовывают для себя. А они сбывали иконы зарубежным туристам. В Москве обрадовались, когда узнали, кто нами пойман с поличным. Мы в Путятине ухватили одну из ниточек крупного дела. Настоящий детективный сюжет, а не какое-то примитивное похищение из провинциального музея всего лишь одной-единственной картины. И я бы мог рассказать свой детектив не хуже Киселя. Но не сейчас. Не стоит его огорчать. Когда-нибудь потом...»

СОДЕРЖАНИЕ

Павлов С.	
«ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ»	3
Медведев Ю.	
КУДА СПЕШИШЬ, МУРАВЕЙ?..	71
Пищенко В., Шабалин М.	
НЛО ИЗ ГРАЧЕВКИ	125
Стрелкова И.	
ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА	219

- Павлов С.**
П12 С. Павлов. «Чердак Вселенной»./Ю. Медведев. Куда спешишь, муравей?/В. Пищенко, М. Шабалин. НЛО из Грачевки./И. Стрелкова. Одна лошадиная сила. Худож. А. Орлов. М., Худож. лит., 1990.— 318 с. (Серия «Роман-газета для юношества». № 10). Загл. обл.: «Чердак Вселенной».

ISBN 5-280-02212-8

В сборник вошли научно-фантастические произведения советских авторов.

П 4702010201-451
028(01)-90 без объявл.

ББК 84Р7

«ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ»

Сборник

Составитель *Ю. Медведев*

Редактор *В. Малюгин*

Иллюстрация *А. Орлова*

Художественный редактор *А. Максимов*

Технический редактор *Н. Кошелева*

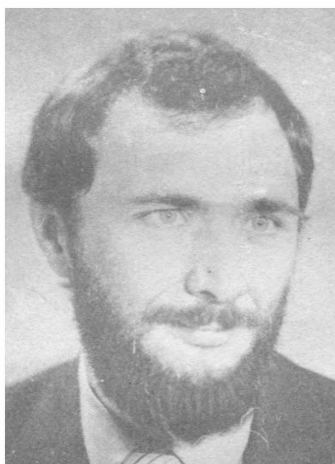
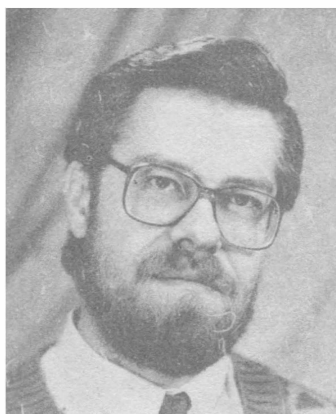
Корректор

ИБ № 6553

Сдано в набор 16.07.90. Подписано в печать 2.11.90. Формат $84 \times 108^{1/16}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 100 000 экз. Заказ № 0-397. Цена 55 к.
Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ ПИЩЕНКО родился в 1952 году в городе Новосибирске. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, аспирантуру. Работал преподавателем вуза, ответственным секретарем журнала «Сибирские огни», был на комсомольской работе. Автор двух книг для детей, очерков и двух книг фантастики. Публиковался в журналах, сборниках.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАБАЛИН родился в 1952 году в городе Новокузнецке. Окончил Челябинский институт механики. Работал преподавателем Новосибирского электротехнического института. Автор рассказов и повестей: «Право на правду», «Ведьмак Антон», «Грибы на асфальте», «И звуки и краски» и др.

ИРИНА СТРЕЛКОВА — прозаик и литературный критик. Ее книги выходили в московских издательствах: «Плот, пять бревнышек», «Снег в мае», «Дальняя река», «Там, за морем, деревня», «Три женщины в осеннем саду», «Танцы в районном городе».

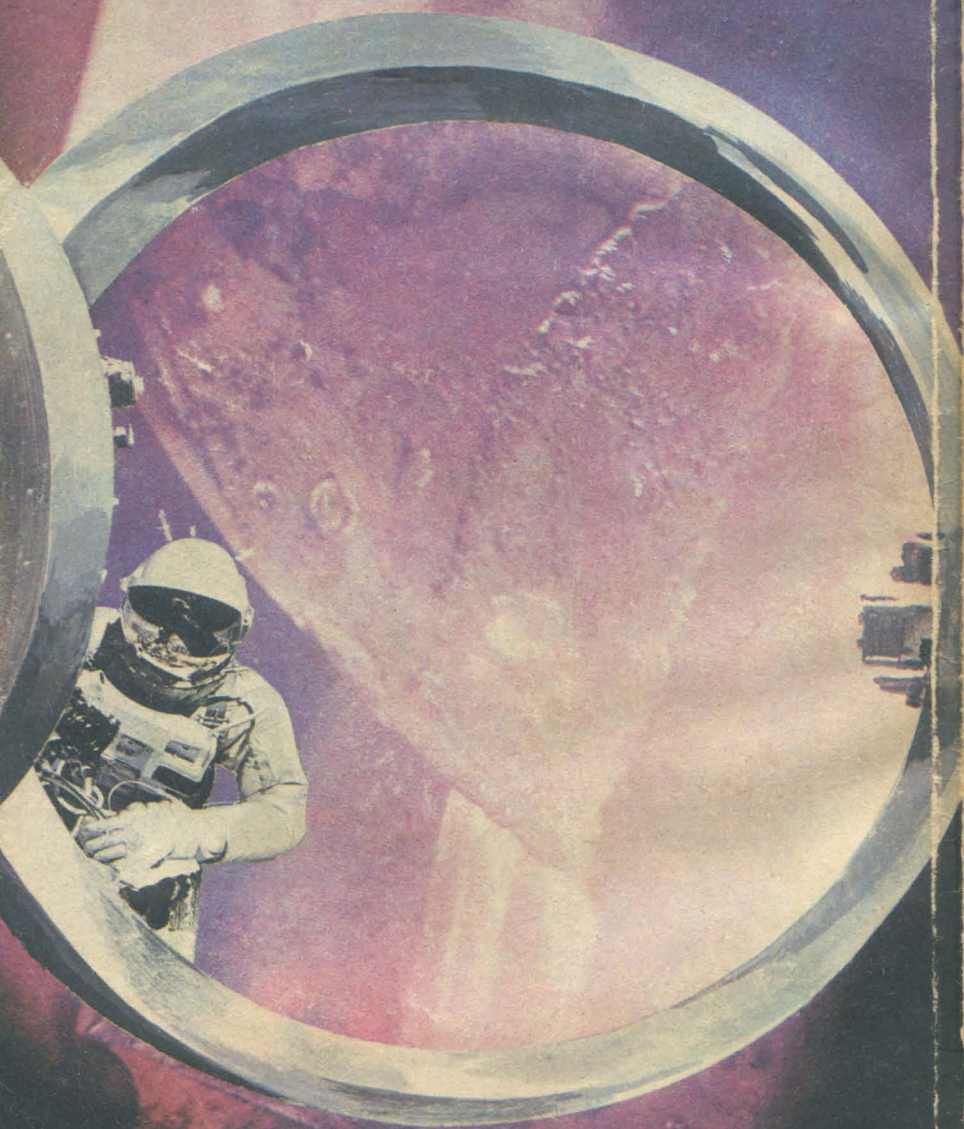
В серии ЖЗЛ издана книга Ирины Стрелковой «Валиханов» — о выдающемся казахском ученом, путешественнике.

Ответственная за выпуск
Ирина ВИТИТНЕВА

55 К.

Р
70

1990

10

COLLECTOR

ИЗДАТЕЛЬСТВО